РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА АЗИАТСКОЙ РОССИИ

HISTORY OF THE COSSACKS OF THE ASIAN RUSSIA

ЕКАТЕРИНБУРГ, 1995

ИСТОРИЯ
КАЗАЧЕСТВА
АЗИАТСКОЙ РОССИИ

В трех томах

Главный редактор
член-корреспондент РАН *В.В.Алексеев*

Главная редакционная коллегия:

д.и.н. *Н.А.Миненко* — зам. главного редактора
к.и.н. *И.В.Побережников* — ученый секретарь
к.и.н. *А.Р.Ивонин*, д.и.н. *В.Ф.Мамонов*,
к.и.н. *Н.И.Никитин*, к.и.н. *О.И.Сергеев*,
д.и.н. *А.Т.Топчий*

ЕКАТЕРИНБУРГ, 1995

ИСТОРИЯ
КАЗАЧЕСТВА
АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Том второй

Вторая половина XIX — начало XX века

Редакционная коллегия тома:

д.и.н. *В.Ф.Мамонов* — ответственный редактор
к.и.н. *А.Л.Худобородов* —ответственный секретарь
д.и.н. *Н.А.Миненко*
к.и.н. *И.В.Побережников*
д.и.н. *А.Т.Топчий*

ЕКАТЕРИНБУРГ, 1995

История казачества Азиатской России. Т.2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. ISBN 5-7691-0540-2, 5-7691-0555-0 (т.2)

Данная книга посвящена истории казачества восточных регионов России (Урала, Сибири, Дальнего Востока) в пореформенный период и в начале XX в., накануне глобальных социальных потрясений. Проанализированы проекты реформ и их реализация в казачьих областях в 60—70-х гг. XIX в., изменение в связи с этим военной организации казачества, системы управления и землепользования. Существенное внимание уделяется роли казачества в защите российских рубежей, участию во внешних войнах России. Книга расскажет также о социально-экономическом положении казачества, его материальной и духовной культуре.

Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук *Д.В.Гаврилов*,
кандидат исторических наук *В.И.Баддин*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда национально-культурного возрождения народов России.

ISBN 5-7691-0540-2
ISBN 5-7691-0555-0 (т.2)

И $\frac{10604—104(95)}{8П6(03)\ 1993}$ ПВ-1995

© Институт истории
и археологии УрО РАН, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга — второй том коллективной монографии "История казачества Азиатской России"[1], подготовленной сотрудниками Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В первом томе, посвященном XVI — первой половине XIX в., проанализированы проблемы зарождения казачества на востоке Российского государства, его становления, превращения в военно-служилое сословие, сыгравшее, в частности, чрезвычайно важную роль в освоении Урала и Сибири.

Во втором томе рассматривается история казачества Азиатской России со второй половины XIX в. до революции 1917 г. Этот период в истории Российского государства принято называть пореформенным. Реформы, начало которым было положено манифестом 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, затронули все классы, социальные группы и сословия Российской империи. Отмена крепостного права и наиболее одиозных его пережитков способствовала ликвидации главных тормозов экономической, социальной и политической жизни России, которые препятствовали успешному социально-экономическому развитию страны. Были отменены, в частности, многие (хотя и не все) сословные привилегии и ограничения, провозглашены и закреплены законами важнейшие гражданские права россиян, позднее значительно расширенные на основе манифеста 17 октября 1905 г. Постепенно утверждались политические права и свободы.

Чрезвычайно важное значение имела также военная реформа, в основе которой лежали идеи создания новой армии, отвечавшей требованиям пореформенной России. Произошел переход от рекрутчины ко всеобщей воинской повинности. Серьезно был сокращен срок службы, больше внимания стало уделяться допризывной подготовке и службе в запасе, что создавало благоприятные предпосылки для формирования в стране действительно массовой армии. Были серьезно расширены возможности получения офицерских чинов разночинцами, в результате чего офицерский корпус значительно обновился и накануне революции 1917 г. более чем наполовину состоял из недворян. Фактически был сделан серьезный шаг в формировании бессословной армии.

Реформы 60—70-х гг. XIX в. оказали серьезное влияние на казачество России: организацию казачьей службы, социальный статус казачества, экономику войсковых и собственно казачьих хозяйств, на культуру казаков. Важнейшие последствия реформ для казачества сводились к следующему.

Во-первых, были предприняты определенные шаги к преодолению или, по крайней мере, ослаблению сословной замкнутости казачества. Целой серией правительственных законов и указов был разрешен, по крайней мере формально, выход из казачьего сословия, а также добровольное вступление в казачество при соблюдении определенных правил.

Во-вторых, хотя и не без некоторых колебаний, правительство пришло к выводу о нецелесообразности упразднения казачьего сословия (предложения такого рода делались, но они были отвергнуты, поскольку это означало бы резкое увеличение расходов на кавалерию). Принимались меры по укреплению благосостояния казачьих войск, улучшению системы управления ими, совершенствованию организации казачьей службы. Именно в пореформенный период были изданы новые положения об Уральском, Сибирском, Оренбургском и других казачьих войсках, новый устав о воинской повинности, положения о военной службе казаков и другие основополагающие документы.

В-третьих, в пореформенный период правительство обратило особое внимание на характер поземельных отношений в казачьих войсках. Его не могло не беспокоить то обстоятельство, что эффективность казачьих хозяйств по сравнению с крестьянскими и особенно с помещичьими была намного ниже. Чтобы повысить заинтересованность казаков в использовании выделяемой им земли, правительство пошло по линии закрепления ее в потомственное пользование за генералами, офицерами и войсковыми чиновниками, причем в достаточно больших количествах. Таким образом, по характеру землепользования казачье офицерство, генералитет и чиновничество фактически сблизились (но не слились полностью) с помещиками и дворянами.

Существенное воздействие на жизнь казачества в пореформенной России оказали также новые общегражданские установления, а не только те, что специально относились к казакам. Например, провозглашенные манифестом 17 октября 1905 г. политические свободы способствовали активизации политической жизни в казачьих войсках. Как и другие граждане Российской империи, казаки весьма активно участвовали в выборах в Государственную думу, вступали в партии, союзы и другие политические объединения. Естественно, что наряду с положительными это имело и свои отрицательные стороны. Политические разногласия и противоречия переносились в военную среду со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Внешняя политика Российского государства также накладывала серьезнейший отпечаток на жизнь казаков. За сравнительно короткий (менее 70 лет) промежуток времени Россия участвовала в четырех крупных войнах: Крымской 1853—1855 гг., русско-турецкой или Балканской 1877—1878 гг., русско-японской 1904—1905 гг. и, наконец, первой мировой 1914—1918 гг. Все четыре войны состоялись фактически на протяжении одного поколения, причем каждая из них привела к серьезным социальным потрясениям в государстве. Поражение в Крымской войне вызвало острейший кризис, выход из которого был найден на пути реформ 60—70-х гг. Балканская война хотя и была успешной, однако показала, что несмотря на осуществленные реформы Россия лишь с большим трудом смогла победить такого сравнительно слабого противника, каким была во второй половине XIX в. Турция. К тому же чисто военный успех в этой войне не удалось в полной мере закрепить дипломатическими средствами. Русско-японская война была проиграна

противнику, которого до того никто всерьез не воспринимал. Это поражение, кроме всего прочего, больно ударило по национальному самолюбию, обострило обстановку в стране, стало одной из причин революции 1905—1907 гг. Наконец, первая мировая война совершенно истощила страну, вплотную подвела ее к революции 1917 г.

Естественно, что тяготы и бедствия этих войн, горечь поражений в них коснулись военно-служилого сословия в первую очередь. Многие коллизии, связанные с отношением казаков к основным событиям 1917—1920 гг., совершенно непонятны без учета этого фактора.

Несколько более успешной в пореформенный период была колониальная политика Российской империи. Во второй половине XIX в. Россия при активнейшем участии астраханского, уральского, оренбургского, сибирского казачьих войск осваивает новые громадные территории в Средней Азии. Среднеазиатские походы были удачны не только в военном отношении. За победами казачьих иррегулярных войск следовало заселение завоеванных районов русскими крестьянами, промышленниками, рабочими. В новых колонизуемых районах роль первопроходцев вновь играли казаки. Не случайно в июле 1867 г., т.е. сразу же после присоединения к России новых территорий, императорским указом было создано Семиреченское казачье войско.

Во многом сходной была ситуация на Дальнем Востоке и в Сибири. Правда, здесь вплоть до столкновения с Японией у России не было сколько-нибудь серьезных противников, как и крупных вооруженных конфликтов. Но громадная по протяженности граница была прикрыта по существу лишь казачьими кордонами. Русские города и селения подвергались нападениям кочевников из Средней Азии и Монголии, а также многочисленных шаек контрабандистов и различного уголовного сброда, фактически безнаказанно орудовавших в приграничных районах. Наконец, русско-японская война показала, что на Дальневосточном театре также необходимо содержать современную боеспособную армию. Все эти причины заставляли правительство принимать меры по увеличению численности и повышению боеспособности казачьих войск на востоке. Во второй половине XIX — начале XX вв. практически завершается процесс формирования казачьих войск Азиатской России. 17 марта 1851 г. было принято постановление об организации Забайкальского казачества, 8 декабря 1858 г. подписан указ о формировании Амурского, 26 июня 1889 г. — Уссурийского казачьего войска. Наконец, 10 июля 1910 г. было утверждено положение об Иркутском и Красноярском казачьих дивизионах, регулировавшее вопросы организации службы казаков Иркутской и Енисейской губерний. Эти документы завершили целостную систему законодательных актов, касавшихся казачества Азиатской России.

Сказанное свидетельствует о том, что рассматриваемый период чрезвычайно важен в истории казачества Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Он не раз был предметом исследований ученых, специально занимавшихся проблемами истории казачества, и тех, кто обращался к ним лишь попутно, в связи с рассмотрением более общих проблем. Историография казачества Азиатской России зародилась уже во второй половине XIX в. Она была казачьей не только по проблематике, но и по составу авторов. Фактически тогда к проблемам развития казачьих войск в пореформенной России обращались не столько историки, сколько офицеры генерального

штаба и казачьего управления, офицеры и чиновники войск Азиатской России, просто любители казачьей старины. Они не столько анализировали, сколько собирали и осуществляли первичную обработку еще совершенно свежего тогда фактического материала. Среди предпринятых до революции изданий надо особо выделить издания-справочники, наиболее квалифицированные из которых были подготовлены Ф.К.Граилиным, В.Х.Казиным, О.Б.Малковым[2]. Научная ценность такого рода изданий была невелика, но они знакомили широкий круг читателей со справочным и статистическим материалом, касавшимся казачьих войск России вообще, Урала и Сибири, в частности.

В пореформенный период было предпринято издание документов, относившихся к различным сторонам жизни казачьих войск. Среди такого рода изданий кроме продолжавшегося вплоть до революции 1917 г. издания "Полного собрания законов Российской империи", надо отметить также "Свод военных постановлений" в шести частях, из которых третья часть была посвящена исключительно казачьим войскам [3]. Важное значение для систематизации правительственных распоряжений и законов имели "Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам"[4], сборник "Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г."[5], "Постановление Особой казачьей комиссии, занимавшейся разработкой казачьих вопросов при главном комитете по устройству и образованию войск в 1880 году"[6], "Свод проектов положения об общественном управлении станиц казачьих войск, представленных начальствами сих войск"[7] и само "Положение об общественном управлении станиц казачьих войск: с законодательными мотивами и разъяснениями"[8]. В этот же период было издано большое число правительственных документов, относившихся к отдельным войскам, в том числе к Уральскому, Оренбургскому, Сибирскому, Забайкальскому и др.[9] Такого рода издания, служившие преимущественно для самых утилитарных целей — работы органов управления казачьими войсками, в то же время создавали необходимый запас исходного материала для исследователей правительственной политики по отношению к казачеству.

Наряду со сборниками документов и материалов появляются и первые исследования, посвященные казачьим войскам в целом. Наибольший интерес в этом смысле представляет работа полковника генерального штаба Хорошхина "Казачьи войска: опыт военно-статистического описания"[10], "Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи"[11], подготовленный департаментом военных поселений и содержащий ценнейший материал о состоянии казачьих войск накануне реформ. Уже в начале XX в. был издан ценнейший по своему фактическому материалу "Статистический обзор современного положения казачьих войск"[12].

Наряду с общими работами, посвященными казачьим войскам страны в пореформенный период, следует отметить также целый ряд исследований, освещающих различные стороны жизни и деятельности казачьих войск, особенно их военную службу, участие в Балканской и русско-японской войне, в покорении Средней Азии и в первой мировой войне[13]. Надо отметить, однако, что если исследования, составленные на материалах участия казаков в Балканской и русско-японской войнах, выполнены на серьезном уровне, по крайней мере с точки зрения военного анализа событий, то появившиеся в дореволюционный период работы, посвященные участию ка-

заков в первой мировой войне, носили преимущественно характер пропагандистских изданий, не столько ставивших перед собой цель проанализировать реально происходившие события, сколько рассказать в чисто лубочных традициях "о героических подвигах молодцов-казаков в мировой войне". Это естественно: для серьезного научного анализа тогда еще время не пришло.

Надо сказать, однако, что при том колоссальном внимании, которое уделялось военной деятельности казачьих войск, появлялись работы, исследовавшие хозяйственные процессы, казачью культуру[14]. Наконец, довольно серьезное внимание исследователи обращали на развитие народного образования в казачьих войсках.

Особенно большой интерес по обилию собранного фактического материала представляют вышедшие в начале XX в. издания, посвященные отдельным казачьим войскам Азиатской России. Среди них вновь доминируют различного рода отчетные и справочные издания, сборники статистических сведений и материалы, содержащие анализ оперативных статистических данных. Примером, в частности, являются "Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска"[15], опубликованный в 1913—1916 гг. в 15-ти томах, "Материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачьего войска"[16] и др.

Наряду с изданием первичных материалов были подготовлены исследования, посвященные истории казачьих войск Азиатской России, содержавшие специальные разделы и главы о развитии войск в пореформенный период. Наибольшее число исследований такого рода посвящено, естественно, Оренбургскому казачьему войску — самому крупному по численности среди войск Азиатской России, имевшему к тому же довольно многочисленную казачью интеллигенцию и развитые традиции бережного отношения к своему историческому прошлому. В 1904 г. была опубликована "Историческая записка об оренбургском казачьем войске" П.И.Авдеева, в которой освещались события вплоть до 70-х гг. XIX в. Написанная на основе богатейшего материала, значительная часть которого была позднее, к сожалению, утрачена, эта записка представляет собой серьезное исследование. П.И.Авдеев, анализируя современное ему состояние дел, не ограничился перечнем заслуг оренбургских казаков перед Отечеством. Он попытался разобраться в противоречиях, присущих казачьему сословию, указал на реальные сложности, с которыми оно сталкивалось в пореформенный период[17].

В самый канун первой мировой войны был издан "Краткий исторический очерк оренбургского казачьего войска", написанный Н.И.Алексеевой[18]. При всей его краткости (немногим более 30 страниц) очерк содержит определенный фактический материал, относящийся к зарождению и развитию Оренбургского войска, в том числе и в пореформенный период.

В конце XIX в. развертывается деятельность одного из лучших знатоков истории Оренбургского казачества Ф.М.Старикова. В его работах основное внимание уделено, правда, событиям, связанным с зарождением казачества на Урале, формированием Оренбургского казачьего войска. При всем том книги Старикова содержат довольно значительный фактический материал, относящийся к вопросам, связанным с организацией обороны пограничной с киргиз-кайсацкой степью линии[19]. Ф.М.Стариков в связи с посещением Оренбурга тогдашним наследником престола и атаманом казачьих войск России, будущим императором Николаем II составил весьма любопытный

историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с довольно подробным описанием тех населенных пунктов, которые посетил при своем путешествии наследник престола. Хотя содержащиеся в нем сведения носят подчас случайный характер, они дают в целом довольно интересный и нигде больше не встречающийся фактический материал относительно службы, быта, промыслов, состояния культуры в станицах Оренбургского казачьего войска в 1891 г.

Весьма активно разрабатывалась история Уральского казачьего войска. Выходит, в частности, двухтомное исследование, написанное коренным уральским казаком Н.Бородиным "Уральское казачье войско: Статистическое описание"[20]. Н.Бородин, уделяя значительное внимание истории Уральского войска, сделал все-таки основной акцент на описании состояния войскового хозяйства, службы, быта уральских казаков в конце XIX в. Н.Бородин был также автором ряда работ, посвященных конкретным вопросам хозяйственной жизни, промыслам. Из этих работ, пожалуй, наибольший интерес представляет очерк "Уральские казаки и их рыболовство"[21].

Вышло в свет несколько последних по времени написания работ И.И.Железнова, чрезвычайно интересных по обилию приведенного этнографического материала[22], а также книги А.Б.Карпова, посвященные уральской старине [23]. Из исследований, относящихся к истории Уральского казачьего войска, следует назвать также работу А.Н.Рябинина, интересную по обилию статистического материала, относящегося к 50 — началу 60-х гг. XIX в. [24]. Появляются исследования, посвященные отдельным войсковым частям и подразделениям. Из работ этого типа наибольший интерес представляет вышедшая в 1898 г. книга Н.П.Мартынова "Исторический очерк столетия Лейб-гвардии Уральской казачьей сотни"[25].

Чрезвычайно активно велось исследование истории казачьих войск, сложившихся в Сибири и на Дальнем Востоке. Из историков Сибирского казачьего войска особенно интересен Г.Е.Катанаев, предпринявший любопытную и во многом не потерявшую значение до наших дней попытку проанализировать роль Сибирского казачества в завоевании и освоении Россией Сибири и Средней Азии[26]. Работы Г.Е.Катанаева, к сожалению, не были полностью завершены. Однако и то, что он успел сделать по сбору, первичному обобщению фактического материала, делает его исследования и сегодня интересными для историков.

В пореформенный период выходят работы Ф.Н.Усова, В.А.Остафьева, Н.Г.Путинцева, посвященные анализу поземельных отношений в Сибирском казачьем войске, состоянию войскового хозяйства, содержащие значительный статистический материал[27]. Н.А.Симонов, А.П.Тарыкин и ряд других историков исследовали вопросы об истории отдельных воинских частей Сибирского войска, участии сибирских казаков в обороне российских рубежей и в завоевании Средней Азии[28].

Уже в предреволюционный период появляются первые исследования, посвященные Забайкальскому[29], Амурскому[30], Уссурийскому[31] и Семиреченскому[32] казачьим войскам, незадолго перед этим организованным. Эти работы не претендовали на исследование всего комплекса вопросов истории названных войск в пореформенный период. В них речь шла преимущественно лишь о самой предварительной разработке проблем, связанных с историей и деятельностью только что организованных на востоке страны казачьих войск. Надо отметить, однако, что исследователи опирались пре-

имущественно на документы текущих архивов, в большинстве своем позднее утерянные. Это делает названные работы чрезвычайно ценным источником при изучении истории казачества во второй половине XIX — начале XX вв.

Своего рода итогом разработки вопросов, связанных с историей казачества, стал подготовленный офицерами генштаба капитальный труд "Столетие Военного министерства", одиннадцатый том которого (в 4 частях) полностью посвящен казачеству[33]. Следует отметить также, что несмотря на относительную слабость содержащегося в этой работе исторического очерка, по существу являющегося скорее не исследовательским, а компилятивным, в том, что касалось состояния казачьих войск России в начале XX в., эта работа не имела по существу аналогов. Со знанием дела подобран богатейший статистический материал, относящийся к истории казачества России в пореформенный период.

Подводя итог анализа литературы, посвященной начальному этапу разработки истории казачьих войск Азиатской России в пореформенный период, можно сделать вывод о том, что именно тогда исследования велись наиболее интенсивно и с довольно значительными результатами. Именно тогда был впервые введен в научный оборот громадный по объему и чрезвычайно ценный в научном отношении фактический материал, который даже сегодня не утратил своего значения. Вместе с тем следует отметить, что исследования проводились преимущественно непрофессиональными историками, поэтому собранный богатейший фактический материал не был в должной мере проанализирован, обобщен, систематизирован.

К сожалению, после революции 1917 г. и особенно после окончания гражданской войны, в ходе которой выступившее против Советской власти белое казачество было разгромлено, а казачьи войска как таковые ликвидированы (как ликвидировано и вообще казачье сословие), исследования по истории казачества были резко сокращены. Утвердившаяся Советская власть считала, что казачий вопрос решен, поскольку само казачество упразднено. Правда, к пореформенному периоду истории казачества исследователи обращались в связи с рассмотрением различных проблем: история осуществления военной реформы в России, русско-турецкой, русско-японской и первой мировой войн, революции 1905—1907 гг., а также событий 1917 г. Но об истории казачества речь шла лишь попутно. Имевшиеся замечания носили более или менее случайный характер, так же, как и подбор фактического материала, касавшегося истории казачества.

Надо отметить также, что к истории казачества часто и охотно обращались историки революции 1917 г. Обосновывая "объективную неизбежность" революции, они в той или иной мере стремились показать нарастание кризисных явлений в стране вообще и на территории казачьих войск, в частности. Г.Л.Воскобойников, Д.К.Приленский, А.П.Ермолин, Л.И.Футорянский, Н.А.Хвостов и ряд других ученых под этим углом зрения детально исследовали поземельные отношения в казачьих войсках Азиатской России, протекавшие среди казаков накануне революции, процессы имущественной и социальной дифференциации, наконец, положение "трудовых казаков" в условиях первой мировой войны. Анализ этих явлений должен был подводить читателя неизбежно к выводу о том, что прослеживавшиеся в пореформенный период в казачьих войсках процессы реально подготовили

участие "трудового казачества" в революции и гражданской войне на стороне Советской власти.

Ряд интересных работ по истории отдельных войск востока России вышел в свет в советский период. Из них особый интерес представляют книги М.Д.Машина, посвященные оренбургскому и уральскому казачьим войскам[35]. Оставаясь в целом в рамках доминировавших в советское время в работах о казачестве концепций, М.Д.Машин сумел в то же время собрать и обобщить весьма значительный фактический материал, относящийся к истории казачества Оренбуржья накануне революции. Причем этот материал, особенно в том, что касалось аграрного вопроса на казачьих территориях, проблем социальной дифференциации среди казаков, во многом противоречил выводам (тоже вполне традиционным для советской историографии), которые ученый так или иначе обязан был сделать.

В послереволюционный период история казачества России разрабатывалась в основном в эмиграции. Выходят мемуары А.И.Деникина, И.Г.Акулинина, Г.В.Енборисова и ряда других деятелей белого движения[36], которые, анализируя события революции и гражданской войны, уделяли известное внимание и тому, что им предшествовало. В частности, А.И.Деникин упоминает в своих мемуарах об участии казаков востока России в первой мировой войне. И.Г.Акулинин и Г.В.Енборисов дают материалы о предыстории революционных событий, причем приводят довольно значительное количество фактов, относящихся к казачьим войскам в предреволюционный период. Эти работы стали доступными не только для рядового российского читателя, но даже для историков лишь совсем недавно.

В эмиграции был подготовлен и издан также трехтомный справочник о российском казачестве[37]. Он не свободен от многих недостатков. Зачастую весьма субъективна точка зрения авторов по рассматриваемым в статьях вопросам. Нередко чувствуется отсутствие в их распоряжении материалов, необходимых для написания полноценных статей — отсюда большое количество пробелов и просто ошибок. Наконец, в справочнике уделено явно недостаточно внимания казачьим войскам востока России. При всем том аналогов этому справочнику до сих пор нет. Его издание в России массовым тиражом расширило представления об истории казачества у широкого круга читателей.

Следует отметить, однако, что при серьезных достоинствах эмигрантской литературе по истории казачества присущи и многие недостатки. Наиболее существенным является ограниченность источниковой базы. Впрочем, это вполне объяснимо, поскольку российские архивы эмигрантам до недавних времен были фактически недоступны.

На рубеже 80—90-х гг. интерес к истории казачества Азиатской России значительно вырос. Довольно широко организовано переиздание дореволюционных работ. Изданы массовым тиражом работы историков-эмигрантов, в том числе и книга А.А.Гордеева "История казаков", претендующая на комплексное исследование вопросов зарождения, развития и уничтожения российского казачества[38].

Наряду с этим появляются новые оригинальные исследования, посвященные как общим вопросам истории казачества России, так и истории отдельных казачьих войск[39]. Издана подготовленная группой ученых Челябинска и Оренбурга "История казачества Урала", в которой с учетом новых данных представлен очерк развития казачьих войск уральского

региона. Необходимо отметить также, что довольно интенсивно ведется изучение истории казачества в государствах, образовавшихся после распада СССР. Сравнительно недавно, например, издана "История казачества Казахстана" М.Ж.Абдирова, посвященная истории Уральского, Оренбургского, Сибирского и Семиреченского войск[40]. Разумеется, что издающиеся в России и за ее пределами работы по истории казачества не свободны от ряда весьма существенных недостатков. Многие из них написаны непрофессиональными историками, что отрицательно сказывается на научном уровне изданий. Нередко в них отражена лишь "политическая злоба дня", заставляющая либо приглаживать и идеализировать подлинную историю казачества, либо изображать казаков прошлого и настоящего преимущественно черными красками. При всем том именно в последние годы в изучении истории казачества достигнут серьезный прогресс. Шире стала источниковая база исследований, свободней ведется дискуссия по самым острым проблемам. Во втором томе "Истории казачества Азиатской России" авторы стремились обобщить достижения в исследовании конкретных проблем истории казачества пореформенной России. В книге использованы материалы центральных и местных архивов, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. Наряду с этим, весьма широко использованы публиковавшиеся ранее документы и материалы, а также работы историков казачества, относящиеся к рассматриваемым проблемам.

* * *

Разделы тома написаны следующими авторами:

Введение — В.Ф.Мамоновым.

Глава 1. 1. — А.Т.Топчием, Т.Н.Саврасовой; 2. — А.Т.Топчием; 3. — А.Т.Топчием, Р.А.Топчием.

Глава 2 — В.Ф.Мамоновым, Г.В.Форстманом.

Глава 3. 1. — Г.Л.Воскобойниковым, В.Ф.Мамоновым (использованы материалы, представленные В.И.Баяндиным, Н.В.Михайловой, В.Г.Семеновым); 2. — Н.С.Сидоренко, Г.В.Форстманом.

Глава 4 — А.Л.Худобородовым.

Глава 5. 1.— Н.А.Миненко (использованы материалы, предоставленные А.И.Коваленко, А.С.Чертковым, А.Л.Худобородовым); 2. — Н.А.Миненко (использованы материалы, предоставленные А.И.Коваленко, А.С.Чертковым); 3. — И.В.Побережниковым (использованы материалы, представленные А.И.Коваленко).

Глава 6 — Г.Л.Воскобойниковым, В.Ф.Мамоновым (использованы материалы, представленные К.Г.Коваленко).

Заключение — В.Ф.Мамоновым.

Иллюстративный материал подобран В.Ф.Мамоновым, И.В.Побережниковым и М.Ю.Нечаевой.

ГЛАВА 1

РЕФОРМЫ 60—70-х гг. XIX в. И КАЗАЧЕСТВО ВОСТОКА РОССИИ

1. Казачьи войска накануне реформ

Середина XIX в. была временем важных перемен в жизни казачества восточных регионов России. На протяжении предшествовавшего полувека правительство приняло ряд мер по увеличению численности казаков на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, повышению боеспособности казачьих войск. В результате списочный состав казаков в Азиатской России увеличился в 2,5 раза. На громадных территориях от берегов Тихого океана до Урала казаки составляли в середине XIX в. около 7% населения. Они проживали компактными группами в приграничных районах, охраняя южные и юго-восточные рубежи империи.

Правительство особенно форсировало рост Оренбургского казачьего войска, размещенного на границе с киргиз-кайсацкой степью, откуда вплоть до середины XIX в. постоянно предпринимались набеги на русские земли Урала и даже Поволжья. В 1840 г. в состав Оренбургского казачьего войска включаются 25 тыс. государственных крестьян Оренбургского уезда, Челябинской и Троицкой волостей, сюда же причисляются 1892 семейства "белопахотных" солдат, входят целые селения башкир и мещеряков.

Перечисление в состав войска значительного количества "иногородних" потребовало преобразования его военной и хозяйственной структур. В декабре 1840 г. было высочайше утверждено новое положение об Оренбургском казачьем войске, завершившее почти 29-летнюю работу по подготовке реорганизации войска. В соответствии с "Положением" Оренбургское казачье войско получило единую территорию и в военно-административном отношении делилось на два военных и 10 территориальных полковых округов. Благодаря значительному увеличению населения Оренбургское казачье войско с 40-х гг. XIX в. стало одним из наиболее крупных войск России и выставляло на внешнюю и внутреннюю службу 20 воинских частей[1]. Военный губернатор получил право зачислять в Оренбургское войско всех жителей податного состояния, а также башкир и киргизов, если это было необходимо и позволяли свободные войсковые земли. Всем, не вошедшим в состав войска, запрещалось проживать на его землях, а уже водворившимся вменялось в обязанность выселиться[2].

В административном отношении, как и в военном, Оренбургское войско было разделено по числу выставляемых на службу полков (10 полковых округов). В обязанности войска вменялось охранять Оренбургскую линию на занимаемом им пространстве и командировать отряды для различных экспедиций в степи "по распоряжению начальства". В 1854 г. было издано положение, по которому предписывалось сформировать в дополнение к существовавшим 10 полкам и конно-артиллерийской бригаде еще 6 пеших батальонов.

В отличие от Оренбургского численность и территория Уральского казачьего войска изменились сравнительно мало. Лишь в 1832 г. в состав войска были включены 762 башкира, кочевавшие до того в Саратовской губернии. В войсковой фонд передали и земли, предназначенные для их кочевий.

Особого внимания правительства требовали "инородческие" казачьи формирования Урала: башкирское, мещерякское, тептярское. С одной стороны, у правительства никогда не было полного доверия к "инородцам", не раз "бунтовавшим" по тем или иным поводам, а в промежутках между "бунтами" нередко объединявшимся с приходившими из киргиз-кайсацкой степи шайками для нападения на русские селения. С другой стороны, уже в первой половине XIX в. наметилось отставание "инородческих" казачьих частей по уровню боевой подготовки. Это было связано конечно же не с недостатком смелости и мужества у башкирских и мещерякских воинов, хорошо зарекомендовавших себя в период войн с Наполеоном, а с почти поголовной неграмотностью башкир, мещеряков, калмыков. Из-за этого почти неразрешимой проблемой стала подготовка национальных офицерских и унтер-офицерских кадров, обучение войск современным приемам ведения боевых действий. Нужны были радикальные меры.

Оренбургский военный губернатор граф П.П.Сухтелен, которому по положению были подчинены казачьи войска Урала, выступил за резкое сокращение инородческих военных формирований. Он предложил правительству план, согласно которому предполагалось составить из 5 мещерякских кантонов один регулярный казачий полк; башкир и мещеряков, живших вблизи Оренбургского и Уральского войск, причислить к этим войскам. Остальных же башкир и мещеряков (т.е. подавляющее большинство) обратить в казенных крестьян, что автоматически означало обложение их налогами. П.П.Сухтелен предвидел, что здесь могут возникнуть серьезные затруднения. Поэтому он настаивал на том, что проводить эти меры надо постепенно и осторожно.

Выработанный военным губернатором план обсуждался в двух специально образованных для этого секретных комитетах. Он был в основном одобрен. Однако при его осуществлении в 1835 г. правительство столкнулось с противодействием местного "инородческого" населения, не желавшего перевода в податное сословие. К тому же среди башкир и мещеряков распространился слух о том, что их собираются принудительно крестить. Начались массовые волнения, переросшие в ряде случаев в открытое неповиновение властям. Волнения подавили силой. Зачинщиков арестовали и предали суду. Жителей мещерякских и башкирских кантонов разделили на служащих и неслужащих, обложили денежным сбором. Наряду с этим был серьезно уменьшен наряд на военную службу.

Во время Крымской войны призыв башкир и мещеряков в армию увеличился вновь. Было сформировано даже четыре конных башкирских полка. Но после окончания войны линия на сокращение башкирских и мещерякских казачьих частей возобновляется. Войско получает наименование Башкирского. В 1865 г. его передают в ведение Министерства внутренних дел. На базе войска формируют в 70-е гг. всего один конный полк (сначала только эскадрон). Но в 1882 г. расформировывается и этот полк. Вместо него было решено создавать во время войны Башкирскую конную милицию[3].

Аналогичные меры были приняты в отношении проживавших на территории Южного Урала тептярей. Два тептярских полка в 1835 г. были переформированы в один казачий полк под названием 1-й Оренбургский. В 1841 г. он был переименован в Уфимский, а в 1845 г. упразднен. В 1855 г. тептярей присоединили к Башкиро-Мещерякскому войску и в дальнейшем они разделили его судьбу.

Весьма радикальное решение было принято относительно Ставропольского казачьего калмыцкого войска. Оно было сформировано в середине XVIII в. из крещеных калмыков и сыграло существенную роль в обороне юго-восточных границ России, участвовало во многих войнах, которые вела империя. Но в первой половине XIX в. войско переживало трудные времена. Оно было сильно удалено от главного центра местного управления — Оренбурга. Правительственный надзор за войском был самый поверхностный. В результате хозяйственная жизнь войска была поставлена слабо. Никакие увещевания о необходимости развивать земледелие не действовали. Калмыки вели кочевой образ жизни. Многие из них, формально крещеные, втайне исповедовали язычество. Жизненный уровень и грамотность населения были низкими, смертность — чрезвычайно высокой. Численность войска поэтому сокращалась, составив в 1830 г. лишь 3,6 тыс. чел. В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско было упразднено. Калмыков переселили на территорию Оренбургского войска, включили в его состав. Прежние же земли Ставропольского калмыцкого войска как принадлежавшие казне были переданы министерству государственных имуществ[4].

Во многом сходные реформы осуществлялись в казачьих войсках Сибири и Дальнего Востока. В состав Сибирского войска были переданы государственные крестьяне 42 деревень с общим населением 14 тыс. душ. В войско включили также "штрафованных" казаков из Малороссии. В результате к концу 1859 г. численность войска достигла 48 тыс. душ мужского пола (для сравнения — в 1825 г. было менее 8 тыс.). Рост, как видим, значительный. Надо, однако, иметь в виду, что охраняемая войском территория составляла 2 тыс. верст.

На войско возлагались (по Положению от 5 декабря 1846 г.) обязанности: 1) охранять сибирскую пограничную линию на всем протяжении войсковой территории; 2) содержать таможенную стражу на границе киргизской степи; 3) охранять "приказы" (управления внешних округов) от набегов киргизов и выполнять различные полицейские обязанности; 4) содержать в степи посты и пикеты; 5) составлять летние резервы; 6) высылать отряды на Томские золотые прииски; 7) комплектовать местные жандармские команды; 8) выходить на службу по назначению[5].

Серьезное внимание правительство обращало на состояние российско-китайской пограничной линии и положение казаков, охранявших ее. Проблемы здесь были во многом схожи с уральскими. Во-первых, казаков не

хватало вообще для охраны громадной по своей протяженности границы. Во-вторых, здесь также была довольно низкой боеготовность "инородческих" частей — в данном случае бурятских. Генерал-губернаторы Восточной Сибири (сначала С.Б.Броневский, а затем сменивший его на этом посту В.Я.Руперт) высказались за полное упразднение инородческих бурятских полков, с обращением бурят в податное (ясачное) население. В 1841 г. Руперт представил правительству проект положения о пограничном казачьем линейном войске Восточной Сибири. Суть проекта заключалась в том, чтобы расформировать бурятские казачьи полки, освободить бурят от военной службы, обложив их взамен ясаком. Одновременно предлагалось сформировать три русских казачьих полка, издержки на содержание которых частично покрывались бы ясаком с бурят.

Однако существовала и другая точка зрения. Статский советник Н.И.Любимов, командированный Николаем I в Пекин, представил по возвращении на имя императора служебную записку. Подчеркивая необходимость укрепления российско-китайской границы, он в то же время отмечал, что обложение бурят ясаком и освобождение от пограничной службы не соответствует их желаниям. В то же время, по мнению Н.И.Любимова, имелись реальные возможности для устройства из бурят значительного по численности и достаточно подготовленного иррегулярного войска, способного надежно охранять границу и необременительного для казны.

Командированный в 1845 г. в Сибирь для выяснения истинного положения дел сенатор И.Н.Толстой поддержал мнение Н.И.Любимова. Одновременно крайне настойчиво ходатайствовал перед правительством об увеличении военных сил, особенно казачьих войск в регионе назначенный генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н.Муравьев. Он вполне резонно указывал на то, что общая численность казаков здесь, составившая в 1850 г. всего 3843 чел. (в том числе 2434 бурят и 1409 русских), явно недостаточна для охраны границы[6].

В конечном счете правительство поддержало планы создания на китайской границе нового казачьего войска с обязательным привлечением в его состав инородческого населения. 17 марта 1851 г. было принято решение об образовании Забайкальского казачьего войска. Утвержденное императором Николаем I положение о Забайкальском казачьем войске предусматривало создание в его составе 3 конных (по 2 полка) и 3 пеших (по 4 батальона) бригад. В конных бригадах было 21125 чел. В первую и во вторую конные бригады вошли 1805 казаков бывшего Харацайского отделения, 5617 — бывшего Цурухайтуевского пограничного отделения, 1667 — бывшего тунгусского полка, 280 — станичных казаков Верхнеудинского округа, 332 — Нерчинского, 53 чел. из бурятских полков, всего 11314 чел. Третья бригада, 9811 чел., была составлена исключительно из бывших бурятских полков. В пешие батальоны было зачислено 30336 чел., из них приписанных к Нерчинским горным заводам крестьян 28992, станичных казаков Нерчинского округа 482, казаков бывшего Забайкальского городового полка 741 и бывшего Цурухайтуского пограничного отделения 121 чел.

Забайкальское войско было разделено на 6 полковых и 12 батальонных округов. В состав военной территории были обращены: 1) земли пограничных казаков; 2) свободные казенные земли пограничной линии; 3) земли Забайкальского городового полка и станиц казаков Верхнеудинского округа; 4) тунгусского и бурятского полков; 5) казенные оброчные статьи в черте

военных земель; 6) земли в пользовании крестьян, приписанных к Нерчинским горным заводам, и станичных казаков Нерчинского округа, за исключением земель, занятых заводами, рудниками, золотыми промыслами, а также заселенных рабочими, и лесов, необходимых для заводов; 7) земли других крестьян, подлежащих зачислению в войско.

В обязанности конных полков Забайкальского войска входило: 1) охрана границы с Китаем, содержание на ней караулов и разъездов; 2) преследование контрабанды; 3) преследование и поимка беглых; 4) внутренняя служба по Забайкальскому краю: на этапах, содержание караулов в городах, на заводах, на золотых промыслах и т.д.; 5) исполнение службы по распоряжению начальства вне пределов Забайкальского войска. На пешие батальоны возлагались те же обязанности, кроме собственно пограничной службы.

Потребность в усилении военных сил в Сибири, вызванная постепенным продвижением русских в киргизскую степь и на р.Амур, обратила внимание правительства и на сибирских городовых казаков, находившихся в ведении гражданского начальства. В 1837 г. в них числилось мужского населения: в Тобольском — 1169 чел., в Томском — 733, Сибирском татарском — 884, Енисейском — 1063, Забайкальском — 923, Якутском — 773, всего около 7000, не считая отдельных команд. Но их положение было весьма неудовлетворительным в военном отношении: малообразованные офицеры, плохое вооружение. Размещались команды на большом пространстве, что затрудняло управление ими[7].

Однако реорганизация была проведена лишь в отношении Тобольского, Сибирско-Татарского, Иркутского и Енисейского полков, переданных в военное ведомство, а также Забайкальского, включенного в состав Забайкальского казачьего войска. Томский же и Якутский полки с принадлежащими к ним городскими казачьими командами остались в гражданском управлении на прежних основаниях. Существенных изменений в их устройстве при Николае I не произошло. Из Тобольского и Сибирско-Татарского полков в 1849 г. были образованы Тобольский пеший казачий батальон и Тобольский казачий конный полк, в состав которого вошли казаки Сибирско-Татарского полка. В пеший батальон поступили казаки тобольского городового полка и Пелымской станицы; нижние чины Сибирского линейного первого батальона и инвалидных команд Тобольской, Тюменской и Туринской; бессрочноотпускные нижние чины Тобольских, Тюменских и Туринских округов; отставные нижние чины, поселившиеся в Тобольске, Тюмени и Туринске. Как полк, так и батальон предназначались преимущественно для отбывания местной полицейской и караульной службы.

Преобразование Иркутского и Енисейского городовых полков последовало в 1851 г. Из казаков Иркутского городового полка, станичных казаков, проживавших в Иркутском и Нижнеудинском округах и в Тунке, и из казаков Тункинского отделения китайской пограничной линии был сформирован шестисотенный Иркутский конный полк; из казаков Енисейского городового полка и станичных казаков Саянской и Абаканской — такого же состава Енисейский казачий конный полк. Для усиления полков в их состав было включено до 30 местных поселений государственных крестьян вместе с проживавшими в них отставными солдатами. На полки возлагалось отправление пограничной службы в Тункинском отделении пограничной линии и в Енисейской губернии, содержание караулов и разъездов в городах и

около заводов, конвоирование арестантов и казенных транспортов, поимка беглых и другие обязанности полицейского характера[8].

Наряду с формированием войсковых территорий в дореформенный период идет процесс усовершенствования структур высшего и местного управления войсками. Еще в 1832 г. был поднят вопрос о подчинении казаков военному министерству как высшему органу власти. В руках военного министра была сосредоточена исполнительная власть, а Военному Совету принадлежала законодательная и хозяйственная. Военный Совет состоял из высших военных чинов под председательством военного министра с непосредственным подчинением императору. Казачьи формирования были отнесены к департаменту военных поселений с введением в 1835 г. специального отделения иррегулярных войск. С 1836 по 1840 гг. управление казаками окончательно подчиняется военному министерству с одновременным расширением штата отделения иррегулярных войск (до 4 столов), где и была сосредоточена гражданская и военная власть. В 1850 г. отделение иррегулярных войск было разделено на два: инспекторское и хозяйственное. Расходы на жалованье служащим были отнесены в равных долях на войсковые капиталы Донского, Черноморского, Кавказского линейного, Астраханского, Оренбургского, Уральского и Башкиро-Мещерякского казачьих войск. В 1850 г. была также учреждена должность вице-директора по делам казачьих и иррегулярных войск, а в 1851 г. штаб инспекторского отделения дополнился учреждением еще одного отдела. Для наблюдения за бытом и потребностями казачьих войск указом от 6 апреля 1850 г. в общее присутствие Департамента Военных поселений по делам хозяйственным и законодательным были введены делегаты от войск по одному от Донского, Черноморского и Кавказского линейного и от Оренбургского и Уральского войск. Они выбирались главными местными начальниками из подполковников и полковников и должны были знать делопроизводство, быт войска и быть из казачьего сословия. Эта мера, сначала временная (на 3 года), с 10 марта 1853 г. стала постоянной. Сроки работы представителей от войск уже не регламентировались[9].

В общем же сущность военных преобразований при Николае I заключалась в распределении отраслей военного управления (военного, хозяйственного, судебного) между различными военными учреждениями, а также в обособлении военного управления от общегубернского и областного. Эти реформы были проведены не во всех казачьих войсках.

В Оренбургском казачьем войске в 1831 г. при войсковой канцелярии был учрежден военный суд. Положением 1840 г. об Оренбургском войске была введена организация управления по типу Донского войска. Управление выводилось из ведения губернских властей. Гражданская и военная власть отдавалась наказному атаману, действовавшему по части военной через войсковое дежурство и комиссию военного суда, по гражданской части — через войсковое правление. Войсковому правлению были предоставлены права губернского правления. Кроме того, в его состав входили войсковой казначей, войсковой контролер, войсковой прокурор и войсковая врачебная управа.

Были учреждены должности окружных начальников и полковых командиров. При окружных начальниках состояли окружные дежурства, а в полковых округах — полковые правления, в которых соединялись обязанности окружных правлений государственного имущества, уездных судов, полицейских управлений и уездных казначейств. Низшую исполнительскую

инстанцию представляли станичные правления, состоявшие из станичных начальников и станичных судей и подчинявшиеся полковым правлениям. Впоследствии штат военного управления был пополнен учреждением должностей обер-аудитора войскового дежурства, войскового архитектора, землемера и т.д.[10].

Уральское войско сохранило при Николае I организацию управления, установленную еще положением 1803 г., с некоторыми дополнениями, наиболее важными из которых были учреждение при войсковой канцелярии военного суда, введение при войсковой канцелярии особого комплекта штаб-офицеров для назначения их на должности полковых командиров и их помощников, членов войсковой канцелярии и др., назначение в войсковую канцелярию архитектора и бухгалтера.

Должности наказных атаманов во всех казачьих войсках при Николае I стали замещаться лицами невойскового сословия.

Главное местное управление Сибирским линейным войском и образованными из городовых казаков Тобольским пешим казачьим батальоном и Тобольским конным казачьим полком оставалось в ведении командира отдельного Сибирского корпуса (он же был и генерал-губернатором Западной Сибири), при штабе которого в 1839 г. было учреждено особое казачье отделение[11].

С изданием положения о Сибирском войске в 1846 г. управление в войске разделялось на главное и местное. Главное управление осуществлялось командиром отдельного Сибирского корпуса, а местное управление составляли войсковой наказной атаман, объединявший в своем лице гражданскую и военную власть и подчинявшийся непосредственно командиру корпуса; войсковое дежурство, состоявшее из дежурного штаб-офицера, старшего адъютанта, обер-аудитора и войскового директора и разделявшееся на 3 части: инспекторскую, военно-судную и медицинскую; войсковое правление; четыре бригадных управления, возглавляемые бригадными командирами; полковые управления; станичные правления.

Полковые управления, состоявшие из полковых командиров и канцелярских чиновников и учрежденные в каждом из 9 полковых округов (а с 1850 г. 10 полковых округов), занимались как военными, так и хозяйственными и полицейскими делами округа. По строевой части они подчинялись бригадным командирам, а по хозяйственной и полицейской — непосредственно войсковому правлению. Станичные правления, состоявшие из назначавшихся атаманом станичных начальников, а также из писарей и станичных фельдшеров, являлись низшей исполнительной инстанцией и подчинялись полковым управлениям.

По военно-уголовным делам казаки должны были судиться в военно-судных комиссиях при Сибирских линейных батальонах, решения которых представлялись на рассмотрение (утверждение) войскового наказного атамана. Тяжелые преступления по гражданской части разбирались на общих основаниях в присутственных местах Тобольской и Томской губерний. Менее важные дела разрешались полицейским порядком полковыми командирами[12].

Местное управление Тобольского пешего казачьего батальона и Тобольского конного казачьего полка составляли в батальоне — батальонный командир, ротные командиры и станичные начальники; в полку — полковые командиры, конные командиры, станичные начальники.

Управление в Забайкальском казачьем войске, как и в других войсках, также делилось на главное и местное. Главное управление войском, в также Иркутским и Енисейским полками, находилось в руках генерал-губернатора Восточной Сибири, который исполнял обязанности командира отдельного корпуса. Местное управление войска составляли войсковой наказной атаман, управлявший войском на правах начальника дивизии и губернатора; войсковое дежурство; войсковое правление; бригадные, сотенные и батальонные управления.

Низшую инстанцию войскового управления составляли в конных полках сотенные, в пеших — батальонные правления, соответствовавшие станичным правлениям других казачьих войск. Каждое правление состояло из председателя (сотенного или батальонного командира) и двух судей, избиравшихся сотнями или батальонами из лиц войскового сословия и утверждавшихся в звании войсковым атаманом.

Местное управление Иркутского и Енисейского казачьих полков составляли бригадный командир, полковые командиры, сотенные и станичные правления.

Томский и Якутский городовые казачьи полки с причислявшимися к ним командами находились в гражданском ведомстве.

Изданные при Николае I положения о казачьих войсках заключали в себе и правила пользования казаков различными земельными угодьями. Дальнейшее развитие эти правила получили в так называемых положениях о размежевании земель казачьих войск, которые представляли собой подробный наказ межевым комиссиям, учреждавшимся для фактического распределения войсковых земель. Задача межевых комиссий состояла в определении на месте поземельных довольствий, отводе их в законном порядке как в общинное, так и в частное владение и в установлении границ. Земля, не вошедшая в общинное или частное (наделы войсковых офицеров и чиновников) владение, составляла войсковой запас для будущих потребностей войска.

Земельные наделы станицы определялись количеством числившихся в ней ко времени межевания душ мужского пола, по 30 дес. удобной земли на душу и 99 дес. на каждый церковный причт. Фактически надел мог быть больше или меньше, в зависимости от местоположения и количества земли. Земля, отмежеванная в состав станичных юртов со всеми угодьями и водами, признавалась неприкосновенной собственностью общества казаков станицы, никакая ее часть не могла отходить в чью-либо собственность. По обычаю владеть и пользоваться ею станичные жители должны были общественно. Для порядка в пользовании земельным довольствием станица обязывалась отвести одну часть земли для пашни, другую — для сенокосов, а также два отдельных участка под пастбища (для скота и рабочих лошадей, для конских табунов и гулевого скота). Пахотные и сенокосные земли распределялись на паи, раздававшиеся казакам в пользование. На получение паев имели право все служащие и отставные чиновники, урядники и казаки. Малолетки получали паи, когда начинали исполнять станичные повинности. Вдовам отводилось по 1/2 пая, с 3 детьми — пай, с 4 и более — 2 пая; сиротам мужского пола — пай, женского — 1/2 пая. Усадьбы, мельницы, заводы и т.п., расположенные на станичных землях, были собственностью их владельцев, но занятая ими земля считалась станичной собственностью. В частные владения земли отдавались по чинам: обер-офицеры получали по

200 дес., штаб-офицеры — 400 дес., генералы — 1500 дес. Это были пожизненные владения.

Оставшиеся земли составляли войсковой запас для отвода дополнительных наделов имеющимся станицам и для образования новых. Войсковые запасные земли могли сдаваться в аренду сроком до 20 лет, на этот счет были установлены особые правила.

Правила распределения и отвода земель, порядок действий по размежеванию, порядок утверждения планов и межевых книг, отчетность и ответственность межевых комиссий были определены положением о размежевании земель войска Донского, изданным в 1835 г. За исключением Уральского войска, в котором земли находились в нераздельном общинном пользовании, что определялось обычаем, во всех остальных казачьих войсках был установлен с некоторыми изменениями тот же порядок землевладения, что и в Донском войске.

Лица, отказавшиеся от пожизненного участка, получали усиленное паевое довольствие. В станичных юртах отводилось обер-офицерам по 2 пая, штаб-офицерам по 4 пая, генералам по 6 паев. Чиновники, пользовавшиеся землей на общем станичном праве, во всех войсках, кроме Донского, Астраханского, Оренбургского и Уральского, получали пожизненно в назначенной им пропорции 2/3 пахотной и сенокосной земли, а 1/3 оставалась в общественном пользовании для пастьбы их скота.

Межевые комиссии или партии при Николае I были учреждены в Черноморском, Кавказском линейном, Сибирском линейном и Забайкальском войсках. В остальных же войсках эта мера была осуществлена уже в царствование Александра II.

Порядок распределения земель Сибирского линейного войска был установлен положением о временной межевой партии этого войска, изданным в 1850 г. Согласно положению, наделение землями войска и внутреннее их распределение было возложено на войсковое правление при участии чиновников от определенных ведомств (в Тобольской губернии — от казенной палаты, в Томской — от Алтайского горного правления) и подчиненную войсковому правлению временную межевую партию[13].

Правила размежевания земель Забайкальского войска были определены утвержденной 24 мая 1854 г. "Инструкцией для руководства при производстве съемок и размежевании земель Забайкальского войска". Производство геодезических работ инструкцией было возложено на состоявшую при генерал-губернаторе Восточной Сибири часть генерального штаба.

Организация военных капиталов принадлежала к числу наиболее важных мер, предпринятых Николаем I по благоустройству казачьих войск. Своеобразные потребности вызвали необходимость образования и особых источников для удовлетворения этих потребностей. Войсковые капиталы существовали уже при Александре I, но не во всех казачьих войсках; общая сумма их составляла к началу царствования Николая I 452801 руб. серебром. Главными источниками войсковых доходов служили казенное жалованье некоторым войскам, доходы от продажи вина, от войсковых оброчных статей, сборы с иногородних лиц за торговлю в войсковых пределах, сборы с войсковых весов и др. Почти все эти источники сохранились при Николае I; был присоединен также ряд других. Войсковые капиталы значительно увеличились, составив на 1 января 1856 г. 13080481 руб.[14]

В большинстве казачьих войск принадлежавшие им денежные средства распределялись по предметам назначения на несколько отдельных капиталов. Например, в Уральском войске — на войсковой, лесной, провиантский, конского завода, на устройство девичьего училища, на жалованье войску. В Оренбургском войске — на войсковой, военный и пенсионный; в Сибирском — на общий экономический, ремонтный, фуражный, строительный, почтовый, вспомогательный, по винному откупу и т.д.

В 1842 г. все войсковые капиталы определено было считать "войсковой казенной собственностью", т.е. собственностью казачьих войск, как особых правительственных учреждений. Контроль за войсковыми доходами и расходами осуществляло военное министерство. Оно же утверждало войсковые сметы.

Главными расходами, удовлетворявшимися за счет войсковых средств, были содержание чинов войскового управления, а также управления казачьими войсками в военном министерстве и при главных местных начальниках (на местах); содержание разных команд внутри войска; жалованье офицерам, состоявшим на внешней службе; содержание войсковых учебных, врачебных и благотворительных учреждений, почт и дорог; выдача пособий на снаряжение, назначение пенсий; содержание и ремонт войсковых зданий, содержание артиллерийских лошадей и т.д.

Из числа мер по внутреннему благоустройству казачьих войск можно также отметить изданные в 1851 г. правила об устройстве станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках. Составление планов новых станиц возлагалось на инженерных чиновников, заведовавших в казачьих войсках строительной частью. Планы наиболее значительных станиц утверждались царем, а прочие — главным местным начальством[15].

Из всех отраслей сельского хозяйства наибольшее внимание правительство уделяло коневодству, т.к. военную службу казаки отбывали преимущественно в конном строю. В Сибирском войске конский завод был учрежден в 1824 г., в Уральском и Оренбургском — в 1831 г., в Башкиро-Мещерякском — в 1836 г. Заводы оказались неэффективными, отчасти вследствие неблагоприятных условий (холодных зим, неурожаев, падежа скота и др.), и к началу 1840-х гг. почти все они были закрыты. В 1848 г. военное министерство предложило главным начальникам казачьих войск представить свои соображения об улучшении коневодства. Большинство высказалось за невозможность устройства войсковых конских заводов из-за недостатка войсковых средств. В 1850 г. было учреждено положение об учреждении случных конюшен в Оренбургском, Уральском и Башкиро-Мещерякском казачьих войсках, в Сибирском и Забайкальском войсках это мероприятие было отложено до того времени, когда появятся достаточные войсковые средства.

Почти во всех казачьих войсках были учреждены общества торговых казаков, право торговли в войсковых пределах было предоставлено и лицам невойскового сословия с установлением различных сборов в войсковые средства. Наиболее крупная торговля велась в Уральском, Кавказском линейном, Донском, Черноморском и Сибирском линейном войсках. В Сибирском линейном войске была также войсковая суконная фабрика и войсковой кожевенный завод[16].

2. Подготовка проектов преобразований

Правительство, начав подготовку реформы 1861 г. для крестьянского населения России, вынуждено было поставить вопрос и о распространении части ее положений на казачество. Перед высшим казачьим чиновничеством была сформулирована задача "вывести казачье население из настоящего ненормального положения... развить эти поселения в гражданском отношении"[1]. В то же время правительство пыталось сохранить для себя в казаках прочную опору, укрепив в процессе реформирования их экономическое положение, сохранив, по возможности, сословную замкнутость казачества и неприкосновенность его территорий. В силу своей двойственности задача эта требовала выработки специальных программ и методов осуществления реформы.

Пути достижения поставленных правительством целей обсуждались в условиях разногласий между комитетами и чиновниками, представлявшими казачьи организации. Наличие различных точек зрения сдерживало разработку законов о реформе. Подготовка реформы казачьих войск Урала и Сибири благодаря воинской унификации была тесно связана с общероссийским законодательством. Но это не исключало учета особенностей, свойственных только названным казачьим формированиям.

Первые временные комитеты для подготовки положений реформы непосредственно в казачьих войсках страны были учреждены императорским указом 18 октября 1859 г. Он распространился на все войска Урала и Сибири. На комитеты возлагалась обязанность в течение двух лет, "сообразуясь с местными условиями", подготовить проекты реформ для казачьего населения[2]. С организацией комитетов можно связать первый этап подготовки реформы казачьих войск. Решение двойственной задачи — сохранить и укрепить военную, сословную организацию казаков и в то же время предоставить им гражданские права — плохо укладывалось в головах чиновников войсковых комитетов. В большинстве случаев войсковое начальство предпочитало сохранять существовавшее положение. Это было одной из главных причин того, что трижды назначавшийся директивно "окончательный срок" представления проектов Военным министерством так и не был выдержан местными войсковыми комитетами.

За подготовкой проектов застало казачьих реформаторов положение 19 февраля 1861 г., ликвидировавшее крепостное право в России. 13 марта правительством был издан закон "О Сибирском казачьем войске". Он явился своеобразной инструкцией, указывавшей на направление реформ казачьих войск восточных регионов России. Закон, закрепляя основные принципы предполагаемой реформы Сибирского казачьего войска, а вместе с ним и других казачьих войск Сибири, устанавливал срок окончательной подготовки основных проектов реформы для местных комитетов — январь 1863 г. Срочность подготовки реформы для Сибирского войска объяснялась тем, что одной из главных задач этого закона была отмена принудительного труда казаков на войсковых фабриках и заводах. Статья 15 указывала: "Резервные казаки освобождаются от обязательного труда на войсковых и хозяйственных предприятиях" Отмена принудительного труда казаков и ссыльных на фабриках войска поставила вопрос и о дальнейшем существовании этих предприятий. Одновременно казна лик-

видирует дотации казакам на снаряжение и экипировку. Законом 13 марта 1861 г. эти обязанности перекладываются на плечи самих казаков. Для того, чтобы стимулировать экономическое развитие казачьих хозяйств, закон давал льготу казакам, освобождая их на 3—4 года от воинской службы "для занятия домашним хозяйством"[3].

Частично подвергалась изменению и структура казачьих организаций. Отдельные казачьи подразделения (Тобольский пеший батальон, Татарский конный полк, Томский городовой полк и т.д.) были изъяты из ведения гражданских властей и переводились в распоряжение местного войскового начальства. Это было направлено на дальнейшую централизацию управления и укрепление войсковой организации, определялся войсковой штат (12 конных и 3 пеших батальона и одна конно-артиллерийская бригада). В связи с этим в названии войска опускался титул "линейное" и оно получало название "Сибирское казачье войско" Закон подчеркивал также необходимость разработки условий для разделения военной, гражданской и судебной властей; предполагал замену единоначалия в полковых подразделениях коллегиальным управлением, а также переход от назначения на должности чиновников в местные административные органы к принципам выборности, ранее существовавшим в казачьих войсках центра страны и Урала. В этой связи в качестве предварительной меры закон вводит в состав полковых и станичных управлений особых заседателей "по выбору казаков". При главном управлении Западной Сибири учреждается "особое казачье отделение" с подчинением генерал-губернатору[4]. Этими преобразованиями подводился итог первого этапа подготовки реформы для казачьих войск.

Положение 13 марта 1861 г. по сути дела давало ориентировку для дальнейших действий созданным войсковым комитетам всей группы Урало-Сибирских войск. Работа в комитетах, однако, шла медленно. Не надеясь на местные комитеты, затянувшие подготовку проекта, правительство 18 октября 1865 г. учреждает "Особый временный комитет для пересмотра казачьих законоположений". Временный комитет стал одним из звеньев в системе сословных органов, созданных правительством для контроля "сверху" за работой местных комитетов по выработке направлений реформы. С организацией временного комитета фактически начинается второй период подготовки реформы для казачьих войск, который практически затянулся до 90-х гг. XIX в. К 1865 г. практически ни от одного из войсковых комитетов, в частности Урало-Сибирских войск, в министерство не поступило ни одного проекта.

Одной из важнейших целей временного комитета, учрежденного при Главном управлении иррегулярных войск, была окончательная доработка проектов казачьих положений в случае их поступления от местных комитетов. Согласно "временным правилам", утвержденным в том же 1865 г., комитет должен был работать под председательством начальника Главного управления иррегулярных войск "из членов" общего присутствия правления, которое формировалось из главных чиновников, командируемых от каждого казачьего войска. Донское войско должно было командировать трех представителей, Уральское, Оренбургское, Сибирское и Забайкальское — по одному. Важнейшим условием назначения этих чиновников, впоследствии названных "депутатами", было хорошее знание "казачьего быта" и способность к письменным занятиям, что не

всегда соблюдалось. От Забайкальского войска в комитет был командирован представитель "неказачьего сословия", Амурское войско не было представлено вообще. При комитете учреждалась канцелярия, содержание служащих которой обошлось войсковой казне в 1865 г. в 5400 руб. В целом же эти расходы, включая и содержание депутатов, к 1869 г. вырастают до внушительной суммы — 260000 руб.

Члены комитета были представлены в ноябре 1865 г. царю, который в своей речи изложил правительственную программу реформы. Он, в частности, сказал: "Вы собраны для того, чтобы с вашей помощью разъяснить истинные наши нужды и пользы. Нынешние положения о казачьих войсках устарели и во многом требуют пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска , оказавшие столько незабвенных услуг Отечеству, сохранили и на будущее свое воинское назначение, твердо надеюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажут себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я вместе с тем желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их назначение было сколь возможно согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благоустройства. Казачье население, отбывая по-прежнему свою военную обязанность, может и должно в то же время пользоваться общими для всех частей империи благами гражданского благоустройства. К этой главной цели должны клониться ваши труды. И мне приятно будет видеть, если вы достигнете ея"[5]. Характерной особенностью этого периода было то, что правительство, отобрав инициативу у местных комитетов и ограничившись полумерами (распространением на казачьи войска законов о войске Донском и Сибирском), уже не очень спешило с подготовкой основных проектов реформы. Военное министерство дало знать Главному комитету в январе 1865 г., что "составление проектов о казачьем войске может состояться еще не скоро..."[6]. Вместе с тем правительство не могло оставить эти полумеры в качестве основы реформы, особенно для казачьих территорий европейской части страны. Введение буржуазных реформ для гражданского населения центра страны дало толчок интенсивному росту производительных сил. При фактическом уничтожении сословных перегородок среди гражданского населения все еще продолжавшаяся строгая консервация их в отношении казачества становилась анахронизмом. Уйти от решения злободневных вопросов, которые ставило развитие новых экономических отношений в стране, практически было невозможно. Отсюда и вытекало содержание задач, предложенных военным министром Временному комитету в виде программы для будущих преобразований. Она предполагала пересмотреть действующее законодательство в казачьих войсках с точки зрения приспособления его к новым условиям. Методы действий в этом отношении заранее оговаривались программой и состояли в том, чтобы новые законы обязательно были втиснуты в рамки уже действующих положений о войсках[7].

Задачи, определяемые программой военного министерства, включали довольно актуальные вопросы жизни казачьих войск. Они сводились к попытке выяснить, насколько возможна замена существовавшей поголовной воинской повинности людьми "охочими". Это, в свою очередь, связывалось с такой проблемой, как право свободного выхода и зачисления в казачье сословие. Местные комитеты должны были высказать свои соображения о возможности введения в войсках "личной поземельной собственности, на-

ряду с общественным юртовым владением"[8]. Решение этого вопроса связывалось с попыткой насаждения крупных землевладельцев в лице казачьих чиновников.

Одной из задач подготовки программы была координация деятельности местных войсковых комитетов, в которых было замечено "совершенное разнообразие во взглядах". Войсковые комитеты обязывались не отступая от существовавших законоположений о казачьих войсках дать предложения временному комитету, "насколько можно уравнять казаков с прочим населением в государстве". Согласно программе, "формы применения к казачьим войскам всех преобразований и улучшений, которые последуют в законодательном государстве", должны были вырабатываться применительно "к условиям быта" каждого войска. Но вместе с тем войсковым комитетам категорически запрещалось проявлять собственную инициативу и "вводить те начала гражданского быта, которые в государстве еще не приняты"[9].

Таким образом, в содержании наказов программы военного министерства отчетливо прослеживается та двойная задача, которая прозвучала и в речи царя, — сохранить структуру сословной организации, обозначенную и закрепленную положениями о войсках, выработанными до реформы, и приспособить эту организацию к новым условиям. Однако пункты программы военного министерства, ставившие задачу замены обязательной воинской повинности вольным призывом, явно расходились с общими намерениями правительства усилить военную организацию казаков[10].

Для большего сосредоточения в своих руках процесса подготовки реформы для казачьих войск правительство проводит реорганизацию "Временного комитета". Комитет подчиняется начальнику Главного управления иррегулярных войск. Принимается своеобразная система подготовки реформы. Перечень вопросов обсуждался и принимался членами комитета по частям. Отсюда наличие множества законов по тем или иным разделам жизни казачьего населения, а также сравнительно продолжительный срок, разделявший их подготовку от введения в действие. Так, к примеру, вопрос о выходе казаков из своего сословия был поставлен на обсуждение в 1861 г., а закон был принят только в 1868 г. К этому же году были представлены и проекты от большинства местных войсковых комитетов. В 1866 г. сокращается срок службы с 30 до 22 лет (15 лет строевой и 7 лет внутренней). В 1868 г. рассматривался вопрос о разрешении "иногородним" селиться в войсках и приобретать собственность. В 1869 г. ликвидируется обязательная служба для казачьего чиновничества и дискутируется проблема выхода из сословия рядовых и землеустройства. В 1870 г. вырабатывается положение об общественном управлении в войсках. Начиная с 1870 по 1872 г. вводится новая система воинской повинности в Забайкальском, Сибирском войсках и на Кавказе.

Серьезной причиной задержки реформы было непонимание местным войсковым начальством ее необходимости. Местные комитеты, отстаивая старую феодально-сословную машину управления, упорно держались за грубые феодальные методы, сопротивляясь политике уступок. Необходимо отметить, что и само правительство дифференцировало методы реформирования и количество нововведений, сохраняя то, что можно было сохранить. Так, понимая необходимость унификации реформы для всех казачьих войск, Главный комитет в то же время считал, что для казачьих войск Си-

бири можно исключить общие правила, по которым шла подготовка реформы для европейских районов страны. По мнению комитета, "они (казачьи войска Сибири. — А.Т.) ни в коей степени не могли быть подведены под условия, при которых сложились обстоятельства на Дону"[11].

Сталкиваясь с консерватизмом войсковых комитетов, правительство все же считалось с ними и особенно с войсковым начальством, служившим ему оплотом на местах. В то же время идти на слом некоторых традиционных сословных устоев в казачьих войсках, за которые держалась казачья верхушка, правительство заставляла "сила экономического развития", действовавшая в целом по стране.

К числу особо острых дискуссионных проблем относилось открытие границ казачьих территорий для лиц неказачьего сословия и право их на приобретение там недвижимой собственности, а также разрешение на свободный выход из казачьего сословия, что зависело от размеров земельных фондов, находившихся в распоряжении войсковых управлений. Закрыв доступ на территорию казачьего войска и разрешив выход из него, казачья администрация надеялась таким образом ликвидировать недовольство рядового казачества. Подобная мера была чисто фискальной и шла вразрез с интересами экономического развития края. Неприемлема она была и для сибирских местных комитетов, но уже по своим мотивам. Войсковые комитеты Уральских и Сибирских казачьих войск не испытывали недостатка в земельном фонде и видели главную цель реформы в укреплении войска и его сословных традиций. Проект войскового комитета Сибирского казачьего войска (включавший около 900 статей), повинуясь программе военного министерства, допускал право выхода из казачьего сословия только после прохождения обязательного срока службы казаком и "без членов семьи мужского пола" (ст.36, 46)[12]. Существенным ограничением было и то, что выход из войска должен был допускаться только с разрешения атамана и без права на земельный надел.

В отличие, например, от Донского проект Сибирского войска допускал право на зачисление в войско чиновников и офицеров, а также нижних чинов и лиц различных сословий при условии, если существовала возможность наделения землей.

Проекты Забайкальского и Амурского казачьих войск допускали выход из казачьего сословия тех лиц, которые окончили курс высших учебных заведений по специальностям, "не нужным войску", а также сирот из казаков, взятых на воспитание вне войска. Одновременно под запретом оставался и перевод казачьих офицеров в регулярные войска[13].

Нетрудно заметить, что различие в проектах не разрушало главного — сословной замкнутости войска. Выход из сословия значительно ограничивался в Оренбургском и Уральском войсках. А в Донском и ряде других войск Европейской России их территории оставались закрытыми для переселенцев.

Указанные проблемы тесно смыкались с важнейшими для реформы в политическом и экономическом смысле вопросами о введении права на частную земельную собственность на войсковых территориях. Допускали продажу "земли и строений" без ограничения проекты Амурского и Астраханского казачьих войск. Проект Сибирского казачьего войска предусматривал возможность приобретения земель в собственность на территории войска лишь "под фабрики и заводы". В Забайкальском это право ограничивалось условием, "если земля останется свободной от войсковых

надобностей"[14]. В силу своеобразия общинного владения землей в Уральском казачьем войске общие положения реформы здесь были не всегда приемлемы.

По вопросу о введении частной собственности на землю и о землеустройстве казаков не было единого мнения не только среди местных войсковых комитетов, но и в Главном комитете. Примечателен тот факт, что в комитетах (в частности Сибирского казачьего войска) не возникло сомнений по поводу того, что земля должна остаться в собственности войска и государства, а наделы могли быть предоставлены лишь на правах пользования. Здесь дискуссия между членами войскового комитета и депутатским офицерским собранием, обсуждавшим местный проект, развернулась лишь по поводу того, что комитет допускал в своем проекте право частной собственности на землю только для офицеров. Депутатское собрание отрицало эту идею, считая, что такое положение может привести к разрушению и уничтожению сословного общинного землепользования. Передача участков в собственность офицерам, по мнению депутатского собрания, привела бы к сокращению основного земельного фонда. Огромные участки земель через руки офицеров могли перейти и к лицам неказачьего сословия. Но один из главных доводов депутатского собрания сводился к опасению, что предоставление права "односторонней собственности офицерам может вызвать ропот со стороны казаков"[15]. Введение частной собственности на землю, "как необходимое условие для развития промышленности" на территории войска, по мнению депутатского собрания, можно было с успехом заменить долгосрочной арендой (от 12 до 99 лет), поставив сроки ее в зависимость от типа предприятия[16].

Общие выводы главного комитета по обсуждаемым вопросам носили компромиссный характер. Собственно, под тезисом о применении положения "в соответствии с местными условиями" войсковые комитеты получали то, что хотели. Главный комитет, разъясняя свои позиции по поводу права выхода казаков из своего сословия, признал необходимым "предоставить казакам беспрепятственное перечисление в другие сословия на том же основании, как это дозволяется вообще городским и сельским обывателям". И в то же время, успокаивая противников такого решения, члены комитета выразили уверенность, что те "преимущества, которыми пользуется казачье население (размер надела, освобождение от платежа податей и т.д. — А.Т.), не дают оснований для опасения, что многие воспользовались бы разрешением свободного выхода из казачьего сословия"[17]. Однако, не надеясь полностью на это, комитет не исключал и всех тех ограничений, которые предлагались местными войсковыми комитетами. Это привело к тому, что право выхода из своего сословия рядовые казаки могли получить только по окончании войсковой службы или полной непригодности к ней и только с разрешения начальства. Принятые ограничения фактически сводили на нет формулировку о "беспрепятственности" права выхода, объявленную законом 29 августа 1868 г. Заявив о выходе из своего сословия, рядовые казаки не могли порвать с ним навсегда, так как их сыновья должны были оставаться в войске и подлежали призыву на службу. К тому же они лишались и главного источника существования — земельного надела. Начальство не давало разрешения на выход казака из сословия по окончании службы, если за ним числилась какая-то недоимка и т.п.

Подготовка проектов закона о поземельном устройстве, как и проектов реформы местного административного управления в войсках, была ориентирована на приспособление к тем изменениям на казачьих территориях, которые должны были произойти в связи с открытием их границ для лиц неказачьего сословия.

Первым из продолживших реформу казачьих войск был закон 21 апреля 1869 г. "О поземельном устройстве в казачьих войсках"[18]. Взамен ранее действовавших постановлений закон делил земельный фонд войсковых территорий на три разряда: земли, предназначаемые для отвода станичным обществам, казачьим офицерам и войсковому фонду. С введением закона предполагалось отделить войсковые и офицерские земли от казачьих наделов и выяснить размеры войскового фонда земель, предназначавшегося для сдачи в аренду в случае наплыва переселенцев, что должно было давать определенную статью доходов в войсковую казну. Закон не отменял ранее существовавшую систему пользования казаками землей за службу. Была сохранена собственность на землю государства и войсковой казны как распорядителя казачьих земель. В этом законе нашли отражение также замыслы реформаторов, выражавшиеся в попытке создать крупное землевладение казачьих чиновников, противопоставив его казачьим наделам — паям. Закон значительно сужал право покупки земли в собственность лицам неказачьего сословия, распространяя его только на "дома и различного рода строения". А пользовавшиеся землей лица неказачьего сословия должны были вносить "посаженную плату", которая и являлась выражением того, что земля оставалась в собственности войсковой казны и государства.

Одним из центральных вопросов, занимавших подготовительные комитеты, был вопрос о воинской повинности. Предложения местных войсковых комитетов, в частности и урало-сибирских, по этому вопросу также не отличались единством взглядов.

Застойность экономики казачьих хозяйств, с одной стороны, и тяжесть воинской повинности, с другой, обусловили постановку вопроса о нормировании штатов войск с целью стимулирования войсковых жителей (освобожденных от воинской повинности) для занятия ремеслом и домашним хозяйством. В этой связи обращают на себя внимание проекты, внесенные Западно-Сибирским генерал-губернатором в 1867 г.

Временное положение 13 марта 1861 г., переложившее материальные издержки по приобретению снаряжения и обмундирования с казны на плечи казаков, уже давало свои отрицательные результаты и фактически сводило на нет льготы, предоставленные казакам в несении воинской повинности. Низкая цена за землю, крайне ограниченные сроки льгот, все еще тяжелые условия отбывания воинской повинности, отрывавшей на длительный период рабочие руки от хозяйства — все это не обеспечивало хотя бы равновесия между доходами казака от индивидуального хозяйства и тем уровнем материальных и физических затрат, которые шли на исполнение повинности[19].

Слабость экономики казачьих территорий заставила западно-сибирскую администрацию отказаться от предложений Главного комитета применить к управлению войском положения "О земских, уездных и губернских учреждениях" по образцу Донского войска. В качестве контрмеры генерал-губернатор Западной Сибири выдвигает проект, направленный на сокращение количественного состава войска. Он предлагает полностью

упразднить Сибирскую казачью линию, что дало бы возможность, по его мнению, поселить казаков на свободных землях и исключить "столкновение интересов" местного населения и казаков по вопросам землепользования. Одновременно должно было сократиться и количество служащих казаков с 12 до 4 полков. Из войска также должны были быть отчислены 12 тыс. крестьян, недавно причисленных к нему и не успевших еще "потерять навыков к земледельческому труду". Согласно проекту генерал-губернатора, призыв на воинскую службу должен быть разовым и сроком на 5 лет. Главной целью этого, по словам генерал-губернатора, было вывести Сибирское войско из сложившегося в экономическом отношении "ненормального положения" и "устранить причины, препятствовавшие развитию материального благосостояния этого сословия, пользующегося льготами без всякой пользы для себя" Существенно изменилось и положение Оренбургского казачьего войска. Оренбургская пограничная застава утратила свое былое военное назначение. Это привело к сокращению нарядов казаков. По линии от Орска до Березовского поселка часть пикетов и форпостов, в том числе и крепость Оренбург, упразднили совсем[20].

Против ограничения численности войскового состава выступал военный губернатор Забайкальской области М.С.Корсаков. На запрос военного министра 29 марта 1868 г. определить норму наряда, а также сумму, которая будет взыскиваться за освобождение от службы, М.С.Корсаков ответил, "что не следовало определять число выставляемых частей, а нужно было пояснить в положении, что число полков не уменьшается, но что полки находятся на льготе, как бы в резерве"[21]. Не соглашался М.С.Корсаков и на введение жеребьевого порядка отбывания казаками воинской повинности, настаивая на обязательном призыве всех казаков. Он считал, что лучшим законом воинской повинности оставалось Положение 1851 г. Устранение разногласий между военным ведомством и местной администрацией по этому вопросу длилось до 1870 г. Положение о воинской повинности в Забайкальском войске увидело свет только в 1878 г.

Опираясь на проекты местных войсковых комитетов Военный совет 24 мая 1867 г. утверждает общие направления разработки условий отбывания казаками воинской повинности. Для каждого войска фиксировалась норма казаков, отбывавших воинскую повинность. Сохранялось и деление службы на внутреннюю и строевую. "Неслужилому классу" (казакам, не попадавшим в призыв) давалась также возможность пользоваться земельным наделом (30 дес. на душу), но с условием внесения особого денежного оброка. Идя навстречу зажиточной части казачества инструкция допускала замену лиц, попадавших под призыв. В инструкции нашло место и закрепление ранее подававшихся предложений о возвращении в войско сыновей (при достижении 19-летнего возраста) тех казаков, которые решили выйти из казачьего сословия. Сокращались общие сроки службы с 30 до 22 лет. Но оставалась прежней система несения службы за пользование земельным наделом "с воды, с травы". Денежная повинность с лиц неслужилого состава была для войсковой казны своеобразным стратегическим источником доходов, компенсировавшим прекратившиеся ассигнования государственной казны на содержание разросшегося в ходе реформы военно-бюрократического аппарата управления и различных расходов по войску.

Стремление предельно повысить цену оброка за освобождение от службы ярко иллюстрируется техникой его вычисления, принятой в казачьем Сибирском войске. Относительно низкая цена арендной платы за землю войскового фонда делала оброк с неслужилых казаков первостепенным источником дохода. Заботясь только о доходах войсковой казны и не принимая в расчет экономическое положение рядового казачества, местный войсковой комитет Сибирского казачьего войска устанавливал для неслужилых казаков сумму оброка в размере 10 руб. в год с души. Она складывалась из 6 руб., которые должен был платить казак за пользование войсковой землей, и 4 руб. — за освобождение от войсковой службы. По проекту комитета взнос этого оброка для казаков должен был быть пожизненным. Но даже самый поверхностный анализ состояния земледелия в казачьих войсках и соотношения доходности их наделов и оброка вынудил Главный комитет не согласиться с расчетами местного войскового комитета.

По данным отчетов Сибирского войска в 1866 г. видно, что за сданные в аренду 80,915 дес. земли в шестом полковом округе войсковая казна получила только 50 руб. 71 коп. В 1869 г. за 144850 дес., сдаваемых в аренду, вырученная сумма составила 2747 руб. 45 коп. Исходя из этого средняя цена за десятину колебалась от 0,5 до 0,9 коп. Главный комитет вынужден был признать, что при таких арендных ценах 30-десятинный участок (казачий надел) не мог бы приносить войску, как и казаку, 6 руб. ежегодного дохода. В связи с этим было предложено за исходное в определении суммы оброка брать не земельный участок, а стоимость платы, вносимой населением за наем в отбывании полевой службы (45 руб. в среднем). Эта сумма умножалась на 5 (количество лет несения строевой службы за вычетом льготного времени) и делилась на 22 (срок несения воинской повинности). Характерно, что в результате такой операции сумма оброка (10 руб.) оставалась прежней, но уже не пожизненной, как предполагалось комитетом Сибирского войска, а должна была вноситься неслужилыми казаками в течение 22 лет, начиная с призывного возраста (19 лет). Повинность эта приносила войску около 18000 руб. ежегодной прибыли[22].

Изменение отправной точки расчета суммы повинности в какой-то степени вуалировало источник обложения: фактически казаки платили за пользование землями. Взимание оброка, а главное — его размеры, основывались теперь якобы на традициях, а не на воле правительства. Несмотря на то, что сроки взноса повинности сокращались, она оставалась тяжелой.

Немаловажное значение для реформаторов имели методы организации и приспособления к новым условиям местных аппаратов управления в казачьих войсках. Обсуждение этих вопросов началось уже в обстановке, когда для бывших крепостных центральной части страны было введено Положение 19 февраля, шла реформа судебных учреждений, вводились земства. Открытие доступа для переселенцев и наплыв их на казачьи территории, особенно в Европейской России, ставили реформаторов перед необходимостью изменения формы управления станицами. Сложность этого вопроса для Комитета заключалась в том, что он преследовал задачу приспособить машину местного управления таким образом, чтобы была соблюдена видимость повсеместного распространения Положения 19 февраля 1861 г., то есть унифицировать управление гражданским населением с казачьим и в то же время сохранить сословную "систему" казачьих общин, не растворяя их в общей массе населения. Одним из первых новое "Поло-

жение" получило Оренбургское казачье войско — в мае 1865 г. Согласно ему, оренбургское казачество в административном, судебном и политическом отношениях сливалось с губернией. Должность атамана Оренбургского казачьего войска была соединена с должностью губернатора. В гражданском отношении казаки вышли из подчинения своему непосредственному начальству и перешли в ведение исправников, а с изданием 1870 г. "Положения об общественном управлении" получили право избирать свои органы самоуправления в станицах и поселках.

Отличительной чертой Уральского казачьего войска было отсутствие станичного управления. В Забайкальском вместо станиц также сохранились сотенные и батальонные округа[23].

Не имели особого управления и казаки Иркутского и Енисейского полков. Войсковой старшина Путинцев, инспектировавший их в 1900 г., отмечал, что казаки управляются так же, как и рядом живущие с ними крестьяне, "подчиняются" на общих с ними правах местному гражданскому начальству, губернской, уездной, волостной и сельской администрации. "Ближайшим начальником казака, — отмечал Путинцев, — является "крестьянский начальник", уездный исправник и становой пристав. Особых органов специального казачьего управления здесь с 1851 г. не существует. Здешний казак знает только волостного старшину, да сельского старосту, а слово "станичный атаман" ему не знакомо. А офицера видит он только во время службы в сотне"[24].

Заслуживает внимания проект местного войскового комитета Сибирского казачьего войска, который не допускал возможности отменить существовавший ранее порядок назначения высшим начальством на должности станичной и поселковой администрации (по смыслу Положения 19 февраля 1861 г. она должна была избираться на казачьих сходах). По мнению комитета, выборы местной администрации могли привести к тому, что "должности станичных атаманов займут нежелательные начальству лица". Боясь отрицательной реакции со стороны рядового казачества, депутатское собрание Сибирского казачьего войска, на заключение которого был представлен проект, критиковало данный тезис комитета с либеральных позиций, аргументируя это тем, что "народ уже успел понять в этом праве единственную и верную гарантию против эксплуатации и произвола"[25]. Депутатское собрание предлагало также на выборные должности по управлению допускать не только офицеров, но и рядовых казаков. Но в то же время оно предлагало ввести "образовательный ценз", что фактически закрывало доступ на выборные должности рядовому казачеству. Таким образом, "либерализм" депутатского собрания был ни чем иным, как применением более гибких средств достижения своих целей в противовес грубым предложениям комитета.

В отличие от Западно-Сибирского генерал-губернатора военный губернатор Забайкальской области высказался за необходимость применения к казачьим войскам Восточной Сибири "Положения о земских учреждениях". М.С.Корсаков писал в своем докладе в управление иррегулярных войск 27 мая 1864 г.: "Местный комитет считал себя обязанным по возможности уравнять гражданские права казачьих войск с правами прочих сословий, преследуя ту главную цель, чтобы все будущие реформы правительства не составляли исключения и для казачьих войск"[26]. Исключение должны были составить только Иркутский и Енисейский казачьи полки, где введение земского управления считалось невозможным по малочисленности населения.

С введением нового управления администрация Забайкальского войска надеялась избавиться от хлопот по выколачиванию податей и недоимок, лежавших на казаках, особенно из пеших батальонов. Как уже указывалось, с передачей бывших приписных крестьян в казачье ведомство на них была возложена денежная повинность по 3 руб. с души, которая шла на содержание бригады, батальонных и других учреждений управления. Кроме того, казаки этих батальонов должны были сами заботиться о своей экипировке. Недоимка, выбивание которой доставляло много хлопот начальству, постоянно росла. В 1859 г. 26374 души мужского пола, не исключая детей, должны были вносить 79122 руб. В этом же году только в первом батальоне недоимка составляла 10418 руб. 55 коп., а против 1858 г. она возросла на 6553 руб. С 1860 по 1867 г. среднегодовая сумма недоимки составляла по 20,5 тыс. руб. М.С.Корсаков признавал, что положение бывших приписных не улучшилось. Надежды военного губернатора на то, что Министерство финансов возьмет эти расходы на себя при условии введения земских учреждений не оправдались. Неоднократные запросы и попытки доказать необходимость упразднить в пеших батальонах бригадные и батальонные управления и вообще "военный элемент в гражданском быту казаков" и ввести взамен окружные управления "на земских началах" не имели успеха. Главный комитет сообщил в 1866 г., что будет рассмотрена только та часть проекта, которая затрагивала положение об общей администрации войска, в то же время Министерство внутренних дел дало понять, что "в Сибири еще не предполагается вводить земских учреждений"[27]. "Временное положение о Забайкальском казачьем войске", подготовленное в 1867 г., было лишь приближенным сколком проекта забайкальской военной администрации.

Главный комитет счел необходимым оставить в силе законы, существовавшие до реформы, разбавив их лишь некоторыми пунктами из Положения 19 февраля 1861 г., "насколько это оказалось возможным"[28]. В этой связи административные единицы — станица и поселок — по типу управления (основываясь на Положении 19 февраля) должны были приравниваться к волости и сельскому обществу с организацией соответствующих станичных и поселковых управлений и сходов. Во главе их должны были стоять выборные административные лица — атаманы. Была соблюдена и видимость отделения гражданской власти от военной. С этой целью станицы и поселки подчинялись теперь окружным управлениям. Казачье население вне службы теперь должно было подчиняться гражданским и полицейским властям. Административная власть, в свою очередь, отделялась от хозяйственной и судебной. Для этой цели в ряде войск предполагалась организация войсковых хозяйственных отделений и отделений станичных судов. Но делая сколок с Положения 19 февраля 1861 г., члены Главного комитета зашли в тупик при решении вопроса, "в какой степени станичным и поселковым сходам могла быть предоставлена самостоятельная власть". Мнения членов комитета резко разделились по поводу соподчиненности атаманов и станичных правлений, сроков их службы и т.д. Наиболее консервативная часть членов комитета не допускала вариантов, которые могли бы "поколебать единоначалие" станичных атаманов, концентрировавших в своих руках военную, административную и судебную власть. В правлениях они видели лишь совещательный орган при атаманах[29].

Другая часть устроителей реформы настаивала на придании охранительных функций правлениям, задача которых состояла бы в ограждении казачьих обществ от "произвольных решений станичного атамана" С этой целью сторонники данного направления считали необходимым исключить участие атаманов в качестве председателей на сходах, а также "оградить" судопроизводство в станичных судах от влияния атаманов, установив для этого годичные сроки избрания членов правлений. Аргументируя свою точку зрения, шесть членов комитета в своем особом мнении отмечали: "Не допускать этих преобразований было бы неудобно при современном духе законодательства, если только главная цель предпринятых реформ в казачьих войсках должна клониться не к обособлению казачьих населений от прочего населения империи"[30]. Такая позиция встретила резкое осуждение сторонников традиционного направления, точка зрения которых осталась решающей при окончательной доработке проектов закона 13—25 мая 1870 г. По мнению сторонников последней точки зрения, в казачьих войсках во главе станичных и поселковых правлений должен был оставаться атаман. В отношении неказачьего населения ему предоставлялась полицейская власть, а сами станичные правления должны были играть роль канцелярии. Исключались даже ранее предполагавшиеся функции их как совещательного органа.

По мнению Главного комитета, какое-либо ограничение власти атаманов "могло бы вызвать постоянное неисполнение законов и повлекло бы неуважение к правительственным постановлениям". А отстранение атаманов от управления доходами нарушило бы право "охранять на сборах порядок и благочестие". Станичные и поселковые сходы для удобства управления ими делились на частные и полные, из которых последние включали всех членов станицы, а частные только депутатов в количестве 12—25 чел. от станицы. При этом частный сход наделялся более полной властью и полномочиями, что давало возможность начальству избирать в качестве депутатов на сход зажиточную верхушку казачества или средний командный состав и использовать их в качестве полицейской силы. Все решения станичных судов, как и решения станичных сходов не имели силы до утверждения их атаманом.

Таким образом, военно-административный аппарат управления казачеством должен был оставаться прежним. Ему лишь придавалась видимость преобразования путем введения дополнительных органов, что существенно расширяло и укрепляло контроль за рядовым казачеством и иногородними, поселявшимися на войсковых территориях.

Материалы подготовки реформы убедительно свидетельствуют о том, что правительство, готовя отмену крепостного права, действовало максимально осторожно. Уже в самих проектах реформы в ходе обсуждения методов его проведения для Урала и Сибири была заложена ее будущая бюрократическая основа. Главной чертой предстоящей реформы должна была явиться муниципализация земель и обособление сословий, что решило бы для правительства одну из главных политических задач — приспособить старый аппарат управления к новым условиям в ходе реализации реформы. Подготовка проектов реформы проходила в обстановке противоречий в среде реформаторов за формы и методы ее проведения и количество уступок новому экономическому строю.

3. Реформы в казачьих войсках

Реализация реформы для казачьих войск Урала и Сибири, как и подготовка ее проектов, осуществлялась в несколько этапов. Первый этап охватывает 1861—1880 гг. и характеризуется попыткой правительства "применить права и льготы, дарованные Положением 19 февраля 1861 г., к казачьим войскам"[1]. Особенностью этого периода является то, что была сделана попытка частично применить реформы, проводимые для крепостного населения страны, к казачьим войскам. Это выразилось прежде всего в открытии территорий казачьих войск для переселенцев, в стремлении приспособить управленческую машину к новым условиям: правительство с проведением реформы ликвидирует принудительный труд казаков на войсковых мануфактурах, осуществляет реорганизацию отбывания воинской повинности казаками, пересматривает из земельное обеспечение.

Второй период приходится на 1880—1905 гг. Наступление контрреформ в стране оказывает влияние на характер преобразований, проводившихся в казачьих войсках. Правительство, опасаясь, что реформы "с интенсивным введением их в жизнь" создадут угрозу для существования "казачества как единого сословия", переходит к курсу на укрепление сословной замкнутости казаков. Эти меры реализуются через дальнейшее укрепление военно-административного аппарата управления, насаждение хрупкого чиновничьего и офицерского землевладения, отделение казачьего "юртового" землепользования от "войскового".

С 1905 г. правительство, опасаясь роста революционного движения в стране, предпринимает новые усилия для того, чтобы обособить казачьи территории. Оно усиленно предпринимает попытки ликвидировать прогрессирующее расслоение среди казачества.

Одной из центральных мер, осуществленной реформаторами в казачьих войсках на первом ее этапе, была отмена принудительного труда казаков на войсковых предприятиях. Эта мера в большей степени коснулась Донского и Сибирского казачьих войск, где располагалось значительное количество таких предприятий. Не менее важным актом, оказавшим влияние на ускорение развития социально-экономических процессов на казачьих территориях, явились законы 29 апреля 1868 г. и 29 августа 1869 г., разрешавшие переселение на эти территории, а также выход из казачьего сословия[2]. Необходимость упорядочения землепользования казаков была предопределена этими же законами. Они оказали влияние на реформу административного управления и в некоторой степени — воинской повинности.

В отличие от Европейской России, казачьи территории Урала и Сибири в первые десятилетия пореформенного периода не испытывали массового наплыва переселенцев. Рост неказачьего населения здесь был относительно слабым. Данные составителя военно-статистического описания казачьих войск полковника генерального штаба Хорошхина, можно свести в таблицу, показывающую динамику роста числа душ неказачьего сословия на войсковых территориях. Для сравнения приведем динамику роста неказачьего населения по Донскому войску. Из табл.1 видно, что в целом по войсковым территориям наблюдался относительно устойчивый, хотя и медленный рост неказачьего населения. Это объясняется политикой местных властей,

стремившихся даже после указа о переселении не допускать на казачьи территории массового потока переселенцев.

Таблица 1

Динамика переселений на казачьи территории, чел. (душ обоего пола)

Войска	1838 г.			1871 г.			1880 г.		
	Казаки	Не казаки	% к казакам	Казаки	Не казаки	% к казакам	Казаки	Не казаки	% к казакам
Донское	42852	21744	50,7	69115	38785	56,1	81848	54235	66,2
Сибирское	88576	4871	5,4	87754	6156	7,0	94452	13040	13,8
Семиреченское	—	—	—	14369	2685	18,6	19791	4531	22,8
Забайкальское	—	—	—	12551	4353	3,4	14384	3726	2,5
Амурское	—	—	—	19250	114	0,5	21009	219	1,0
Иркутский и Енисейский казачьи полки	—	—	—	3361	249	7,4			
Уральское	50323	1296	2,0	81404	30154	3,7	90397	26939	29,8
Оренбургское	—	—	—	25292	7108	2,8	29079	15261	52,5

Число жителей неказачьего сословия с 1871 по 1880 гг. удваивается в Сибирском и Семиреченском казачьих войсках. Но вместе с тем оно составляет соответственно лишь 13,8% и 22,8% от общего числа казаков. Довольно низкие темпы переселения наблюдаются в Забайкальском и Амурском казачьих войсках. В Уральском и Забайкальском число жителей неказачьего сословия к 1880 г. даже снижается. Это происходит в результате того, что местная администрация и после реформы 1861 г. практиковала политику принудительного зачисления переселенцев в казачье войско. Переселенческое движение на казачьи земли и территории здесь шло значительно медленнее, чем в прочих регионах Азиатской России. Сдерживающее влияние на темпы переселения оказывали также ограничения, которые были введены правительством параллельно с законом 29 апреля 1868 г. Главным из них было отсутствие права собственности казаков и переселенцев на земельные участки. Переселенцы в большинстве случаев могли получить надел только на участках, переданных офицерам. Но и здесь право собственности переселенец мог иметь только на постройки, а за землю он должен был вносить "посаженную" (арендную) плату.

Исходя из задачи сохранения казачьей общины и численного состава войсковых единиц как военной силы правительство рядом ограничений практически ликвидировало и условия закона 29 августа 1869 г., дававшего казакам право выхода из общины. Желавший воспользоваться этим законом должен был внести все недоимки и получить разрешение начальства. После этого он практически должен был выселиться с войсковой территории, так как терял право на надел. В то же время сыновья разрывавшего с сословием казака должны были оставаться в войске. Начальство могло дать разре-

шение на выход из сословия только при условии полной комплектности войсковых подразделений, что практически исключало таковую возможность.

Задачу поддержки и укрепления казачьих общин должен был решать и закон 21 апреля 1869 г. "О поземельном устройстве в казачьих войсках"[3]. Закон 1869 г. декларировал право на владение земельными угодьями как в целом, так и отдельно по войскам и сословным группам. Казачьим войскам предоставлялись земли, морские, озерные и речные воды, право добывания различных минеральных богатств, пользования солью, охоты. Земли, занимаемые казачьими войсками, состояли в распоряжении всего войска, в пользовании станиц и частном владении. Свободные от наделов земли должны были составлять войсковой запас. По распоряжению войскового начальства они могли быть назначены для дополнительных войсковых наделов, под дороги, леса, полигоны, но не могли быть отданы в аренду (полевые земли — на срок 12 лет, участки под сады, рыбную ловлю, пчеловодство — на 24 года, под заводы и фабрики — 99 лет). В потомственное владение начиная с 1870 г. чиновникам и офицерам участки наделялись лишь в Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском и Сибирском казачьих войсках. В Восточной Сибири земли, расчищенные от леса и осушенные от болот, оставались во владении казаков и сверх 30-десятинного надела. Лесные угодья находились в распоряжении войсковой администрации, но в пользовании станиц. В Уральском войске, кроме части земель, находившихся в пользовании Илецких станиц (3 поселения на правом берегу Урала), земля состояла в полном распоряжении войска. Это обстоятельство влияло на ход реформ. Одной из главных задач реформаторов было отделить казачье землепользование от войскового и офицерского. Собственно, эта же задача для Сибирского казачьего войска должна была решаться Положением 13 марта 1861 г., в которое, в свою очередь, был полностью перенесен порядок и условия землепользования, определенный еще законом 5 декабря 1846 г. "О Сибирском казачьем войске".

В Забайкальском и Амурском казачьих войсках эти условия были определены Положением 17 марта 1851 г.[4], согласно которому казачьи земли (станичные отводы) должны были делиться на равные участки — "паи", размер которых определялся по 30 дес. на душу. "Паи" входили в состав так называемого "юртового", станичного надела, размер которого зависел от числа душ мужского пола, достигших 17-летнего возраста. Одним из главных условий пользования наделом было то, что "никакая часть земли и никакие угодья", находившиеся в черте юртового надела, "не могли быть отданы в чью-либо собственность"[5]. Войсковая казна, отводя юртовые наделы казакам, оставляла за собой право менять или отбирать их в случае "войсковой необходимости". Таким образом, закон о землеустройстве, закрепляя общинное землепользование у казаков, не давал им полного права собственности на отводимый надел.

В целях укрепления основ казачьего землепользования землеустроительным законом предусматривалось создание станичного фонда земель. В связи с этим в паевые наделы должно было отводиться не 30, а 40 дес. на душу, из которых 10 дес. отходили в станичный фонд. Доходы, получаемые от сдачи в аренду этих земель, должны были составлять основу фонда станичных капиталов. В качестве прямого противопоставления казачьим выступали так называемые земли "войскового фонда" и офицерские наделы. Преследуя цель насаждения крупного землевладения в войсках, закон

закреплял за офицерами право пользования наделами от 200 до 400 дес. Церковный притч имел право на надел в 99 дес.[6] Конкретизация порядка при отводе казачьих наделов, в частности для Сибирского казачьего войска, была дана в Положении 9 июня 1877 г. "О порядке размежевания в Сибирском казачьем войске"[7]. Закон не менял основы землепользования, принятой Положением 21 апреля 1869 г., но вместе с тем в нем более рельефно выражена попытка выделить надельное землепользование казачьих общин из общей массы земель. Это было частью тех мер, которые правительство направило на создание "опоры в казачестве" путем обеспечения уравнительности в землепользовании. Закон 9 июля 1877 г. предписывал делать отводы юртовых наделов на основе таксации земель. Условия таксации, согласно решению военного совета, предполагали деление отводимых земель по категориям, при этом паевые наделы могли быть увеличены до 60 дес. на душу (в случае невысокого качества земли).

Уравнение наделов предполагалось достичь путем введения в них удобных, малоудобных земель, а также определенного условного количества десятин лугов и других угодий. В связи с этим луговые земли должны были составлять 1/5 часть надела, малоудобные выгонные земли — 1/10 часть. Количество "малоудобных" земель для хлебопашества не должно было превышать 1/4 части надела. Отводы пахотных земель могли быть и в чересполосных участках. В случае недостатка последних три десятины "малоудобных" земель засчитывались за одну десятину удобной. При отводе наделов инструкция предписывала учитывать условия сбыта сельскохозяйственной продукции. За среднюю норму дохода с десятины надела была принята сумма в 13 руб.[8] Проектирование наделов должно было "по возможности подвергать наименьшей ломке границы прежнего землепользования" казаков. В 1873 г. войсковое правление Оренбургского войска обратилось в Военное министерство с представлением о разделе земель на разряды по доходности по примеру Донского, где учитывались отдаленность от городов, торговых пунктов, трактов и т.п. Это предложение было утверждено Военным министром 7 ноября 1873 г. В 1876 г. было признано нормальным, чтобы 30-десятинный надел состоял из 24 дес. пашни и 6 дес. лугов. Каждая десятина луговой земли могла быть заменена 2 дес. пашни. Введение в действие Положения о землеустройстве возлагалось на войсковое и хозяйственное правление, а разрешение судебных споров — на оренбургского генерал-губернатора.

Правительство и Военное министерство испытывали определенные трудности в реализации общего земельного законодательства применительно к Уральскому войску. Предложение о предоставлении земель офицерам в собственность было отвергнуто в "силу общинных начал" войскового хозяйства. Вместе с тем отсутствием законодательства по земельному вопросу пользовалась определенная часть казачества, захватывая общинные земли. Это послужило поводом для специального съезда "выборных" станичных обществ 24 октября 1874 г.

Условия таксации не распространялись на земли казаков Бийской линии на Алтае. Дело в том, что Кабинет, отстаивая свои права на земли, используемые казаками, не допускал возможности увеличения надела даже до 30 дес. Он требовал уплаты за ее пользование в виде шестирублевого оброка или, в противном случае, высылки казаков за пределы Алтайского горного округа[9]. Лишь 10 июля 1895 г. Кабинетом утверждается Положе-

ние, а в 1897 г. и инструкция, определявшие наделы казаков Бийской линии в пределах "фактического пользования" и без уплаты оброка[10]. На основе этого Положения казакам Бийской линии должно было быть отведено 260795 дес. земли "с произрастающими на них лесами и прочими угодьями"[11].

Правительство, стремясь создать в казачьей среде средних и крупных землевладельцев, издает 7 мая 1877 г. указ, согласно которому офицерам и чиновникам давалось право на надел от 30 дес. (войсковой старшина) до 3000 дес. (генерал). При этом надел должен был отводиться уже не в пожизненное, а в потомственное пользование. Вопрос об увеличении числа таких владельцев из общевойскового чиновничества поднимается впоследствии в 1890-х гг. при обсуждении проектов землеустройства для государственных крестьян Сибири. В докладной записке Военного министерства о возможности отводов отставным офицерам наделов в районе Сибирской железной дороги указывалось: "Независимо от прямой цели — обеспечения быта отставных военных — насаждение частного, мелкого и среднего землевладения, наряду с крестьянским, имеет и широкое государственное значение". Вопрос был поставлен несмотря на заключение министерства о том, что "предпринимавшиеся ранее меры по отводу сибирских надельных земель не имели успеха"[12].

Войсковой съезд признал необходимым "положить предел неумерным захватам войсковой земли людьми богатыми, в целях торговли в ущерб" массе мелких хлебопашцев, количество которых увеличивалось год от года. Съезд выборных установил норму для распашки земли для нижних чинов по 50 дес., обер-офицерам и генералам от 150 до 250 дес. Однако это постановление так и не было реализовано, нормы запашки были предметом обсуждения на съездах 1876, 1877, 1881 гг. В 1881 г. были признаны "неопасными" для войска захваты земель, так как из 480 тыс. дес. захватывалось лишь 70 тыс.

В 1882 г. 4 февраля Военный совет устанавливает нормы распашки земли в Уральском войске, которые были значительно ниже, чем в остальных казачьих войсках востока России: казакам — 23 хозяйственные десятины, обер-офицерам — 30, штаб-офицерам — 75, генералам — 100. Запашка сверх нормы облагалась денежным сбором по 3 руб. за десятину. В 1885 г. эти нормы ввиду "крайней недостаточности" пересматриваются и утверждаются в 1886 г. Военным советом уже с некоторым повышением и одновременно ограничением. Было принято, что свыше 210 дес. не может распахивать ни одно семейство за плату[13].

Насколько важной для себя считало правительство задачу насаждения офицерского крупного землевладения, можно судить по тому, что на предложение в 1891 г. наказного атамана Сибирского казачьего войска Таубе увеличить фонд земель для переселенцев из Центральной России за счет офицерских участков, Александр III наложил резолюцию, перечеркнувшую предложение атамана, несмотря на острую потребность в свободном земельном фонде.

Таким образом, кроме прочего, законы по землеустройству в казачьих войсках преследовали еще и цель создания и среднего, и крупного землевладения. Возможность для реализации этой цели давал огромный земельный фонд, закрепленный в распоряжении казачьих войск. По данным Хорошхина, общий земельный фонд в 1876 г. в казачьих войсках Сибири насчиты-

вал 13775430 дес.[14] В среднем на душу населения всех сословий, проживавших на территориях, приходилось по 89 дес. С ростом переселений к 1904 г. среднедушевой показатель в сибирских войсках падает, но остается еще довольно значительным. По данным дореволюционного исследователя Б.Воробьева, в 1904 г. в казачьих войсках приходилось на душу населения следующее количество земель (табл.2)[15].

Таблица 2

Распределение земли по казачьим войскам

Войско	Приходится на душу мужского пола войскового сословия, дес.	
	Удобной	Всей
Донское	17,7	21,1
Кубанское	9,4	13,6
Терское	14,0	19,8
Оренбургское	28,6	34,4
Уральское	31,1	95,4
Астраханское	18,2	49,1
Сибирское	54,3	71,4
Забайкальское	45,7	80,6
Семиреченское	—	95,3
Уссурийское	—	—
Иркутско-Енисейские полки	—	48,0

Среднедушевой показатель земельных наделов, как видно из табл.2, в войсках, за исключением Кубанского и Терского, был относительно высоким. Огромные земельные пространства, казалось бы, должны были исключать поземельные споры и неурядицы, свойственные землепользованию крестьян. Однако претворение в жизнь землеустроительных законов вызвало недовольство многих казаков, а также большое число земельных споров. Причиной их возникновения были не только методы решения поземельного вопроса, но и запутанность самих законов, противопоставлявших казачье землепользование войсковому и офицерскому.

Выполнение принятых законов затягивалось. Целых полвека ждали казаки в Иркутско-Енисейских полках решения проблем землеустройства. Согласно законам 19 мая и 2 июня 1871 г. оно здесь было начато лишь в 1880 г. и было сразу же приостановлено до 1890 г. Практически не проводились в жизнь законы о земельном довольствии, вышедшие в 1850-х гг.[16] Массовое недовольство межевыми работами заставило, в частности, западно-сибирскую администрацию пойти на проверку межевых планов. Ревизия их, проведенная в 1868—1869 гг., обнаружила, что за основу при межевых работах были взяты старые планы, не соответствовавшие фактическому землепользованию казаков. Ревизия вскрыла и злоупотребления межевщиков при отводе участков офицерам. За взятку им под видом неудобных земель отводилась за счет лучших казачьих двойная и тройная норма надела. Аналогичная ситуация сложилась в Уральском, Семиреченском, Забайкальском и Амурском казачьих войсках. Официальные источники вынуждены были признать, что в Семиреченском казачьем войске при межевых работах, проведенных в 1868 г., "отводилось произвольное количество земли" Казаки жаловались начальству, что до землеустройства у них было "большое количество земли"[17].

Попытка войсковой казны отобрать в войсковой фонд лучшие земли вызвала жалобы со стороны коренного населения и захваты "отрезанных" земель. Это привело к тому, что составление межевых проектов, начатое в Семиреченском войске в 1867 г., было затянуто до 1899 г. Фактическое же наделение землей казаков на основе закона о таксации наделов было начато только в 1905 г.

Труднорешаемой для реформаторов задачей было межевание земель Забайкальского казачьего войска. С перечислением бывших приписных крестьян Нерчинского округа в казачье сословие далеко не все селения были наделены полными земельными наделами. Определяя количество земель, необходимых для надела казаков, местная войсковая администрация столкнулась с интересами могущественного Кабинета. Межевание казачьих земель здесь также затрагивало интересы коренного населения, часть земель которого казна планировала отобрать в войсковой фонд. Это привело к тому, что межевые работы, начатые еще в 1852 г., не принесли каких-либо результатов и к 1890-м гг. Не выдерживали самой элементарной проверки и межевые планы. Рост социально-экономических противоречий в крае заставил Кабинет и войсковую администрацию снова возвратиться к решению поземельного вопроса для казаков Забайкальского войска в 1893 г., а затем и в 1899 г. Поводом для организации особого совещания "О поземельном устройстве Забайкальской области" явились жалобы коренного населения, требовавшего признания прав собственности на занимаемые ими земли. Фактически землеотводные работы для казаков Забайкальского казачьего войска на условиях закона 1877 г. были начаты лишь в 1900 г.[18]

В результате землеустройства в четырех войсках в станичные наделы было отведено свыше 10 млн дес. В Сибирском войске это составляло 60% всей площади земель, в Забайкальском — 68, в Семиреченском — 93.

Несмотря на значительные площади станичных наделов, отведенных в процессе землеустройства, правительство не решило проблему равномерного их распределения. Лучшие земли из казачьих юртов отрезались и передавались в войсковой запас или отдавались в надел офицерам. Часть казачества так и не получила нужного пая. К началу 1900 г. по данным Н.Бородина, в Уральском войске 29,5% семей, занимавшихся хлебопашеством, не могли самостоятельно вести хозяйство.

Направленность межевания отчетливо прослеживается на материалах введения в жизнь закона о землеустройстве 1869 г. в Сибирском казачьем войске. Из жалобы казаков выселка Пресногорьковского в Сибирском войске (3-й полковой округ) видно, что у казаков после межевания наблюдалась нехватка пахотных земель по той причине, что "значительная часть их была отдана штаб- и обер-офицерам". Рядовые получили земли, "заливаемые водой". При размежевании земель в станице Железинской (7-й полковой округ) у казаков были отняты луга, которыми они пользовались около сорока лет. Сопротивление казаков станицы Уваровской вызвала передача межевщиками в аренду мещанам Усть-Каменогорского общества лугов, ранее использовавшихся казаками станицы. Чиновник, проводивший межевание, доносил: "Казаки станицы Уваровской, выслушав распоряжение, заявили: "Мы соберемся всей командой и выгоним усть-каменогорцев"[19].

Главный совет Западной Сибири, подводя итоги межевым работам за период с 1861 по 1869 гг., вынужден был признать, что войсковое правление "часто действовало в ущерб казакам"[20]. Не изменил направленности меже-

вания и закон 9 июня 1877 г. "О порядке размежевания в Сибирском казачьем войске"[21].

Запутанность инструкции, произвол межевых чиновников, проводивших таксацию, а главное — устаревшие методы землеустройства — все это не принесло желаемых для администрации результатов. Уравнять казачьи паи даже в период нового межевания после 1880 г. так и не удалось. В ходе землеустройства на основе Положения 9 июня 1877 г. перед межевщиками ставилась та же задача "отрезать от юртового надела все излишние земли... приказав жителям пользовать землями, не расширяя своих владений"[22]. Это явилось основной причиной того, что межевание вызвало новую волну споров и недовольства низового казачества. Наказной атаман Сибирского казачьего войска Таубе доносил в Военный совет в 1890 г.: "Казаки отнеслись к межеванию несочувственно"[23]. В этом же году начальник межевой экспедиции вынужден был признать: "Чем дальше шли работы по межеванию, тем больше проявлялось споров и неудовольствий"[24].

Войсковая администрация столкнулась с фактами открытого сопротивления казаков межеванию. Были случаи неповиновения начальству, захвата отмежеванных участков и т.д. "Население старалось оказывать землемерам всякое возможное затруднение", — писал начальник межевой экспедиции в 1890 г.[25] Ни приказы, ни угрозы не помогли атаману Омской станицы заставить казаков сдать квартиры межевщикам. "Казаки от дачи квартир отказались, насильно же я их заставить не могу", — доносил атаман начальству[26]. Не достигла цели и таксация казачьих паев, проведенная в 1902 г. в Семиреченском казачьем войске. Результатом землеустроительных работ была крайняя неравномерность в землепользовании, обнаружилась и масса безземельных казаков.

Исследователь Семиреченского казачьего войска Н.Леденев писал по поводу результатов землеустройства: "Конечно, нельзя сказать, что все участки и паи были уравновешены. Отдельные лица в обход обычаев и законов завладели лучшими, чем у других, паями". По свидетельству автора, в результате землеустройства получалась такая картина: чем человек беднее, тем надел его дальше от поселения, и наоборот[27].

После реформы 1861 г. казна прекратила дотации казакам на снаряжение и обмундирование. По замыслам реформаторов покрывать эти расходы казаки должны были сами за счет увеличенного земельного надела. Чтобы стимулировать казачьи поселения для занятия сельским хозяйством законом 13 марта 1861 г. для Сибирского казачьего войска, а в последствии и Положением 2 декабря 1871 г. "О воинской повинности казачьих войск" был изменен порядок несения службы казаками[28]. Согласно закону, они получали "льготу" на 3—4 года для "занятия домашним хозяйством". Были сокращены также и сроки службы с 30 до 22 лет. Вместо существовавшего ранее так называемого "поголовного" призыва вводилась система жеребьевки. Казаки, не попадавшие по жребию на строевую службу, облагались особым денежным сбором[29].

Обеспечение выполнения казаками всех повинностей должен был осуществлять управленческий аппарат, задача приспособления которого к условиям пореформенного времени должна была решаться законом 13—25 мая 1870 г. "О преобразовании общественного управления в казачьих войсках"[30]. Закон предполагал применить к казачьим общинам, в том числе Урала и Сибири, основы самоуправления, зафиксированные Положением

19 февраля 1861 г. для гражданского населения страны. По мнению Государственного совета, Положение 19 февраля должно было вводиться в такой степени, "насколько это согласовывалось с условиями военного устройства казаков и с требованиями соединенной с этим воинской дисциплины"[31]. Необходимость приблизить структуру управления станицами и поселками к существовавшему у крестьян волостному и сельскому была вызвана стремлением подчинить переселенцев контролю полицейских и гражданских властей. В соответствии с законом 13—25 мая 1870 г. предусматривалось разделение гражданской, полицейской и военной властей, что, в свою очередь, предполагало реформирование по данным направлениям. Положение ликвидировало существовавшие прежде местные сотенные и батальонные управления, заменяя их сотенными и поселковыми. Станичное управление состояло из поселкового схода, станичного суда и станичного правления, во главе которого стоял атаман. Должности в правлении должны были замещаться не по назначению начальства, а "по выбору" от общества. Поселковое управление могло быть образовано там, где было не менее 30 дворов. Для разделения военной и гражданской властей казачьи войска были подчинены Ведению гражданских административных и судебных учреждений. Полковые единицы переименовываются в округа с подчинением соответствующим губернским и областным гражданским органам власти. В Сибирском казачьем войске было выделено 8 округов, в Забайкальском — 3, Семиреченском и Амурском — по 3.

По новым положениям наряды казаков на выполнение земских и различного рода натуральных повинностей должны были расписываться гражданскими органами надзора и исполняться казаками наравне с гражданским населением. "Надзор за исправным выполнением повинностей и нравственностью казачьего населения" должна была осуществлять полиция. Наряду с реформой "гражданского управления", делаются попытки преобразовать и структуру военного управления казаками. Вместо бывших "войсковых дежурств" и полковых штабов, ведавших военными делами, учреждаются "отделы". Хозяйственная власть была сосредоточена в руках войсковых хозяйственных управлений. Отделы не предполагали равного количества станичных и поселковых управлений, как и равного количества жителей войскового сословия в отличие от ранее существовавших полковых и сотенных административных единиц. Земские учреждения в 1876 г. были введены только в Донском войске, в Уральском с 1874 г. — съезды выборных от станиц. Новая структура аппарата управления предполагала более разветвленную систему надзора за населением войсковых территорий. Структура управления, введенная законом 13—25 мая 1870 г., отнюдь не должна была ломать обособленности и замкнутости казачьей общины, растворять ее в общей массе населения. Закон по-прежнему оставлял всю полноту власти в поселках и станицах в руках атаманов. На станичные сходы лица гражданского сословия допускались только в случае решения вопросов, касавшихся их интересов.

Главной задачей преобразований в казачьих войсках, по замыслу реформаторов, был экономический подъем казачьего сословия на ступень выше остальных категорий населения. Тем самым предполагалось укрепить сословную обособленность казачества, приблизив сословно-военизированную систему управления казачьими войсками к гражданской, как того требовало Положение 19 февраля 1861 г.

Вопреки ожиданиям реформаторов законы не оказали существенного влияния на экономику казачьих станиц. "Нетрудно убедиться, — писал дореволюционный исследователь и статистик Сибирского казачьего войска Ф.Н.Усов, — что в различных частях войска, не сходных между собою по местным удобствам, одинаково замечается экономическая косность и низкий уровень сельского хозяйства"[32].

В Сибирском казачьем войске из всей площади удобных для хлебопашества земель (3391871 дес.) возделывалось только 20%, а пашня составляла лишь 2% (70309 дес.)[33]. По данным официальных источников, в Сибирском казачьем войске на 1879 г. около 28% от числа всех жителей не занималось хлебопашеством[34]. По подсчетам Ф.Н.Усова, рост населения в Сибирском казачьем войске опережал темпы роста посевных площадей. К примеру, с 1856 по 1873 гг. население увеличилось на 18%, а посевные площади — только на 15%. Такое же соотношение наблюдается и к 1880 г. Незначительные сдвиги получило развитие хлебопашества в Забайкальском войске. Здесь в 1873 г. на 130 тыс. жителей обоего пола собиралось 179589 четв. хлеба, что составляло лишь по 1,3 четв. на душу[35]. Еще хуже с развитием хлебопашества обстояло дело в Амурском и Уссурийском войсках. В Амурском казачьем войске около 72% общего числа казаков запахивали от 2/3 до 1/2 дес. на душу. Около 55% занимавшихся хлебопашеством в Амурском войске собирали "недостаточное количество хлеба для продовольствия". В некоторых станицах Уссурийского казачьего войска (Казачевическое, Корсаковское) собираемого хлеба не хватало даже на семена. Около 60% всего населения войска засевало по 1/2 дес.

К 1890-м гг. оставляло желать лучшего экономическое положение Оренбургского и Уральского казачьих войск. Падежи скота в 1870—1880-х гг., неурожаи 1890 г. привели к тому, что "казачьи поселения скорее походили на кладбища, чем на населенные пункты", — отмечалось исследователями того времени. Положение здесь начало улучшаться лишь к концу XIX в. в результате особых экономических мер, предпринятых правительством[36].

Более развито было хлебопашество в Семиреченском войске. Поливные плодородные земли привлекали сюда значительное число переселенцев. Казаки эксплуатировали здесь дешевую рабочую силу кочевого населения. Все это создавало условия для развития казачьих хозяйств. Здесь, по данным Главного управления иррегулярных войск, собиралось в 1874 г. 906157 четв. хлеба, что соответствовало 8,8 четв. на душу. По урожайности и количеству сбора хлеба с десятины Семиреченское казачье войско стояло на одном из первых мест среди казачьих войск России[37]. Развитие хлебопашества в Семиреченском войске предопределяло и успехи скотоводства. Рост поголовья скота в целом был устойчивым.

В некоторых войсках, к примеру, в Сибирском, Семиреченском, темпы роста поголовья скота превосходили темпы роста населения. В то же время частые эпизоотии, низкая культура животноводства, — все это сдерживало темпы развития животноводства и приводило к уменьшению поголовья, в частности, рогатого скота[38].

Войсковая администрация, столкнувшись с фактом застойности и медленного экономического развития казачьих станиц, усматривала причину этого в "отсутствии строгих начальников", обладавших во времена крепостничества неограниченной властью. "Сибирская газета", призывая начальство принять срочные меры к "изысканию причин быстрого падения

экономического и нравственного состояния" казаков и их хозяйств, усматривала причину создавшегося положения в отсутствии понимания у казаков "былой цели в службе"[39]. Исследователь казачьих войск Б.Воробьев в своей работе "Земельный вопрос у казаков" отмечал, что "пролетаризация" казачества есть результат того, что и после реформы 1861 г. казаки оставались "закрепощенные всем своим существом"[40]. Г.Е.Катанаев, Ф.Н.Усов, Н.Леденев, А.П.Васильев, анализируя причины трудностей в развитии экономики казачьих войск, подчеркивали тяжесть повинностей для казачьего населения, которые не ликвидировала реформа[41]. В своих работах они приводили материалы, анализ которых может подтвердить вывод о том, что на казаках и после реформы 1861 г. лежало большое количество обязательств и повинностей, не дававших им возможности в полную силу заниматься собственным хозяйством. После реформы все еще оставалась тяжелой воинская повинность, не менее трудными были натуральные повинности, — все это создавало условия для расслоения казачества, вызывало у них "дерзость и неповиновение начальству"[42]. Льготы же, предоставленные казакам по условиям реформы, далеко не всегда соответствовали тем обязанностям, которые они должны были выполнять. Отсутствие рынков сбыта, низкая цена надельных земель, воинская повинность делали не всегда доходными 30 дес. казачьего надела.

По условиям воинской повинности казачьи селения должны были отправлять значительное число людей для несения строевой службы (Сибирское войско — 2800 чел., Забайкальское — 3209 чел.). Не попадавшие на строевую службу, согласно положению, должны были выплачивать в течение 22 лет выкуп за "отстранение от нее" В Сибирском казачьем войске сумма выкупа определялась по 10 руб. с души, в войсках Восточной Сибири она равнялась 15 руб. Из натуральных повинностей особо тяжелой для казаков Амурского и Уссурийского войск была заготовка дров и угля для казенных пароходов. В обязанности казаков входило также исполнение земской гоньбы, содержание дорог, мостов, гатей, ремонт казенных транспортов и т.д. Стоимость только земской гоньбы обходилась казакам Сибирского войска в среднем по 6 руб. с души[43]. Постоянно возраставшие недоимки за казаками пеших батальонов Забайкальского войска (20500 руб. в 1872 г.), и безуспешность мероприятий по их взысканию заставила администрацию отменить в 1872 г. трехрублевый оброк, взимавшийся с бывших приписных на содержание войскового управления. С отменой принудительного труда на войсковых фабриках и заводах в казачьих войсках упраздняется общественная запашка, а также ежегодные сборы казаков на учения и т.д. Одновременно с этим по условиям реформы на плечи казаков была переложена обязанность за свой счет приобретать снаряжение и амуницию, стоимость которых постоянно возрастала[44]. "Семья, имевшая несколько мужчин, — отмечал Ф.Н.Усов, — после призыва их на службу полностью разорялась"[45]. Реформа не ликвидировала обязанности казаков по содержанию войскового административного аппарата, который после реорганизации обходился им значительно дороже. В результате реформы была изменена лишь система обложения казаков на его содержание. Так, содержание только писарей и канцелярий вновь образованных отделов обходилось казакам Уральского войска в 5300 руб. в год, Оренбургского — в 6600 руб.[45] Историограф Забайкальского казачьего войска А.П.Васильев отмечал: "Получив некоторое облегчение в мирских тягостях, войско получило и новое бремя, на счет

войсковых сумм отнесли пособие на содержание Главного управления иррегулярных войск, содержание строевых учебных частей и т.д."[46]

Казаки, формально освобожденные от всякого рода податей, фактически оказывались обложенными значительными денежными сборами, прежде всего через институт войсковых и станичных капиталов, введенных реформой. Пополнение войсковых и станичных капиталов должно было осуществляться за счет сдачи в аренду станичных наделов, доходов от различного рода источников: "посаженной платы", сборов с ярмарок и т.д. Низкие арендные цены на землю, в связи с этим незначительные суммы сборов в станичные капиталы — все это не покрывало расходов казачьих станиц. Дефицит, как правило, погашался самообложением. В результате надел оказывался фактически обложенным оброчной податью. А.П.Васильев об этом же явлении в Забайкальском войске писал: "Но так как войсковых доходов не доставало на все расходы, то недостающую сумму пополняли денежным сбором по раскладке со всех казаков, конных и пеших, имевших право на поземельное довольствие"[47].

С расширением аппарата управления и ростом требований начальства к снаряжению, расходы казаков увеличивались, а доходы как войсковых, так и станичных капиталов нередко уменьшались с уменьшением арендного фонда земель, который хотя и периодически пополнялся за счет "отрезов" от казачьего землепользования, но оставался недостаточным для того, чтобы покрывать войсковые расходы. Главное управление иррегулярных войск в 1877 г. отмечало: "При отсутствии в Забайкальском войске каких-либо доходных статей, за исключением ничтожного дохода с войсковых земель весьма низкой ценности, ежегодные расходы по войсковым сметам превышают войсковые доходы, выражаясь постоянным дефицитом, простиравшимся за последнее трехлетие (1873—1876) до 30055 руб. Дефицит этот покрывается подушным сбором с казачьего населения"[48]. Представление о состоянии войсковых капиталов дает табл.3.

Таблица 3

Состояние войсковых капиталов

Войска	Доходы от сдачи войсковых земель в аренду, руб.				
	1904 г.	1908 г.	1912 г.	1914 г.	В том числе в недоимке
Сибирское	1250543	576301	905928	1001805	569570
Семиреченское	192180	150787	150787	135440	115756
Забайкальское	594764	288041	240012	210000	197648
Амурское	141222	202361	277600	410551	101000
Уссурийское	570786	760091	871900	955313	10001

Развитие процессов, в результате которых ухудшилось экономическое положение казачества, побуждало войсковую администрацию искать выход из сложившейся ситуации за счет сокращения срока службы. Среди реформаторов раздавались голоса, требовавшие сокращения строевых команд в мирное время. Но эта идея сразу же была отвергнута, поскольку серьезно снижался оборонный потенциал на востоке империи. В заключении Комите-

та иррегулярных войск было высказано требование сохранить состав войск как главную военную силу в крае. Особо подчеркивалась эта необходимость в связи с выполнением казаками полицейских функций: "Заменить казаков некем... особенно в Сибири. Бедность сибирских городов и селений не дает достаточных к тому средств, а между тем присутствие в крае ссыльного элемента вызывает особую напряженность в деятельности городских и окружных полиций"[49]. К тому же высшие сановники видели главную причину ухудшения экономического положения казачьих войск в "недостатке должного надзора за казаками". Эту точку зрения активно поддерживало и местное войсковое начальство, которое основным источником зла считало подчинение полковых управлений гражданским властям.

Период контрреформ, проведенных в 1880-х гг. в стране, наложил отпечаток и на ход преобразований казачьих территорий. Остро критиковалась система самоуправления казачьих войск, введенная на основе Положения 19 февраля. А.П.Васильев, ссылаясь на материалы ревизии в казачьих войсках, проведенной в 1878 г., отмечал: "Ревизии обнаружили во всех войсках банкротство общественного управления: станичные капиталы исчезли, на станичных обществах накопились долги, казаки стали являться на службу в неисправном обмундировании. Благодаря гражданскому строю в населении стали развиваться нежелательные наклонности: нарушение дисциплины, неуважение к родителям, к старшим, леность, праздность, беспечность в отношении заведения обмундирования"[50].

В 1880 г. наказной атаман Донского войска составил проект управления казачьими войсками, главная задача которого состояла в ликвидации основ самоуправления казачьей станицы и замене его системой жесткого контроля. Выборность должностных лиц станичных и поселковых правлений заменялась назначенством. Предлагалось ликвидировать право каждого "домохозяина" участвовать в сходах. Они должны были составляться из "исправных" домохозяев (по одному от 10 дворов). В проекте были усилены опека и надзор со стороны властей за жизнью и бытом казачьих станиц, а также предусматривалось насаждение круговой ответственности станичного общества "за исправность выхода казака на службу" и т.п. После обсуждения и дебатов по проекту в Военном совете, он получил силу закона 3 июня 1891 г. К казачьим войскам Азиатской России он был применен в 1893 г. Восстанавливалась общественная запашка в казачьих войсках, усиливалась круговая порука. Войсковое начальство получило более широкие возможности беспрепятственно отдавать "нерадивых" казаков "в заработки", описывать имущество в счет долгов, забирать от семьи имущество умершего, если у того был долг в войсковую казну. С целью предохранить войска от "вольномыслящих" правительство 22 мая 1884 г. издало секретный циркуляр, на основании которого войсковому начальству было предоставлено право "удалять со службы в дисциплинарном порядке" офицеров и чиновников, "имеющих нравственную испорченность и вредное влияние на товарищей"

Параллельно с усилением надзора войсковая администрация пыталась провести ряд мер, направленных на задержку процесса расслоения казачества. Это были частные меры, предписывавшие чиновникам проводить замену жеребьевой системы назначением при нарядах на службу на дальние расстояния с учетом имущественного состояния казака. Была предпринята попытка ликвидировать огромный штат казаков, занятых в качестве

прислуги у офицеров, чиновников, в лазаретах, на конюшнях. На повестке дня стоял также вопрос об уменьшении сбора с "неслужилых" с 10—15 руб. до 3—7 руб. в зависимости от приговора станичных обществ. К этому времени уравниваются правила пользования и наделения землей Оренбургского войска с казачьими войсками Европейской России. Усадьбы, сады, рощи при станицах и хуторах, находившиеся в пользовании у войсковых чинов, отдавались в собственность, но в размере не более 5 дес. Были приняты меры по переселению жителей части станиц на свободные земли. Только из первого отдела Оренбургского казачьего войска во второй в 1904 г. было переселено 4766 чел. из 9470.

В 1901 г. в войсках утверждаются штабные агрономы, а в 1905 г. таких специалистов уже имел каждый отдел. В 1901 г., согласно указу Николая II, за казачьими войсками закрепляются "навечно" земли, которыми они владели. За Уральским войском, кроме того, были закреплены "рыболовные воды по р.Урал и побережью Каспийского моря"[51]. В 1907 г. выходит положение, регулировавшее арендные отношения в войсках.

Однако меры правительства, направленные на избежание в казачьих войсках расслоения в ходе контрреформ, не имели должного успеха. Социальная дифференциация казачества особенно усиливалась с ростом переселенческого движения на казачьи территории. Часто наделы казаков переходили к разного рода скупщикам, зажиточным сослуживцам. Со строительством железных дорог и ростом переселенческого движения усиливались процессы разложения замкнутой казачьей общины. По данным В.А.Остафьева, в Сибирском казачьем войске в конце 1890-х гг. около 2160 семей из 4171 (51,8%) не могли самостоятельно вести свое хозяйство, не имели рабочего скота 28,9% хозяйств[52]. А.И.Долгих, исследовавшая процессы расслоения в Сибирском казачьем войске, пришла к выводу, что экономическое расслоение казачества шло главным образом по линии владения скотом и сельскохозяйственным инвентарем, а также по линии торговли. По данным автора, в XIX — начале XX вв. прослойка зажиточных хозяйств, обладавших значительной экономической мощью, составляла 15—20%. Сохранялась тяжелая воинская повинность и неравномерность в распределении земли[53].

Пытаясь противостоять наступлению воинской казны на лесные участки, казаки начинают массовые самовольные вырубки. В 1911 г. войсковым хозяйственным правлением Сибирского войска было зарегистрировано 432 случая порубок, в 1912 и 1913 гг. число их соответственно увеличивается до 475 и 854 порубок[54]. На казачьих территориях создается почва для революционной пропаганды. Об этом доносил командир одного из казачьих полков в Амурском войске. Он писал своему начальнику по поводу успеха революционной пропаганды в войсках: "Правду сказать, что почва для господ "товарищей" благоприятная в том отношении, что казаки, несмотря на услуги родине, не получили до сих пор сокращения сроков службы". Пытаясь сохранить спокойствие и порядок в полку, он просил начальство "устранить те обстоятельства, которые могут породить недовольствие в казачьей массе"[55].

Попыткой сгладить рост социальных противоречий в казачьих войсках явилась программа казачьей группы членов Государственной думы, вызвавшая немалый переполох в 1906—1907 гг. Она сводилась к требованию вернуть казачьим войскам "выборное начало", "освободить стоящих на льготе

казаков по содержанию коней, обмундирования и снаряжения" Одним из важных пунктов программы было требование "принудительного отчуждения земель, розданных офицерам и чиновникам и пришлым лицам"[56]. Военной администрацией были приняты срочные меры, чтобы воспрепятствовать намерению членов думы разослать программу по станицам и хуторам. Главное управление казачьих войск в своих циркулярах от 20 марта 1907 г. потребовало от атаманов казачьих войск "предостеречь казаков от неосторожного и доверчивого отношения к попытке их смутить"[57]. В разъяснении Главного управления указывалось, что "отбирать офицерские участки едва ли будет справедливым, так как этот акт был утвержден Высочайшей властью". Главное управление подчеркивало, что в случае осуществления этого пункта, появится прецедент, чтобы отобрать у казаков земли для передачи их малоземельным крестьянам. Особое внимание Главное управление обращало на то, чтобы не допустить передачу казачьим станицам права выбирать должностных лиц в органы местного управления.

Обеспокоенное настроениями части казачества в период революции 1905—1907 гг. правительство предприняло ряд мер для ликвидации возможных революционных выступлений казаков. Эти меры определили третий этап политики реформирования в казачьих войсках. Одной из существенных мер, направленных на ослабление оппозиционных движений, было закрепление за казачьими войсками "навечно" всех земель. Таким образом, законодательно были определены основы казачьего землепользования. Правительство идя на уступки требованиям казаков предприняло шаги по сокращению сроков воинской повинности. В виде "облегчения" уходившим на службу казакам увеличилось денежное пособие до 100 руб. на душу. В Амурском и Уссурийском казачьих войсках отменили выполнение казаками тяжелой повинности по заготовке дров и угля для казенных пароходов.

Одной из существенных мер, направленных на то, чтобы поставить казачье сословие в привилегированное положение, было решение "переложить часть расходов, имевших "общегосударственное значение", с войсковых капиталов на долю казны"[58]. Войсковая казна, убедившись в невозможности взыскать долги с казачьего населения (только в Сибирском войске эти долги составляли в 1909 г. 335677 руб.), ходатайствовала о взятии войсковых расходов на счет государства. В перечне таких расходов значилось содержание административного аппарата, ремонт войскового снаряжения, выдача пособий офицерам, содержание почтовых станций, наем прислуги и т.д. Общая сумма расходов, взятых казной и переложенных на плечи населения составляла 545320 руб. На долю казачьих войск осталась, тем не менее, значительная часть расходов в 9222172 руб.

Таким образом, проведение в жизнь реформы для казачества Урала и Сибири имело ряд особенностей. Характерной чертой реформ на казачьих территориях была их сословная направленность. Правительство, реализуя реформы для каждого сословия отдельно, ставило перед собой цель не допустить неизбежного недовольства со стороны населения в ходе их проведения и в связи с этим учитывало интересы разных сословий, в том числе казачества.

Методы реформирования, применявшиеся в отношении казачьего населения Азиатской России, несмотря на их различия по форме были во многом сходны с методами, применявшимися при проведении реформы для государственных крестьян. Правительство не форсировало реформы, пытаясь ух-

репить и сохранить во многом старые отношения, не менять "средневековый способ пользования землями за службу". Введение реформы на казачьих территориях, по замыслу реформаторов, должно было обеспечить в лице казаков военную силу государства. Достижение этой цели планировалось через введение уравнительного казачьего землепользования, стимулирование с помощью льгот развития казачьих хозяйств. В этом смысле имелись известные положительные результаты.

Но во многом реформы не удавались, а порой и вызывали сопротивление части казачества Урала и Сибири. Великая реформа, раскрепостившая производительные силы центра страны, оказала влияние и на Азиатскую Россию. Волна переселенческого движения захватила казачьи территории, отразилась на их экономическом развитии. Это, в свою очередь, заставило правительство искать новые методы и пути приспособления к создавшимся новым условиям.

ГЛАВА 2

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАЗАКОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Участие казаков в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Поражение в Крымской войне с особой остротой поставило вопрос о необходимости экстренных мер для повышения боеготовности русской армии и, в частности, казачьих войск. Реформы в казачьих войсках, осуществленные в 60—70-е гг. прежде всего и были на это направлены. Одной из главных особенностей осуществления этих реформ было то, что они проводились в условиях практически постоянного использования личного состава казачьих войск в военных действиях. Уральское, Оренбургское и Сибирское войска охраняли границу с Киргиз-Кайсацкой степью и участвовали в непрекращавшихся по существу более или менее крупных вооруженных акциях в Средней Азии. Астраханское войско в 1862—1865 гг. ежегодно командировало на Кавказ по одной сотне со специальной целью получения боевого опыта в ходе войны с горцами. Во время Польского восстания 1863—1864 гг. пять оренбургских казачьих полков постоянно находились за западной границе: один — в Бессарабии, один — в Киевской губернии, три — непосредственно в Царстве Польском. В подавлении восстания участвовали также два полка уральских казаков. Надо отметить, что борьба с польскими повстанцами воспринималась в общественном сознании многих россиян, в том числе казаков, как война, направленная на предотвращение развала Российской империи, и в этом смысле оправданная. Среди казаков в связи с войной довольно значительное распространение получило добровольчество, причем не только среди мужчин. Во 2-м Оренбургском казачьем полку, например, добровольцем служила казачка Варвара Зайцева[1].

Но, конечно, при всей масштабности военных действий на Кавказе, в Польше, в Средней Азии они не шли ни в какое сравнение с русско-турецкой войной 1877—1878 гг., которая явилась в сущности первым по настоящему крупным испытанием преобразованной в ходе реформ российской армии.

В середине 70-х гг. XIX в. резко ухудшилось положение славянских народов Балканского полуострова, особенно тех, которые были османскими подданными. Турецкое правительство усилило налоговый гнет. К тому же в Турции действовала чрезвычайно тяжелая податная система. Все государственные налоги и подати, в том числе и прямые, отдавались на откуп частным

лицам. Такие сборщики взыскивали налоги и подати в увеличенном размере, чтобы не только покрыть государственные нужды, но и обогатиться самим. Серьезным притеснениям подвергалось местное население в сфере поземельных отношений. Приверженцы христианской веры не имели права на владение землей. Не могли они служить и в армии. Христиане имели ограниченные возможности для получения образования и развития национальных культур.

Россия совместно с Германией и Австро-Венгрией предпринимала попытки дипломатическими средствами разрешить кризис. Цель состояла в том, чтобы побудить Турцию провести реформы, обеспечивающие равноправие славянского и турецкого населения, свободу вероисповедания, снижение налогов.

Но события пошли иным путем. В 1875 г. вспыхнуло стихийное восстание в Герцеговине. Его пламя перекинулось в Боснию и Болгарию. Турецкое правительство с помощью силы стремилось сохранять власть. Восстание было подавлено с неслыханной жестокостью.

Однако в апреле 1876 г. восстали болгары. Их выступление имело более широкий размах и грозный характер. И вновь Турция использует силу и устрашение. При подавлении движения турки устроили в Болгарии массовую резню мирных жителей. Погибло не менее 12 тыс. болгар, в том числе много женщин и детей.

Эти события произвели огромное впечатление в Европе, и особенно в России. В русском обществе громко высказывалось сочувствие борцам за национальное освобождение. Появились славянские комитеты, которые собирали пожертвования в пользу восставших. В городах формировались отряды добровольцев и спешно отправлялись на помощь славянам. С протестами против жестокостей в защиту болгарского народа выступили Д.И.Менделеев, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, Н.И.Пирогов, И.Е.Репин и другие представители русской культуры.

А тем временем события развивались. Летом 1876 г. в защиту Боснии и Герцеговины выступили Сербия и Черногория. Они объявили войну Турции. В России с новой силой поднимается волна солидарности в поддержку освободительной борьбы славянских народов. Под давлением общественности император разрешил офицерам временную отставку и поступление на службу в сербскую армию. По всей России развернулось добровольческое движение. Около 5 тыс. русских военных вступило в сербскую армию, которую возглавил известный генерал М.Г.Черняев. Во время Крымской войны он участвовал в сражении на Малаховом кургане, но особую популярность приобрел во время походов в Среднюю Азию. В числе добровольцев были и оренбургские офицеры: подполковник Калитин, капитан Федоров, поручик Попов. Это были опытные офицеры, показавшие себя в боях с самой лучшей стороны. Командиром 3-й дружины болгарского ополчения стал Павел Петрович Калитин. К этому времени он имел богатый боевой опыт походов на Бухару, Хиву, Коканд. Золотая шашка с надписью "За храбрость", орден Святого Владимира 4-й степени с мечами, бантом и другие боевые награды свидетельствовали о незаурядных способностях подполковника. 19 июля 1877 г. в тяжелом бою под Эски Загорной, спасая знамя дружины, П.П.Калитин погиб[2].

Славянские комитеты организовали по всей России сбор денежных пожертвований. На эти средства приобреталось оружие, продовольствие, медикаменты и переправлялись повстанцам. Так, в Оренбургской губернии

было собрано в фонд войны свыше 30 тыс. руб. На эти деньги был создан передвижной госпиталь и отправлен на Балканы. Около 10 тыс. руб. передали оренбуржцы на нужды освободительной борьбы болгарского народа.

События для Сербии развивались неблагоприятно. Войска М.Г.Черняева вторглись в пределы турецких владений, но вынуждены были вскоре отойти обратно к границам Сербии. У г.Алексинца в течение трех месяцев М.Г.Черняев сдерживал наступление турецкой армии, но осенью 1876 г. вынужден был отступить.

Сербская армия оказалась неподготовленной к борьбе с турками. Она была плохо вооружена, необучена и терпела поражения. Россия выступила в защиту Сербии, потребовав от Турции немедленно прекратить военные действия. Затяжные переговоры с турками не дали положительных результатов, и в апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну.

Военные действия начались 12 апреля 1877 г. одновременно на Балканах и в Закавказье. Русская армия под командованием великого князя Николая Николаевича (старшего)[3] перешла румынскую границу. К лету она продвинулась до Дуная и в весьма сложной боевой обстановке форсировала его.

В составе Балканской армии в то время было только одно подразделение казаков Азиатской России — Отдельная Уральская казачья сотня под командованием войскового старшины Е.Я.Кирилова. Несмотря на свою малочисленность в сравнении с общим количеством солдат и казаков в Балканской армии уральцы сумели обратить на себя внимание командования своим мужеством, воинским мастерством. Превосходные пловцы и гребцы они во время форсирования Дуная были посажены на весла понтонов и лодок и обеспечили переправу русских войск на турецкий берег, за что позднее были отмечены наградами. Их подвиг запомнился настолько, что, по свидетельству очевидцев, командующий Балканской армией генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич вплоть до смерти хранил в своем дворце в Петербурге картину, изображавшую лихую переправу уральских казаков через Дунай[4].

Уже после начала войны 1 августа 1877 г. из отдельных сотен был сформирован Уральский казачий №1 полк, первоначально двухсотенного состава. В 1878 г. в него влились еще четыре сотни. Полк этот под командованием подполковника С.Е.Толстого был направлен на западную границу, а затем непосредственно в действующую армию на Балканы, где находился вплоть до своего возвращения в 1879 г. на Урал[5].

В конце июня 1877 г. 185-тысячная русская армия развернула наступление в Болгарии. Она овладела древней болгарской столицей Тырново. Передовой отряд под начальством генерала Гурко быстро дошел до Балканских гор, 7 июля овладел Шипкинским перевалом и другими горными проходами на юг. После этого бои приняли затяжной характер. Крепость Плевну удалось взять только в ноябре после длительной осады и ценой больших потерь. Со взятием Плевны определился перелом в военных действиях на Балканах в пользу русской армии. В ходе войны уральские казаки участвовали в важнейших боевых операциях, причем многие из них показали незаурядную храбрость. Командир отдельной Уральской казачьей сотни Е.Я.Кирилов в бою под Казанлыком во время кавалерийской атаки на расположение турок потерял коня. Ему грозила неминуемая смерть от турецких шашек. Увидев, что командир в опасности, на помощь ему бросился вахмистр сотни урядник Раннев. Подскакав на коне к Е.Я.Кирилову, он крикнул: "Ваше высокобла-

городие, хватайтесь за стремя!" Кирилов схватился, и лошадь Раннева в карьер вынесла его из неприятельских рядов.

Особой храбростью среди казачьих офицеров выделялся сотник Г.П.Любавин. Во время одной из рукопашных схваток с кавалерией противника, он, опередив казаков своей сотни, оказался окруженным турецкими черкесами, которые по праву считались в турецкой армии едва ли не самыми лучшими рубаками и отчаянными головорезами. Но здесь "нашла коса на камень". Г.П.Любавин был отличным фехтовальщиком и даже не подумал об отступлении. Выхватив шашку, сотник оборонялся от окружавших его черкесов, пока ему не пришли на подмогу казаки сотни[6].

Естественно, что у таких офицеров, как войсковой старшина Е.Я.Кирилов и сотник Г.П.Любавин, казаки тоже отличались отчаянной смелостью и лихостью. Не случайно по окончании военных действий отдельной Уральской казачьей сотне были пожалованы значки на головные уборы, изображавшие ленту с надписью "За отличие в турецкую войну 1877—1878 гг."[7]

Одновременно с успешным наступлением на Балканах русская армия одержала ряд побед в Закавказье. Кавказской армией командовал великий князь Михаил Николаевич[8]. В составе русской армии на Кавказе были и казачьи части. В августе 1877 г. по указу императора началось формирование казачьих полков для участия в войне. В том же месяце 6-й и 7-й шестисотенные Оренбургские казачьи полки[9] под командованием подполковника Шейх Али и войскового старшины Мореншильда были направлены в состав Кавказской армии. Астраханское войско направило на Кавказ полки второй и третьей очереди[10].

Для русской армии военные события в Закавказье развивались успешно. Оренбургские казаки уже осенью 1877 г. приняли деятельное участие в боях с турками. 1 и 2 октября в составе корпуса Лорис-Меликова они штурмуют Орлакские высоты. На следующий день оренбургские казаки принимают участие в разгроме турецких войск на Альджинских высотах, 5 октября участвуют в ожесточенной перестрелке с турками.

С большим трудом русские войска взяли Карс. 8 октября крепость была окружена и началась ее почти месячная осада. В этот период оренбургские казаки неоднократно участвовали в разных операциях, выполняя задания командования, часто прибегали к партизанской тактике.

1 ноября гренадеры Ростовского полка штурмовали форт Бозгалы. Внезапно на полк обрушилась турецкая кавалерия. Три сотни 7-го Оренбургского казачьего полка пришли на помощь гренадерам и отбросили противника.

Завершающие бои у Карса развернулись 5 и 6 ноября. Сопротивление турок было сломлено, и многотысячная колонна их войск двинулась из крепости. На преследование отступавших были брошены 7-й Оренбургский казачий и 16-й Нижегородский драгунский полки. Умелыми смелыми действиями конники рассеяли войска противника и взяли в плен около 18 тыс. турок. Отличились при штурме Краса и астраханские казаки.

В зимних условиях коннице особенно трудно вести боевые действия. Зима же 1877—1878 гг. была суровой. Постоянно возникали перебои в снабжении продовольствием, топливом. Именно в таких условиях участвовали астраханские и оренбургские казаки в блокаде г.Эрзерума. К 30-градусным морозам, трудностям в снабжении добавилась сильная эпидемия тифа. Болезнь унесла тысячи жизней солдат и офицеров, в том числе и казаков.

Дальнейшее кровопролитие было предотвращено победами русских войск на Балканах. Турция запросила перемирия, и в феврале 1878 г. в местечке Сан-Стефано близ Константинополя был подписан мирный договор.

Оренбургские и уральские казаки в этой войне вновь показали себя умелыми и храбрыми воинами. За боевые подвиги личный состав 7-го Оренбургского полка, 1-й, 2-й, 6-й сотен 6-го Оренбургского полка, а также полки второй и третьей очереди Астраханского казачьего войска получили, подобно уральцам, знаки отличия на головные уборы "За отличие в турецкую войну 1877—1878 гг." С самой лучшей стороны зарекомендовали себя офицеры-казаки Чулошников, Красноярцев, Мореншильд, Игельстром и многие другие. Войсковой старшина 6-го Оренбургского казачьего полка Николай Авдеев проявил особую смелость в боях под Карсом и был награжден Золотой шашкой с надписью "За храбрость". Есаул Николай Мякутин, сотники Иван Бектеев и Иван Поляков заслужили по три боевых ордена. Двумя орденами был награжден сотник Илья Дутов. Дважды стал кавалером знака отличия военного ордена Рахматулла Манаев. Знаки отличия военного ордена получили 58 казаков 6-го Оренбургского казачьего полка.

В русско-турецкой войне участвовал крупный военный деятель и писатель Федор Константинович Гершельман. По его книгам учились слушатели военных академий и училищ. Он был награжден двумя орденами. Впоследствии, в 1881—1885 гг., Ф.К.Гершельман был начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища. Орден Святого Георгия заслужили генерал Дандевиль и будущий шеф Оренбургского казачьего войска великий князь Константин Романов[11].

В период Балканской кампании казаки востока России вписали еще одну славную страницу в свою боевую историю. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. стала суровой проверкой правильности военных реформ, осуществлявшихся в то время в России. С этой точки зрения принципиальное значение имела достаточно высокая боевая подготовка и стойкость, проявленные в войне запасными (льготными) частями, в том числе астраханскими и оренбургскими. Критики военных реформ в России (из числа настроенных наиболее консервативно) резко возражали против сокращения сроков военной службы солдат и казаков, мотивируя это тем, что создаваемая одновременно система прохождения службы в запасе вряд ли может быть достаточно эффективной. Русско-турецкая война показала, что эти опасения были явно преувеличенными. Льготные казачьи части при всех своих недостатках неплохо показали себя в боевых условиях. Правильность военной реформы была подтверждена практикой, не учениями и парадами, а большой и трудной войной.

2. Присоединение Средней Азии и образование Семиреченского казачьего войска

В XVI—XVII вв. Российское государство распространило свои владения далеко на восток, вплоть до Тихого океана. Однако приобретенным владениям постоянно, даже в XIX в., угрожала опасность с юга, со стороны киргиз-кайсацких степей, населенных воинственными кочевыми племенами. Для защиты границы от набегов кочевников строились линии пограничных укреплений, которые постепенно продвигались все дальше на юг и восток.

В середине XIX в. интерес правительства России к районам Казахстана и Средней Азии возрастает. Было начато строительство новой Оренбургской пограничной линии протяженностью свыше 500 верст, выдвинувшейся далеко вперед в киргизскую степь. Новые крепости были заселены казаками. Пограничная линия стала базой упрочения русского влияния в Средней Азии[1].

В середине XIX в. на территории Средней Азии находились Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. Здесь проживало около 6 млн чел. Среди населения преобладали узбеки. Бухарский эмират занимал территорию долины Зарафшана, горный район Нур-Ата и некоторые территории по Аму-Дарье. Хивинское ханство располагалось по нижнему и среднему течению Аму-Дарьи, Кокандское ханство находилось в долине Ферганы. Последнему принадлежала территория с городами Ташкентом, Чимкентом, Туркестаном и другими.

Основную территорию Средней Азии занимали пустыни и горы, поэтому здесь было развито кочевое скотоводство. Поливным земледелием занимались в оазисах. Вплоть до середины XIX в. в Средней Азии было развито рабство, особенно в Хивинском ханстве.

Местные правители постоянно враждовали и вели войны между собой. Междоусобная борьба опустошала богатые районы, вела к гибели тысяч людей. Так, в первой половине XIX в. массовому истреблению подверглись киргизы и казахи в Кокандском ханстве, был разрушен Мургабский оазис, разгромлены Ходжент, Ура-Тюбе и другие торгово-ремесленные центры.

Постоянными были нападения кочевников на русские поселения, сопровождавшиеся грабежами, погромами, угоном скота. Кочевники стремились захватить как можно больше людей в плен. По данным 1841 г., только в Бухарском ханстве было 2 тыс. пленников из России[2]. В августе 1844 г. кочевники напали на Екатерининскую станицу и сожгли в предместье 36 домов, ограбили на 40 тыс. руб. имущества, пленили 27 чел. и угнали 2227 голов разного скота[3]. Защита русского населения от набегов составляла важную задачу восточной политики России.

Существенное влияние на политику России оказывало давнее соперничество в регионе с Англией. После поражения в Крымской войне российское правительство временно отказалось от активной политики на Балканах. Испытывая сильное давление Англии и Франции на европейском континенте, Россия предпринимает контрманевры на востоке.

В углублении и расширении связей со Средней Азией первостепенную роль играли экономические интересы. России нужен был среднеазиатский рынок. Но развитию торговли серьезно мешал ряд обстоятельств: отсутствие хороших и надежных путей сообщения, английское соперничество, низкая покупательная способность населения, высокие пошлины на товары русских купцов по сравнению с купцами-мусульманами.

Громадное значение для закрепления позиций России в Средней Азии имело появление там русских поселений. Первые из них в Закаспийском крае возникли в 1845 г. При участи уральских казаков были построены Ново-Петровское укрепление на Мангышлакском полуострове в Каспийском море, Раимское в устье реки Сыр-Дарьи, Оренбургское на реке Тургае и Уральское на реке Иргиз. Казаки стали и первыми поселенцами укреплений.

В 1853 г. произошел военный конфликт с кокандским ханом. Русские войска разгромили армию хана при крепости Ак-Мечеть. В осаде и взятии крепости участвовали две сотни и батарея оренбургских казаков и три сотни

Уральского казачьего войска. В декабре две сотни уральцев сражались с кокандцами, пытавшимися вернуть себе Ак-Мечеть.

Одновременно началось продвижение в районы Средней Азии из Сибири. В 1850 г. сибиряки взяли укрепление Копал, а в 1854 г. на месте Казахского селения на реке Алма-Ата заложили укрепление Верное. Прочным плацдармом для новых походов в среднеазиатские ханства стали возведенные в 1854 г. Сыр-Дарьинская и Сибирская укрепленные военные линии. Новые районы осваивались казаками, возникали русские поселения. Это сделало базу для дальнейшего продвижения вглубь Средней Азии более прочной.

В 50-е гг. состоялись новые разведывательные экспедиции, не только научные, но и дипломатические. Зимой 1857—1858 гг. совершил поездку в степь оренбургский генерал-губернатор А.А.Катенин. Его сопровождал отряд из 300 казаков. В 1859 г. состоялась экспедиция полковника Дандавиля по восточному берегу Каспийского моря. Дандавиля сопровождали 50 уральских казаков. Наиболее известными были миссии 1858—1859 гг., которые возглавляли Н.В.Ханыков, Н.П.Игнатьев и Ч.Ч.Валиханов. Экспедицию полковника Игнатьева в Хиву сопровождали 19 уральских казаков с двумя офицерами. Все участники собрали ценные сведения, но закрепить дипломатическим путем российское влияние не смогли.

В начале 60-х гг. XIX в. интерес к среднеазиатскому рынку резко возрастает. Это в значительной мере было связано с последствиями начавшейся гражданской войны в Соединенных Штатах Америки. На долю США приходилось 94% российского импорта хлопка. Из Средней Азии в 1861 г. было вывезено около 120 тыс. пуд., что составляло 4,5%. Война в США вызвала мировой хлопковый кризис, поразивший и Россию. Поставки американского хлопка сократились в шесть раз. Это заставило правительство, купцов и промышленников России по-иному взглянуть на роль среднеазиатского региона как источника сырья. Только за один 1861 г. поступление из него хлопка возросло втрое. А в 1862 г. ввоз из Средней Азии составил 40,2% всего импорта хлопка. Быстро стали расти цены. На нижегородской ярмарке они поднялись с 4—5 руб. за пуд до 7 руб. 50 коп. в 1861 г. В 1862 г. цены составили 12—13 руб., а в 1864 г. достигли 22—24 руб. за пуд.

Купечество России стало все чаще обращаться к правительству с просьбами устранить препятствия для развития торговли в Средней Азии. В 1862 г. 15 московских купцов письменно ходатайствовали перед министром финансов об урегулировании торговли с Бухарой, просили учредить там русское консульство. В 1863 г. купцы направили "Записку о неравноправности международной торговли России с Хивою, Кокандом и Бухарою, подвергающей русскую торговлю большим затруднениям в совершенный ущерб нашего государства".

Наиболее предприимчивые деловые люди не ограничивались обращениями к правительству. Они совершали поездки в среднеазиатские ханства и сами устанавливали торговые связи. Так, владелец бумагопрядильни в Рязанской губернии М.А.Хлудов осенью 1863 г. выехал в Оренбург. Здесь он получил охранный лист для поездки в Бухару в целях покупки хлопка и других товаров. В Бухаре Хлудов установил торговые отношения с местными купцами. Одновременно подобную работу вели приказчики еще пяти русских купцов. И это несмотря на то, что торговля со среднеазиатскими

ханствами была делом небезопасным. На торговые караваны кочевники часто совершали нападения, отбирали товары, купцов нередко брали в плен[4].

В 1863 г. завершается этап разведывательных экспедиций. Начинается подготовка и проведение военных походов в Среднюю Азию. Основную роль в реализации программы призваны были сыграть казаки Урала и Сибири. В составе русских войск в тот период постоянно находилось от 18 до 23 сотен оренбургских и несколько сотен уральских казаков[5].

Решительные действия в Средней Азии тщательно подготавливались. 23 февраля 1863 г. они были предметом обсуждения на заседании Особого комитета, на котором присутствовали министры, а также оренбургский и сибирский губернаторы. На заседании был внесен ряд конструктивных предложений. Военный министр Д.А.Милютин и оренбургский генерал-губернатор А.П.Безак высказались за начало немедленных военных действий. Им возражали министр финансов М.Х.Рейтерн и министр иностранных дел А.М.Горчаков. Они были и против соединения Оренбургской и Сибирской военных линий. Особый комитет выработал компромиссное решение, которое было 2 марта 1863 г. утверждено императором. Соединение военных линий откладывалось. Намечалось продолжить рекогносцировку, детально изучить местность между передовыми укреплениями Сыр-Дарьинской и Сибирской линий. Начальнику Аральской флотилии Бутакову поручалось исследовать течение Сыр-Дарьи вверх до форта Перовского. Провести рекогносцировку района от Джулека до г. Туркестана предлагалось исполнявшему должность начальника штаба Оренбургского корпуса подполковнику М.Г.Черняеву. Он должен был также выслать "летучий отряд" к северным склонам гор Кара-Тау до кокандской крепости Сузак.

Осуществление решения Особого комитета дало неожиданные результаты. Летом 1863 г., когда отряд под начальством Черняева подошел к крепости Сузак, там вспыхнуло восстание против кокандских властей. Население потребовало принять русское подданство. Этого же стали требовать и казахи, кочевавшие в районе Чолак-Кургана и Сузака. Отряд Черняева без боя овладел крепостью и объявил Сузак "под покровительством России". Внутренние раздоры в Кокандском ханстве и очередная бухаро-кокандская война создали выгодную обстановку для осуществления планов продвижения в Среднюю Азию.

Начало новому этапу политики России в Средней Азии положил указ императора Александра II от 20 декабря 1863 г. В нем говорилось: "С будущего 1864 г. приступить к соединению передовых Оренбургской и Сибирской линий..., чтобы впоследствии перенести границу на Арыс, проведя оную на Аулис-Ата через Чимкент"[6]. Планом действий намечалось с весны 1864 г. войсками Оренбургского корпуса окончательно занять Сузак. Сибирскому корпусу поручалось овладеть г.Аулис-Ата и тем самым обеспечить создание сплошной пограничной линии по хребту Кара-Тау.

Весной 1864 г. подготовка к походу на Кокандское ханство завершилась. В мае на Туркестан с Сыр-Дарьинской линии двинулся полуторатысячный отряд под начальством полковника Веревкина. Одновременно из Западной Сибири к Аулис-Ата выступил отряд в 2500 чел. Им командовал полковник Черняев, специально прибывший для этого из Петербурга. Его сопровождал штабс-ротмистр Ч.Ч.Валиханов. 4 июля отряд Черняева после двухчасового боя овладел крепостью Аулис-Ата. С большими трудностями столкнулся отряд Веревкина. 9 июня он подошел к г.Туркестану, где встретил сильное

сопротивление кокандцев. Началась осада города. Кокандцы предпринимали многочисленные вылазки, которые не принесли успеха. 12 июня город был взят, а его правитель с 300 всадниками отступил по ташкентской дороге. Потери русских войск составили 5 чел. убитыми и 33 ранеными. Со взятием этих укрепленных пунктов осуществлялось соединение пограничных военных линий. За удачное проведение операции Черняеву и Веревкину присвоили звания генерал-майоров. Всем офицерам было объявлено "высочайшее благоволение", многим из них вручили ордена.

Оренбургские казаки участвовали во взятии Аулис-Аты и Туркестана. В числе штурмующих крепости Туркестан, Курган, Джулек были и четыре сотни уральских казаков. В 1864 г. отдельная Уральская сотня входила в гарнизон Туркестана. В том же году 14—15 июля отряд оренбуржцев (405 чел.) под предводительством капитана Мейера отражал атаку 12000 кокандцев.

Для закрепления территории правительство приняло решение создать новую линию укреплений от р.Чу до крепости Яны-Курган на Сыр-Дарье. Начальником линии, названной Новококандской, назначили генерала Черняева. Воодушевленный успехами Черняев предпринимает попытку овладеть Чимкентом. 7 июля 1864 г. он выступил из Аулис-Ата и организовал осаду города. Однако, встретив упорное сопротивление, вынужден был в конце месяца снять осаду.

Неудача заставила лучше готовиться к боевым действиям. Осенью, получив согласие командующего войсками Западной Сибири Дюгамеля, Черняев повторил штурм Чимкента. Преодолев упорное сопротивление кокандцев, войска Черняева 21 сентября взяли город. Черняев пытался закрепить свой успех. Уже 27 сентября отряд численностью в 1550 чел. при 12 орудиях выступил из Чимкента на Ташкент. Город оказался хорошо укрепленной крепостью, имел сильный гарнизон и артиллерию. Штурм оказался неудачным и отряду Черняева пришлось возвратиться в Чимкент. Во всех операциях участвовали казачьи сотни Урала и Сибири.

Особенно известным и памятным стал подвиг уральских казаков, совершенный в декабре 1864 г. О нем шла молва по всей Средней Азии и особо упоминалось в царской грамоте от 6 мая 1884 г. в связи с пожалованием Уральскому казачьему войску "Общего войскового Георгиевского знамени". В грамоте отмечалось, что Уральское казачье войско "служило оплотом государства, охраняя значительную часть границы его от набегов кочевых народов и вместе с тем принимало участие и во внешних войнах, являя всегда пример самоотвержения и воинской доблести при исполнении своего служебного долга; при завоевании же Туркестанского края и водворения в нем порядка, оно, с самых первых шагов туда наших войск, несло непрерывные труды и ознаменовало себя в многочисленных боях, в особенности же в 1864 году, в деле против коканцев под Иканом, подвигами отваги и мужества"[7].

История подвига уральцев под Иканом такова. 1 декабря 1864 г. для усиления передового отряда, занявшего г.Туркестан, сюда из форта Перовский прибыла сотня уральских казаков под начальством есаула В.Р.Серова. Вскоре стало известно, что под городом появились отряды противника в несколько сот человек. Это срывало отправку транспорта в Чимкент, и сотню Серова (в составе Абрамичева, 5 урядников, 98 казаков и 4 артиллеристов при одном орудии) на четвертый день ее пребывания в Туркестане направили разгонять неприятельские отряды.

Сотня двинулась к селению Икан, находившемуся в 29 верстах от г.Туркестан. По дороге узнали, что Икан занят неприятелем, но численность его неизвестна. Впоследствии выяснилось, что это была 10—12-тысячная армия во главе с кокандским ханом Алимкулом, которая имела пехоту, артиллерию, боевые припасы, обоз и готовилась штурмовать Туркестан. Есаул Серов отвел сотню от Икана, спешил отряд и быстро организовал оборону. Это было весьма своевременно, т.к. вскоре появились конные отряды кокандцев, которые совершили не менее 4—5 атак на отряд уральцев. Казаки, впервые вооруженные нарезным оружием, отбили атаки.

Ночь прошла в тревоге и заботах. Было ясно, что уйти не удастся, вести открытый бой не хватает сил. Тем более всю ночь позиции отряда обстреливались из трех орудий. Среди уральских казаков были люди бывалые, не раз встречавшиеся в схватках с кокандцами, награжденные знаками отличия. Казаки приподняли оборонительные завалы, отстреливались из единорога, пока у него не сломалось колесо. Утром обстрел со стороны кокандцев усилился. Появились убитые и раненые. В бой включилась и кокандская пехота. Но открыто атаковать кокандцы не решались, считая, что казачий отряд значительно больше, чем был на самом деле. Казаки метко отстреливались, стремясь в первую очередь уничтожать артиллеристов, джигитов, начальников.

Во второй половине дня была сделана первая попытка помочь сотне Серова из города. Оттуда раздались орудийные выстрелы. Это действовал небольшой отряд в полтораста человек с двумя пушками. Отряд за 3—4 версты до казаков был окружен сильными конными отрядами кокандцев и с трудом вернулся в город, гарнизон которого состоял из 2,5 рот.

Положение еще больше осложнилось. Алимкул предложил казакам сдаться, но ответом была меткая стрельба и сооружение новых завалов. Есаул Серов направил казаков Борисова, Чернова и киргиза Ахмета с запиской к коменданту города, которую они и доставили утром. А в это время есаул затевает переговоры с кокандцами, которые удалось затянуть на два часа, но помощь не подошла. В 7 часов вновь закипел горячий бой. Наступая с трех сторон, неприятель перебил всех лошадей, мертвыми лежали 37 казаков, многие были ранены. Одну за другой казаки отбили четыре атаки. Дальше оставаться на месте было нельзя. Изнуренные трехдневным боем, голодные, мучимые жаждой, заклепав свой единорог, уральцы двинулись на неприятеля. Горсть пеших казаков, вооруженных ружьями, с дерзкой отвагой, теряя своих товарищей, напрягая последние силы, пробились через массу неприятельской конницы и пеших сарбазов. И уже под самым городом на помощь им вышли солдаты гарнизона и приняли на свои руки уцелевших бойцов. Правитель Коканда Алимкул не решился атаковать отряд и вернулся в Ташкент.

С тех пор сотню Серова стали называть "иканской". В сражении она потеряла половину состава, четырех урядников, артиллеристов, 36 чел. были ранены. Всем иканским героям император пожаловал знаки отличия военного ордена, а есаулу Серову — Георгия 4-й степени и следующий чин. По распоряжению епископа Туркестанского в г.Туркестане ежегодно стали совершать заупокойную службу по павшим. В 1884 г. 4-я сотня 2-го Уральского казачьего полка получила знаки отличия на головные уборы "За отличие в делах под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года". Через четверть века, в 1889 г. в Уральске были собраны все участники боя вместе с георгиевскими

кавалерами. Иканцы с генералом Серовым во главе и все кавалеры встали перед фронтом казачьих рядов. В речи перед собравшимися наказной атаман сказал: "25 лет тому назад уральская сотня есаула Серова покрыла себя неувядаемой славой в трехдневной битве под Иканом. Подвиг тот составляет украшение и гордость всего Уральского войска казачьего"[8].

В январе 1865 г. Особый комитет счел целесообразным сконцентрировать в Оренбурге все руководство политикой и торговлей в Средней Азии. Решили объединить Новококандскую и Сыр-Дарьинскую линии, от крепости Иссык-Куль до Аральского моря, в одну область — Туркестанскую. Она включалась в состав Оренбургского генерал-губернаторства и управлялась военным губернатором с особыми полномочиями. Первым губернатором стал генерал-майор М.Г.Черняев. После неудачи осенью 1864 г. он "целую зиму бредил Ташкентом", ссылаясь на угрозу со стороны Бухарского ханства, а в апреле 1865 г. во главе отряда в 1300 чел. при 12 пушках выступил в поход. В отряд были включены оренбургские и уральские казачьи сотни. 28 апреля отряд Черняева подошел к крепости Ниязбек на р.Чирчик, которая контролировала снабжение Ташкента водой. Взяв крепость, Черняев приказал отвести два главных рукава р.Чирчик. Но Ташкент, в котором был тридцатитысячный гарнизон, не сдавался. К городу из Кокандского ханства подошел 6-тысячный отряд с 40 орудиями, который в сражении 9 мая был разгромлен русскими. В бою погиб и правитель ханства — Алимкул.

Судьба Ташкента была решена, когда Черняев в начале июня выслал небольшой отряд штаб-капитана Абрамова на "бухарскую дорогу". Отряд занял крепость Чиназ, расположенную у впадения Чирчика в Сыр-Дарью. Ташкент оказался окруженным с трех сторон. Снабжение его водой и хлебом еще больше ухудшилось. Была преграждена дорога и для отрядов бухарского эмира. Началась осада города с 30-тысячным гарнизоном. Казаки участвовали в многочисленных стычках под Ташкентом и непосредственно во взятии города.

После длительной осады в ночь на 15 июня 1865 г. начался штурм города. В течение двух дней шли бои на городских улицах. В этих боях особенно отличились две сотни Уральского казачьего войска. 17 июня аксакалы и "почетные жители" Ташкента "изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству". В отряде Черняева 25 чел. были убиты, 89 ранены и 28 контужены. Трофеи составили 63 пушки и много другого оружия.

Нормализации обстановки в Ташкенте способствовало проведение ряда мер: была провозглашена неприкосновенность веры и обычаев, сохранен прежний мусульманский суд (за исключением уголовных дел), отменены все произвольные поборы, местное население освобождалось от постоя и мобилизации в солдаты, ташкентцы на год освобождались от каких-либо податей и налогов. Проблема политического и административного устройства Ташкента затянулась на длительное время и завершилась указом царя летом 1866 г. о присоединении города к Российской империи.

Воспользовавшись русско-кокандской войной, бухарский эмир Музаффар в начале 1865 г. сосредоточил войска в Самарканде и двинул их к Ура-Тюбе, который прикрывал доступ в Фергану. В середине года войска эмира вторглись в Ферганскую долину и заняли Коканд. Начались длительные дипломатические переговоры, которые от имени России вел Оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский. Воспользовавшись неудачным походом оренбургских казаков к крепости Джизак Крыжановский добился замены

М.Г.Черняева в марте 1866 г. на посту военного губернатора Туркестанской области Д.И.Романовским (Черняев стремился подчинить край непосредственно Петербургу).

Столкновения с бухарцами между тем не прекращались. Решающее сражение произошло 8 мая 1866 г. в районе урочища Ирджар. Бухарская армия потерпела сокрушительное поражение. Оренбургские казаки в этом бою разбили и обратили в бегство бухарскую кавалерию. Они преследовали ее на расстоянии пяти верст. Храбро сражались при Ирджаре и три сотни уральцев.

Вслед за этим казаки принимают участие в занятии г.Ходжента и крепости Нау, которые прикрывали доступ в Ферганскую долину. В августе все захваченные земли официально включаются в состав Российской империи.

В сентябре 1866 г. русские войска вступили в пределы Бухарского ханства. Вскоре штурмом были взяты важные крепости: Ура-Тюбе, Джизак и Яны-Курган. Оренбургские казаки перерезали путь отступающему из Ура-Тюбе гарнизону и уничтожили несколько сот солдат противника. При осаде и штурме Джизака казаки под начальством полковника Пистолькорса вновь отличились. Они отвлекли противника в северо-западном углу крепости, что облегчило ее штурм. Казаки преследовали выбитых из крепости бухарцев и большую часть их уничтожили. Затем в столкновении с бухарской кавалерией, шедшей на помощь Джизаку, вынудили ее отступить. Со взятием этих крепостей войска вышли на подступы к Самарканду.

В 1867 г. было образовано отдельное Туркестанское генерал-губернаторство, куда вошли Сыр-Дарьинская и Семиреченская области. Первым генерал-губернатором стал генерал-адъютант К.П.Кауфман. Местные жители называли его "ярым-подшо" — полуцарь. В крае находились тогда пять сотен и две специальные полусотни Уральского казачьего войска.

Одним из наиболее важных аспектов реорганизации системы управления в завоеванном крае стало учреждение подчиненных Туркестанскому генерал-губернатору Семиреченской области и Семиреченского казачьего войска. Фактически начало колонизации русскими Семиречья следует отнести к 1831 г., когда было организовано Аягузское поселение, где разместился гарнизон сибирских казаков. Казачьи отряды регулярно высылались в район Семиречья для борьбы против шаек, нападавших на русских купцов и русские поселения в Казахстане, для демонстрации военной силы российского государства. В 1849 г. в 65 км от устья Сыр-Дарьи поселяют 25 семейств сибирских казаков. В 1854 г. военная экспедиция открывает Засильское укрепление, переименованное позднее в форт Верный. В 1855—1860 гг. основываются станицы Соврийская, Любавинская, Надеждинская и ряд других. В 1857 г. в этот район перебрасывают два полка (9-й и 10-й) Сибирского казачьего войска. Кроме казаков, из Сибири переселяются сотни крестьянских семей, которых тоже наделяют землей и зачисляют в казачьи сословия.

Колонизация русскими переселенцами Семиречья проходила в условиях достаточно сложных. По справедливому замечанию Н.В.Леденева, здесь "требовался воин-пахарь, всегда готовый к отпору"[9]. Именно казачество в наибольшей степени отвечало этим требованиям.

Воины и пахари, сибирские казаки, переселенцы в Семиречье, не только осваивали новые земли, но и защищали их с оружием в руках, принимали активнейшее участие в военных экспедициях русских войск в Туркестане в

50—60-е гг. XIX в. Летом 1860 г. казаки участвуют в военной экспедиции полковника Циммермана в Иссыкульскую долину, во время которой была взята штурмом и разрушена крепость Токмак. В 1862 г. казаки-семиреки принимают участие в походе против кокандцев, захватывают крепость Пишкек и укрепления Мерке. В 1864 г. под командованием генерала Черняева штурмуют и захватывают крепость Чимкент, летом 1865 г. покоряют Ташкент.

С созданием самостоятельного Семиреченского войска роль казаков в освоении Туркестана еще более возросла. Указ императора Александра II от 13 июля 1867 г. о создании на базе 9-го и 10-го Сибирских казачьих полков Семиреченского войска ставил перед ним следующие задачи: закрепление за Россией завоеванного края, колонизация и освоение его территории, охрана границ. Штат нового войска был определен в два конных шестисотенных полка. Всего в момент создания войска в его составе насчитывалось 1768 чел.[10] Наказным атаманом войска был назначен генерал-майор Г.А.Колпаковский.

В конце XIX — начале XX вв. правительство приняло меры по укреплению созданного войска. На его территорию продолжали переселять сибиряков и уральцев. В 1869 г. в войско включили до тысячи калмыков, бежавших из Китая, принявших православие и российское подданство. Благодаря принятым мерам к 1906 г. общее казачье население войска насчитывало 34468 чел., что составляло примерно 25% русского и около 4% всего населения края. В распоряжении войска было 600 тыс. дес. земли. Семиреченское казачество было прочной опорой российского могущества в Туркестане.

Реорганизация управления края способствовала концентрации усилий регулярных войск и казачества на закреплении завоеванных территорий, приобретении новых. Стычки с бухарцами не прекращались. В мае 1867 г. они напали на сотню Оренбургских казаков войскового старшины Новокрещинова в 17 верстах от Яны-Кургана. В июне две сотни Оренбургских казаков и взвод казачьей батареи в составе сводного отряда разгромили лагерь бухарцев на р.Ак-Булак. В июле сотня Новокрещинова вынудила бухарцев отступить от Яны-Кургана, а затем участвовала в их преследовании.

В первой половине 1868 г. основное внимание было уделено утверждению господства над Бухарой. 6, 7, 10 и 11-я сотни Оренбургских казаков отразили 15 апреля нападение бухарцев на лагерь при Ключах, а затем вместе с сотней уральцев организовали преследование отступающего неприятеля. 1 мая три сотни оренбуржцев при поддержке артиллерии рассеяли противника на правом фланге русских войск и участвовали во взятии штурмом Самаркандских высот. Здесь было взято 21 орудие бухарцев. В сражении принимали участие и две сотни уральских казаков. На другой день без боя был занят Самарканд. 11 мая русские войска овладели крупным населенным пунктом Ургутом, а через пять дней Катта-Курганом, последним большим городом на пути к Бухаре.

2 июня 1868 г. между Катта-Курганом и Бухарой произошло крупное сражение. Армия эмира была разбита. Военные действия в этом году уральские и сибирские казаки закончили участием во взятии г.Каши. 23 июня был подписан договор, по которому Бухара признала вхождение Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака в состав Российской империи. Русские купцы получили право свободы торговли и проезда через территорию Бухары, им га-

рантировалась безопасность личности и имущества. Летом 1871 г. русский отряд, в составе которого были семиреченские и сибирские казаки, взял Кульджу. На город наложили контрибуцию в размере 53 руб. В Кульдже остался русский гарнизон из семиреченских казаков. Под контролем России оказались наиболее крупные и богатые среднеазиатские ханства. Лишь Хива сохраняла самостоятельность.

Хива, окруженная труднопроходимыми степями и пустынями, пыталась не только отстоять независимость, но и предъявляла претензии на земли по левому берегу Сыр-Дарьи. В Хиве укрылись участники набегов на караваны, следовавшие из Оренбурга в Среднюю Азию и обратно. Весной 1869 г. на полуострове Мангышлак и в ряде других районов Казахстана произошли волнения. Ответственность за них возложили на Хиву. Военный губернатор Уральской области сообщал оренбургскому генерал-губернатору, что среди казахов распространяются послания хивинского хана с призывами к вооруженным выступлениям против России. Подлинники писем были переданы в Петербург.

Отношения с Хивой все больше обострялись. В течение 1870—1872 гг. продолжался обмен нотами между К.П.Кауфманом и ханом. В декабре 1872 г. на Особом совещании с участием императора Александра II было решено организовать военную экспедицию из Туркестана при содействии оренбургских и кавказских войск. Руководство возложили на генерала К.П.Кауфмана.

Хивинский поход 1873 г. оказался чрезвычайно трудным. Начался он зимой. Предстояло пройти большие расстояния по степям и пустыням. К походу было привлечено свыше 12 тыс. чел., в том числе оренбургские, уральские, сибирские и семиреченские казаки. По условиям района это была большая армия.

Наступление началось по нескольким направлениям. Со стороны Красноводска двинулся отряд численностью 4300 чел. под командованием Маркозова. Из Оренбурга через Эльбинский форт выступал отряд под начальством Веревкина. В него входили шесть сотен оренбургских и три сотни уральских казаков, а также одна батарея конно-артиллерийской бригады Оренбургского казачьего войска. Всего в Хивинском походе участвовали 12 отдельных сотен оренбургских казаков. Общая численность отряда Веревкина составляла 3400 чел. Основной отряд под командованием Головачева двигался из Ташкента через Джизак. В него входило 4600 чел., в их числе две сотни уральских казаков, семь сотен оренбургских, сибирских и семиреченских и одна батарея. С этим отрядом находился и руководитель всей военной экспедиции К.П.Кауфман. Еще один отряд вышел с Мангышлака. Отряд Маркозова не смог преодолеть пространство пустыни, потерял много верблюдов и вернулся в Красноводск.

В середине февраля 1873 г. оренбургский отряд при 25-градусном морозе, по глубокому снегу, сопровождаемый степными метелями и вьюгами, выступил в поход. С необыкновенными усилиями до середины мая, часто вступая в бой с хивинцами, оренбуржцы двигались на соединение с мангишлакским отрядом. 15 мая произошла встреча отрядов, и объединенные силы двинулись дальше. Одновременно в пределы Хивинского ханства вступил и основной отряд.

Первым, утром 28 мая, к стенам Хивы подошел отряд под начальством Веревкина. Не дождавшись туркестанского отряда, генерал отдал приказ о

штурме города. Преодолев плотный артиллерийский огонь и сильное сопротивление неприятеля, войска полковника Скобелева, куда входили и казаки, приступом взяли хивинскую столицу. Вскоре к стенам покоренной Хивы прибыл генерал-губернатор К.П.Кауфман с туркестанским отрядом. 29 мая русские войска торжественно вступили в Хиву. 22 августа 1873 г. был подписан мирный договор. В соответствии с ним ханство признавало вассальную зависимость от России, лишалось земель на правом берегу реки Аму-Дарьи. Русские суда получали исключительное право плавания по Аму-Дарье, купцы освобождались от торговых пошлин и получили беспрепятственный доступ во все города и селения ханства. Хан подтвердил отмену рабства и работорговли, а также освобождение почти 40 тыс. невольников. Хивинское ханство облагалось контрибуцией в 2 млн 200 тыс. руб. с выплатой в течение 20 лет.

Все участники Хивинского похода были награждены. Специальные знаки на головные уборы "За отличие в Хивинском походе 1873 года" были пожалованы 1-му и 2-му взводам 2-й Оренбургской казачьей батареи, 2-му и 3-му взводам 3-й Оренбургской казачьей батареи. Такие же знаки отличия вручили казакам 2-й и 3-й сотни 3-го Оренбургского полка и 1-й и 3-й сотни 2-го Уральского казачьего полка.

Наиболее развитым в экономическом отношении, цветущим и богатым районом, "жемчужиной" Средней Азии была густонаселенная Ферганская долина. Она составляла основную часть Кокандского ханства. Правитель Коканда Худояр-хан уже в 1870 г. ввел для подданных 18 различных налогов. Налоги взимали "с колючки, растущей в степи, с леса, привезенного с гор, с камыша, с пиявок, собираемых из озер и пр." В 1873 г. сумма податей увеличилась втрое. К этому добавлялись слежка, террор. Сотни семей переселились в Туркестан, спасаясь от невыносимого гнета. В Коканде нарастает недовольство, начинаются волнения, вызванные в первую очередь налоговым грабежом. Это отмечал и туркестанский генерал-губернатор К.П.Кауфман. Тревожило это и Петербург.

События нарастали, как снежный ком. В середине 1874 г. Худояру репрессиями удалось остановить волну недовольства. Но весной 1875 г. волнения вспыхнули с новой силой. Ими воспользовались крупные феодалы и духовенство. Они провозгласили газават против Российской империи, посадили на престол сына Худояра Насреддин-хана и потребовали восстановления Кокандского ханства в старых границах. Было заявлено, что они ведут борьбу с Худояром, так как он признал свою зависимость от России. Худояр бежал из Коканда под защиту туркестанских войск.

Восставшие сосредоточили почти 50-тысячное войско в крепости Махрам. Сюда срочно были направлены русские войска, с которыми прибыл и К.П.Кауфман. 22 августа произошло столкновение, в ходе которого кокандцы потерпели поражение, оставили крепость и бежали.

В кокандском походе участвовали три сотни уральских казаков, восемь отдельных сотен и батарея Оренбургского казачьего войска, а также семиреченские казаки.

Заняв столицу ханства, К.П.Кауфман оставил на престоле Насреддинахана. Это соответствовало намерениям царского правительства сменить в Коканде правителя. Через месяц, 22 сентября 1875 г., Насреддину был навязан новый договор, ставивший Коканд в полную вассальную зависимость. Волнения в ханстве не прекращались. Теперь центром сил восставших стал

город Андижан. Подошедший сюда русский отряд неожиданно для себя встретил сильное сопротивление и вынужден был отойти. Получив подкрепление, войска 1 октября 1875 г. предприняли решительный штурм города. Кокандцы были оттеснены за реку Сыр-Дарью. В боях вновь отличились казачьи части. В сражениях под Андижаном, Кокандом успешно действовали оренбургские, уральские, сибирские и семиреченские казаки. Личному составу 1-й Оренбургской казачьей батареи были пожалованы две георгиевские серебряные трубы "За штурм города Андижана 1 октября 1875 года". Офицеры и нижние чины были награждены орденами и знаками военного отличия. В феврале 1876 г. указом Александра II Кокандское ханство в качестве Ферганской области было включено в состав Туркестанского края. Здесь был дислоцирован сводный Оренбургско-Уральский казачий полк[11].

Завершающим этапом в присоединении кокандских земель стала экспедиция генерала М.Д.Скобелева в район Алайской долины, в предгорья Памира. Она началась в июле 1876 г. Одновременно летучий отряд князя Витгенштейна достиг озера Кара-Куль на Памире. Вместе с конным дивизионом через перевал Кизыл-Арт Заалайского хребта двигались и научные работники экспедиции. Они собрали большой материал об Алайской долине и горной цепи. Во второй половине августа все участники алайского похода собрались в укреплении Дараут-Кургане. Оставив небольшой гарнизон, Скобелев в конце августа вернулся в Ферганскую долину на пост военного губернатора области. Экспедиция в Алайскую долину способствовала закреплению власти и влияния России на крайнем востоке Средней Азии и в предгорьях Памира.

Казаки участвовали и в зимних экспедициях 1877 и 1878 гг. Генерал-адъютант К.П.Кауфман в донесениях отмечал, что "в последней кокандской экспедиции оренбургские казаки являлись во всех отношениях настоящими воинами".

После 1874 г. сотни, расположенные в Туркестанском военном округе, были сведены в полки №1, 2 и 3. В феврале 1879 г. из сотен сводных №4 и 5 Оренбургско-Уральских полков были сформированы новые полки: из сотен Уральского казачьего войска №1 — Уральский полк, а из сотен Оренбургского казачьего войска №4 — Оренбургский полк. В мае из сотен, находившихся в сводных Оренбургско-Уральских казачьих полках, сформировали Уральский казачий №2 полк, а в июне сотни, проходившие службу в Тургайской степи, объединились в Оренбургский казачий №6 полк[12].

В конце 70-х гг. развернулась борьба за Туркмению. Исходной базой для продвижения в туркменские земли стал Красноводский район. В мае 1877 г. русский отряд занял Кизыл-Арват, не встретив сопротивления. Попытка текинцев вернуть крепость потерпели неудачу. Но и русским войскам из-за отдаленности от основной базы было нелегко, и они покинули Кизыл-Арват. Заложив осенью 1878 г. на реке Атрек укрепление Чат, русские начали налаживать торговые отношения.

Чтобы закрепиться в Ахалтекинском оазисе, надо было овладеть крепостью Геок-Тепе. Здесь находились вожди текинских племен. Весной 1879 г. из Чата вышел отряд с целью овладеть оазисом Ахал-Теке. В его составе находились три сотни пятого Оренбургского казачьего полка и три сотни уральцев. В августе отряд под командованием генерал-майора Ломакина

двинулся к крепости Геок-Тепе. Не встретив сопротивления, отряд занял Кизыл-Арват, Бам, Беурме и Арчман.

Текинские вожди готовились для отпора наступающим русским войскам. В Геок-Тепе сосредоточились туркменские ополчения, сооружалось сильное укрепление Денгли-Тепе. В течение 28—29 августа отряд Ломакина пытался овладеть Геок-Тепе, но потерпел самую серьезную неудачу за весь период "туркменских походов". Потери составили 200 солдат и офицеров убитыми и 250 ранеными. Отряд вынужден был отступить.

Неудача вызвала тревогу. В феврале 1880 г. состоялось совещание с участием императора Александра II. Участники совещания пришли к выводу о необходимости организовать новый поход в Ахал-Теке. Командующим войсками Закаспийского военного округа назначили генерала М.Д.Скобелева. Под его руководством развернулась энергичная подготовка к новому наступлению.

Во второй половине 1880 г. скобелевские отряды постепенно продвигались по направлению к Геок-Тепе. Отряды же текинцев по пути следования совершали набеги на русские войска, но изменить обстановку, остановить их продвижение они не смогли. 23 декабря началась осада геоктепинских укреплений. Скобелев принял решение подавить сопротивление осажденных прежде всего с помощью артиллерии. Три недели продолжались ожесточенные бои. Одновременно у стен Геок-Тепе велись подрывные работы. И 12 января 1881 г. после мощного взрыва мины под крепостной стеной начался штурм. Обе стороны понесли большие потери. Но сила была на стороне русских войск, и в конце концов текинцы капитулировали. В многочисленных сражениях мужество и отвагу показали казаки. В боях участвовали шесть сотен оренбургских и одна сотня уральских казаков. Многие участники Ахал-Текинской экспедиции были отмечены: два офицера — золотыми шашками и 13 — орденами с мечами. Знаки отличия Военного ордена получили 65 нижних чинов. Знаки отличия на головные уборы "За штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года" были вручены личному составу 1-й сотни Оренбургского казачьего №1 полка, 1-й, 2-й и 3-й сотен 2-го Оренбургского казачьего восводы Нагого полка и 1-й сотни 3-го Уральского казачьего полка. Весной 1882 г. отдельные сотни Оренбургского казачьего войска, принимавшие участие в Ахал-Текинской экспедиции, объединили в Оренбургский казачий №5 полк. Отмечен был и командующий войсками. М.Д.Скобелев получил чин генерала от инфантерии и был награжден орденом Георгия 2 степени.

Овладение Геок-Тепе укрепило положение России в регионе. Уже через неделю, 18 января 1881 г. русские войска овладели крупным селением — Ашхабадом (Асхабад). В начале июня новый император Александр III утвердил представление кавказского наместника об образовании Закаспийской области. В нее вошли земли Ахал-Текинского оазиса и Закаспийского военного отдела. Лишь в Тедженском, Мервском и Пендинском оазисах восточной Туркмении племена сохраняли еще некоторое время самостоятельность. В декабре 1883 г. русские войска вступили в Тедженский оазис. В Мерв отправилась делегация, переговоры которой завершились добровольным присоединением Мерва к России в январе 1884 г. Границы в юго-западной части Средней Азии были определены. Оставалось решить только "памирскую проблему" — сложнейший вопрос среднеазиатской политики России и англо-русских отношений.

В июле 1891 г. в район Памира вышел казачий отряд, численностью в 120 чел., которым командовал полковник М.Ионов. За 67 дней отряд проделал труднейший поход в 1900 км. Его путь пролегал через перевал Иши, селения Ак-Таш, Бозой-и-Гумбез. Были исследованы перевалы Беюк, Вахджир, Барогиль и др. Совершив беспримерный по мужеству поход, отряд 30 августа вернулся в Новый Маргелан.

В феврале—июне 1892 г. основные восточные районы Памира объезжала небольшая разведывательная группа (30 чел.) под начальством поручика Ю.Бржезицкого. А в начале июня начался второй поход полковника Ионова. Теперь его отряд был увеличен. В конце июня участники похода разбили лагерь на реке Мургаб. Здесь позднее возникло селение Пост-Памирский (ныне Мургаб). Оставив на зимовку в урочище Шаджан 200 солдат и 50 казаков, Ионов в августе вернулся к месту службы. В дальнейшем судьба границ была решена дипломатическим путем.

Казаки продолжали нести службу в Туркестанском крае. На начало 1899 г. там находились 2-й, 4-й, 5-й и 6-й Оренбургские казачьи полки, насчитывавшие 2640 чел. Проходили службу в Средней Азии и казаки 2-го Уральского казачьего полка. В сентябре за участие в борьбе с чумой нижние чины полка по указу императора были награждены серебряной медалью с надписью "За усердие"[13].

Начатое со времен Петра I продвижение в район Средней Азии в основном завершилось в конце XIX в. Оно происходило с двух сторон: от Урала и со стороны Сибири. Во многом это делалось усилиями казачества восточных районов России.

По мере продвижения в глубь Средней Азии, там на необжитых берегах рек и Каспийского моря появлялись пристани, церкви, казармы, госпитали и другие постройки, сооружалась пограничная линия от Урала до границы с Китаем. Казаки составляли гарнизоны дальних укреплений, сопровождали научные экспедиции и дипломатические миссии, составляли почетный конвой дружественно настроенных киргизских султанов. Более ста лет казаки восточных районов России обороняли ее от набегов кочевников.

ГЛАВА 3

КАЗАЧЕСТВО В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

1. Казачество востока России в русско-японской войне

В конце XIX в. объектом ожесточенной борьбы между крупнейшими державами становятся территории Дальнего Востока и особенно Китай. Япония в 1894 г. начала войну против Китая и навязала ему в 1895 г. Симоносекский договор, согласно которому Китай отказывался от суверенитета над Кореей, передавал Японии Ляодунский полуостров с портами Люйшунь (Порт-Артур) и Даляньван (Дальний), острова Тайвань и Пэнхуледао.

Японо-китайская война обострила борьбу за сферы влияния в Китае. В мае 1896 г. был подписан русско-китайский договор о постройке Китайско-Восточной железной дороги, а в марте 1898 г. Россия получила права на аренду Порт-Артура. (Под давлением России, Германии и Франции Порт-Артур в конце 1895 г. был возвращен Китаю.)

В 1899 г. в Китае вспыхнуло народное восстание, возглавляемое тайным обществом "Ихэтуань". Главным лозунгом восставших было прекращение иностранного вмешательства в экономику страны. Восставшие разрушали железнодорожные линии, здания посольств и иностранных компаний, практически контролировали власть на значительной территории. Так, в течение 56 дней они вели осаду посольского квартала в Пекине. В середине июня в Китай вступили войска Англии, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Японии, Италии и США. Россия для охраны КВЖД ввела в Маньчжурию свои войска.

В подавлении восстания ихэтуаней Россия использовала казачьи войска: четыре Забайкальских полка, Амурский полк, четыре Забайкальских пеших батальона и две Забайкальские казачьи батареи. На последнем этапе подавления восстания в Маньчжурию была введена Сибирская казачья дивизия, но боевых действий она не вела. Четыре Забайкальских пеших казачьих батальона, 3-й Верхнеудинский казачий полк и 2-я Забайкальская казачья батарея в июле 1900 г. перешли границу Маньчжурии и повели наступление на Хайлар и Цицикар. Руководил Хайларским отрядом генерал Орлов. Остальные казачьи части под командованием генерала Ренненкампфа двигались на Харбин, который был занят русскими войсками 18 сентября 1900 г.[1] В дальнейшем русские войска вошли в Мукден и Пекин.

Казачьи полки и батареи за их боевые действия в Маньчжурии были отмечены наградами. 1-я и 2-я сотни 1-го Нерчинского казачьего полка получили Георгиевские серебряные трубы "За Эюр, Хинган и Цицикар в 1900 году", Георгиевские серебряные трубы "За отличие в Северной Маньчжурии в 1900 году" получили 1-я, 2-я и 4-я сотни 1-го Аргунского казачьего полка; Георгиевскими серебряными трубами "За Тянь-Цзинь и Пекин в 1900 году" награждена 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка; "За Шахэ и Мукден в 1900 году" Георгиевскими серебряными трубами была награждена 1-я Забайкальская казачья батарея. Знаки отличия на головные уборы "За отличия против китайцев в 1900 году" получили 4-я и 5-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, 4-й и 6-й Забайкальские пешие казачьи батальоны, 2-я Забайкальская казачья батарея и 1-я сотня Амурского казачьего дивизиона. Георгиевскими серебряными трубами "За Эюр, Хинган и Цицикар" награждены 4-я и 5-я сотни Амурского казачьего полка, 6-я сотня этого полка получила две серебряные Георгиевские трубы "За Хинган и Цицикар в 1900 году".

Подавив стихийное восстание, великие державы навязали Китаю кабальный "Заключительный протокол", который явился важной вехой превращения Китая в полуколонию.

Россия 26 марта 1902 г. подписала договор с Китаем о выводе своих войск из Маньчжурии. Летом 1903 г. Япония предложила России проект соглашения о Корее и Маньчжурии, в котором ущемлялись интересы России. Правительство России в январе 1904 года сообщило о готовности уважать права Японии и других государств в Маньчжурии, однако настаивало на неиспользовании ими территории Кореи в военных целях. Япония ответила отказом. 24 января она разорвала дипломатические отношения с Россией и в ночь на 26 января 1904 г. без объявления войны атаковала русскую эскадру в Порт-Артуре. Так началась русско-японская война.

Война не была неожиданной. Практически вся дальневосточная политика Российского правительства за предшествовавшие десять—пятнадцать лет вела к столкновению с Японией, которую в России как серьезного противника не воспринимали (чем японцы сумели великолепно воспользоваться). Дело было, однако, не только в просчете, допущенном при оценке японских сил, и не только в дальневосточной политике. Весь мир облетела тогда действительно крылатая фраза, сказанная министром внутренних дел России В.К.Плеве: "Нам нужна маленькая победоносная война". Когда война разразилась, выяснилось, что Россия к ней совершенно не готова. На дальневосточном театре, удаленном от центра России на 10 тыс. км, имелось всего около 98 тыс. русских солдат и офицеров. Японская армия насчитывала 350 тыс. Значительно уступал японскому русский Тихоокеанский флот. Не было достаточного количества оружия и припасов, не хватало даже карт будущего театра военных действий.

В этой легкомысленно затеянной и трагически для России закончившейся войне казаки Урала и Сибири принимали непосредственное участие. Накануне войны в декабре 1903 г. войска Приамурского военного округа состояли из двух Сибирских армейских корпусов по три стрелковые бригады в каждом. Кавалерия округа включала Отдельную Забайкальскую бригаду, Уссурийскую конную бригаду, Амурский казачий полк трехсотенного состава и Уссурийский казачий дивизион двухсотенного состава; артиллерия округа имела 130 орудий. С объявлением мобилизации началось

формирование еще двух Сибирских армейских корпусов, которые по плану должны были прибыть в Маньчжурию через два месяца.

В казачьих частях на 24 января 1904 г. числилось четыре Забайкальских казачьих полка (1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Аргунский, 1-й Нерчинский), Амурский казачий полк (3 сотни) и двухсотенный Уссурийский казачий дивизион. Казачья артиллерия была в составе 12 орудий 1-й и 2-й Забайкальских казачьих батарей. Пулеметов русская конница на протяжении всей русско-японской войны не имела. К началу войны на службе в Забайкальском, Амурском и Уссурийском казачьих войсках находилось около 5 тыс. казаков.

28 января 1904 г. наместник императора на Дальнем Востоке адмирал Е.И.Алексеев был назначен Главнокомандующим всеми русскими сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. 7 февраля командующим Маньчжурской армией был назначен бывший военный министр генерал-адъютант А.Н.Куропаткин. В приказе командующему Приамурским военным округом говорилось: "Согласно Высочайшему повелению из 1-го, 2-го, 3-го Сибирских корпусов, 1-й Сибирской пехотной дивизии и льготных частей Забайкальского казачьего войска, за исключением частей, выделенных для обороны Приморской области, имеет быть образована Маньчжурская армия... Задача, возложенная на Маньчжурскую армию, заключается в том, чтобы притянуть на себя японскую армию, дабы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур, задержать ее наступление на р.Ялу и далее к линии Китайско-Восточной железной дороги с целью выиграть время для сосредоточения наших резервов, подходящих из Западной Сибири и Европейской России"[2].

Для участия в военных действиях против Японии было отдано распоряжение провести мобилизацию всех казачьих войск, находящихся в Приамурском и Сибирском военных округах, а также некоторых казачьих частей Оренбургского, Уральского и Донского войск. Первым днем мобилизации указанных казачьих войск приказано было считать для Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск — 28 января, для Сибирского — 2 февраля 1904 г., мобилизация в Оренбургском войске началась 7 февраля[3]. Призыв на действительную службу казаков этих войск должен был проходить согласно мобилизационному плану, разработанному еще до начала войны.

Сбор, формирование и приведение в соответствие со штатами военного времени казачьих частей, находившихся в Сибирском и Приамурском военных округах, были проведены организованно и закончены в установленные сроки. В некоторых случаях даже быстрее на два—три дня. Исключение составляли казачьи части третьей и четвертой батарей Забайкальского войска, которые не смогли уложиться в отведенные им сроки. Но в данном случае причины опоздания с развертыванием этих батарей до штатов военного времени были уважительные — лошадей из них пришлось передать в другие части, заменить их сразу не успели.

Мобилизованные по случаю войны с Японией льготные и запасные части казачьих войск пополнялись и укомплектовывались до штатов военного времени из казаков, уже отслуживших срок своей действительной службы. От призыва по мобилизации были освобождены временно или совсем лишь некоторые казаки, в частности занимающие различные должности на Китайско-Восточной железной дороге[4].

27 января 1904 г. правительство России приняло постановление, в котором содержалось положение о том, что "все расходы по формированию льготных и запасных частей Сибирского и Забайкальского казачьих войск в случае их мобилизации в этом году, вследствие наших осложнений с Японией, отнести полностью на казну". Согласно постановлению, всем казакам Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, поступившим на укомплектование льготных и запасных частей своих войск, выплачивалось единовременное пособие от казны в размере 100 руб. 31 января 1904 г. вышло постановление, уточняющее, что единовременные пособия положены и казакам этих войск, назначенным в состав пополнения первоочередных казачьих частей[5].

После того, как закончилась мобилизация среди казачьего населения Сибири и Дальнего Востока, казачьи части этих войск были приведены в штаты военного времени и их численность заметно возросла.

27 января была сформирована Забайкальская казачья дивизия в составе 2-го Верхнеудинского, 2-го Читинского, 2-го Аргунского, 2-го Нерчинского казачьих полков, 3-й и 4-й Забайкальских казачьих батарей. 4 февраля начальником Забайкальской казачьей дивизии был назначен генерал П.К.Ренненкампф. В феврале 1904 г. были сформированы 4-й, 5-й, 6-й Забайкальские пешие казачьи батальоны, 3-й Верхнеудинский казачий полк, пешая и конная запасные сотни и запасной артиллерийский взвод. На основании приказания штаба Маньчжурской армии от 23 марта 1904 г. в Забайкальском войске было сформировано еще 20 конных отрядов по 100 чел. для несения службы по охране Государственной границы.

С февраля—марта 1904 г. все строевые части Забайкальского войска, кроме 3-го Верхнеудинского полка, находились на театре военных действий. 3-й Верхнеудинский полк с началом боевых действий располагался вдоль железной дороги от станции Танхой до станции Маньчжурия, а с сентября 1904 г. находился в распоряжении штаба тыла Маньчжурской армии. Всего Забайкальское казачье войско в войну с Японией выставило свыше 15 тыс. чел.[6]

В Уссурийском войске после объявления мобилизации был сформирован Уссурийский казачий полк шестисотенного состава — 1107 чел. Всего Уссурийское казачье войско выставило в период войны с Японией около 1,5 тыс. чел.[7] Амурское казачье войско выставило в 1904—1905 гг. 1687 чел.: Амурский казачий полк шестисотенного состава, Амурский казачий дивизион трехсотенного состава. Амурский казачий полк в полном составе в боевых действиях не участвовал. Амурский казачий дивизион обслуживал тыл армии по линии железной дороги Нингута, Гирин, Харбин, Цицикар, Благовещенск[8]. Сибирское войско мобилизовало на войну около 12 тыс. чел.[9]

Уральское войско направило на театр военных действий 4-й и 5-й полки, воевавшие в составе Урало-Забайкальской дивизии. Оренбургское войско — Оренбургскую льготную казачью дивизию в составе 9, 10, 11 и 12-го полков. В качестве самостоятельной боевой единицы был направлен на Дальний Восток 1-й Оренбургский казачий полк шестисотенного состава. Всего войско отправило на войну 160 офицеров и около 5000 нижних чинов. Вместе с казаками на фронт отправились из Оренбурга 10, а затем еще 60 сестер милосердия, многие из которых были казачками[10].

С самого начала войны, которая вопреки надеждам оказалась не легкой и не победоносной, русская армия терпела одну неудачу за другой. В первые

же часы войны, внезапно напав на русские суда, располагавшиеся на внешнем рейде Порт-Артура, японцы нанесли им серьезные потери. Неудачей закончились попытки русского флота осуществить прорыв.

Одно за другим следовали поражения и сухопутных войск. 6 февраля японское командование начало высадку шестидесятитысячной 1-й армии генерала Куроки на южном побережье Кореи. С целью разведки сюда была выдвинута Забайкальская казачья бригада генерал-адъютанта П.И.Мищенко в составе 1-го Читинского, 1-го Аргунского казачьих полков, 5-й и 6-й сотен Амурского казачьего полка и 1-й Забайкальской казачьей батареи — всего 14 сотен и 6 конных орудий. Высланные разъезды углубились на 150 км, но достаточно точных данных о направлении продвижения японских частей не получили. Все же в начале апреля, почти достигнув передовыми сотнями Пхеньяна, казачьи части выявили, что армия Куроки, имея впереди 12-ю пехотную дивизию, продвигается к нижнему течению р.Ялу в район г.Тюренчен. Под натиском передовых японских отрядов казачья бригада Мищенко отошла на правый берег р.Ялу.

18 апреля 1904 г. состоялся крупный бой Восточного отряда генерала М.Засулича с подошедшими силами 1-й японской армии. Забайкальская казачья бригада, как и Забайкальская казачья дивизия генерала Ренненкампфа, непосредственного участия в этом бою не принимала. Две пехотные дивизии русских не смогли противостоять напору японских сил. Переправившись на правый берег р.Ялу, японцы захватили г.Тюренчен. Отряд генерала Засулича отошел на Фынхуанчен и далее на Феншуйлинский и Модулинский перевалы в строну Ляояна, где располагались главные силы Маньчжурской армии. Забайкальская казачья бригада, поддерживаемая тремя пехотными батальонами, прикрывала правый фланг отряда в направлении Дагушань—Сюань—Хайчен на фронте в 80 км, а Забайкальская казачья дивизия при поддержке трех батальонов пехоты — левый фланг Восточного отряда в направлении Фынхуанчен—Мукден.

Последствия сражения на р.Ялу под Тюренченом отразились на обеих армиях прежде всего в моральном плане. Кампания в Маньчжурии для России началась поражением не только на море, но и на суше.

Русское командование намеревалось дать главное сражение в районе Ляояна. Там и сосредоточивались русские войска. Кроме Восточного отряда генерала Засулича, отступившего в сторону Ляояна, на границе с Кореей в районе Инкоу—Дашичао—Хайчен находился Южный отряд генерала Штакельберга. Восточное побережье Квантунского полуострова охраняла Уссурийская казачья бригада в составе Приморского драгунского и 1-го Уссурийского казачьего полков. На западном побережье полуострова стоял 1-й Верхнеудинский казачий полк. 4-я сотня этого полка находилась в районе Порт-Артура. В последующем Уссурийская конная бригада генерала А.В.Самсонова обеспечивала правый фланг Маньчжурской армии в долине р.Ляохэ.

Через четыре дня после переправы японских войск на правый берег р.Ялу и овладения ими Тюренченом (22 апреля) японцы высадили свою 2-ю армию генерала Оку в районе Бицзыво, а 6 мая — 4-ю армию генерала Нодзу у Дагушаня. Принявшая на себя тяжелые бои казачья бригада генерала Мищенко не смогла помешать высадке японских частей в районе Дагушань—Сюань—Хайчен.

28 апреля передовые части 2-й японской армии прервали у станции Пуляндао сообщение по железной дороге, а 13 мая противник овладел Цзиньчжоуским перешейком, отрезав Порт-Артур от русских войск в Маньчжурии. Попытка русских войск, насчитывающих около 4 тыс. чел. при 65 орудиях и 10 пулеметах задержать наступление японской армии не увенчалась успехом.

Для выручки Порт-Артура командующий Маньчжурской армией направил 1-й Сибирский корпус генерала Штакельберга — 33 тыс. чел., 96 орудий. В начале мая в состав корпуса вошла прибывшая на театр военных действий Сибирская казачья дивизия генерала Н.А.Симонова. Дивизия была сформирована в феврале 1904 г. в Омске и Кокчетаве в составе 4-го и 5-го второочередных, 7-го и 8-го третьеочередных казачьих полков. Полками командовали войсковые старшины Калачев, Путинцев, Старков, Алексеев. Штаб дивизии возглавил полковник Г.А.Данилов[11]. Действия корпуса были, однако, слишком нерешительны.

В 1904 г. правительство России постоянно наращивало численность войск на Дальнем Востоке. 8 апреля решением Военного Совета Иркутская и Красноярская казачьи сотни на период войны с Японией были переформированы в трехсотенные дивизионы. Всем казакам Иркутской и Енисейской губерний, призванным со льготы на укомплектование этих дивизионов, было выплачено от казны по 150 руб. Красноярский дивизион был сформирован 10 июня, Иркутский — 29 июля[12]. В октябре 1904 г. для отправки на Дальний Восток была сформирована Сводная Кавказская казачья дивизия генерала Карцева в составе 1-го Екатеринодарского, 1-го Уманского, 1-го Кизляр-Гребенского и 1-го Сунженско-Владикавказского казачьих полков, 1-й Кубанской и 2-й Терской казачьих батарей. Сформированная в Армавире казачья дивизия в начале 1905 г. прибыла на Маньчжурский фронт[13].

17 мая 1904 г. передовой отряд 1-го Сибирского корпуса вступил в бой с японцами в районе станции Вафангоу. На эту станцию, занятую сотнями пограничной стражи, наступал передовой японский отряд силой до двух пехотных рот, восьми эскадронов с четырьмя пулеметами. Это была японская кавалерийская бригада генерала Акиямы. Конные пограничники и квартирьеры 8-го Сибирского полка во главе с сотником Кошновым встретили японский отряд сильным ружейным огнем. Японцы развернулись в 5 км к югу от Вафангоу у села Юдзятунь и завязалась перестрелка. Командир Сибирской казачьей дивизии генерал Симонов послал на помощь пограничникам и квартирьерам 4-ю и 6-ю сотни 8-го Сибирского казачьего полка во главе с подъесаулом Долженко.

Обе сотни сибирских казаков, прикрываясь насыпью железной дороги, скрытно приблизились к японцам и, лихо перемахнув насыпь, с пиками наперевес ринулись на японских кавалеристов. 4-я сотня бросилась японским конникам во фланг, за ней 6-я сотня — с фронта. В несколько минут казаки уничтожили почти весь эскадрон противника. В это время по казакам открыла пулеметный и ружейный огонь японская пехота, против них устремились другие эскадроны японской кавбригады. Сибирские сотни быстро рассыпали лаву, а затем стали отходить, наводя японскую конницу на спешившийся в засаде отряд конных пограничников и квартирьеров. Японская конница была вынуждена в беспорядке отступить. Казаки не решились преследовать ее из-за больших потерь и сильного пулеметного огня

противника. Пять наиболее отличившихся казаков — И.Великанов, М.Самсонов, В.Кузьмин, И.Замотаев, М.Сазонов — первыми в Сибирской казачьей дивизии стали кавалерами Георгиевских крестов IV степени[14].

Японское командование выдвинуло навстречу 1-му Сибирскому корпусу генерала Штакельберга отряд в 48 батальонов с 216 орудиями. В результате двухдневных боев 1—2 июня 1904 г. японские войска, имевшие значительное превосходство в пехоте и артиллерии, создали угрозу обхода правого фланга русских войск и вынудили их отступить. В этой ситуации казачья конница генерала Симонова (4-й, 5-й, 8-й Сибирские казачьи полки и 2-я Забайкальская казачья батарея) не справилась со своими задачами. Когда 4-я японская пехотная дивизия стала угрожать тылу 1-го Сибирского корпуса, она без боя отошла в северном направлении. Этот маневр сибирских казачьих полков сыграл большую роль в поражении отряда Штакельберга под Вафангоу. Потери русских войск составили 3,5 тыс. чел., японских — 1,2 тыс. Этим неудачным сражением был закончен начальный период войны. Русская армия не смогла серьезно помешать высадке японцев на континент, проиграла все сражения и допустила окружение Порт-Артура. Многочисленная русская конница в начальный период войны, имея многократное численное превосходство, в результате ее неумелого использования старшими кавалерийскими и особенно пехотными начальниками, слабо справлялась с возложенными на нее задачами и несла значительную долю ответственности за неудачи русских войск. Во многом это было связано со слабостью российского высшего командования на Дальнем Востоке. Непосредственно руководивший военными действиями генерал Куропаткин был достаточно грамотным штабистом, но даже по отзывам наиболее благожелательно относившихся в нему людей, полководцем был слабым и нерешительным. Он придерживался выжидательной тактики, оправдывая ее тем, что надо прежде всего подтянуть из России войска. Инициатива в военных действиях практически без борьбы была отдана японцам.

В феврале 1904 г., когда русскому Главнокомандованию стали поступать сведения о возможности появления японских войск на русско-корейской границе в Приморье, был сформирован Уссурийский конный отряд из трех сотен 1-го Нерчинского казачьего полка с двумя полевыми орудиями. Отряд получил задачу — вести фронтальную разведку и предупредить вероятность внезапного удара противника со стороны Северной Кореи.

В начале февраля отряд забайкальских казаков полковника Павлова перешел границу и приступил к выполнению своих задач. С прибытием на Дальний Восток 6-го и 9-го Сибирских казачьих полков они вошли в сформированную Приамурскую казачью бригаду трехполкового состава. В командование бригадой вступил генерал-лейтенант Н.И.Берков, а с осени 1904 г. ею командовал генерал В.Д.Косаговский.

В связи с накоплением японских войск в Северной Корее, русское командование также продолжало увеличивать свою группировку. 24 июня был сформирован Корейский отряд генерала А.Д.Анисимова, в который, кроме Приамурской казачьей бригады, вошли два Восточно-Сибирских пехотных полка. Корейский отряд Анисимова в составе 7,5 пехотных батальонов, 12,5 сотен и 20 орудий имел задачу возможно дольше не допускать японские части к реке Тюмень-Ула.

В течение весны и лета 1904 г. в Северной Корее постоянно шли бои. Несмотря на превосходящие силы, противнику не удалось вытеснить

русский отряд из Северной Кореи. В конце года корейский отряд с боями отошел из Северной Кореи, остановив врага на рубеже реки Тюмень-Ула, обезопасив Приморье с юга. Обе стороны на этом участке вели боевые действия вплоть до получения известий о заключении мирного договора.

Для захвата Порт-Артура японцы создали 3-ю армию генерала Ноги, которая 13 июня начала наступление, 17 июля вышла на подступы к крепости и осадила ее. Гарнизон Порт-Артура насчитывал около 50 тыс. чел., 646 орудий и 62 пулемета. Армия генерала Ноги — 48 тыс. чел., 400 орудий и 72 пулемета. 3 августа японское командование предъявило ультиматум о сдаче крепости, который был отклонен русским командованием. 6 августа начался первый штурм крепости. В ходе ожесточенных боев противнику удалось вклиниться в оборону защитников крепости, но, натолкнувшись на героическое сопротивление гарнизона Порт-Артура, японское командование вынуждено было перейти к длительной осаде крепости.

Во второй половине июня 1904 г. все перевалы, протянувшиеся параллельно железной дороге Порт-Артур—Мукден, находились в руках 1-й японской армии генерала Куроки, а на юго-востоке — 4-й японской армии генерала Нодзоу. Для прикрытия Мукденского направления со стороны Кореи была создана новая конная группа из Забайкальской казачьей дивизии и трех пехотных батальонов. Для прикрытия Квантунского направления был выдвинут конный отряд генерала Самсонова в составе двух казачьих полков и конно-пограничной команды. Казачья конница действовала на фронте 200 км. В конце июня японские войска, овладев перевалами Фейшулин, продвигались к г.Ляоян. Казачья конница — отряды генералов Мищенко, Ренненкампфа, Самсонова прикрывали отступление 1-го Сибирского корпуса и всего отряда генерала Штакельберга.

К началу июля Маньчжурская армия, усиленная 10-м армейским корпусом, располагала силами в 155 батальонов, 483 орудия против 106 японских батальонов с 414 орудиями. Кроме того, в Мукдене начал высаживаться прибывший из Европейской России 17-й армейский корпус. Имея превосходство в силах, командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н.Куропаткин все же считал необходимым и дальше отводить войска к Ляояну, где были оборудованы три линии укреплений. Там предполагалось дать генеральное сражение.

В начале августа русские войска подошли к Ляояну и заняли первую укрепленную позицию. На 10 августа Маньчжурская армия имела 160 тыс. чел. и 606 орудий, японская — 125 тыс. чел. и 484 орудия. Значительное превосходство русские имели в коннице, которая насчитывала 88 сотен и эскадронов: 63 сотни на правом фланге и 25 — на левом. Главной силой русской конницы были казачьи части и соединения: 12 сотен Уральской казачьей бригады, 19 сотен Сибирской казачьей дивизии, 12 сотен 2-й бригады Оренбургской казачьей дивизии, 5 сотен 1-го Аргунского казачьего полка, 3-й Забайкальской казачьей батареи и 10-го конно-артиллерийского дивизиона — всего 48 сотен и 18 конных орудий[15]. Японская конница на всем протяжении войны имела всего две кавалерийские бригады — 48—50 сотен.

11 августа 1904 г. японские войска силами 1-й, 2-й и 4-й армий перешли в наступление с целью окружить и уничтожить русские войска в районе Ляояна. Японские части стали охватывать левый фланг 1-го Сибирского корпуса, создавая угрозу окружения Ляояна. С подходом пехотных резервов и прибывшей в начале августа на театр военных действий Уральской ка-

зачьей бригады в составе 4-го и 5-го Уральских казачьих полков удалось остановить наступление противника. 13 августа японцы развернули наступление против правого фланга русских войск, но и здесь они были остановлены. Генерал Куропаткин, боясь окружения, отвел Маньчжурскую армию на новый оборонительный рубеж, вторую заранее укрепленную позицию.

Уральская казачья бригада полковника Жабыко, сыгравшая важную роль в бою, была сформирована в конце апреля 1904 г. Она вошла в состав Урало-Забайкальской казачьей дивизии генерала П.И.Мищенко. Начальник дивизии так отзывался об уральских казаках: "Уральские второочередные полки с первых шагов на бранном поле отлично заявили себя, главным образом благодаря умственному развитию казаков и высокой боевой их доблести. Средних лет, крепкого сложения, грамотные почти поголовно, твердые в своей вере и заветах, деликатные по отношению друг к другу, уральцы быстро завоевали себе общее уважение, а впоследствии показали, что они и как боевой элемент стоят выше других казаков"[16].

17 августа японцы всеми тремя армиями атаковали 2-ю Ляоянскую позицию. Только на левом фланге 1-я японская армия несмотря на контратаки русских войск захватила г.Сыквантунь и ряд высот восточнее Ляояна. Атаки частей 2-й и 4-й японских армий в центре и на правом фланге были отражены русскими войсками. Однако и здесь Куропаткин не решился нанести контрудар по 1-й японской армии и отдал приказ отходить на 3-ю главную позицию русских войск.

18—21 августа развернулись ожесточенные бои за главную позицию. Сочетая упорную оборону позиции с вылазками и контратаками, части 2-го и 4-го Сибирского корпусов отразили наступление противника в центре и на правом фланге. На левом фланге полки 1-го и 3-го Сибирских корпусов в районе Сыквантунь также остановили армию Куроки. Имея 72 тыс. чел., Сибирские корпуса вполне могли разгромить 1-ю японскую армию, которая перед их фронтом насчитывала всего 18 тыс. чел. Но русское командование не смогло здесь организовать контрудар.

Армейская конница, руководимая генералом Самсоновым, была переброшена на левый фланг русской армии в район Янтайских копей с задачей обеспечить направление на Мукден. Именно эта конница (а там находилось уже два конных отряда — генерала Г.И.Орбелиани в составе 51-го и 52-го драгунских полков и генерала Любавина в составе 2-го Нерчинского и 2-го Аргунского казачьих полков) могла совершить охват правого фланга всей 1-й японской армии и оказать серьезное влияние на ход событий в боях на северном берегу реки Тайцзыхэ. Тем не менее генерал Куропаткин отдал приказ об отступлении русской армии к Мукдену. 22 августа русские войска очистили левый берег р.Тайцзыхэ, а 24 августа отошли за линию р.Шахэ. За 12 дней русские войска потеряли 18300 чел., японские — 23714. Ляоянское сражение японцы выиграли лишь вследствие пассивности русского высшего командования и грубых ошибок в управлении войсками, в том числе в применении крупных конных масс.

Особенно неудачно сложилась обстановка в районе Янтайских копей. Несмотря на полное превосходство в пехоте, артиллерии и коннице отряд начальника 54-й пехотной дивизии генерала Орлова был практически разгромлен. От всеобщего поражения русскую армию избавила конница Самсонова, которая в спешенных порядках в течение дня выдерживала атаки японских войск и удержала Янтайские копи. По словам Куропаткина "бла-

годаря упорству и мужеству Сибирской казачьей дивизии Самсонова, выдержавшей напор армии Куроки, последнему не удалось осуществить свой замысел, а расстроенные боями дивизии и полки прочих корпусов в полном порядке отошли на новые позиции к реке Шахэ"[17].

Отличились в этой неудачной для русской армии битве и многие оренбургские казаки. Именно за храбрость, проявленную под Ляояном, был награжден Георгиевским крестом старший урядник 12-го Оренбургского полка Дмитрий Некрасов[18]. В боях под Ляояном отличилась переводчик 3-й сотни 2-го Нерчинского казачьего полка Елена Михайловна Смолко, двадцати с небольшим лет, имевшая четыре ранения, полученные в боях на территории Маньчжурии в 1900 г., когда она служила в Амурском казачьем полку. В начале русско-японской войны Е.М.Смолко обратилась к военному губернатору во Владивостоке с просьбой направить ее в действующую армию в качестве переводчика, но получила отказ. Тогда она самостоятельно направилась в Ляоян и принимала участие в разведке с разъездом казаков в районе м.Кондиньсян. Впоследствии отважная разведчица участвовала в боях при Лунване и Данване и не раз выручала свои разъезды, прекрасно зная китайский и японский языки. В бою у с.Фундзяпуза Е.М.Смолко была ранена. После войны она служила в 320-м Чембарском пехотном полку[19].

Потеряв довольно значительную территорию и по существу окончательно отказавшись от планов оказания помощи осажденному Порт-Артуру, русская армия отошла к Мукдену и закрепилась на берегу р.Шахэ. Соотношение сил на театре военных действий постепенно менялось в пользу России. К осени 1904 г. русская армия уже превосходила (хотя и незначительно) по численности японскую. Многие русские части и соединения по уровню боеспособности ничуть не уступали японским. Это показала, в частности, героическая оборона Порт-Артура, защитники которого, несмотря на отсутствие сколько-нибудь серьезной помощи от Маньчжурской армии, успешно отбивали одну атаку за другой.

6—9 сентября и 17—18 октября японцы предприняли два штурма Порт-Артура. Оба были отбиты, хотя противнику удалось захватить ряд укреплений, но господствующая над крепостью гора Высокая не была захвачена японцами. Вместе с пехотинцами, моряками и артиллеристами стойко сражались и казаки 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, составлявшие по существу всю крепостную кавалерию.

Маньчжурская армия к сентябрю сосредоточилась в районе р.Хуньхэ. Здесь она получила подкрепление. Прибыли 1-й армейский, 5-й и 6-й Сибирские корпуса, 4-я Донская казачья дивизия. Конница увеличилась до 143 сотен. Русская армия имела теперь 210 тыс. чел., 758 орудий, 32 пулемета. Три японские армии имели в сентябре 170 тыс. чел., 648 орудий, 18 пулеметов.

В такой обстановке генерал Куропаткин решился наконец дать генеральное сражение. Нанесение главного удара возлагалось на Восточный отряд генерала Штакельберга с задачей — атаковать японские войска с фронта и охватить правый фланг японской армии в районе Беньсиху. В Восточный отряд входили 1-й, 2-й, 3-й Сибирские корпуса, Забайкальская и Сибирская казачьи дивизии. Западный отряд генерала Бильдерлинга наносил вспомогательный удар по японским войскам, занимавшим позиции по обеим сторонам железной дороги. В Западный отряд входили 10-й, 17-й армейские корпуса и отряд генерала Дембовского, 4-я Донская казачья дивизия гене-

рала Телешова, конный отряд генерала Грекова в составе 2-й Оренбургской и Уральской казачьих бригад, 1-го Аргунского казачьего полка, Кавказской конной бригады генерала Орбелиани в составе Кубано-Терского казачьего и 2-го Дагестанского конного полков. За правым флангом Западного отряда располагался 6-й Сибирский корпус. Общий резерв Маньчжурской армии составляли 1-й армейский и 4-й Сибирский корпуса и Забайкальская казачья бригада генерала Мищенко. Казачьи полки Мищенко получили задачу прикрывать стык между Восточным и Западным отрядами. Кроме того, на крайних флангах русской армии в отрядах генералов Косаговского и Дембовского, Любавина и полковника Мадритова находилось еще 27 казачьих сотен.

12 сентября Отдельная Забайкальская казачья бригада генерала Мищенко (11 сотен и 6 орудий) выступила на разведку и для прикрытия боевых действий 4-го Сибирского корпуса. Задача, возложенная на части Сибирского корпуса — овладеть высотами Танхайши и Селихердцзы, была выполнена полками казачьей бригады Мищенко. Успех был достигнут благодаря энергичным действиям бригады Забайкальских казаков в конном строю. Двигаясь за казачьей бригадой, части 4-го Сибирского корпуса закрепляли захваченные забайкальцами высоты.

22 сентября началось наступление Маньчжурской армии с целью овладеть правым берегом р.Тайцзыхе. Командование Восточным отрядом перебросило конницу генерала Самсонова на левый фланг отряда в долину р.Тайцзыхе. Учитывая, что здесь располагался конный отряд генерала Любавина, численность конницы составила свыше 30 сотен. Владея переправами, казачья конница простреливала не только фланг, но и тыл японских позиций, однако с подходом туда японской кавалерийской бригады двухполкового состава генерала Тамура, оба конных отряда отступили, отдав переправы японцам. Удачным маневром во фланг японская конница заставила казаков, имевших почти тройное превосходство в силах, отступить.

Наступление русской армии велось вяло и медленно. Условия местности давали прекрасные возможности для действий крупными конными отрядами, однако это сделано не было. Начальник Забайкальской казачьей дивизии генерал Ренненкампф предлагал атаковать конницей фланг и тыл противника, но командир 3-го Сибирского корпуса отклонил это предложение и поставил Забайкальской казачьей дивизии задачу — вести разведку противника. Русская конница в наступлении действовала в основном не в конном, а в пешем строю, не отрываясь от пехоты.

27 сентября японские войска остановили наступление Маньчжурской армии, перешли в контрнаступление и нанесли главный удар по частям Западного отряда, оттеснив его за р.Шахэ. 30 сентября начал отход и Восточный отряд генерала Штакельберга. Имея 86 батальонов, 50 сотен и 198 орудий, он не смог одолеть японские части, располагавшие всего 19 батальонами, 12 эскадронами и 48 орудиями.

5 октября обе стороны приостановили боевые действия, так как понесли большие потери. Русские потеряли до 40 тыс. чел., японцы — до 20 тыс. Две недели продолжалась Шахэйская битва, в которой русская армия несмотря на превосходство в силах вновь потерпела неудачу. И вновь из-за слабости высшего командования, которое побоялось сосредоточить в направлении главного удара достаточно мощную группу войск. Фактически в наступлении участвовало не более половины русской армии (причем на направ-

лении главного удара лишь около 25%). Зато почти половина русской армии оставалась в резерве и реально бездействовала. В результате японцы получили возможность бить русские войска по частям. Это испытали на себе в полной мере казачьи части, участвовавшие в Шахэйском сражении. На начальном его этапе конный отряд оренбуржцев под командованием генерала Грекова должен был взаимодействовать с 17-м корпусом. Но настоящего взаимодействия не получилось. Сначала корпус запоздал с развертыванием сил, а когда все-таки начал активные действия, казаки уже отступили.

Слабость русского командования на Дальневосточном театре была очевидной. Наступившее после Шахэйской битвы затишье дало возможность заняться реорганизацией командования. 13 октября 1904 г. вместо адмирала Е.И.Алексеева Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами против Японии был назначен генерал-адъютант А.Н.Куропаткин. 23 ноября приказом Куропаткина русские войска были объединены в три армии. 1-я Маньчжурская армия генерала П.Н.Линевича включала 1-й армейский, 2-й, 3-й и 4-й Сибирские корпуса, 71-ю пехотную дивизию, Сибирскую резервную бригаду, Забайкальскую казачью дивизию генерала Ренненкампфа, Сибирскую казачью дивизию генерала Самсонова, Приморский драгунский полк, 5-й и 6-й Забайкальские пешие батальоны. Она действовала на правом фланге русских войск. На левом фланге фронта занимала позиции 2-я Маньчжурская армия генерала О.К.Гриппенберга, включавшая 5-й Сибирский, 8-й, 10-й и 16-й армейские корпуса, 4-ю Донскую казачью дивизию генерала М.Н.Телешова, 2-ю бригаду Оренбургской казачьей дивизии генерала В.А.Толмачева, 1-й Оренбургский, 1-й Аргунский и Амурский казачьи полки.

В центре фронта располагалась 3-я Маньчжурская армия генерала А.В.Каульбарса в составе 1-го и 6-го Сибирских, 17-го армейского корпусов, 2-й отдельной кавалерийской бригады генерала Э.И.Бернова, Урало-Забайкальской казачьей дивизии генерала П.И.Мищенко, Кавказской конной бригады генерала Г.И.Орбелиани, 10-го Оренбургского и Уссурийского казачьих полков[20].

Казачьи войска в трех Маньчжурских армиях насчитывали к концу года 38358 чел., в том числе в коннице — 332111, в пехоте — 4171, в артиллерии — 1966 чел.

Реорганизация командования не привела, однако, к активизации маньчжурских армий. Они фактически бездействовали, ограничиваясь мелкими стычками с японцами. Японские войска также не спешили атаковать русские армии, но зато они усилили натиск на Порт-Артур. 20 декабря Порт-Артур пал. Оборона крепости продолжалась 329 дней. Она сковала крупные силы противника. После войны все части гарнизона Порт-Артура были отмечены наградами. 4-я сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка была награждена Георгиевскими серебряными трубами. В представлении командующего Иркутским военным округом 10 января 1907 г. говорилось, что "сотня эта, как единственная представительница кавалерии в Порт-Артуре во время осады его японцами, неся ординаторскую и сторожевую службы, в то же время наравне с прочими войсками гарнизона, принимала участие на фортах крепости в отбитии многочисленных штурмов неприятеля. Во время осады сотня имела потери: убитых нижних чинов — 18, раненых офицеров — 2, нижних чинов — 14"[21].

После капитуляции Порт-Артура 3-я японская армия генерала Ноги двинулась на север к Мукдену. Чтобы задержать ее продвижение, Куропаткин решил совершить крупный рейд конницы по тылам противника. 23 декабря был спешно сформирован конный отряд из 72 сотен и 22 орудий. В конный отряд, в командование которым вступил генерал-адъютант П.И.Мищенко, вошли Урало-Забайкальская казачья дивизия генерала Ф.Ф.Абрамова — 21 сотня, 4-я Донская казачья дивизия генерала М.Н.Телешова, Кавказская казачья бригада полковника Хан-Нахичеванского — 11 сотен, 4 сотни конной пограничной стражи. Регулярная конница в отряде Мищенко была представлена 18-ю эскадронами 2-й Отдельной кавалерийской бригады и Приморского драгунского полка. В артиллерию отряда входили 1-я и 2-я Забайкальские казачьи батареи, 20-я Кавказская батарея и батарея 4-го Сибирского артдивизиона.

Отряду Мищенко ставилась задача захватить порт Инкоу и, углубившись в тыл противника, вывести на длительное время из строя железную дорогу на участке Ляоян—Ташичао—Дальний, по которой перебрасывалась из-под Порт-Артура к Шахэ армия генерала Ноги. Но генерал Мищенко допустил ходе рейда две серьезнейшие ошибки: во-первых, взял с собой огромный обоз и, во-вторых, втягивался в стычки с мелкими японскими подразделениями, встречавшимися по дороге. В результате темп наступления снижался. Ни на какую внезапность при атаке противника не приходилось рассчитывать. Японцы воспользовались этим.

Когда русский отряд подошел к Инкоу, противник уже ждал его и сумел хорошо подготовиться к обороне. Русские атаки на станцию успеха не имели. К тому же вскоре стало известно, что к Инкоу подходит довольно сильная группа японских войск. Мищенко отдал приказ об отступлении. Главная цель рейда — разрушение железной дороги, не была достигнута. Это "не набег, а наползь", — так саркастически выразился по поводу рейда отряда Мищенко его коллега, тоже кавалерийский генерал Ренненкампф. Он был прав самое большее наполовину. Дело было не только в отдельных ошибках командования отряда (Мищенко считался, кстати, лучшим кавалерийским генералом русской армии в этой войне). Основная причина неудачи состояла все-таки в том, что главные силы русской армии, которые по замыслу должны были атаковать японские войска, бездействовали. Поэтому японцы и сумели довольно быстро парировать удар кавалерийского отряда Мищенко.

Наступление маньчжурских армий началось после того, как рейд завершился. Для нанесения главного удара в полосе 2-й Маньчжурской армии генерала Гриппенберга было сосредоточено 96 тыс. чел. и 416 орудий. Японская армия имела на участке прорыва всего около 12 тыс. чел. Русское наступление началось в ночь на 13 января 1905 г. Плохо организованная артподготовка и ввод в сражение войск 2-й армии по частям позволили японскому командованию увеличить свои силы на участке прорыва до 47 тыс. и остановить продвижение русских войск.

Русская конница в этом наступлении имела самостоятельную задачу — ударить по флангу противника и выйти в его тылы. Конный отряд генерала Мищенко после набега на Инкоу был переформирован и сосредоточен в районе Тахуанчипу. 13—14 января он глубоко охватил левый фланг главных сил японских войск на участке 1-го Сибирского корпуса. Японцы вынуждены были перебросить туда 8-ю пехотную дивизию из района Янтайских копей. Выйдя в район Ландугоу, конница Мищенко атаковала эту дивизию.

Мищенко умело организовал встречный бой, практически разгромив японскую дивизию. В случае продолжения наступления 2-й Маньчжурской армии конница Мищенко могла полностью отрезать пути отступления японским частям. Но частный успех сначала 1-го Сибирского, а затем 10-го армейского корпусов не был использован командованием 2-й русской армии. Наступление захлебнулось.

Переброшенная после захвата Порт-Артура к Мукдену японская армия генерала Ноги изменила соотношение сил в Маньчжурии. Правда, общего превосходства в силах у японцев не было. К началу февраля 1904 г. пять японских армий, действовавших в Маньчжурии, насчитывали 270 тыс. штыков и сабель, 1062 орудия и 200 пулеметов. В трех русских армиях было 293 тыс. штыков и сабель, 1475 орудий, 56 пулеметов. Таким образом, хотя полного равенства не наблюдалось, по численности японская армия лишь незначительно уступала русской. Это придавало японскому командованию уверенности в своих силах. Пока русский главнокомандующий неспешно готовил войска к запланированному на 15 февраля наступлению, японцы нанесли упреждающий удар.

В ночь на 6 февраля японские передовые части начали наступление. К 11 февраля они оттеснили русские части к перевалу Далин. 10—11 февраля перешли в наступление главные силы 1-й и 5-й японских армий, наносившие удар в обход левого фланга 1-й Маньчжурской армии генерала П.Н.Линевича. Русские войска, прикрываемые конными отрядами, начали отступать. Куропаткин, посчитав, что главный удар противника предстоит на левом фланге, бросил туда почти все свои резервы. Между тем 13—15 февраля 2-я и 3-я японские армии развернули наступление, обходя правый фланг 2-й Маньчжурской армии. Первые удары 3-й японской армии приняла на себя конница генерала Грекова в составе Урало-Забайкальской казачьей дивизии, 2-й отдельной казачьей бригады из Уссурийского, 1-го Нерчинского казачьего полка и 2-й бригады Оренбургской казачьей дивизии. Казаки сами пытались перейти к активным действиям в южном направлении, но успеха не имели. Японская армия продолжала наступление.

Три недели продолжались бои под Мукденом. Они показали мужество и воинское мастерство сибирских и забайкальских казаков. В то время, как 2-я и 3-я Маньчжурские армии, частично обойденные японцами, в беспорядке начали отступать, 1-я Маньчжурская армия, в которой сражались Сибирская и Забайкальская казачьи дивизии, в течение трех дней выдерживали атаки японских частей и только после повторного приказания главнокомандующего начали отход на север. Части 1-й армии отступили в полном порядке под прикрытием казачьей конницы. Стойко сражался под Мукденом 5-й Забайкальский пеший казачий батальон войскового старшины Иванова, возглавившего атаку батальона 17 февраля. Во время атаки младший урядник Ушаков, шел впереди батальона с развернутым знаменем и водрузил его на сопке, как написано в представлении его к награде, "подавая всем пример в храбрости и хладнокровии". Ушаков был награжден Георгиевским крестом III степени.

С полным сознанием воинского долга выполняли свою задачу казаки Уссурийского полка полковника Абадзиева. В приказе войскам 10-го армейского корпуса от 13 мая 1905 г. говорилось, что "несмотря на тяжелую и в высшей степени ответственную задачу, выпавшую на долю этого славного полка, состоявшую в наблюдении и охране правового фланга армии. Ус-

сурийский полк бессменно находился в постоянной готовности, имея почти каждый день боевое столкновение с противником..."[22]. Умело и храбро сражались 11-й и 12-й Оренбургские полки, 5-й Уральский полк, 4-я Забайкальская казачья батарея и другие казачьи части.

Несмотря на мужество, проявленное отдельными частями и соединениями, русская армия отступала. Колонны 3-й японской армии генерала Ноги далеко продвинулись на северо-запад от Мукдена, создав непосредственную угрозу перехвата железной дороги Мукден—Телин. 1-я японская армия генерала Куроки продолжала успешно продвигаться в обход Мукдена с востока. Генерал Куропаткин отдал приказ о переходе 1-й и 3-й Маньчжурских армий на позиции за р.Хуньхэ. Во время отхода, управление этими армиями было по существу дезорганизовано. Попытки организовать контрнаступление 23—24 февраля против 3-й японской армии в районе Ташичао успеха не имели.

К 10 марта отступающие русские армии достигли Сыпингайских позиций в 175 км севернее Мукдена. Здесь фронт стабилизировался вплоть до заключения мирного договора. Русская армия не была разгромлена, хотя и понесла большие неоправданные потери в результате прежде всего пассивности и бездарности высшего командования.

Получив пополнение и доведя к концу марта 1905 г. свою численность до 465 тыс. чел., русская армия была в состоянии продолжать военные действия. Но на деле ограничивалась мелкими стычками на аванпостах, да частными операциями, имевшими ограниченные задачи. Казачьи войска принимали в них деятельное участие.

В начале мая с целью сорвать предполагаемое наступление японских войск русское командование организовало новый рейд конницы под командованием генерала П.И.Мищенко. В состав конного отряда были включены Урало-Забайкальская казачья дивизия, Сводная Кавказская казачья дивизия, две сотни Кавказской конной бригады, 1-я Забайкальская, 1-я Кубанская и 2-я Терская казачьи батареи. "На вверенный Вам конный отряд, — говорилось в приказе командующего 2-й Маньчжурской армией, — возлагается задача — силами около 2-х дивизий, но не менее 1,5 дивизий перейти в тыл Западной группы японских армий и задержать переход их в наступление, истребляя склады и транспорты, портя пути подвоза и т.п."[23].

5 мая конница генерала Мищенко произвела умелый обход левого фланга японской армии, расположенной в районе Факутыня, и вышла на путь ее сообщения с Мукденом и Сикмингином. Передовые сотни 1-го Читинского и 4-го Уральского казачьих полков прорвались на Факутыньскую дорогу, сожгли вещевой склад и разгромили около роты японцев. Обойдя с запада Факутынь, отряд Мищенко вышел 6 мая на дорогу Факутынь—Шифудзи, где встретил в окопах японскую пехоту, которая открыла по казакам пулеметный огонь. Спешенные сотни 1-го Екатеринодарского и 1-го Сунженско-Владикавказского казачьих полков разгромили пехоту противника, захватив около 100 пленных, сотня 4-го Уральского полка захватили 2 пулемета, Читинский полк разгромил неприятельский транспорт из 600 повозок. Казаки отряда Мищенко отличались не только храбростью и воинским мастерством. Они славились также сплоченностью, готовностью в любой момент прийти на выручку товарищам. Вот что писал об этом будущий белый генерал А.И.Деникин, исполнявший во время рейда обязанности начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии: "Боковой авангард наш попал

под огонь японцев. Прикрываясь двумя спешенными сотнями, отряд пошел дальше. Докладывают, что отряд потерял 8 казаков ранеными:

— Раненых вынесли, конечно? — спрашивает Мищенко.

— Невозможно, Ваше превосходительство, в 150 шагах от японской стенки лежат.

— Чтоб я этого "невозможно" не слышал, господа!

Поскакали туда еще две сотни, спешились и вступили в бой, но безрезультатно. Тогда выскочил из сотни сотник Чуприна с несколькими казаками, бросился вперед, потерял еще одного убитым и 4 ранеными и всех вынес! Доблестный офицер этот через два дня был убит.

Вынос раненых — традиция отряда... Для нас это был вопрос не целесообразности, а психологии. Наши казаки, в особенности уральцы, считали бесчестием попасть в японский плен и предпочитали рисковать жизнью, чтобы избавить от него себя и товарищей. Мало того, я помню случай, когда в одном бою уральцев сменили на позициях забайкальцы, и 8 уральских казаков никем не побуждаемых, остались до ночи в цепи, подвергавшейся сильнейшему обстрелу, желая вынести тело убитого своего урядника, лежавшего в 100 шагах от японских позиций, чтобы не остался без честного погребения, и вынесли"[24].

7 мая отряд Мищенко, дойдя до Сяофаншена, выступил в обратный путь. Общие результаты рейда были довольно внушительными: отряд захватил в плен 234 японца (а всего японские потери составили не менее 500 чел.); был уничтожен один большой и несколько мелких транспортов и складов, в нескольких местах также было попорчено телеграфное сообщение.

Но, конечно, такого рода частные успехи русской армии не могли изменить общего хода войны. Разгром русского флота в Цусимском проливе 14—15 мая 1905 г. положил конец последним надеждам на сколько-нибудь успешное завершение этой войны. К тому же в стране началась революция. Армия понадобилась в самой России.

23 августа был подписан Портсмутский мирный договор, а в начале октября 1905 г. он был ратифицирован обеими сторонами. По мирному договору Россия признавала за Японией свободу действий в Корее, уступала ей арендные права на Порт-Артур и Дальний с прилегающей железной дорогой и каменноугольными копями, часть о.Сахалин. Обе стороны обязывались полностью и одновременно вывести свои войска из Маньчжурии. Бездарно проигранная война завершилась унизительным для России миром.

2. Казаки и революция 1905—1907 гг.

События 9 января 1905 г. положили начало первой русской революции. Вспыхнув в столице, она приобретала с каждым месяцем все более широкий размах, вовлекая в революционные события все новые и новые районы Российской империи, все новые слои населения. Не осталось в стороне и казачество Азиатской России. Да и как мог остаться в стороне от этих событий даже при самом большом желании человек, одетый в военную форму, привыкший повиноваться приказам командиров и начальников. С началом революции приказы посыпались на казачьи войска один за другим.

Правительство принимало спешные меры к укреплению как центральных, так и местных органов власти, подкрепляя их военными силами, необходимыми для поддержания порядка. В 1905 — первой половине 1906 гг. из 87 губерний и областей России в 82 было введено военное положение или положение чрезвычайной и усиленной охраны[1]. В двух губерниях Урала (Уфимской и Вятской) была установлена усиленная охрана, в Пермской — чрезвычайная охрана. Чрезвычайными полномочиями наделялись сибирские генерал-губернаторы и губернаторы. В 1906 г. Высочайшим указом Сибирский военный округ в целях усиленной борьбы с революцией был преобразован в два округа — Иркутский и Омский. Омский военный округ в составе Томской и Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей возглавил генерал-губернатор Степного края и наказной атаман Сибирского казачьего войска[2].

В борьбе с революцией правительство делало упор на репрессивные меры. Многочисленные просьбы губернаторов о присылке дополнительных военных и казачьих частей получали понимание и поддержку правительства. Немалые надежды оно возлагало при этом на казачество, не без основания считая казачьи части более надежными. В связи с этим в 1905—1907 гг. были мобилизованы полки всех трех очередей Астраханского казачьего войска, весь личный состав Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск[3].

Казачьи части восточных губерний России были дислоцированы во всех крупных городах Сибири, Урала, Поволжья и в ряде центральных губерний России. Так, оренбургские казачьи полки находились: 7-й полк — в Саратове, 8-й — в Самаре, 13-й — в Алатыре, 16-й — в Уфе, 17-й — в Перми. В марте 1905 г. в связи с погромами в Челябинске там тоже была размещена сотня оренбургских казаков[4]. Всего в четырех Уральских губерниях в 1906 г. было размещено 36 сотен казаков[5]. 3-й Уфимско-Самарский казачий полк дислоцировался в г.Волочинске Волынской губернии, Оренбургский казачий дивизион — в Гельсингфорсе. Казаки Урала и Сибири несли службу и в составе Лейб-Гвардии Сводного казачьего полка в Петербурге, Павловске и Гатчине[6].

Крупные силы казачества были дислоцированы в городах Восточной Сибири. В связи с русско-японской войной Восточная Сибирь стала ближайшим тылом армии, сосредоточенной в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. С началом военных действий численность расположенных в этом районе казачьих войск — Забайкальского и Сибирского была доведена до штатов военного времени. Значительная часть казаков принимала непосредственное участие в боевых действиях против Японии. Несколько казачьих сотен Сибирского войска и 20 конных отрядов Забайкальского охраняли границу, несли службу в городах Восточной и Западной Сибири.

С окончанием военных действий русская армия в силу ряда причин продолжительное время по-прежнему оставалась на Дальнем Востоке. В Чите в конце 1905 г. находились сотня забайкальских казаков, запасный артиллерийский взвод (2 орудия, 100 сабель), 4-й пеший казачий батальон, а также запасные части русской армии. В Иркутске на 50 тыс. жителей численность гарнизона составляла 15 тыс. чел.[7] Эти силы были необходимы не только для поддержания внешнеполитических акций правительства. Ими воспользовались и для подавления разраставшегося революционного движения.

Казачьи части осуществляли охрану важного стратегического объекта — Сибирской железной дороги и других линий, соединявших Дальний Восток, Сибирь и Урал с центром России. Правда, охрану депо, мастерских, водокачек, мостов и других технических сооружений несли главным образом ратники ополчения. Казачьи же отряды использовали преимущественно в целях подавления революционных выступлений железнодорожных рабочих[8]. Следует отметить, что железнодорожники проявили в годы революции наибольшую политическую активность. Только по Сибири было зафиксировано более 220 забастовок, охвативших в разное время 39 станций Забайкальской и Сибирской железных дорог[9]. Особенно часто к помощи казачьих отрядов стали прибегать осенью 1905 г. в связи с широким размахом стачечной борьбы железнодорожных рабочих в ходе Всероссийской октябрьской политической стачки и проведения всеобщей забастовки железнодорожников в декабре 1905 г., охватившей многие станции железных дорог.

В сентябре 1905 г. забастовало около тысячи рабочих железнодорожных мастерских и депо станции Оренбург. По приказу местных властей депо и станция были взяты под контроль казаками. Но забастовка все-таки продолжалась, и администрация вынуждена была пойти на уступки рабочим[10]. В декабре 1905 г. казаки были посланы для подавления забастовки челябинских железнодорожников. Но здесь рабочих поддержали солдаты. Казакам и полиции пришлось отступить. И все же после отправки эшелонов с солдатами, следовавшими из Сибири, в конце декабря стачечный комитет арестовали, и забастовка прекратилась.

Вооруженное столкновение казаков с рабочими-железнодорожниками имело место на ст.Мотовилиха Пермской железной дороги. Рабочие, руководимые стачечным комитетом, хотели остановить движение поездов по Горнозаводской железной дороге, для чего начали разборку путей. Получив сообщение об этих намерениях, пермский губернатор направил в Мотовилиху вооруженный отряд казаков 8-го Уральского полка. Началась схватка. Казакам удалось оттеснить рабочих за заводские стены. Железнодорожное движение продолжалось. Однако стачечный комитет готовился к новому наступлению. Губериские власти предпринимали, в свою очередь, контрмеры. В ночь на 13 декабря у губернатора состоялось совещание с участием командиров казачьей сотни, батальона Ирбитского полка и начальника охранного отделения. Было решено утром 13 декабря двинуть все силы на Мотовилиху.

Первой в поселок направилась сотня казаков. Она встретила вооруженное сопротивление рабочих. Казаки стремились ворваться и в завод, но силы их были недостаточны. По распоряжению губернатора на помощь им была послана рота солдат. Совместными усилиями сопротивление рабочих было сломлено. К суду было привлечено более 50 чел.[11]

7 декабря 1905 г. рабочие депо и мастерских ст.Уфа присоединились к всероссийской забастовке железнодорожников. 9 декабря состоялся многолюдный митинг в мастерских депо. Выступавшие на нем призвали народ вооружаться и с оружием в руках "ниспровергнуть существующий государственный строй". Комендант станции был арестован. На разгон митинга были посланы солдаты и взвод казаков. Казачий сотник Бакулин, стремясь предупредить столкновение, отправился на переговоры с забастовщиками, но тут же был арестован. Руководители стачки обратились к казакам и солдатам с призывом не стрелять в рабочих, были разбросаны также прокла-

мации уфимского комитета РСДРП. Принявший команду над казаками и солдатами есаул потребовал освобождения захваченных. Однако переговоры не принесли результатов. Внезапно со стороны рабочих были брошены бомбы. Произошло вооруженное столкновение, рабочие были вытеснены из мастерских.

С ростом стачечной борьбы казачьи части все чаще стали привлекать для охраны промышленных предприятий, шахт, рудников и других важных объектов в целях пресечения выступлений бастующих. Практически во всех крупных городах Сибири, Урала и Поволжья, в ряде заводских поселков в различные периоды революции находились казачьи части, переданные в ведение губернаторов для поддержания порядка и пресечения революционных выступлений рабочих. Как правило, они представляли наиболее надежную опору местных властей. Так, в напряженные декабрьские дни 1905 г. в одной из телеграмм в Санкт-Петербург пермский губернатор сообщал: "Полицейская власть бессильна; из военной силы не могу тронуть ни одного человека из Перми, где также беспокойно, революционеры ждут только выхода отсюда сотни казаков, чтобы открыть вооруженное восстание. Положение в высшей степени серьезное. Необходимо усиление военного состава... Одновременно прошу командующего о высылке спешно хотя сотни казаков"[12].

В Енисейской губернии распоряжением генерал-губернатора Редько на золотых приисках Андреевском, акционерного общества "Драга", товарищества "Зауралье" и других, охваченных волной забастовочной борьбы, в начале 1906 г. были размещены отряды из 20 казаков для обеспечения спокойствия[13].

Длительный и упорный характер приобрела стачка на Сысертских заводах Пермской губернии. Начавшись в июне, она продолжалась более трех месяцев, охватив Сысертский, Ильинский заводы и Благовещенский прииск. Для подавления забастовки губернские власти ввели воинскую команду в 250 солдат. Однако это не остановило рабочих и они продолжали борьбу, требуя удовлетворения выдвинутых администрации требований. В середине июля на Сысертские заводы был введен дополнительно отряд казаков. Но и это не сломило восставших. Работы на заводах полностью восстановились лишь в конце сентября 1905 г.[14]

В начале июля 1905 г. забастовали рабочие пушечного завода в Мотовилихе. Подавляющее большинство их поддержало лозунг "Долой самодержавие!" С первого дня забастовки в Мотовилиху была введена казачья сотня, патрулировавшая по улицам поселка. 10 июля ей было приказано разогнать рабочий митинг. Казаки применили оружие. Десятки людей были избиты, один из организаторов забастовки убит.

Казаки патрулировали в поселке и в октябрьские дни 1905 г., когда в ответ на предъявленные рабочими требования администрация завода ответила локаутом. Наивысшего накала противостояние достигло в декабре 1905 г., когда революционно настроенные рабочие и железнодорожники предпринимали попытки к организации вооруженного восстания в поддержку Москвы и Петербурга. Пермский комитет РСДРП обратился к рабочим Перми и Мотовилихи с призывом присоединиться к стачке железнодорожников. 9 декабря власть на заводе и в поселке фактически перешла в руки Совета рабочих депутатов. 12 декабря к забастовке присоединились рабочие ряда других пермских заводов. Началось строительство баррикад.

13 декабря в Мотовилиху прибыла казачья сотня. Разбившись на две части, казаки атаковали рабочих со стороны железной дороги и поселка, но были встречены выстрелами из боковых улиц, окон домов, с крыш заводских цехов, из-за баррикад. Рабочие применили новую тактику боя: наряду с созданием баррикадных заслонов и засад широко использовались мобильные мелкие группы, внезапно обстреливавшие противника и создававшие замешательство в его рядах. Действия таких групп вынудили казаков разъединиться и брать в отдельности каждый двор и дом. На помощь казакам были посланы две роты солдат. Сопротивление рабочих было сломлено. В результате вооруженной борьбы более 10 чел. были убиты, около 30 тяжело ранены, 33 дружинника арестованы[15].

В годы первой русской революции казачьи части широко использовались для борьбы с аграрным движением. О преимуществе их перед другими воинскими частями писал в своих воспоминаниях бывший в 1905 г. уфимским губернатором Цехановецкий: "Когда крупные земельные беспорядки разыгрались в двух соседних губерниях (Казанской и Самарской) и докатились до ... Уфимской губернии... уличная полиция была в состоянии ограничить беспорядки и подавить их при содействии горсточки солдат без пролития крови"..., но "нужна была конница, чтобы быстро перебрасывать в каждую угрожающую местность и вовремя парализовать всякое поползновение к грабежу". По мнению губернатора и предводителей дворянства, с которыми он периодически совещался, "наиболее пригодным для поддержания порядка в деревнях" выступало соседнее с Уфимской губернией Оренбургское казачье войско. "Я отправлял телеграмму за телеграммой Министрам — военному и внутренних дел, — писал он, — настаивая на безусловной необходимости присылки трех казачьих эскадронов в Уфимскую губернию, чтобы быть в состоянии везде поддержать порядок. Получив уведомление о присылке этих трех эскадронов в Уфу я принял надлежащие меры, чтобы они могли благополучно прибыть в Уфу даже в случае новой железнодорожной забастовки..."[16].

Только с мая по август 1905 г. крестьянские волнения имели место в пятнадцати волостях Уфимской губернии. Крестьяне захватывали пахотные земли, луга и другие угодья, отказывались уплачивать арендные платежи.

Весной 1905 г. наибольшего размаха крестьянское движение достигло в Бузулукском, Самарском и Бугурусланском уездах. Так, в селе Жилинки крестьяне самовольно захватили почти 600 дес. выгона и требовали, чтобы помещик Жилин вернул им около 2 тыс. дес. выгона. Попытка исправника и земского начальника разрешить конфликт путем переговоров не увенчалась успехом. В село прибыл вице-губернатор с сотней 2-го Оренбургского полка. Выступление было подавлено.

В Самарской губернии крестьяне Старо-Буянской волости отстранили от должности местное начальство и учредили самоуправление, которое просуществовало 14 дней. В волость из Самары приехал губернатор с казаками и подавил крестьянское движение.

В июне 1905 г. вспыхнуло крупное волнение крестьян-удмуртов в Слободском и Глазовском уездах Вятской губернии. Для его подавления была мобилизована полиция трех уездов, а затем прибыл казачий отряд.

Осенью 1905 г. крестьянское движение поднялось на новую ступень. В Пермской губернии волнения охватили 44 волости, в Уфимской и Оренбур-

гской — 62. Достаточно высоким оставался уровень борьбы и в 1906 г. и в первой половине 1907 гг. Всего в четырех губерниях Урала крестьянские волнения имели место в 1905 г. в 224 волостях, в 1906 г. в 182, в первой половине 1907 г. в 51 волости[17].

В 1905 г. большое количество волнений наблюдалось в Восточной Сибири и Забайкалье. Губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска неоднократно привлекал казачьи части для выполнения полицейских функций. Минусинский уезд Енисейской губернии ввиду особо значительных сумм недоимок крестьян в течение 1906 г. находился на положении усиленной охраны. В помощь действовавшей там карательной экспедиции была послана сотня казаков[18].

В Западной Сибири казачьи отряды использовали в целях пресечения широко развернувшихся здесь в 1906—1907 гг. (особенно на Алтае) самовольных порубок лесов. Одним из основных районов порубки были города Барнаул, Бийск и их окрестности. По официальным сводкам, число подвод, на которых выезжали самовольные порубщики, составляло в среднем от 50 до 300. К жителям городов присоединялись и крестьяне десятков близлежащих сел. С мест шли многочисленные просьбы о высылке воинских частей и казаков. Предпочтение отдавалось последним, так как в значительной степени самовольные порубки осуществлялись при участии или агитации вернувшихся с Дальнего Востока мобилизованных. Нижние чины запаса очень неохотно шли на подавление восстаний. Временно исполнявший обязанности начальника Алтайского округа настойчиво просил командующего войсками генерала Сухотина о помощи. Но находя его реакцию недостаточно адекватной, вынужден был обратиться к управляющему Кабинетом с просьбой о содействии. В телеграмме от 23 февраля 1906 г. он сообщал: "Исчерпав все доступные средства относительно присылки казаков для скорейшего подавления порубок в окрестностях Барнаула, достигших приблизительно 20000 рублей по таксе, усерднейше прошу повлиять на командующего войсками Сухотина о немедленной присылке им сотни казаков в Барнаульский уезд, сотни в Бийский для секвестра похищенного леса"[19].

В марте 1906 г. в распоряжение временно исполняющего обязанности начальника Алтайского круга был вверен отряд в 50 казаков для секвестра порубленного леса в Озерном, Сузунском и Томском лесных имениях. В Бийск была введена рота солдат и 25 казаков 3-го Сибирского полка. В целях использования дополнительных сил управляющим Бийского имения в феврале было сформировано два "летучих отряда казаков" по 39 чел. в каждом из казаков станиц Терской, Антоньевской, пос.Николаевского и станиц Змеиногорского уезда на условиях платы 45 руб. в месяц. К вольному найму казаков для секвестра леса прибегал и управляющий Змеиногорским имением[20].

Однако один силовой подход к этой сложной проблеме не мог разрешить ее. В ряде сел крестьяне все более упорно боролись за свои права. Ввод же казаков нередко приводил к столкновениям и жертвам с обеих сторон. Так, в марте 1906 г. "летучий отряд" прибыл в село Ново-Обинск. Население встретило его враждебно. Собравшись толпой около 500 чел., крестьяне напирали на казаков, нанося им различные оскорбления, бросая в них камни, палки, поленья и комья грязи, стремясь во что бы то ни стало выгнать их из села. Не видя другого исхода, кроме стрельбы в толпу, в которой было много детей, казаки стали отступать. Из толпы по казакам раздались выстрелы,

несколько человек были ранены. Сделав несколько предупредительных выстрелов в воздух, отряд казаков вышел из села[21].

Требования о выводе казаков выдвигали жители ряда сел: Улалы, Бирюли, Сычевского, Алтайского и других, обязываясь при этом самовольно сдать укрываемый лес. В с.Завьялово в январе 1907 г. имело место вооруженное нападение на казачий отряд. Толпа крестьян около 450 чел., с шашками, ружьями бросилась на прибывших в село 60 казаков и отряд охотников. Четыре казака были ранены. Охотники и казаки применили нагайки. Толпа разбежалась. Ночью этого же числа начали собираться крестьяне соседних сел. К утру они вновь стали осаждать отряды. Казаки и охотники по приказу командиров открыли огонь и разогнали толпу нагайками. Имелись жертвы и раненые с обеих сторон. Сопротивление крестьян приобретало характер вооруженного восстания. Из донесений Бийского исправника следовало, однако, что казаки стали отказываться от применения оружия. В одной из телеграмм Томскому губернатору сообщалось: "Казаки оказываются ненадежными, так как выходят из повиновения". По приказу министра внутренних дел П.А.Столыпина "действовать самым решительным образом и подавить движение силой оружия" в уезд для подавления восстания были введены крупные воинские силы[22].

Под влиянием революционных событий волнения охватили и часть армии. Осенью 1905 г. Приамурский генерал-губернатор телеграфировал министру внутренних дел: "Среди военного и гражданского населения Владивостока усиливается возбуждение, организуются собрания, процессии, осуждается существующий режим". Революционными действиями были охвачены Сибирский флотский экипаж, Восточно-Сибирские и Ново-Киевские минные роты, транспорт "Тобол" и др. Командование подтягивало к Владивостоку крупные силы для ликвидации беспорядков. Заблаговременно в город были введены наиболее надежные казачьи части. Революционные выступления солдат и матросов были подавлены. Во время ликвидации беспорядков 182 чел. были убиты и ранены[23]. Известие о расстреле демонстрантов во Владивостоке вызвало новую, еще более сильную волну возмущения. 12 января 1906 г. крепость перешла в руки восставших.

Для наведения порядка во Владивостоке был послан известный боевой генерал Мищенко с казачьей дивизией. Он сумел путем переговоров с председателем исполкома восставшего гарнизона без боя войти в крепость. Одновременно Мищенко объявил о введении осадного положения и создал следственную комиссию, которая привлекла к ответственности более 400 солдат и матросов. Мищенко был назначен генерал-губернатором Приморья[24].

19—20 октября 1905 г. произошли волнения нижних чинов в военных госпиталях в Челябинске. Солдаты требовали увольнения из армии. Для усмирения их была послана сотня Оренбургского казачьего полка. В данном случае, однако, произошел "сбой". Казачья сотня и две роты солдат местного гарнизона отказались участвовать в подавлении выступления своих товарищей[25].

Следует отметить, что вообще многие казаки тяготились полицейскими функциями, навязанными им правительством, порой и открыто выражая свое недовольство. Так, казаки 2-й и 3-й сотни Оренбургского казачьего полка, направленного в Саратовскую губернию в конце 1905 г., заявили, что у них нет желания охранять имения помещиков и они "хотят идти домой".

В донесении 8 марта 1906 г. пермский губернатор информировал министерство внутренних дел: "Стоящий в губернии 17-й Оренбургский полк ненадежен, дисциплина слаба, казаки братаются с местными рабочими.., казачье начальство ничего поделать не может"[26].

В феврале 1906 г. газета "Солдатская жизнь" сообщала, что две сотни Оренбургского казачьего полка, возвращавшиеся с Дальнего Востока, отказались ехать в Москву и самовольно отправились по домам[27].

Широкий резонанс среди казаков получили события, произошедшие в мае 1906 г. в Оренбурге. 22 мая к городской тюрьме, где заключенные уже шестой день продолжали голодовку, подошла толпа демонстрантов. Они выражали солидарность с заключенными, в то же время предлагая голодовку прекратить. Два казака из службы охраны тюрьмы без предупреждения открыли стрельбу по толпе. Было убито два человека, трое получили тяжелые ранения, многие избиты и искалечены. Похороны убитых рабочих превратились в многочисленную демонстрацию. Здесь были венки от социал-демократов и социалистов-революционеров, от рабочих, приказчиков, гимназистов... На лентах казачьих венков была надпись: "Россия! Прости темноте за море невинно политой крови... Вечная память жертвам, погибшим от произвола и самодержавия"[28].

Протест казаков против исполнения полицейских функций прозвучал и с трибуны Государственной Думы. В адрес депутатов I Государственной Думы поступали письма и телеграммы с требованием принятия закона, запрещающего использовать военные силы казаков в подавлении революционного движения и роспуска казачьих частей второй и третьей очереди по домам. В Думу с такими требованиями обращались, в частности, 7-й Уральский, 8-й, 14-й Оренбургские казачьи полки[29]. Омский комитет РСДРП, характеризуя настроения казаков, проявившиеся в связи с выборами во II Государственную Думу, писал: "Казаки отказываются нести полицейскую службу. Уральские.., выбирая депутатов в Думу, заявляют о своей постыдной обязанности быть палачами народа"[30].

Под давлением общественного мнения правительство вынуждено было принять распоряжение о роспуске казачьих третьеочередных полков и перейти на призыв комплектования из казаков за определенную плату специальных частей для борьбы с революцией.

Российская общественность по-разному относилась к казачеству и его роли в революции 1905—1907 гг. Консервативные круги правительства, местных органов власти и общества в целом рассматривали их как надежную силу в поддержании законных порядков и в подавлении "революционной смуты". Правительство в этой связи широко практиковало меры поощрения казачества за добросовестное выполнение служебных обязанностей. Осенью 1905 г. было произведено пожалование грамот о закреплении казачьих привилегий и земель; в начале 1906 г. было выделено 5,5 млн руб. на поддержание казачьих хозяйств. При проведении землеустроительных работ по разграничению земель Забайкальского казачьего войска, которое продолжалось и в годы революции, и позднее, правительство стремилось учитывать прежде всего интересы казачества, нередко ущемляя при этом коренное население. Не случайно поэтому местное население, в частности буряты, в ряде случаев оказывали сопротивление межевым работам: прогоняли казачьих поверенных, заставляли прекращать работы. Так, в 1907 г. местные жители Ичетуйского урочища не допустили производства работ на свобод-

ных землях, избив казачьих представителей. Население Торейского булука силой приостановило работы, и землемер, опасаясь за свою жизнь, должен был повиноваться. Только к 1912 г. разграничение земель Забайкальского казачества было завершено. Общая площадь войскового надела составила 10 млн дес.[31]

Широко использовало правительство и денежные вознаграждения. Так, с января по ноябрь 1906 г. военные министры отпустили 72 тыс. руб. для выплаты военным чинам Оренбургского казачьего войска за усмирение "врагов внутренних". В отношении казаков, участвовавших в революции или сочувствовавших ей, принимались жесткие репрессивные меры. Так, летом 1906 г. были расформированы 14-й и 17-й полки Оренбургского казачьего войска, проявившие неподчинение высшему командованию. В ноябре 1906 г. подъесаул В.П.Бирк за призыв казаков 4-й Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригады "не стрелять в народ" был лишен состояния, чинов и орденов, исключен из военной службы и сослан на поселение[32].

Русская общественность выражала свое отношение к казачеству и его действиям на страницах местной печати, в специальных листовках, на собраниях, митингах и т.д. Консервативная часть общества поддерживала и одобряла их деятельность. Так, на страницах "Пермских губернских ведомостей" в феврале 1906 г. был опубликован Адрес российскому казачеству, в котором от имени жителей г.Кунгура выражалась благодарность казакам "за поддержку Престола, Отечества и Веры в настоящее смутное и тяжелое время". Пермский отдел Русской народно-монархической партии принял специальное постановление: "... благодарить от имени Русской народно-монархической партии квартирующийся в г.Перми казачий отряд, действовавший в Перми и Мотовилихе"[33].

Либерально настроенные круги общества прежде всего в лице интеллигенции с самого начала революции выступали против использования казачества в качестве полицейской силы. Так, на митинге интеллигенции в г.Перми 26 октября 1905 г. в числе других необходимых мер, предложенных губернатору для успокоения общества, было выдвинуто требование об удалении казаков из города. На этом настаивали и возникшие в период революции 1905—1907 гг. многие местные отделы партии конституционных демократов, действовавшие там, где были расположены казачьи части, мобилизованные для борьбы с революцией[34].

О неоднозначном отношении общества к вводу казаков в г.Златоуст сообщал в декабре 1905 г. начальник Уфимского жандармского управления: "Положение в городе таково: наиболее спокойная, трудящаяся часть населения, как то: обыватели, торговцы, промышленники и пр., угнетаемые беспокойством за свое будущее, ввиду... вооружения рабочих, — желала бы для ограждения себя от возможной опасности ввода в Златоуст надежной воинской части, хотя бы и казаков; другая же часть населения, главным образом рабочие, а также некоторые лица из интеллигенции видят в присылке сюда казаков крайнюю опасность, возможность вооруженных столкновений с заводским населением"[35].

Революционные круги, руководимые социал-демократами и социалистами-революционерами, видели в казачестве как в военной силе один из главных оплотов самодержавия, наряду с армией в целом. В одной из прокламаций Томского комитета РСДРП в ноябре 1905 г. говорилось: "Силой, на которую опирается царское правительство, являются казаки и полиция.

Нужно этой организованной и вооруженной силе правительства противопоставить организацию и вооружение народа. ...Когда вы организуетесь и вооружитесь, тогда вы сможете разбить казаков и полицию, тогда вы сможете сказать: "Мы уничтожили произвол и завоевали свободу""[36].

Часть рабочих воспринимала казаков даже как силу более опасную для себя, чем солдат. Слова "казаки идут!" стали в годы революции жупелом, им пугали демонстрантов, стачечников, студентов во время университетских "беспорядков". В воспоминаниях одного из участников революционных событий в Мотовилихе в декабре 1905 г. отмечалось: "Нашей боевой дружиной было принято такое решение: по солдатам не стрелять, а стрелять по казакам. Солдаты служат поневоле, а казаки являются опорой самодержавию... казакам мы не хотели давать пощады, потому что они били рабочих"[37].

Учитывая значительную социальную дифференциацию казачества, тяжелое экономическое положение определенной его части, революционные партии стремились развернуть в этой среде агитацию с целью привлечения на сторону революции. Исходя из специфики казачьего сословия эта работа велась как в рамках борьбы за войска, так и в ходе вовлечения крестьянских масс в революционное движение.

Одной из ведущих форм агитации были листовки, адресованные непосредственно казачеству. С этой целью в ряде организаций РСДРП создавались специальные военные группы солдат и казаков. Так, осенью 1905 г. при Оренбургском комитете РСДРП была организована "Группа казаков-оренбуржцев", которая взяла на себя работу по распространению революционных прокламаций среди воинских казачьих частей и населения казачьих станиц. С декабря 1905 по июль 1907 гг. социал-демократическими организациями Урала были выпущены и распространены листовки: "Товарищи казаки!", "Оренбуржскому казачьему войску", "Уральским казакам, командированным в разные города", "Товарищи солдаты и казаки!" и другие, в которых казаков призывали отказываться от исполнения полицейских функций: "Казаки-товарищи, не продавайте своей совести, — говорилось в одной из них, — не продавайте народной свободы! Дело русского народа и ваше дело. Так идите же, казаки, вместе с народом, не мешайте ему добывать себе и вам свободу..."[38].

Хотя особенно большого успеха работа среди казаков не имела, тем не менее, среди них все чаще стали проявляться колебания и неуверенность, многие казаки неохотно выполняли приказы о подавлении стачек и демонстраций.

Дальневосточные и сибирские социал-демократы, учитывая специфическое положение казаков и всей Маньчжурской армии, находившейся по-прежнему в районе военного округа, в своих листовках разъясняли: "Товарищи солдаты и казаки Маньчжурской армии!.. В числе других требований рабочие требуют немедленного возвращения Маньчжурской армии... и сами всеми силами будут этому помогать. Берегитесь, товарищи! Царские холопы натравливают вас на братьев-рабочих, восставших за свободу. Они хотят разбить сомкнутые силы народа. Царское правительство боится пустить вас на родину, чтобы вы не пришли на помощь народу... Мы товарищи и вас, обманутых, опутанных, придавленных цепями царского самодержавия, к нам примкнуть призываем"[39].

Активную работу среди казачества развернул Читинский комитет РСДРП. Только в ноябре 1905 г. им было выпущено 16 прокламаций общим тиражом 38,5 тыс. экземпляров, адресованных солдатам и казакам. Войсковое начальство, встревоженное большевистской агитацией в гарнизоне, стало издавать многочисленные циркуляры с целью ее пресечения. Однако пропаганда в войсках принимала широкий размах. Ее успеху содействовали и аргументы совершенно иного порядка: отзыв со льготы второочередных полков, попытка военного командования задержать в Маньчжурии запасных как наиболее политически неблагонадежных, полицейский режим в казармах, где имели место побои, надругательство над личностью, обыски личных вещей.

Казаки и солдаты все чаще стали посещать собрания рабочих, обращаться в читинский комитет РСДРП с просьбами о разъяснении злободневных вопросов. 16 ноября 1905 г. в помещении главных железнодорожных мастерских ст.Чита состоялось собрание солдат и казаков Читинского гарнизона в количестве более 4 тыс. чел. Была принята резолюция о присоединении гарнизона к революционным рабочим Читы и их требованиям свержения самодержавия и установления демократической республики. 22 ноября 1905 г. был избран Совет солдатских и казачьих депутатов РСДРП, где представители трудового казачества вместе с рабочими и солдатами возглавили "Читинскую республику"[40].

Совет немедленно приступил к разработке требований солдатских и казачьих частей гарнизона. После всестороннего рассмотрения требования, сведенные в 24 пункта, были предъявлены командующему войсками и наказному атаману Забайкалья, губернатору Забайкальской области генералу Холщевникову. Требования касались не только местных нужд солдат и казаков читинского гарнизона, были в их числе и общеполитические права солдат и казаков: уравнение казачьего сословия со всеми остальными по отбыванию воинской повинности, неприкосновенность личности солдата и казака, сокращение срока действительной службы до двух лет, а пребывание в запасе — до восьми лет, назначение всем раненым и неизлечимо заболевшим в последнюю войну пенсии, выдача семьям запасных пособий за время пребывания их кормильцев на действительной службе и др.[41]

Совместно с читинским комитетом РСДРП Совет солдатских и казачьих депутатов предпринял меры и освободил политических заключенных Читы, в том числе казаков, а также матросов Черноморского флота, участников восстания на военном транспорте "Прут" из Окатуфьевской каторжной тюрьмы.

Создав совместно с различными службами железной дороги так называемые Смешанные комитеты, Совет осуществлял фактический контроль и управление Забайкальской железной дорогой. Развитие событий в Чите активизировало революционное движение в крае. В конце 1905 г. произошла военная забастовка Иркутского гарнизона. Выставив общеполитические и чисто солдатские требования, казаки и солдаты сместили старых начальников, выбрали нового начальника гарнизона, коменданта города, командиров 1-го и 2-го запасных батальонов и казачьего дивизиона, намеревались арестовать и начальника гарнизона генерала Ласточкина, но их удержали от этого офицеры[42].

В декабре 1905 г. в Благовещенске собрался войсковой казачий съезд, созванный по инициативе местной социал-демократической организации.

Съезд высказался за радикальную реорганизацию областного управления, предложив с этой целью избрать от всего населения Амурской области Исполнительный комитет путем общего, прямого, равного и тайного голосования. Съезд принял также решение об упразднении казачьего сословия, об отмене смертной казни, о созыве Учредительного собрания, о свободе стачек и собраний, о свободе слова и неприкосновенности личности.

Казачий съезд заседал с 15 декабря 1905 г. по 21 января 1906 г., парализовав на это время действия местных гражданских и войсковых властей. Игнорируя наказного атамана, съезд рассылал свои распоряжения по станицам для исполнения, выступая как орган революционной власти. Опираясь на поддержку рядового казачества и крестьянства Амурской области, съезд в принудительном порядке проводил свои решения в жизнь[43].

Обеспокоенное размахом революционного движения главное командование русских полевых армий в Маньчжурии готовило крупные воинские силы для его подавления. Для разгона войскового казачьего съезда в Благовещенск были посланы четыре батальона пехоты и две батареи. Революционное выступление амурских казаков закончилось большим судебным процессом.

На подавление "Читинской республики" была послана карательная экспедиция генерала Ренненкампфа. Ожидая серьезного отпора со стороны восставших, он, помимо подчинявшихся ему воинских частей, заручился поддержкой генерала Сухотина, передавшего под его руководство дополнительные силы, в том числе 85 казаков Сибирского войска. 9 января каратели подошли к Чите. Район железнодорожных мастерских уже был оцеплен казаками гарнизона, сохранившими верность правительству. Революционно настроенные казаки были арестованы и разоружены прямо в казармах.

Не имея достаточных сил для сопротивления войскам, оплот обороны восставших — железнодорожные мастерские — были оставлены рабочими без боя. Со сдачей Читы был создан Временный военный суд. Генерал-губернатор и наказной атаман Забайкальского казачьего войска Холщевников был отстранен от занимаемой должности, предан суду, осужден на четыре месяца, но затем помилован. Новый губернатор Сычевский возглавил судебное следствие. В числе других им были возбуждены дела о беспорядках в казачьем селении 1-го военного отдела, акшинского гарнизона, о сретенском станичном атамане Ашайдурове, "допускавшем постановления незаконных приговоров" и др. Для поддержания порядка в Читу в начале 1906 г. ввели, наряду с войсками, дивизион забайкальских казаков[44].

Революционное движение охватило не только отдельные войсковые казачьи части, но постепенно проникало и в казачьи станицы. Наиболее активно этот процесс развивался в Восточной Сибири. Война особенно тяжело отразилась на местном казачестве, которое было мобилизовано в первую очередь. На фронтах русско-японской войны находились 19 тыс. забайкальских казаков, что включало почти все взрослое мужское население. По штатам военного времени казачье войско должно было выставить 15267 чел., но на действительную службу были привлечены и льготные части. Уход на войну наиболее трудоспособного населения поставил в сложное положение их семьи. Пособие, которое государство выплачивало семьям мобилизованных, не в состоянии было заменить кормильцев. К тому же размер его не был фиксированным и колебался даже в пределах одной губернии от нескольких копеек до нескольких рублей. Серьезно снижала значение этой помощи и

крайне нерегулярная выплата пособий. Разорение хозяйств и обнищание семей, которое увидели возвращавшиеся после мобилизации казаки, толкнули и их к проявлению недовольства[45].

Под воздействием агитации местных большевиков забайкальское казачество активно включилось в "приговорное" движение, охватившее до 30% станиц. В революционных приговорах содержались требования, касавшиеся казачьего сословия: уравнение их во всех правах с остальным населением, отказ от обмундирования и снаряжения казаков на службу, возвращения Кабинетских земель, которыми до образования лесничества распоряжались казаки, а также ряд других общедемократических требований.

22 ноября 1905 г. в станице Титовской Читинского уезда был принят один из первых приговоров о ликвидации Кабинета, возвращении казакам земель и лесов. В противном случае казаки намеревались выдворить лесную стражу силой. В ноябре—декабре 1905 г. Титовская станица неоднократно поднималась на защиту своих прав на землю, захваченную Кабинетом. Кабинетский лес казаки объявили своей собственностью и выставили караулы. Их примеру последовали и жители других станиц: Макковеевской Читинского уезда, Куенгской и Сретенской Нерчинского уезда, Кударинской Троицко-Савского уезда. В станице Удинской, по решению станичного сбора, жители отобрали у Кабинета Казаковские золотые промыслы и решили приступить к производству работ "на началах социалистического труда". Начальник Нерчинского округа заплатил казакам 5 тыс. руб. отступного. Обычным явлением были совместные выступления крестьян и казаков. Например, 20 декабря 1905 г. население четырех поселков станиц Макковеевской и Титовской и селений Александровской волости собралось на общий сход в поселке Атамановском и поделило отобранные у Кабинета земли и лес[46]. С поражением "Читинской республики" и усилением политики репрессий уже с начала 1906 г. количество выступлений забайкальского казачества резко сократилось.

Социал-демократическая агитация имела место и в казачьих станицах Сибирского, Уральского, Оренбургского казачьих войск. Однако следует сказать, что широкого размаха она не приобрела. Даже печатное слово попадало примерно лишь в каждую пятую часть станиц, а устное — и того меньше. Так, в Оренбургской губернии, на основании жандармских документов, агитацией было охвачено 10 станиц из 48. Правительственные органы сурово наказывали лиц, распространявших листовки. Так, Казанский окружной военный суд осудил казака 1-го отдела Ильинской станицы С.И.Тимофеева. Он был лишен звания урядника, заключен на два месяца в тюрьму и переведен в разряд штрафованных.

И все же под воздействием революционных событий в ряде селений Оренбургского и Уральского казачьих войск имели место брожения (например, в поселке Николаевском Николаевской станицы, в станице Саратовской Уральского казачьего войска и др.). Казачьи области Урала, до революции считавшиеся наиболее надежными, в ходе ее были объявлены на военном положении. Так, 4 января 1906 г. была учреждена чрезвычайная охрана в г.Уральске.

Осенью 1906 г. состоялась конференция Западно-Сибирских организаций РСДРП с участием делегатов от Омска, Кургана, Барнаула, Челябинска, Петропавловска и Каинска. В числе других вопросов на ней обсуждалась и агитация среди казачьего населения. Была принята резолю-

ция "Работа среди крестьян и казаков как сословия", в которой местным организациям настоятельно рекомендовалось обратить "самое серьезное внимание" на революционную пропаганду в деревне[47].

Свои настроения казачество в значительной мере выразило в период подготовки к выборам в Государственную Думу. По существовавшему тогда избирательному закону казачество получало несколько большее представительство, чем сельское население. В наказах своим выборщикам, депутатам Государственной Думы, казаки излагали требования, касавшиеся как непосредственных нужд казачьего сословия, так и общедемократические. С трибуны I Государственной Думы казаки-депутаты выступали за улучшение положения и расширение прав казаков. Однако представление о том, что собственно нужно казакам, у разных депутатов достаточно сильно различалось.

В открытом письме землякам депутата от Оренбургской губернии Т.И.Сидельникова говорилось, что он выступает за то, чтобы у казаков все управление осуществлялось на выборных началах, чтобы казак был совершенно свободен как от отбывания воинской повинности, так и после нее, имел право служить в любом пехотном полку, а обмундирование и снаряжение осуществлялось за счет государства. Депутат настаивал, чтобы казачье звание и земельные наделы сохранились за казаками, а для малоземельных были отведены наделы из войсковых земель. По его мнению, суд, школа, общественное устройство должны строиться на общем для всех граждан основании. Надо, чтобы казак, будучи полнокровным гражданином России, защищал и охранял свободу народа, а не пачкал своего мундира в братской крови рабочих и крестьян.

О трудном положении казачества говорилось в обращении члена I Государственной Думы оренбургского казака М.И.Свешникова, опубликованном в мае 1906 г. В нем отмечалось, что от полицейско-бюрократического гнета казакам достается не меньше, чем остальному народу. Казаки истощены и обнищали. Бюрократия искусственно держит их в невежестве. Казак с детства лишен свободы передвижения. До 38 лет он не может отлучиться от своего поселка более, чем на 15 дней. В обращении говорилось, что Дума созвана, чтобы остановить смуту и братоубийственную войну.

Однако продолжались погромы, избиения безоружных жителей, экзекуции и расстрелы. К участию в избиении полиция призывает войска и казаков. "Нам, казачьим депутатам, — отмечал М.И.Свешников, — больно читать и слушать от наших товарищей, крестьянских депутатов в Думе, об этом. Наше положение в Думе незавидно". В обращении говорилось, что пока казаки находились в ведении военного Министерства, они не допускали жестокостей в отношении гражданского населения. Министерство внутренних дел стало использовать их вместо полиции. Депутат призывал казаков отказаться от полицейской службы, действовать так, чтобы "отныне на древнее и славное имя казачьего войска не падало кровавых пятен"[48].

Далеко не все казаки разделяли такие взгляды. Так, генерал Мелянин, в прошлом атаман 1-го Отдела, потребовал исключить Т.И.Сидельникова из казачьего сословия. Предложение это, правда, не прошло. Более того, когда 21 июня 1906 г. в Петербурге во время разгрома митинга рабочих медных фабрик полиция жестоко избила Т.И.Сидельникова, казаки и солдаты Оренбурга заявили о своей поддержке депутата. Они писали: "Мы требуем того же, что требует вся Россия, т.е. Учредительного собрания на основе

всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, 8-часового рабочего дня для рабочих и земли для крестьян"[49].

В период революции, как видим, оппозиционные настроения довольно широко проникли в казачью среду. Впрочем преувеличивать степень их распространения не следует. Революционная пропаганда не имела среди казаков большого успеха. Несмотря ни на что большинство казаков в 1905—1907 гг. осталось верными правительству, выполняло его приказы по охране общественного порядка, предотвращению и подавлению революционных выступлений.

ГЛАВА 27

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

1. Казачье сословие: социальная структура и место в Российском государстве

Для Российской империи конца XIX — начала XX вв. была характерна сложная социальная структура, деление общества как на классы, так и на сословия. Наряду с такими сословиями, как духовенство, дворянство, крестьянство, купечество, мещанство, выделялось военно-служилое — казачество, численность которого к 1916 г. достигла 4434000 чел. (по всем 11 казачьим войскам). В том числе численность казаков на востоке страны составляла около 1317000 чел.[1]

От других сословий казачество отличалось кругом обязанностей по отношению к государству и своему войску, а также определенными льготами и привилегиями. Главной обязанностью казаков была военная служба в течение 20 лет (с 1909 г. — 18 лет), а также необходимость приобретать за свой счет обмундирование, воинское снаряжение и коня. Кроме того, казаки выполняли многочисленные натуральные повинности в своей станице и на территории станичного юрта (а то и за его пределами): ремонт и содержание мостов, дорог; содержание служебных помещений; предоставление квартир войскам; караульная служба; сопровождение арестованных. Казаки платили также различные денежные сборы для нужд своего войска, например, за общественный счет работали войсковые школы и содержался аппарат управления в войсках.

К льготам и привилегиям казачества относились освобождение от уплаты налогов (в том числе подушной подати, государственного земского сбора), право беспошлинной торговли в пределах войсковых территорий, особые права на пользование государственными землями и другими угодьями (добыча соли, рыбная ловля). Главной же льготой казаков являлось довольно значительное обеспечение их землей, явно превосходившее крестьянские земельные наделы. Так, в начале XX в. казаки имели в среднем по 52 дес. земли на двор, крестьяне — 11 дес.[2]

По отдельным казачьим войскам востока России картина была весьма пестрой. Оренбургское казачество, составлявшее всего около трети населения Оренбургской губернии, владело 70% пахотных земель[3]. Казаки, проживавшие в Троицком и Верхнеуральском уездах, имели 67,4 дес. на

двор, в то время как на крестьянское хозяйство в этих же уездах приходилось 6,6 дес.[4]

В Сибири и на Дальнем Востоке разрыв между размерами крестьянского и казачьего землевладения был меньшим. Забайкальское казачество, составляя около трети населения края, владело 35,9% всей занятой площади[5]. По размеру землевладения забайкальские казаки превосходили крестьян в 2,5 раза, уступая в этом отношении "инородцам". В Амурской области на одно казачье хозяйство приходилось даже меньше надельной земли, чем на одно крестьянское (как старожильческое, так и переселенческое). Здесь в среднем казачий двор имел 94 дес., старожильческий крестьянский — 96 и переселенческий — 120 дес.[6]

Казачество отличалось от других сословий более замкнутым характером, относительной изолированностью от других классов и сословий российского общества. Человек, ставший казаком, оставался в этом казачьем сословии навсегда. Казакам запрещалось вступать в браки с лицами невойскового сословия. Правда, в 1869 г. был издан указ, впервые разрешавший казакам выход из своего сословия. Однако его условия были таковы, что этим правом могли воспользоваться очень немногие. Разрешался выход лишь при полном комплектовании строевых частей, уплате всех долгов и недоимок и отказе от земельного пая.

Нужно, однако, учесть, что казачество, будучи отдельным сословием, в то же время не было социально однородным. Внутри самого казачества к концу XIX в. сложились социальные перегородки. Прежде всего в привилегированном положении по сравнению с рядовыми казаками оказались офицеры и чиновники войскового сословия, или чиновно-служилое дворянство. Многие чиновники и офицеры получали потомственное дворянство, уклад их жизни значительно отличался от рядовых казаков. Да и офицерско-чиновничье землепользование, в отличие от надельно-общинного для рядовых казаков, было основано на правах пожизненного владения, а в 1870—1882 гг. офицерские участки были переданы им в потомственное владение. По неполным подсчетам, к офицерам и чиновникам перешло более 3 млн дес. земли (по всем казачьим войскам России). Генералам эти земельные участки могли нарезать от 1200 до 3000 дес., обер-офицерам — от 150 до 430 дес., штаб-офицерам и чиновникам — от 450 до 800 дес. При этом за всеми чиновниками и офицерами сохранялось право на дополнительный земельный пай в станице в 30 дес.

В то же время эти участки, находящиеся в потомственном пользовании, нельзя отождествлять с помещичьим землевладением дворянства, не входившего в казачье сословие. Дело в том, что земли казачьих офицеров и чиновников не могли продаваться. Земля, таким образом, фактически продолжала оставаться войсковой. Надо отметить, что в исторической литературе встречаются утверждения о передаче войсковой земли в частную собственность офицеров и чиновников и ее последующей распродаже[7]. Так, авторы недавно вышедшей книги о станице Магнитной Оренбургского казачьего войска пишут о земельных участках офицеров: "Они перешли в полную собственность офицера с правом продажи, то есть стали помещичьими землями"[8]. Каких-либо фактов продажи подобных участков в книге, однако, не приводится.

Характерно, что дарование дворянства казачьим офицерам было долгой процедурой, и проходила она не всегда гладко[9]. Особенно осложнилось

решение этих вопросов во второй половине XIX в., когда были резко ужесточены требования, связанные с дарованием дворянства. Особым слоем казачества были торговые казаки, казаки-купцы. Они освобождались от военной службы, но за это вносили ежегодный сбор в торговый капитал. Положение 1835 г. относительно Донского войска о создании категории торговых казаков позже было распространено и на другие казачьи войска, в том числе востока России. Так, Положение 1840 г. о торговом обществе в Оренбургском казачьем войске поясняло, что общество вводится "для облегчения войсковых жителей в способах снабжения себя необходимыми потребностями и сбыта произведений земли своей с наибольшею выгодою..." В том же Положении было разрешено "устраивать и содержать на войсковых землях всякого рода фабрики и заводы и повсеместно продавать на Оренбургской линии изделия оных оптом и рознично с судов, лодок и возов...", в торговое общество допускались все желающие, независимо от их звания, взносы членов общества устанавливались в 57 руб. 50 коп. ежегодно[10]. К концу 1860-х гг. торговых казаков в Оренбургском войске насчитывалось 600 чел.[11]

Торговые казаки были и в других войсках Азиатской России. Многие из них, кроме торговли, активно занимались предпринимательской деятельностью. Из 232 капиталистов и торговцев Забайкалья в начале XX в. было 8 представителей казачества[12]. Среди них выделялся крупный скотовладелец казак поселка Чиндатский 2-й Чиндатской станицы С.М.Шестаков. В его хозяйстве к концу 1890-х гг. было 22 тыс. голов скота и сельскохозяйственных орудий на сумму 1750 руб. Он нанимал 34 годовых работника и 12 сроковых работников (на сенокос). В течение 1897 г. С.М.Шестаков продал 30 быков, 300 овец, 32 лошади и 7 верблюдов[13].

После 1867 г. в среде казачества появляется еще одна категория — неслужилые казаки. Дело в том, что специальным законом сокращался срок службы и количество служилых казаков. Остальные освобождались от военной службы навсегда и попадали, таким образом, в неслужилое сословие. Такие казаки оставались в станицах, пользовались наделами и льготами, вели свое хозяйство. В то же время они обязаны были выполнять земские повинности, облагались особым налогом, так как не покупали оружия, снаряжения и строевых лошадей. В Оренбургском войске неслужилые казаки обязаны были 22 года вносить в войсковой капитал особый денежный сбор и пожизненно ежегодно платить в войсковую казну по 10 руб. (с 1876 г.), а также 56 коп. в станичную кассу. В целом неслужилые казаки находились в более выгодном положении, чем служилые. Имея равные земельные наделы и льготы, как и служилые казаки, они могли активнее заниматься земледелием, скотоводством, торговлей, промыслами и другой хозяйственной деятельностью.

Наконец, отдельной сословной группой среди казаков было духовенство, имевшее ряд льгот, в том числе и в земельном обеспечении. Правда, постепенно духовенство перестало быть чисто казачьим, так как в его составе все больше становилось иногородних служителей православной церкви.

Социальная структура казачества была достаточно сложной не только из-за сословных перегородок, но и в результате усиливавшейся имущественной дифференциации, выделения зажиточного слоя, маломощных и середняцких казачьих хозяйств.

Наличие казачьей общины и уравнительно-надельного землепользования не могло предотвратить расслоения казачества. Причины этого рассло-

ения были разнообразными. Прежде всего, часть казаков, неспособная из-за тягот военной службы нормально обрабатывать свою землю, сдавала ее в аренду. Сами же служилые казаки становились беспосевными, безлошадными, залезали в долги. Так, по итогам всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Уральскому, Семиреченскому, Сибирскому, Иркутскому, Забайкальскому, Амурскому войскам 3,2% казачьих хозяйств этих войск были безземельными, 28,8% — беспосевными. Для сравнения: у крестьян этих областей безземельных насчитывалось 6,5%, беспосевных — 12,8%[14].

Число маломощных казаков увеличивалось и из-за значительных расходов на обмундирование и снаряжение для воинской службы, которое приобреталось казаками за собственный счет. Залезавшие в долги казаки вынуждены были в принудительном порядке сдавать свои паевые наделы в аренду и идти в наемные работники. Характерно, что в Забайкалье 19,3% наемных работников в казачьих станицах составляли представители казачьего же сословия[15].

Для ряда казачьих войск востока России, например, Забайкальского, где было значительное количество свободных, нерасхватанных земель, осуществлялся "захватный" принцип владения землей. В этих условиях одной из причин появления бедняцких казачьих хозяйств была острая нехватка рабочих лошадей для обработки земли. По этому поводу интересные наблюдения делает специалист по истории обычаев и традиций Забайкальского казачества и крестьянства В.Г.Балябина: "Многие в Забайкалье жили бедно не потому, что были ленивей других или беспробудно пили, а потому, что трудно было выбиться из нужды: земля-то есть, а чем ее вспахать, если у тебя только одна-две клячи? Ведь для того, чтобы по-настоящему обработать землю, — и двух лошадей недостаточно, в плуг надо запрячь не меньше, чем три лошади, лучше четыре (а еще лучше три-четыре пары быков), поэтому для посева необходимо спариваться с таким же двухлошадником...

Такое положение, когда не было наделов на душу, а просто паши сколько хочешь, выгодно было только зажиточным хозяевам. У них по три-четыре пары быков, десятки лошадей, и уж с таким-то тяглом они могли обработать землю самым наилучшим образом, каждый год поднимать новые пашни из целины. Вот они-то и использовали в полную силу право "паши и сей сколько угодно — все твое".

У казацкой богатой верхушки создавались огромные запасы хлеба. Им не страшна была никакая засуха, наоборот, неурожайные годы были для них выгодными, потому что в такие годы хлеб поднимался в цене"[16].

Показателем имущественного расслоения в казачьей среде было распределение скота по категориям хозяйств. В конце XIX в. в Сибирском войске не имело лошадей 18%, скота 20% хозяйств; однолошадных хозяйств было 23%, с одной головой рогатого скота — 15%[17]. В Оренбургском войске в 1912 г. безлошадных дворов было 12,9%[18]. Данные исследований Л.И.Футорянского, основанные на богатом статистическом материале, показывают, что из 530 тыс. казачьих хозяйств различных войск России более 200 тыс. были бедняцкими, то есть безлошадными и однолошадными[19]. Беднота, следовательно, составляла 37,8% всего казачества, а среди крестьянских хозяйств — 65%. В целом удельный вес середняков среди казачества был выше, чем у крестьян (36,5% против 20%). Следовательно, дифференциация в казачьей среде была меньшей, чем в крестьянской.

Важно отметить, что войсковые атаманы и войсковые правления отчетливо сознавали ухудшение экономического положения значительной части казаков на рубеже XIX—XX вв. Например, наказной атаман Оренбургского казачьего войска вынужден был признать: "Трудно приходится малосильному домохозяину в осеннюю пору, когда для уплаты срочных платежей ему нужно тащить для продажи торговцу не вовремя свои новые урожаи за бесценок. Но наступает весна, и снова нужда его гонит покупать хлеб обратно (или на прокорм семьи или на обсеменение полей) за новую дорогую цену с надбавкой разных дополнительных обязательств"[20]. Или другой факт. Казаки поселка Желтого Воздвиженской станицы Оренбургского войска в начале 1890-х гг. сдали в аренду на 7 лет все лучшие пахотные земли за ничтожную цену — 7 коп. за 1 дес. в год. У казаков этого поселка остались только одни истощенные земли, мало пригодные для земледелия. Действительно, на своих оставшихся землях казаки получали зерна от 60 до 100 пуд. с десятины, а арендаторы — от 250 до 300 пуд. В этих условиях наказной войсковой атаман подчеркнул в своем приказе по Оренбургскому войску №136 в 1893 г., что "если арендаторы будут продолжать дальнейшее пользование закортомленной ими землей, то пос. Желтый должен подвергнуться полнейшему разорению, и в случае мобилизации казаки этого поселка не будут иметь никакой возможности собраться на службу"[21].

Зажиточное казачество имело большие возможности для расширения хозяйственной деятельности и увеличения своего богатства. Они арендовали значительную часть войсковых запасных земель. Причем снимались в аренду участки в 100, 200, 300 и более десятин. В Оренбургском войске, например, урядник Усть-Уйской станицы Дмитрий Петров в 1903 г. взял в арендное содержание две оброчные статьи в размере 380 дес. для пастьбы скота и сенокошения. В 1907 г. урядник Кизильской станицы Оренбургского войска Семен Резепин арендовал участок свободной войсковой земли в 100 дес.

Нередко зажиточные казаки фактически закрепляли за собой лучшую часть общинной земли, пасли скот на общественных пастбищах. В связи с этим в 1910 г. выходившая в свет на территории Оренбургского войска газета "Верхнеуральский листок" писала: "Разделят крепкую залежь или залог, да за бесценок прикупают себе, какая им подойдет, а на остальной земле, земле бедняков... свободно, без стеснений, пасут свой скот. Через 3—4 года перебираются на следующее поле... Подобный порядок поддерживается и нашим начальством"[22].

Сходные процессы протекали и в Забайкальском казачьем войске, где, в частности, при ежегодных переделах сенокосных угодий лучшие участки концентрировались в руках казачьей верхушки. Историк Забайкалья И.А.Асалханов писал об этом: "Обыкновенно во время так называемых переделов зажиточные хозяева сначала захватывали в свое владение лучшие сенокосные пади и отпадки, а затем "для счета" записывали в число владельцев захваченных участков своих неоплатных должников или же людей, "продавших на долгие годы свои души", т.е. душевые наделы. Эти участки с "приписными душами или без оных" находились в постоянном пользовании наиболее зажиточных казаков и фактически переходили по наследству. В некоторых случаях сенокосные пади приобретались "за угощение"[23].

Важным показателем социального расслоения казачества является распространение наемного труда на станичной казачьей земле. Удельный вес

хозяйств, имевших наемных рабочих или прислугу, составлял на рубеже XIX—XX вв. по казачьим областям: в Астраханской — 6%, Оренбургской — 7,4, Уральской — 6,1, Семиреченской — 5,5, Забайкальской — 6,3, Амурской — 14,8[24].

Характерно, что чаще всего степень применения наемного труда в среде казачества была выше, чем среди крестьянства тех же областей и губерний. Так, в Оренбургской губернии в Троицком уезде (с преобладанием казачьего населения) число хозяйств, применявших наемный труд, составляло 8,5%, а в Челябинском уезде (с явным преобладанием крестьянского населения) этот показатель составлял 6,5%[25]. В Забайкалье в Нерчинском округе (с преобладанием казачьего населения) применяло наемный труд 9,7% хозяйств, а в Баргузинском округе (с исключительно крестьянским населением) использовали наемный труд 7,1% хозяйств[26]. В Сибирских и Забайкальских станицах зажиточными казаками в основном использовался труд казахской, бурятской и эвенкской бедноты.

Процесс имущественного расслоения в казачьей среде довольно наглядно прослеживается при анализе материалов Первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г. и других статистических данных. Применительно к забайкальскому казачеству этот процесс тщательно проанализировал исследователь И.А.Асалханов. В частности, он выделил группу земледельческих станиц (с запашкой 8 и более дес. на двор), всего 15 станиц с 8680 дворами и 57060 душами обоего пола. В среднем на один двор приходилось пашни 9,4 дес., лошадей — 6,5, рогатого скота — 8,3 голов. Но в руках хозяев зажиточной группы, имевших от 13 и более дес. пашни и составлявших всего одну пятую часть дворов, было сконцентрировано 55,5% пашни, 59,5% лошадей и 62,6% рогатого скота. 84,2% хозяйств зажиточной группы прибегали к аренде сенокосных угодий, 84 — к найму только годовых и сроковых работников (в среднем по 3 годовых и по 1 сроковому), 48% хозяйств имели торгово-промышленные заведения[27].

Были выделены также 13 станиц скотоводческой группы с 4293 дворами и 27029 душами обоего пола. На один двор в среднем приходилось 17 лошадей, 24 головы рогатого скота, 43 головы овец и коз, 3,3 дес. пашни. Здесь налицо такая же картина расслоения, как и в земледельческой группе забайкальских станиц. Основное поголовье скота было сосредоточено в руках немногочисленной зажиточной группы хозяйств, составлявших 19,8% всех хозяйств (это 77 хозяйств, имевших по 40 и более голов рогатого скота). На один двор в среднем приходилось лошадей — 120,7; рогатого скота — 86,4; овец и коз — 354,8. Это явно указывает на предпринимательский характер данной группы. К найму годовых и сроковых работников прибегало 75,3% хозяйств (на 1 двор в среднем приходилось 4 годовых и 2,3 сроковых работника), арендовали сенокосные угодья 77,9% хозяйств. 13 хозяйств имели мельницы, 6 занимались торговлей[28].

Зажиточная верхушка казачества, включая хуторских и станичных атаманов, для укрепления своего влияния порой допускала различные злоупотребления, произвол и бесчинства. Казаки поселка Кулевчинский Оренбургского войска писали в газете "Степь" в 1906 г.: "У нас в поселке всякий казак, попав в атаманы, делается уже начальником и, как подобает истинному начальнику, старается не о пользе общества, а о своей собственной"[29]. Не менее типичный пример из жизни забайкальских казаков приводила в 1885 г. газета "Сибирь": "Нередко в этих стенах правосудия (имеется в виду

станичное правление — А.Х.) слышатся раздирающие душу вопли несчастных казаков, не представивших почему-либо к назначенному сроку податей.

— Это что у тебя завязана щека? — спросили мы раз одного казака.

— Да все по милости нашего атамана. Оногдась призвал меня в правленье и давай всячески ругать, что не привез воз дров; ругал, ругал, да как залепил по санкам, так сразу три зуба вылетели, да еще окрамя этого двои суток сидел в каталажке.

— И ты никому не жаловался на него?

— Эх, батюшка мой! — куда пойдешь жаловаться? Кто нашему брату поверит? Пойди-ка, и тебе же достанется... а пожалуйся — съедят совсем"[30].

Конечно, не следует преувеличивать степень расслоения и глубину социальных противоречий среди казачества. Выше уже отмечалось, что дифференциация в казачьей среде была меньшей, чем среди крестьян. По мнению большинства исследователей, к 1917 г. 35% казачьих хозяйств были бедняцкими, 40% — середняцкими, 25% — кулацкими, в то время как 65% крестьянских хозяйств можно отнести к бедняцким, 20% — к середняцким, 15% — к кулацким[31]. Следовательно, процент бедняков в казачьей среде был в два раза меньше, чем среди крестьян, а кулаков — значительно больше. Наконец, следует учесть, что маломощный казак в начале XX в. на деле часто был более состоятелен, чем крестьянин-середняк, что особенно характерно для востока России.

Кроме того, коллективная, общинная собственность на землю, совместная эксплуатация природных богатств на территории своих войск, традиционный уклад жизни также усиливали среди казаков представление об общности интересов всех членов казачьего сословия, независимо от положения и чинов. Сословные перегородки, характерные для казачества, отнюдь не были непреодолимыми. Немало рядовых казаков благодаря личным заслугам становились офицерами, а то и получали дворянство. Нередко из одной семьи выходили и рядовые казаки, и казачьи офицеры.

И все же объективный ход жизни, развитие капитализма, товарно-денежных отношений подтачивали основы казачьей общины и традиционный патриархальный уклад жизни казачества. Все эти процессы, как уже отмечалось выше, находились под пристальным вниманием войсковых атаманов и правлений, а также лично императора, сената и военного министерства. Однако политика царизма в отношении казачьего сословия во второй половине XIX — начале XX вв. была довольно противоречивой и непоследовательной.

С одной стороны, в духе реформ 1860—1870-х гг. были предприняты некоторые шаги по преодолению феодального, замкнутого характера казачьего сословия. В частности, были изданы указы, разрешавшие казакам выходить из своего сословия и позволявшие иногородним переселяться на территорию казачьих войск[32].

В то же время в 80—90-х гг. усилилось стремление царского правительства и войсковых атаманов сохранить замкнутый характер казачества как военно-служилого сословия, ограничить всеми возможными способами расслоение среди казачества и сохранить казачью общину как форму надельного землепользования, оградить казачество от влияния либеральных, тем более революционных идей. Именно с этих позиций нужно рассматривать переход в конце XIX в. в большинстве казачьих областей от "захватного",

"свободного" принципа распределения земли к общинно-надельной системе землепользования. Этот переход активно происходил в Забайкальском, Сибирском, Семиреченском войсках, хотя во многом сохранялось захватное право (земля распределялась по хозяйственной силе) в Уральском, Амурском и Уссурийском войсках.

Была восстановлена обязательная запашка земель в войсках, которая была отменена в ходе буржуазных реформ 1860—1870-х гг. Стала внедряться система описи имущества исправных казаков, погашение долгов перед войсковой казной имуществом семьи в случае смерти главы хозяйства и другие меры[33].

Наиболее рельефно стремление властей сохранить патриархальный уклад казачьей жизни отразилось в статье 556 Положения об общественном управлении казачьих войск. В этой статье о задачах станичного сбора было, в частности, сказано: "В суждении и решении дел общественных Станичный Сбор имеет главным основанием, чтобы общественная собственность со стороны всякого незаконного притязания оставалась совершенно неприкосновенною, чтобы польза общая была всегда предпочитаема частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоял непринадлежащего ему, чтобы не был упущен из виду ни один источник, могущий приносить станице доход, а по расходам соблюдаема была строгая хозяйственность и отчетность, чтобы меры взыскания служили к неослабному сохранению и утверждению древних обычаев доброй нравственности по общежитию и в семействах, благочестия, чинопочитания и уважения к старшим, чтобы престарелые, дряхлые и больные, не имеющие крова, обретали пристанище и успокоение, а сироты обеспечивались в своем достоянии, чтобы искоренялось... бродяжничество нищих и чтобы служилые казаки не упускали никогда из виду необходимость иметь в постоянной готовности форменное обмундирование, лошадей и прочие предметы, необходимые для исправного выхода на службу".

И все же процесс модернизации России, проходивший сложно и противоречиво, не мог не затронуть казачье сословие. Именно в начале XX в. усилились требования казаков о возрождении традиционного самоуправления в станицах, передаче земельных участков офицеров рядовым казакам. Эти и другие требования были учтены в программе, выработанной казачьей фракцией Государственной Думы.

Особенно активно актуальные вопросы общественно-политической и социально-экономической жизни казачества обсуждались в годы первой российской революции. Прогрессивная казачья общественность особенно резко критиковала внутреннюю военную службу, считая ее полицейской повинностью, позорящей казака-защитника Родины[34]. Настроения оренбургского казачества в этот период достаточно полно выражены в "Наказе" выборщикам в Первую Государственную Думу, выработанном Карагайским станичным сходом 6 марта 1906 г. Этот "Наказ" включал следующие требования:

"1. Отменить административное наказание, налагаемое атаманами отделов-станиц: желательно, чтобы наказания исходили только от суда.

2. Увеличить жалование нижним чинам казаков и уменьшить оклад офицеров.

3. Желательно, чтобы начальство не вмешивалось в ваши земельные дела.

4. Упразднить десятидворных выборных и установить всеобщее голосование на сходах.

5. Содержать причты церковные желательно на войсковой счет, а не на общественный.

6. Выборы атаманов полков и станиц производить всеобщим голосованием, без вмешательства атамана отдела и прочего начальства — утверждение начальством выборов отменить.

7. Предоставить право служить в полковых станичных учреждениях по канцелярской части местным лицам по избрании обществом.

8. Приобретение лошадей, оружия и постройку обмундирования предоставить самим обществам, а не войсковому правлению, как практикуется теперь.

9. Отменить казенную продажу вина — передать это дело в частные руки и предоставить обществу взимать за право виноторговли налог.

10. Усовершенствовать суд.

11. Упразднить установленную на реке Урал, в районе Уральского войска, загородь "чечень". Реку и рыбу сотворил Бог не для одного Уральска (морская рыба не достигает пределов Оренбургского войска).

12. Поселковые управления, ввиду экономии, упразднить, довольно одних станичных правлений.

13. Получить земельный надел полностью, т.е. по 30 дес. на душу.

14. Контроль общего войскового капитала Оренбургского казачьего войска поручить выборным от общества.

15. Избавить от натуральной дорожной повинности.

16. Урегулировать подводную повинность"[35].

Сложные и неоднозначные процессы, происходившие в казачьем сословии, преломлялись в его экономическом положении и хозяйственном развитии казачьих областей.

2. Экономическое положение казачьих войск в начале XX в.

Отличительной чертой экономического развития казачьих областей являлась жесткая правовая регламентация всех сторон хозяйственной жизни казаков. Во второй половине XIX — начале XX вв. военным министерством, Сенатом, военным советом главного управления казачьих войск была издана огромная масса Законов, Указов, Положений относительно экономического состояния всех казачьих войск, их отделов, станиц, поселков, особенно много было законов о поземельном устройстве.

Прежде всего детально разграничивались хозяйственные функции и полномочия центральных военных ведомств, войсковых хозяйственных правлений, атаманов войск и отделов, станичных и хуторских правлений. Военный совет главного управления казачьих войск наделялся такими хозяйственными функциями, как открытие и закрытие ярмарок в поселениях казачьих войск, перевод их с одного места на другое и изменение срока проведения, если новые продолжаются более семи дней (все это по соглашению военного министерства с министерствами торговли, промышленности и финансов); разрешение недоразумений, возникающих при утверждении проектов земельных наделов на казачьих территориях и пла-

нов на окружные станицы, военные поселения и т.п.; дела лесоустроительные: устройство дач, отпуск леса погорельцам, если сумма отпуска будет превышать 500 руб. в каждом отдельном случае, или 5000 руб. в год; обмен земли в случаях, касающихся посторонних ведомств, частных лиц и обществ; выдача ссуд станичным обществам в экстренных случаях, вызываемых народными бедствиями, и изменение условий, на которых таковая выдача разрешена[1].

На казачьих территориях вся экономическая жизнь находилась под контролем войсковых хозяйственных правлений (где их не было — непосредственно войсковых правлений). Законодательство наделяло эти хозяйственные правления очень большими полномочиями. Так, в ведении войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска входили следующие вопросы: непосредственное управление общим войсковым капиталом; попечение о взыскании всякого рода недоимок; заведование всеми войсковыми и общественными зданиями и вообще всем войсковым имуществом; наблюдение за правильностью строения в станицах, селениях и хуторах в соответствии с установленными правилами; надзор за целостностью войсковых и станичных лесов; надзор за исправностью почтовых станций, дорог, мостов и переправ; надзор за исправностью мер и весов; покровительство местной торговле и промышленности оренбургских казаков и покровительство художеств и ремесел; распоряжение об отдаче на откуп войсковых оброчных статей; попечение об открытии новых источников к приумножению войсковых доходов; наблюдение за правильным распределением станичных земельных довольствий; удовлетворение чиновников пожизненными участками; обязанности по извещению, распределению и отводу войсковых земель; разрешение переселений казаков единицами и семействами для улучшения их благосостояния; отдача войсковых земель в оброчное содержание; утверждение всяких подрядов и поставок; утверждение правильно произведенных торгов на арендные и оброчные статьи; разрешение ассигнования сверхсметных и дополнительных кредитов по войсковым сметам; разрешение продажи ненужного и вышедшего из употребления войскового имущества, а также ветхих и пришедших в негодность войсковых зданий на сумму по оценке не свыше тысячи рублей и утверждение торгов на эту продажу; утверждение проектов постоянных и временных земельных наделов на казачьей территории, утверждение планов на станицы, горные поселения, разрешение обмена земли между войском и станицами; окончательное разрешение дел по образованию новых поселков и по переселению казаков в пределах войсковой территории, в случаях, когда такое образование поселков и переселение казаков может быть произведено без нарушения существующего в войске землераспределения[2].

У отдельных войск были свои особенности регламентации и контроля за экономической жизнью казачества. В Уральском войске, например, ежегодно собирался съезд выборных от станичных обществ, который рассматривал такие хозяйственные вопросы, как порядок рыболовства и пользования земельными угодьями; меры обеспечения продовольствием войскового населения; меры по охране войсковых лесов и установление лесных такс; меры по охране войсковых морских и речных вод от незаконного рыболовства; разверстка между станичными обществами всех земских повинностей; открытие новых торгов, базаров и вообще развитие промышленности и торговли и др.[3]

Вся эта регламентация и многие ограничения в хозяйственной жизни казаков были направлены на то, чтобы сохранить феодально замкнутый характер казачьего сословия и традиционный патриархальный уклад его жизни и быта, свести к минимуму влияние капитализма на казачьи территории. Особенно наглядно это проявлялось в стремлении царизма распространить во второй половине XIX в. общинно-надельную форму землепользования на казачьи войска востока России. Именно в это время интенсивно шло межевание казачьих земель в Азиатской России.

Поскольку казачество получало землю на правах коллективной собственности, и земля считалась собственностью всего казачьего войска, от его имени этой землей распоряжалось войсковое хозяйственное правление. Земля делилась на три основные категории: частновладельческая (в потомственном пользовании генералов, офицеров и войсковых чиновников), войсковой запас и станично-надельная (юртовая). Войсковой запас в основном использовался для наделения землей казачьих станиц по мере роста в них численности населения. Кроме того, земля из войскового запаса часто сдавалась в аренду или казакам, или иногородним.

Что касается юртовой земли, то принятое 21 апреля 1869 г. положение "О поземельном устройстве казачьих войск" закрепляло земельные угодья, отведенные станицам, "в общинном владении общества каждой станицы", и эти земли не могли "выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность"[4].

Отличительной чертой казачьего землепользования являлось то, что станичное общество, то есть казачья община во главе со своим высшим органом — станичным сбором не обладали правом собственности и правом распоряжения надельной землей, а лишь имели право пользования общинной землей. В каждом отдельном случае, когда решался вопрос о выделении хозяйственных или оброчных статей на нужды станичного общества, оно обращалось за разрешением в войсковое хозяйственное правление. В различных войсках были и свои особенности землепользования.

В казачьих войсках востока России, наряду с чисто общинной формой землепользования, широкое распространение имели такие, как заимочная и хуторская. Заимочная система представляла собой долгосрочное землепользование. Суть ее состояла в том, что каждый казак мог иметь столько земли, сколько он способен освоить. Эти земли переделам не подлежали. Заимочная система была выгодной и очень удобной для заточных казаков-общинников, имевших средства для обработки земли (тягловый скот и сельскохозяйственные орудия). В результате лучшая и большая часть земельных угодий, принадлежащих общине, фактически оказалась в руках состоятельных казаков. Для хуторской системы было характерно уже не долгосрочное, а вечное землепользование. Появилась хуторская система уже в период более активного вторжения капитализма в жизнь казачьей общины.

Вообще же организация землепользования даже в пределах одного казачьего войска была достаточно сложной, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, где в конце XIX в. на практике сохранялись захватный принцип распределения земли и подворно-наследственное владение ею, а сама земля, вопреки общинным нормам и традициям, нередко превращалась в предмет купли и продажи. Наиболее наглядный пример этого — Забайкальское казачье войско.

Сибирский историк И.А.Асалханов в начале 1960-х гг. тщательно изучил материалы статистических обследований 1897 г. Оказалось, что из 444 казачьих поселков (обществ) Забайкалья подворно-наследственное владение пашнями, основанное на "чистом" захвате, существовало в 200 с числом дворов 11972. Захват земельных участков здесь ничем не был ограничен: пахали, где удобно и кто сколько мог. С захваченными участками хозяин обращался фактически как с недвижимой собственностью.

В 57 поселках (обществах) с 3355 дворами пашни находились в подворно-наследственном владении, но без права передачи (или продажи) лицам из другого поселка и неказачьего сословия. Такое ограничение было вызвано стремлением зажиточных казаков "сберечь земли общин от посторонних людей для себя".

В 122 поселках (обществах) с 10671 дворами захватное владение пашнями было ограничено установлением срока владения залежами от 2 до 6 лет. К ним примыкали 6 поселков с 36 дворами, в которых хозяева имели право владеть "светлыми", то есть степными пашнями до прекращения фактического пользования ими. Как видим, ограничения были установлены только для пашен, брошенных в залежь. Они могли быть захвачены или после того, как хозяин уберет с них изгородь, или же через 3—6 лет. Такие меры также отвечали прежде всего интересам зажиточных казаков, так как они получали возможность захватывать чужие земли, не упуская в то же время срока владения своими залежными пашнями.

В 46 поселках с 3012 дворами захватному владению пашнями сопутствовали переделы, поравнения и отводы. Только в 7 поселках с 380 дворами производились переделы и отводы земли вновь прибывшим казакам. 6 казачьих поселков не имели вообще пашен и жители их занимались исключительно скотоводством[5].

Анализ показывает, что и к концу XIX в. среди забайкальского казачества господствовало подворно-наследственное владение пашнями, основанное на захвате. По сведениям подворной переписи 1897 г., во владении казаков Забайкалья состояло мягкой пашни 187118 дес., из которых находились в захватном владении 175931 дес., в надельном или отводном — всего 11187 дес., или 5,9% общей площади[6].

Отличительной чертой казачьего землепользования была аренда войсковых земель. Дело в том, что казаки, занятые военной службой, далеко не всегда сами могли обработать имевшуюся у них землю. Особенно часто арендовались потомственные и надельные земли казачьих генералов, офицеров и чиновников. Довольно часто земля сдавалась в аренду крестьянам окрестных сел и проживавшим в станицах иногородним.

Аренде подлежала и большая часть земель войскового запаса. Статья 727-я Учреждения гражданского управления казаков предусматривала: "Войсковые запасные земли могут быть отдаваемы в аренду частным лицам на следующие сроки: 1) полевые земли на время не свыше двенадцати лет; 2) участки под сады, огороды, каменоломни, рыбные ловли и для пчеловодства — не свыше двадцати четырех лет; 3) участки под заводы, фабрики, ценные паровые мельницы и т.п. — на сроки не свыше девяноста девяти лет..."[7]. В Семиреченском войске в начале XX в. войсковой запас земли составлял 6255 дес., из него было в аренде 3107 дес.[8] В Сибирском войске в 1911 г. из 1,5 млн дес. войскового запаса в аренде находилось 300 тыс. дес., или 25% всей арендной площади[9].

В значительных размерах сдавалась в аренду станичная земля. Так, в начале XX в. в Оренбургском казачьем войске ее было арендовано 540022 дес.[10] В данном случае речь идет о станичных землях, которые выделялись на "общественные нужды". Нередко арендовалась и часть паев, выделенная казакам, о чем уже было сказано выше.

Развитие земледелия в казачьих войсках востока России было связано со значительными трудностями. Прежде всего общинное землепользование с его постоянными переделами, принудительным севооборотом, длинноземельем и чересполосицей серьезно тормозило внедрение новых методов агротехники и снижало рост производительности. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска писал об этом: "Объезжая каждый год станицы и поселки казачьего населения, я не раз обращал внимание на жительские поля и луга, видел обработку как первых, так и содержание вторых и, к сожалению, должен признаться, что состояние полей и лугов наводит на грустные размышления. Земля, составляющая почти единственное богатство казака-домохозяина, находится у него на положении хуже, чем падчерицы"[11]. По словам войскового агронома, "корень ухудшения сельского хозяйства лежит во всем внутреннем казачьем сельскохозяйственном строе"[12].

Действительно, в казачьих войсках Азиатской России преобладала примитивная, переложная система земледелия, когда после снятия нескольких урожаев землю оставляют без обработки (в перелог) на несколько лет для восстановления плодородия почвы. Разновидностью переложной системы земледелия была "залежная" система обработки: земля делится на 3 поля и одно из них засевается подряд 3 года, а потом отдыхает в течение 6 лет. Эта залежная система была распространена, в частности, у оренбургских казаков. Господство такой системы обработки земли, а также отсутствие у многих казаков усовершенствованных сельскохозяйственных орудий приводило к непроизводительному использованию огромного земельного массива. Казаки в сравнении с остальными группами сельского населения засевали значительно меньшую часть принадлежащей им земли. Так, по данным 1900 г., процент распаханной земли ко всей земле казачьего войска составлял в Оренбургском и Семиреченском — 6, в Астраханском — 4, в Уральском — 3, в Сибирском — 2, в Забайкальском и Уссурийском — по 1%[13]. И даже после расширения посевных площадей в начале XX в. казаки Амурского, Сибирского (Акмолинская обл.), Уральского, Забайкальского, Иркутского, Семиреченского войск к 1917 г. использовали лишь 5% земли[14]. Средняя величина посевов на казачий двор в данных войсках (кроме Иркутского) была меньше, чем у крестьян этих же губерний.

Наконец, важно учитывать, что казачьи земли востока России находились в зоне рискованного земледелия, и урожай зерновых здесь в значительной степени зависел от природных, метеорологических условий. Не случайно в отчете Главного управления казачьих войск за 1890 г. было подчеркнуто: "На хлебопашество имеет неотразимое влияние континентальный климат восточной и юго-восточной окраин России, где расположены казачьи войска, с резкими изменениями температур, с поздними морозами весной, засухами летом и с восточными ветрами, служащими иногда причиной гибели всего урожая"[15]. Только в Оренбургском войске во время засухи 1888 г. общие потери хлебов оценивались в 1,2 млн руб. В 1892 г. казаки Челябинского, Троицкого и частично Верхнеуральского уездов по-

несли убытки в 1,5 млн руб. из-за уничтожения хлебных посевов саранчовым насекомым кобылкой[16]. В 1906—1907 гг. неурожай постиг многие станицы 2-го отдела Оренбургского войска. В результате в Магнитном поселке в 1907 г. намолотили всего по 25—30 пуд. хлеба с десятины, то есть примерно 4—5 ц с гектара[17].

И все же, хотя и медленно, развивалась техника земледелия, росла агрономическая культура казаков, шире использовались сельскохозяйственные орудия и машины. Длительное время казаки пахали сохой с металлическим лемехом, а настоящие металлические плуги с одним и двумя лемехами могли иметь в своем хозяйстве только зажиточные казаки. Но постепенно эти металлические плуги и другие усовершенствованные сельскохозяйственные машины находили все большее применение в казачьем хозяйстве.

С 1898 по 1902 гг. оренбургским казакам через войсковое хозяйственное правление было продано сельскохозяйственных машин на 200 тыс. руб. Войсковой агроном Кобылин отмечал в 1902 г., что применение машин в казачьем хозяйстве "уже сейчас весьма значительно, по всем районам без исключения". Только за 13 лет, с 1898 по 1910 гг., в Оренбургском казачьем войске в кредит было продано плугов, сенокосилок, жнеек-лобогреек, сноповязалок, конных граблей, сеялок, веялок, молотилок на сумму 913554 руб.[18]

Подобный рост числа сельхозмашин и орудий наблюдался и в других казачьих войсках Азиатской России. Например, в хозяйствах сибирских казаков в Акмолинской области с 1913 по 1917 гг. количество плугов выросло в 10 раз, косилок — в 8,5, конных граблей и молотилок — в 9 раз [19]. В Петропавловском уезде в 1915 г. в станицах сибирских казаков было 227 паровых молотилок, а в крестьянских дворах, которые в 3 раза превышали казачьи, — только 4[20]. В Амурском казачьем войске с 1900 по 1917 гг. количество плугов выросло в 3, в Уссурийском в 2 раза, количество других сельскохозяйственных орудий в этих войсках также увеличилось в несколько раз.

Однако нужно признать, что степень распространения сельскохозяйственных машин среди основной массы казачьих хозяйств (как правило, бедняцких и середняцких) была явно незначительной. Усовершенствованные орудия и техника были сосредоточены в основном в хозяйствах зажиточных казаков. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. показали, например, что в казачьих хозяйствах Троицкого уезда Оренбургской губернии основной техникой были однолемешные плуги, а в 29% казачьих хозяйств не было даже и их. Многолемешные плуги имелись в семи хозяйствах из ста[21]. В большинстве хозяйств оренбургских казаков молотьба хлеба производилась каменными катками, а иногда использовались лошади и телеги[22]. В Амурской, Акмолинской, Забайкальской, Иркутской, Семиреченской и Уральской губерниях из 123543 казачьих хозяйств совсем не имели усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря 22% хозяйств, в то время как среди крестьян этих же губерний без усовершенствованного инвентаря было 17,8% хозяйств[23].

Особенностью земледелия в отдельных казачьих войсках, например в Оренбургском, было введение общественной запашки земли и создание общественных магазинов (складов) для зерна. Эта мера была введена в Оренбургском войске еще в 1830—1840-е гг. по инициативе генерал-губернатора

В.А.Перовского. На каждую душу предполагалось иметь хлебный запас в 15,5 пуд., который собирался за несколько лет из расчета ежегодного взноса по 3,5 пуд. Норма 15,5 пуд. рассчитывалась на продовольствие в течение двух лет и 1 пуд на семена.

Об урожайности зерновых культур в казачьих хозяйствах можно судить по материалам Оренбургского войска. Так, атаман станицы Магнитной в своем отчете за 1866 г. сообщал, что в станице посеяно озимого хлеба — 50 пуд., ярового — 53129, а всего — 53179 пуд., то есть больше по сравнению с 1865 г. на 38364 пуд. "Сложенный урожай был: озимый — сам пять, яровой — сам семь с половиною[24]. Сбор хлеба был хороший". Всего собрали озимого 375 пуд., ярового — 398092, за минусом 62400 пуд. семян, отложенных на 1867 г. Для продовольствия осталось 336 тыс. пуд., или по 91 пуду и 36 фунтов на каждого жителя станицы[25].

Атаман Еткульской станицы (3-й отдел Оренбургского войска) писал в годовом отчете за 1855 г., что "казаки посеяли 4159 пудов озимого и 64585 пудов ярового хлеба, а собрали 1247 пудов озимого и 387510 пудов ярового хлеба... Излишний хлеб сбывается жителями в города Челябу и Троицк, а также заводам Златоустовским и Миасским"[26].

В 1862 г. казаки станицы Каратабанской (Еткульский станичный юрт) посеяли озимого и ярового хлеба 4840 четвертей (примерно 127 т). Собрали урожай озимых "сам 4" и яровых "сам 3". На семена оставили 4377 четвертей и 14 пуд. (около 115 т). На продовольствие жителей осталось 167 т, то есть на каждого едока по 4 пуд. (64 кг). На случай неурожая в станице имелось 13 общинных хлебных магазинов. Сбор хлеба в них проходил по распоряжению командира 11-го казачьего полка по одному пуду и 10 фунтов (20 кг) ярицы с каждой души в год (ярица — яровая рожь или пшеница)[27].

Значительные посевы зерновых и большой сбор хлеба, особенно в урожайные годы, требовали, как правило, дополнительных рабочих рук. Поэтому не только зажиточные хозяйства казаков, но нередко и середняцкие применяли наемную рабочую силу. Причем, казаки востока России часто использовали более дешевый труд коренных жителей — "инородцев", например, сибирские казаки нанимали казахов, забайкальские казаки — бурят, эвенков[28], оренбургские — башкир. В.Н.Витевский, изучавший уклад жизни, хозяйство и быт нагайбаков — крещеных татар Оренбургской губернии, входивших в состав оренбургского казачества, отмечал в 1882 г., что почти каждый нагайбак-домохозяин имел работника, а то и двоих, в основном из башкир, которым платил от 20 до 30 руб. в год деньгами и хлебом. Эти работники находились на хозяйском содержании и обеспечивались хозяйской одеждой[29].

Кроме земледелия, в казачьих войсках востока России большое развитие получило скотоводство, особенно у оренбургских, сибирских и забайкальских казаков.

О масштабах развития скотоводства в Забайкальском войске говорит тот факт, что в станицах Акшинского и Селенгинского округов Забайкалья на один двор приходилось в среднем 17 лошадей, 24 головы рогатого скота, 43 головы овец и коз[30]. Причем, богатые казаки Акшинского округа нанимали из числа бурят и эвенков не только пастухов, но и доильщиков. За свой труд доильщики получали четвертую или пятую часть молока. Средняя годовая плата пастуху в денежном выражении в Забайкалье составляла от 50 до 100 руб., помесячная плата пастуху-подростку от 2 руб. 50 коп. до 10 руб.[31]

В Оренбуржье были свои трудности для развития скотоводства: падеж рогатого скота от болезней; конокрадство со стороны жителей соседней Киргиз-Кайсацкой Орды, то есть казахов. Частые неурожаи хлебов побуждали казаков сбывать скот по низким ценам, лишь бы самим прокормиться. И все же уже к середине XIX в. на территории Оренбургского казачьего войска имелось 465126 голов домашних животных, из них 117577 волов и коров и свыше 97 тыс. лошадей. Остальные — овцы и козы[32].

Особенно много скота было в станицах 2-го Верхнеуральского отдела Оренбургского войска, чему способствовало обилие лугов в этом уезде. Так, нагайбаки в своих станицах и поселках Фершампенуаз, Кассель, Остроленка, Париж, Арси, Куликовский имели от 20 до 100 овец на двор, от 4 до 12 голов рогатого скота и от 6 до 40 лошадей[33]. К 1870 г. в станице Магнитной содержалось 7550 лошадей, 5823 коровы, 25473 овцы. Это с учетом поселков Верхнеуральского, Требия, Янгельского, Черновского и выселка Смелого. В самом Магнитном поселке в среднем на один двор приходилось примерно 25 голов скота[34].

Во второй половине XIX в. в Оренбургском войске принимаются меры по развитию собственного коневодства. В конце XIX в. были созданы конно-плодовые табуны в четырех станицах 1-го отдела (в общей сложности 370 голов лошадей) и в шести станицах 2-го отдела (298 голов). Лошади их этих табунов были в основном киргизской (ордынской) породы. С 1904 г. в войске для развития коневодства на 110 лет была введена система поощрения "за хорошее качество строевых лошадей, приводимых казаками при выходе их на службу в первоочередные части". Предусматривалась премия "За сбережения своих лошадей" льготными казаками. Владелец лошади, выдвинутый комиссией на премию, должен был представить ее родословную и воспитывать не менее трех лет. За строевую лошадь выделялась премия 50 руб., а за "льготную" — 10 руб. С этой же целью в отделах войска проводились выставки-скачки. Последнюю такую выставку-скачку 2-й отдел проводил в июне 1916 г.

Важным подспорьем в хозяйственной жизни казаков Азиатской России было рыболовство: на территории многих войск имелись реки и озера, богатые рыбой. Рыбным промыслом занимались, например, семиреченские казаки в районе г.Казалинска на реке Сыр-Дарья. Рыболовством занимались и казаки-нагайбаки Оренбургского войска на реках Кизиль-Чилик и Гумбейка. Лов рыбы в основном производился зимой, часть ее после улова продавалась в соседних русских селениях.

Но особенно значительную роль рыбное хозяйство играло в экономическом развитии Уральского казачьего войска. Не случайно в состав войскового хозяйственного правления была введена должность войскового техника рыболовства, а в ведении войскового хозяйственного правления находились, в частности, такие вопросы, как распоряжения о производстве войсковых рыболовных промыслов и наблюдение за добычей соли из озер, расположенных внутри войсковых земель, а также из Индерского и Грязного озер, лежащих вне войсковых пределов (статья 247-я Учреждения гражданского управления казаков). Рыбу ловили в водах р.Урал, ее притоков, в озерах и в Каспийском море. Причем, на р.Урал не было ни судоходства, ни сплава леса, ни водяных мельниц, что также благоприятствовало рыбной ловле. Урал была единственной рекой, на которой построили учуг, то есть загородь для рыбы, препятствовавший ее ходу выше г.Уральска в другие районы

Оренбургской губернии. Нужно отметить, что организация рыбной ловли строго регламентировалась, точно указывалось место, время, орудия ловли и запрещалось нанимать других работников. Все это преследовало цель обеспечения одинаковых шансов на улов для всех уральских казаков, занятых рыболовством. Река Урал и ее рыбные богатства рассматривались казаками как общее достояние и богатство. В 1894 г. все постановления войсковой канцелярии о порядке рыболовства, выходившие ранее ежегодно, были собраны Н.А.Бородиным в одну книгу "Правила рыболовства в Уральском Казачьем Войске". Вся система этих правил сводилась к тому, чтобы выловить рыбу каждого водного бассейна с возможно меньшими затратами труда и времени, в такую пору года, когда рыбный товар достигает наиболее высоких цен и не вредит остающимся в водах запасам живой рыбы.

Ловы рыбы делились на речные и морские, а по временам года — на весенние, осенние и зимние. К главным ловам относились: 1) морские — весенний курхай (обычно участвовало более 1000 казаков), осенний курхай (участвовало около 250 казаков) и аханный (до 300 казаков); 2) речные — севрюжья плавня (участвовало более 2000 казаков) или плавня весенняя, осенняя плавня (более 5000 казаков); зимнее багрение (более 6000 казаков) и зимнее неводное около г.Гурьева (более 1500 казаков)[35]. Второстепенными ловами считались: 1) производившиеся под надзором специальных атаманов осенние и зимние узенские, Черхайское зимнее (участвовало обычно около 200 казаков); 2) свободные ловы по старицам во время весенней плавни и вообще весенние ловы в черных водах (то есть стоячих озерах без выхода в текущие реки) неводами и сетками.

Запрещалась ловля рыбы с 15 июля до 15 августа. Нарушение этого запрета так же, как и использование запрещенных способов рыболовства, наказывалось тюремным заключением от двух недель до одного года. Надзор за выполнением установленных правил рыболовства осуществлялся выборными атаманами и специальной "охранной командой" из 100 чел. Во главе ее стоял старший смотритель войсковых вод с тремя помощниками. В распоряжении этой охраны имелись парусные и гребные лодки, а также паровые и моторные суда.

Уральское казачье войско постоянно заботилось о пополнении рыбных запасов. Для этого в специальных заповедниках, бассейнах под надзором ученых рыбоводов разводился и рос молодой "нарыбок", который выпускался затем в р.Урал по достижении необходимой величины.

Уральские казаки ловили в реке Урал и в Каспийском море, а потом продавали рыбу следующих пород: судак, лещ, жерех, сазан, сом, а из ценной рыбы: белуга, севрюга, осетр и шип. Там же, на месте ловли, иногородние торговцы, а нередко и богатые казаки скупали рыбу, икру, клей и отправляли большими партиями в центральную Россию. За пределы Уральского войска рыбных продуктов вывозилось больше, чем на 3 млн руб. в год. А с пошлины за вывозимые продукты войсковая казна получала от 100 до 150 тыс. руб. в год. На эти деньги содержались ученые-рыбоводы, сельскохозяйственная школа, библиотека и другие войсковые учреждения[36]. Вообще рыбное хозяйство было поставлено образцово в Уральском казачьем войске, и экспонаты этого рыбного хозяйства демонстрировались на всемирных выставках в Лондоне, Чикаго, а также в рыбопромышленных отделах многих сельскохозяйственных выставок.

В экономическом развитии отдельных казачьих войск Азиатской России значительное место отводилось разработке природных богатств и полезных ископаемых на их территории. Особенно это относится к добыче золота. Так, казачий капитал в больших размерах был представлен в золотопромышленности восточного Забайкалья[37]. Но наиболее крупные масштабы добыча золота приняла в Оренбургском казачьем войске. И это не случайно, т.к. это войско занимало третье место по природным богатствам среди всех казачьих войск России (после Донского и Кубанского).

Еще 12 декабря 1840 г. в Положении об Оренбургском казачьем войске было указано: "Оренбургское казачье войско имеет право на все произведения на поверхности определенной ему земли, на леса, воды и угодья, словом — на все ее принадлежности, исключая устроенных уже на ней казенных и частных заведений, если сим последния утверждены за владеющим законными актами, и кроме благородных металлов и минералов открытых или вновь могущих открыться в недрах земли, которые поступают в принадлежность казны и взамен коих на основании Высочайшего указа 22 марта 1835 года, войско получает из Государственного казначейства по сто пятьдесят тысяч рублей ассигнациями в год"[38]. Все это означало, что благородные металлы, в том числе и золото, имеющиеся в землях Оренбургского войска, были выкуплены казной, и право распоряжаться ими было передано государству, а в порядке компенсации убытков от занятия земельных участков войска правительство стало вносить в войсковую казну в год 42877 руб. 14,5 коп. серебром.

25 ноября 1842 г. царское правительство разрешило частные разработки золота на землях Оренбургского войска. Специальной инструкцией устанавливался порядок аренды и разработки предпринимателями золотоносных земель, их взаимоотношения с местными казачьими властями и ответственность за вред, наносимый земле, лесам и водоемам. Во второй половине XIX в. началась массовая разработка золотоносных жил на землях войска, и к концу века здесь реально действовало 216 приисков. Добыча золота на территории войска составляла в 1865 г. 50,75 пуд., в 1868 г. — 116, в 1869 г. — 100,5[39], в конце XIX в. — около 120 пуд.[40] 26 мая 1904 г. на заседании IV съезда золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний, состоявшемся на Миасском заводе, войсковой горный инженер хозяйственного правления Оренбургского войска С.А.Подъячев сообщил, что в 1902 г. на территории войска золотые прииски дали 198 пуд. 16 фунтов 35 золотников 75 долей золота[41]. "Войско, с другой стороны, — подчеркнул он, — не может поступиться предоставленными ему законом правами и безвозмездно уступить свою землю для нужд золотопромышленников, так как земельный капитал — это тот основной фонд, благодаря которому казачье войско только и может отправлять службу государству"[42].

Добывали золото в основном иногородние купцы и местные казаки. Так, на землях Уйского юрта в числе золотопромышленников были казаки П.А.Маслов, Д.А.Маслов, С.С.Выдрин, А.К.Подколзин. Причем процедура оформления заявки на добычу золота и закрепления прииска за предпринимателем была довольно сложной и продолжалась иногда несколько лет.

Нужно отметить, что оренбургские казаки никогда не были сторонними наблюдателями на землях, отданных под добычу золота. В случае нарушения обязательств, варварской эксплуатации пахотных земель, угодий, водных источников или неуплаты золотопромышленниками ежегодно взно-

са за землю приiски по решению атаманов закрывались, а нарушители строго наказывались. В 1909 г., например, казаки Требиатского поселка 2-го отдела Оренбургского войска обратились с жалобой к атаману Магнитной станицы на хозяина прииска орского купца Рамеева, который затопил илом лог около р.Гумбейка. В результате несколько голов скота погибло. Атаман станицы переслал жалобу требиатцев в войсковое хозяйственное правление. Специальная комиссия рекомендовала атаману 2-го отдела "решить дело в судебном порядке".

В 1894 г. казаки Уйской станицы вступили в конфликт с золотопромышленником, екатеринбургским мещанином Е.А.Китаевым, хозяином екатерининского прииска близ Нижнеусцелемовского выселка. Он отказался платить за удобную землю и компенсировать казакам стоимость снесенных построек на отведенной под прииск площадке. В ответ уйский поселковый атаман Ницерин 30 марта 1894 г. явился с казаком Павлом Мелехиным на прииск и остановил все работы по добыче золота. Купец Е.И.Китаев обратился с жалобой на действия атамана к начальнику Уральских горных заводов. На запрос горного начальника войсковое хозяйственное правление дало ответ, в котором не только полностью поддержало действия уйского атамана, но и в специальном постановлении "вновь подтвердило жителям всех станиц и поселков, чтобы они в случае уклонения золотопромышленников от заключения требуемых условий и от уплаты определенных законом вознаграждений никоим образом не допускали их разработкам отведенных им приисковых площадей, впредь до выполнения ими означенных требований. С предупреждением этой меры, войсковое хозяйственное правление строго будет следить, так как эта мера представляется единственным практическим средством устранения уклонения золотопромышленников от заключения условий и от уплаты определенных законом вознаграждений"[43].

8 декабря 1897 г. атаман Кумлякского поселка Уйской станицы И.Г.Уткин направил жесткое письмо-требование в контору Кочкарского общества частных золотых приисков: "Прошу контору сделать распоряжение о выдворении живущих на вверенном Вам прииске старателей Василия Копытова и Тимофея Егорова, которые, живя на Александровском прииске, на реке Кобанке, производят самовольную порубку леса из общественных дач, что согласно закону должно отнестись на общество. Чтобы избежать недоразумений, прошу лиц упомянутых на прииске не держать. О чем дать мне знать, дабы принять меры к их выдворению через Вашего.старосту Степана Щепеткина. Вахмистр И.Г.Уткин"[44]. Так оренбургские казаки защищали свои хозяйственные интересы и оберегали от загрязнения свои угодья.

Кроме добычи золота, оренбургские казаки участвовали в разработке железной руды открытым способом у горы Магнитной. Казаки станицы Магнитной не только добывали руду, но и возили ее на Тирлянский и Белорецкий заводы своим транспортом. Труд на горе давал казакам этой станицы твердый ежегодный заработок от 53 до 55 тыс. руб.[45] Правда, к началу XX в. оплата труда казаков постоянно снижалась и тем не менее благодаря горе Магнитной одноименная станица считалась одной из самых богатых в Оренбургском войске.

В конце XIX — начале XX вв. в казачьих войсках востока России получили значительное развитие подсобные промыслы, мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, кооперативное движение. Они не только давали дополнительные доходы отдельным казачьим

семьям и дворам. Поселкам и станицам было выгодно иметь на своей территории предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, так как отчисляемая ими арендная плата частично шла в станичный и поселковый капиталы, из которого выделялись средства на содержание должностных лиц, управленческих структур, поселковых учителей, оказывалась помощь малоимущим при подготовке казака к военной службе, компенсировался частичный ущерб от стихийных бедствий.

Благодаря поддержке войсковых властей деятельность подсобных промыслов, мелких предприятий и кооперативов была наиболее эффективна и результативна у сибирских и оренбургских казаков. Только на территории Сибирского войска в 1913 г. действовало 96 маслозаводов, которые вырабатывали масла на 1153000 руб. Объем кустарного производства составлял в 1908 г. 3,7 млн руб., в 1914 г. — 22,2 млн руб.[46] В то же время 1300 хозяйств сибирских казаков занимались извозным промыслом, для многих он являлся предпринимательским.

Среди оренбургских казаков войсковые власти организовывали курсы и вводили должности инструкторов по различным видам хозяйственной деятельности (сыроварению, маслоделию, пчеловодству и др.). Результаты не замедлили сказаться. Далеко за пределами Оренбургского края были известны и пользовались широким спросом знаменитые пуховые платки (шали), шарфы, вуали и другие вещи, сделанные и в казачьих станицах. Было организовано снабжение кустарей козьим пухом и налажен централизованный сбыт готовой продукции.

Во второй половине XIX в. оренбургские казаки неоднократно участвовали во Всероссийских промышленно-художественных выставках. Например, на подобной выставке в Москве в 1882 г. были представлены экспонаты почти из всех казачьих станиц войска. Так, из Николаевской станицы Аграфена Сидельникова послала моток конопляных ниток ручной работы, а урядник Тит Кузнецов — птичий пух, колосья пшеницы и арбузные семена. Из Кизильской станицы на выставку были посланы казаком Климом Карауловым колосья и зерна пшеницы, Осипом Шумилиным — колосья пшеницы, Акимом Крюковым — ячмень, Петром Курбатовым — ярица и горох, Василием Ашировым — овес, вдовой М.Банегиной — чесаный лен, моток белых ниток и пестрый холст, казаком Евгением Мурзиковым — свертки выделанной и невыделанной конопли, казаком Борисом Григорьевым — битая шерсть и шерстяная пряжа[47].

Для характеристики развития подсобных промыслов в казачьих поселках Оренбургского войска довольно типична картина Варненского поселка Великопетровского станичного юрта 2-го отдела. К началу 1880-х гг. в Варненском поселке насчитывалось около 10 кустарных предприятий — крупорушка, две семейные мастерские по выделке кож и пошиву изделий, торговая лавка, две салотопни. Несколько семей занимались изготовлением плетеной мебели и валянием зимней обуви. На территории поселка работал небольшой кирпичный завод с двумя печами, где производилось до 10 тыс. штук кирпича в месяц. Этот завод в начале XX в. ежегодно приносил в поселковый бюджет свыше 600 руб. арендной платы. Для размола пшеницы в поселке было построено 5 водяных и 4 ветряных мельницы, 6 из которых принадлежали казакам, 2 — разночинцам, а одна была собственностью поселка, и все доходы от нее полностью шли на его нужды[48].

В начале XX в. в Оренбургском войске широкое распространение получили различные кооперативы. Особенно большое внимание их развитию уделял атаман 3-го Троицкого отдела генерал-майор П.А.Арапов. Не случайно к 1914 г. в 3-м отделе действовало около 90 кооперативных масло- и сыроваренных заводов, а во 2-м Верхнеуральском отделе — 59 кооперативных заводов. В целом же, по данным губернского статистического комитета за 1913 г., кооперацией в войске был охвачен 171 поселок, в которых действовало 149 масло- и сыроваренных заводов с числом артельщиков 16678 чел. Только за сданное молоко казакам — членам кооперативов в 1913 г. было выплачено 1126462 руб. 71 коп.[49] В 1913 г. на территории 2-го отдела кооперативного предприятия было произведено 21070 пуд. масла и 5591 пуд сыра[50]. Важно отметить, что эта продукция пользовалась повышенным спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Так, сыр, производившийся на Урлядинском кооперативном масло-сыроваренном заводе, вплоть до начала первой мировой войны с успехом экспортировался в Италию.

Кооперативы и кредитные общества Оренбургского войска вместе с войсковым хозяйственным правлением проделали значительную работу по преодолению последствий засухи 1911 и 1912 гг. 12 октября 1912 г. газета Миасского завода "Казак" поместила информацию "О выдаче ссуд на покупку кормов": "Выдача ссуд в Челябинском, Троицком, Верхнеуральском и Кустанайском уездах будет производиться из учреждений мелкого кредита, для чего расширена деятельность кредитных товариществ, увеличен размер основного капитала".

Картина экономического развития казачьих войск востока России будет неполной без характеристики торговли в казачьих районах. Масштабы этой торговли постоянно росли, чему способствовали рост товарно-денежных отношений, усиление предпринимательского характера земледелия, скотоводства, других отраслей хозяйства, расширение транспортных связей (прежде всего по железной дороге) с соседними губерниями и областями, приток "иногородних". Так, в станицах Сибирского казачьего войска в 1914 г. действовало 92 ярмарки и 133 торжка, а обороты торговых заведений в этом же году превзошли 6,6 млн руб.[51]

Первое место среди всех казачьих войск по размеру торговых оборотов занимало Уральское войско. Причем половину всех доходов ему давала рыбная промышленность и торговля рыбой, о чем уже говорилось выше. Уральские казаки, кроме того, добывали соль на озерах Индерское, Курхайское, Грязное, Линевское, и до 80 т этой соли вывозили из Тургайской степи в Троицкую и Звериноголовскую станицы[52].

С территории Оренбургского войска в другие районы Российской империи поступали хлеб, сало, шерсть, рыба, икра, соль, железо, медь. В основном торговля велась на ярмарках, торгах и торжках. Во многих станицах и поселках ярмарки проводились два раза в год. Например, в Еткульской станице ярмарки организовывались в январе — Крещенская и в сентябре — Богородицкая[53]. В станице Магнитной в течение года проводились две пятидневные ярмарки: первая — с 8 июля, вторая — с 6 октября.

Особенно значительной у оренбургских казаков была торговля хлебом. Только за один год, с 1889 по 1890 гг., привоз хлебных продуктов на крупнейшие ярмарки в станицах Уйской, Звериноголовской и Кундравинской увеличился с 36,7 тыс. руб. до 58,9 тыс. руб.[54] Активно шла торговля зерном

на базарах и ярмарках также в станицах Наследницкой, Магнитной, Могутовской, Кваркенской, Кизильской. Кроме того, зерно напрямую минуя ярмарки и базары, продавали на горные заводы, золотые прииски, в башкирские волости.

К концу XIX в. стала более оживленной торговля скотом, особенно в станицах Магнитная, Уйская, Звериноголовская и Кундравинская. Торговля лошадьми проводилась на конских ярмарках, наиболее крупные из которых были в поселке Верхнеозерном и в станице Кваркенской. В начале XX в. на 27 конских ярмарках ежегодно продавалось 10—11 тыс. лошадей[55]. К 1905 г. число конских ярмарок увеличилось до 44, а количество проданных лошадей до 13 тыс.[56]

Ассортимент товаров на ярмарках в Оренбургском войске был достаточно велик. В частности, на Крещенскую ярмарку в Еткульскую станицу в январе 1855 г. было привезено фабричного товара на 5980 руб., выделанных кож на 150 руб., разных лакомств на 790 руб., посуды каменной и деревянной на 50 руб., всего на сумму 6970 руб.[57] Другой пример. В поселке Варна ежегодно с 1 по 10 ноября проводилась осенняя ярмарка, где продавались пшеница, овес, ячмень, просо, мука-крупчатка и мелких помолов, шерсть, выделанные кожи и изделия из них, различные сорта мяса — говядина, баранина, свинина, конина, мясо домашней птицы и дичь. На ярмарке можно было купить и продукцию местных промыслов — изделия из дерева, плетеную из ивовых прутьев мебель, рыболовные снасти, глиняную посуду, шарфы, перчатки, варежки, пуховые платки. Годовой денежный оборот ярмарки составлял в начале XX в. около 30 тыс. руб.[58]

Экономическое положение казачьих войск в начале XX в. представляло довольно сложную и противоречивую картину. Реалии капиталистического развития России оказывали все более сильное влияние на хозяйственную жизнь казачества — предпринимательский характер земледелия, скотоводства, подсобных промыслов, включение казачьих районов во внутреннюю и внешнюю торговлю империи, рост кооперации и кредитных товариществ. И в то же время царизм стремился максимально сохранить общинно-надельный характер казачьего землепользования, нейтрализовать влияние буржуазного развития на уклад жизни, быт и нравы казачьего сословия.

3. Хозяйство и быт казаков

К концу XIX в. были жестко регламентированы все стороны экономической жизни не только в целом казачьих войск, но и станиц и хуторов. Законодательство и соответствующие инструкции четко разграничивали функции станичных и хуторских атаманов и сборов. Так, в ведении станичных сборов находились такие хозяйственные вопросы, как учреждение ссудосберегательных касс; устройство станичных хлебных магазинов (складов); установление общественных запашек; улучшение коневодства; выдача ссуд из хлебных магазинов; распределение общественного поземельного довольствия между всеми поселениями станицы; выделение общих хозяйственных статей станицы: лесной, арендной, для станичных табунов и т.п.; распоряжение станичными суммами и назначение сборов (денежных или натурой) на станичные потребности; меры к предупреждению и взысканию недоимок; определение платы с казаков, неспособных к службе, но способных к труду

(статья 555-я Учреждения гражданского управления казаков). Хуторской сбор занимался, в частности, такими хозяйственными вопросами, как распределение между членами хуторского общества хуторских земель и угодий или тех земель, которые по решению станичного сбора отведены во временное пользование хутора из общего станичного юрта; разверстка назначенных станичным сбором земских повинностей между хуторскими жителями войскового и невойскового сословия; разверстка между казаками сборов на станичные повинности, назначенные станичным сбором; определение по спискам тех казаков, которые нуждаются при выходе на службу в ссудах или пособиях из общественных хуторских сумм, а при неимении таковых — ходатайства о назначении этих ссуд или пособий из сумм станичных и др. (статья 650-я Учреждения гражданского управления казаков).

Для удовлетворения всех насущных нужд и потребностей казаков станицы существовал станичный капитал, который формировался в основном из доходов, получаемых станицами от сдачи в аренду свободных общественных угодий под распашку и пастьбу скота, от общественных запашек, от сбора посаженной платы с лиц невойскового сословия за места, занимаемые их домами, лавками, заводами, от сбора с места на ярмарках и базарах. Станичный капитал подразделялся, например, в Оренбургском войске на военный, школьный, общественного призрения, хлеб общественной запашки, а также обмундировочный и сиротский. Капитал станицы Магнитной Оренбургского войска составлял, к примеру, на 1 января 1867 г. 4082 руб. 94 коп.[1]

И станичный, и войсковой капитал напрямую зависел от доходов казачьих семей и дворов. При характеристике уровня жизни среднестатистической казачьей семьи нужно избегать двух крайностей, которые встречались до последнего времени в отечественной историографии. Ошибочна точка зрения об особой привилегированности казачьего сословия, что будто бы и делало казачество реакционной опорой самодержавия в борьбе с революционными силами. Однако мало соответствует действительности и утверждение о бедственном положении основной казачьей массы, так называемого трудового казачества, которое по своему положению сближалось с крестьянской беднотой. На самом деле хозяйственная жизнь казаков представляла более сложную и неоднозначную картину.

Выше уже отмечалось, что казаки имели действительно больший, по сравнению с крестьянами земельный пай — в среднем по 30 дес. (норма). Но станичные юрты очень часто имели неудобные очертания, вклинивались друг в друга, полосами тянулись от станицы к станице, страдали длинноземельем, достигавшим 30—50 верст. В результате казаки нередко вынуждены были арендовать землю либо у офицеров, либо в соседних казачьих станицах. Причем, наиболее невыгодными были условия аренды мелких участков.

По мере роста численности казачьего населения, как правило, уменьшался постепенно и земельный надел. Так, средний земельный надел на казака в Оренбургском войске составлял: в 1882 г. — 32,2 дес.; в 1897 г. — 25,7; в 1899 г. — 25,1; в 1906 г. — 24,4; в 1912 г. — 24, 1 дес.[2]; в 1917 г. — 20 дес.[3] Аналогичный процесс шел и в других казачьих войсках востока России. Например, к 1917 г. земельный надел на одного казака сократился в Сибирском войске до 24,7 дес., в Забайкальском — до 27, в Амурском — до 19,7, в Уссурийском — до 18, 1 дес.[4]

Правда, там, где имелись возможности, например, войсковые запасные земли, происходила нарезка новых земель для взрослого мужского населения казачьих поселков и станиц. В конце XIX в. дополнительные земельные участки получили, например, казаки 2-го Верхнеуральского отдела Оренбургского войска. Эти новые наделы были получены за счет свободных (резервных) земель Оренбургского войска и частично за счет Джабык-Карагайского бора. Материалы об этом содержатся в межевых книгах Оренбургского казачьего войска, хранящихся в фондах государственного архива Челябинской области[5].

Так, в 1897 г. казаки поселка Астафьевского дополнительно получили 7060 дес. земли, в том числе удобной, то есть пригодной для сельскохозяйственных нужд — 6417 дес. 1200 сажен[6]. А 1910 г. казаки поселка Парижского дополнительно получили надел под названием пустошь Павловская, в том числе удобной земли 784 дес. 1200 сажен[7]. Все межевые книги содержат подробное описание земельных наделов, их расположение на местности, численность мужчин, владельцев наделов, в них нередко имеются и полные сведения о количестве мужского населения казачьих поселков.

В целом обладая некоторыми привилегиями и льготами, получая доход от земледелия, скотоводства, а иногда и подсобных промыслов, казачья семья, как правило, имела определенный достаток. Но всегда нужно учитывать, во-первых, что все это достигалось упорным трудом и постоянным напряжением сил, и во-вторых, кроме собственно военной службы, казаки выполняли значительные и разнообразные повинности, которые тяжелым грузом ложились на их семейный бюджет.

Прежде всего значительные денежные затраты ложились на казаков по подготовке к службе: амуниция, снаряжение, конь, многолетняя подготовка на сборах, в летних лагерях, ежегодные смотры, отрывающие казаков на многие недели и даже месяцы от работы в своих хозяйствах. Все эти расходы, производившиеся за счет средств казачьей семьи, были довольно обременительными. Например, в Оренбургском войске к 1870-м гг. строевой конь стоил 35—40 руб. серебром, оружие (шашка, ружье, пистолет и пика) — 12—15 руб., обмундирование (комплект) — 15 руб., седло с полным прибором — 10—12 руб.[8] Причем, расходы эти росли довольно быстро. Если в 1875 г. стоимость строевой лошади, обмундирования и снаряжения не превышала 72 руб., то к началу XX в. она составляла уже 204 руб., перед первой мировой войной — 350—400 руб., а в годы войны — свыше 1000 руб.[9]

Для покрытия таких огромных расходов казачья семья вынуждена была искать различные источники. По подсчетам челябинского историка В.С.Кобзова, оренбургский казак во второй половине XIX в., даже продав большую часть собранного урожая, выручал за него не более 25—30 руб. серебром (пуд ржи стоил от 1,7 до 1,9 руб.)[10]. Продав часть урожая и сена, сдав половину земель в аренду, казачья семья среднего достатка получала, как правило, не более 48 руб. денежного дохода и была вынуждена искать побочные источники получения денег[11].

В больших казачьих семьях младшие сыновья и братья, которым предстояло идти на службу, шли в работники к богатым казакам. Среди забайкальских казаков в таких случаях говорили: "В работе стыда нету, да и к службе пора готовиться. Дома-то мы одни обойдемся, а тебе, Леваха, обмундировку уже пора заводить; коня своего вырастим, а вот за седло надо

тех коров со двора вывести да ишо другого протчего сотни на полторы наберется, ведь это же разор!"

Нередко недостающие для снаряжения казаков суммы брались из станичного капитала в рассрочку и под проценты. Так появились долги казачьему войску со стороны рядовых казаков.

Вторая группа повинностей для казаков — земские, общие для всего населения губернии или края — дорожные, постовые, пожарные и др. Третья группа — станичные, поселковые повинности — подводные, эстафетные или "летучая почта", караульные (охрана правления, магазинов, сенных складов, лесов, школ, церкви, и проч.), дежурства на переправах и др. Все эти натуральные повинности в денежном пересчете составляли в Азиатской России в среднем не менее 60 руб. на одного казака в год[12]. Характерно, например, что в 1908г. в Оренбургском войске только одна подводная повинность казакам поселков, стоявшим на почтовом тракте, обошлась по 20 руб. в год[13].

Вовремя невыплаченные суммы в счет повинностей составляли недоимки казаков как войсковой, так и губернской казне. И масштабы этих недоимок были внушительны. Например, к 1 января 1886 г. казаки Оренбургского войска задолжали в станичный и войсковой капитал 1948054 руб. 84 коп., или 10 руб. 93 коп. на одну душу войскового сословия[14]. Казаки Сибирского войска к концу 1915 г. должны были в войсковую казну 694300 руб. и недоимок на 116500 руб., а всего 810900 руб.[15]

Важно отметить, что к должникам применялись довольно серьезные меры воздействия. В статье 696-й Учреждения гражданского управления казаков говорилось по этому поводу: "В отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы, станичный сбор имеет право принимать следующие меры: 1) распоряжаться доходом с принадлежащего сим лицам недвижимого имущества; 2) отдавать их в посторонние заработки и распоряжаться выработанными ими суммами; 3) назначать к ним опекунов; 4) продавать движимое и недвижимое имущество...; 5) лишать таких лиц на известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями, принимая эти паи в свое распоряжение".

Все эти меры довольно широко применялись на практике. Причем отдача "в посторонние заработки" очень часто проходила с публичного торга, иногда запродавались целые группы казаков, заработки которых станичное общество заранее получало в свое распоряжение, а казакам доставались лишь харчи. Только в станицах Астраханского войска принудительно сдавалось от 2 до 5% земельных паев. В этом же Астраханском войске за счет станичных ссуд снаряжалось 35% казаков, выходящих на службу (так называемые "неисправные" казаки). Ссуды давались под принудительную аренду паев или на других кабальных условиях[16]. Массовое распространение таких "неисправных" казаков по всей Российской империи вынудило царское правительство в начале XX в. ввести единовременное пособие на покупку коня при выходе казака на службу: в Донском войске в сумме 100 руб., в Оренбургском и Забайкальском войсках — 50 руб., в Сибирском войске — 60 руб.

И все же нужно признать, что среднестатистическое казачье хозяйство в России было более крепкое и зажиточное, чем крестьянское, а малоимущий казак нередко был значительно более состоятелен, чем крестьянин-середняк. И многое тут зависело от большого трудолюбия и хозяйской смекалки казаков и членов их семей. Было много случаев, когда даже в трудные, неурожайные годы, например, в 1911—1912 гг., умеющие работать казачьи хозяйства сохраняли и увеличивали свои доходы. Характерен в этом плане пример Уйской станицы Оренбургского войска. Если в среднем на одной хозяйство этой станицы в 1911 г. приходилось по 6,2 лошади, 5,8 головы крупного рогатого скота и 10,3 овцы, то в 1912 г. (после неурожая и голода) эти показатели возросли до 6,8; 6,2 и 11,3 головы соответственно[17]. Типичным было хозяйство казака Уйского поселка Федора Григорьевича Захарова. Его семья, включавшая взрослого сына и двух малолетних внучат, жила в деревянном пятистеннике, имела надел в 36 дес. В 1911 г. семья засеяла 12 дес., держала 5 коров, 6 лошадей и 15 овец, на зиму посеяла рожь на 10 дес. В 1912 г. хозяйство укрепилось: лошадей стало 8, коров — 6, овец — 20. Весной засеяли 18 дес., а осенью — 12. Крепкое хозяйство было и у вахмистра Леонтия Михайловича Третьякова: из 90 дес. он засевал 32, содержал 12 лошадей, 8 коров и 10 овец. В 1912 г. поголовье лошадей, коров и овец, а также посевной клин остались на уровне 1911 г.[18]

Конечно, у каждого казачьего войска востока России были свои особенности хозяйственной жизни, свои пути повышения доходности казачьих дворов. Так, у забайкальских казаков существовала традиция заключения договора с монголами о покосах на монгольской территории. Дело в том, что в Приаргунье казачье хозяйство в среднем имело 4—5 коров, 2—3 пары быков, несколько лошадей, 30—40 овец, а зажиточные казаки имели скота во много раз больше. Естественно, своих угодий для заготовки необходимого количества кормов и сена не хватало, и казаки-приаргунцы арендовали покосы, пастбища за границей. До 1913 г. границу по Аргуни охраняли монголы, вот с ними и заключали договор.

Обычно в конце мая станичный атаман собирал сход и спрашивал: "А не пора ли, господа казаки, выкупать у монголов ялу?" Ялой называлась бумага, разрешавшая казакам косить на монгольской земле, пасти коней, вывозить строевой лес.

Казаки соглашались, что ялу пора уже выкупать, и тогда атаман спрашивал, кто из хозяев согласен принять участие в угощении золана и башко. Золан — начальник ближайшего монгольского кордона, башко — его помощник. Записывались обычно 10—12 желающих зажиточных казаков, в том числе и сам атаман. На другой день атаман плыл в лодке на монгольскую сторону и со всей вежливостью, на какую был способен, приглашал золана и башко в гости. Те обычно с удовольствием соглашались, учтиво благодарили и договаривались, в какой день приехать.

В назначенный день золан и башко приезжали с переводчиком, и начиналась гулянка, обычно длившаяся три дня, с обильным угощением для монгольских гостей. Только после этого начинался разговор о деле, тут же оформлялась и яла. Станичникам разрешалось косить на монгольской стороне, где угодно и сколько угодно, рубить сколько понадобится лесу, пасти скот (косяки нерабочих лошадей без пастухов паслись целое лето). Все это входило в ялу. За нее уплачивали золану обычно 30 руб., дарили ему и башко по хорошей, крупной овце, и расставались до следующего года. После

того, как яла была выкуплена, казаки начинали делить покосы[19]. Нужно заметить, что наиболее богатые казаки косили и на самых дальних угодьях, примерно за 150 км, за притоком Аргуни Дербулом.

В дальнейшем судьба многих забайкальских казаков, боровшихся против Советской власти, сложилась так, что в 1920—1921 гг., отступая под ударами Красной армии, они осели в районе Трехречья — Ган, Дербул, Маретка — притоков Аргуни, на территории Китая, став эмигрантами. В 1928 г. А.Г.Грызов, полковник Сибирского казачьего войска, член правления Восточного Казачьего союза (г.Харбин) об этом писал так: "Забайкальцы-станичники, многие издавна знакомые с соседней китайской заграницей, бывавшие и даже живавшие в ней со своими стадами, в большом количестве переходили границу со всем добром и располагались на прежде знакомых местах"[20]. А в письме из Восточного Казачьего союза в Казачий союз в Париже от 8 мая 1929 г. говорилось, что "забайкальцы поселились по реке Аргуни, "в Трехречье" — Ган, Дербул и Маретка (притоки Аргуни), образовав около тридцати поселков. Занимаются земледелием и скотоводством. Земля там хорошая и плодородная. За аренду земли ничего не платят, а только платят налоги — 8 пуд. с десятины хлеба. Сенокосы и пастбища бесплатны. Поэтому осевшие там живут хорошо. Многие даже лучше, чем жили в Забайкалье"[21]. Как видим, и в трудных условиях эмиграции казаки-забайкальцы сохраняли тот традиционный уклад жизни, казачье хозяйство, которое они вели в России в начале XX в.

На хозяйственное развитие казачьих дворов значительное влияние оказывал и такой фактор, как коллективистский, общинный уклад жизни казаков. Во многих казачьих войсках, в частности, у забайкальцев существовала такая традиция, как помочь, подмога. К помочи прибегали, например, во время постройки избы, когда нужно было копать весною огороды, во время уборки хлеба, когда все поспевало сразу и надо было срочно убрать, пока зерно не посыпалось. Один день работали у одних, назавтра — у других, потом — у третьих. На "помочь" звали родных, соседей, приятелей, и они шли охотно, зная, что и самим придется звать людей на подмогу. На помочь обычно работали так, как будто пришли на праздник: весело, споро, с шутками, с песнями, каждый показывал свое умение, силу и сноровку. Это, конечно, усиливало в среде казачества представление об общности его коренных сословных интересов. Для общих нужд также использовали войсковой и станичный капитал, совместно эксплуатировали или сдавали в аренду земли для добычи полезных ископаемых.

Коллективизм, чувство локтя, потребность в общении со станичниками были неотъемлемой частью уклада жизни и быта казаков. Исследователь жизни казаков-нагайбаков Оренбургского войска Е.А.Бектеева в 1902 г. писала, в частности, о быте нагайбаков: "В свободное время сидят группами на завалинках; женщины всегда с рукоделием. Отдельно от них ведут беседу седобородые старики и, покуривая коротенькие трубки, вспоминают про былые походы. В поселковом правлении часто у казаков-нагайбаков бывают сходки, где председательствует поселковый атаман. На сходке атаман объявляет распоряжения начальства относительно чьей-либо жалобы или дележа лугов, или же решают свои частные дела. В поселковом правлении и вне официальной сходки всегда бывает толпа народа: это для них клуб своего рода; здесь ведутся оживленные споры о чем-нибудь, долетают сюда и газет-

ные новости, причем к новостям политическим высказывается особенный интерес"[22].

Особенности хозяйств и уклада жизни казаков оказывали непосредственное влияние на формирование их традиций. Например, на востоке России в частности, у забайкальцев, сложилась своя особая традиция подготовки и проведения сева зерновых, хлеба. Обычно для сева выбирали "зачинный" день. Его нельзя было назначать в понедельник или в тот день недели, на который приходилось Благовещенье. Когда наступал намеченный день, вставали задолго до восхода солнца: казачки топили баню, казаки готовили телеги, укладывали семена, бороны, разный припас, а когда поспевала баня — все парились, надевали чистые рубахи (в грязном начинать сев грех), зажигали перед иконами свечи и молились. Затем, позавтракав, ехали на пашню.

Начинал сев обычно старший в семье: дед, отец или старший брат. Сеятель нес мешок с зерном, перекрестившись и сказавши: "Ну, в добрый час", — брал из мешка горстью семена и начинал рассеивать их, приговаривая за каждым взмахом: "На нищего, на прохожего, на убогого, богу свечку, на семена, на еду, на вино, на обновы, на добрых людей!"

Если были дочки на выданье, или сын, брат, которого надо было женить, говорили: "Мишке на свадьбу", если готовили казака к службе, то: "Ивану на седло, на обмундировку".

Традиции совместного сельскохозяйственного труда на общинно-войсковой земле способствовали закреплению в психологии казаков представления об общности казачьих интересов. В целом же анализ хозяйственного развития, уклад жизни, обычаев и традиций казачества Азиатской России показывает, что несмотря на усиливавшиеся социальные различия, оно и к началу XX в. оставалось все же единым военно-служилым сословием с такими характерными чертами, как коллективизм, взаимопомощь, патриотизм, чувство собственного достоинства.

Думается, что в целом к казачеству востока России можно отнести оценку, данную В.Н.Витевским казакам-нагайбакам в 1882 г.: "В нравственном отношении нагайбаки представляют отрадное явление: семейные узы у них прочны; деспотизма в семье незаметно. Как казаки, нагайбаки отличаются решительностью и необыкновенной выносливостью: между ними вы нередко встретите престарелых, но еще здоровых, сильных и храбрых служак.

Вообще это народ способный, деятельный, трудолюбивый и гостеприимный"[23].

* * *

Исследование социально-экономического развития казачьих районов востока России на рубеже XIX—XX вв. свидетельствует об углублении противоречий в хозяйственной жизни казачества. С одной стороны, очевидно поступательное развитие производительных сил, усиление предпринимательского характера казачьих хозяйств, все большее применение наемного труда, рост хозяйственной дифференциации в казачьей среде под влиянием развития капитализма.

С другой стороны, также очевидно тормозящее влияние на экономическое развитие казачьих областей во многом архаичной системы землепользования, бюрократического регулирования сельскохозяйственного труда войсковыми учреждениями, тем более, что их распоряжения далеко не всегда были достаточно обоснованы и грамотны. Усугубляло ситуацию и пренебрежительное отношение казаков к экономическим интересам "иногородних", проживающих на войсковой территории. Все это во многом предопределило кровавую трагедию казачества в годы революции и гражданской войны.

ГЛАВА 5

КУЛЬТУРА КАЗАКОВ

1. Материальная культура и обычаи

Перемены, происходившие во второй половине XIX — начале XX вв. в хозяйстве казаков, их социальном облике, функциях, в военно-политической и демографической ситуации в казачьих районах, не могли не сказаться на материальной культуре, семейном и общественном быте служилого сословия. Усиливается внимание войсковой администрации к внешнему виду казачьих селений и домов. Так, оренбургское начальство проявляло заботу об обеспечении казаков строительными материалами. Признавалось "полезным" разведение лесов "в безлесных местах". Станичные общества обязывались выделять желающим участки под посадку деревьев. В лесных станичных дачах полагалось выделять "заповедные леса", они предназначались для удовлетворения нужд тех, кто "потерпел разорение от пожара"[1]. Сам оренбургский военный губернатор занимался инспекцией жилищных условий казаков, "осмотром чистоты" в их домах[2]. Впрочем, по замечанию Ф.М.Старикова, и жилые и хозяйственные строения у оренбуржцев содержались "довольно опрятно", и у зажиточных, и у бедных было "видно стремление к чистоте и порядку"[3].

В конце XIX в. в станицах Оренбургского казачьего войска распространяется каменное строительство. Ф.М.Стариков писал, что "казаки поняли преимущество каменных построек и теперь можно встретить в станицах надворные постройки из плитняка и сырого кирпича, например, в станице Магнитной"[4]. Зажиточные стали строить дома в три и более комнаты, на каменных фундаментах.

Следует, однако, отметить, что большая часть оренбургских казаков возводили свои жилища из дерева. Это были в основном рубленые домапятистенники, крестовые и реже — избы. Поселковые и станичные правления отводили казакам земельные участки для строительства, выделяли лес, контролировали выполнение правил застройки, разработанных весьма детально, нередко вплоть до мелочей. Правила, в частности, предусматривали: "...2) Бани строить, не связывая с другим строением, далее на огородах или за дворами в пристойных местах. 3) В поземных хоромах печи класть со земли, а не с полу, и к стене не прикладывать, а класть отступя от стены, чтоб около было порожжее место. 4) Буде кто похочет топить из сеней... велеть тому вырубить больше и закладывать кирпичом, чтоб опасности от

огня не было". В станицах 2-го отдела, по распоряжению начальства, почти при каждом доме были устроены палисадники, в которых "красовались" "простые деревья и ягодные кусты"[5].

Вообще дома и селения 2-го Верхнеуральского отдела, где в достатке имелось строевых лесов, выгодно отличались от поселений и построек на территории 1-го отдела, расположенной в степи, где леса не хватало и он был дорог. Сосновое бревно в три сажени длиной и в восемь вершков толщиной стоило 9 руб. и дороже (1857 г.)[6]. Избы в степных станицах строились хотя и деревянные, но очень небольшие, низкие. "Здесь сильно углубляют землю и над ямой строят избу, — свидетельствовал В.А.Круковский. — Чем изба ниже, тем она теплее, потому что сильный степной ветер не так обдувает ее"[7].

Уральские казаки жилые дома продолжали возводить из "воздушного кирпича" — сырца. Были также избы с плетневыми, обмазанными глиной стенами. Чистота в помещениях, однако, соблюдалась строго. Обустраивалась столица Уральского казачьего войска. На центральной Большой улице г. Уральска возвышались большей частью каменные дома. Остальные строения были деревянные и из сырцового кирпича, в один этаж. Пол, мебель и стены мылись ежедневно; строго следило начальство и за чистотой казачьих дворов[8].

Командование Сибирского войска много внимания уделяло стандартизации домов и усадеб по планам, рассылавшимся на места. Г.Н.Потанин и Ф.Н.Усов указывали на однотипность казачьих строений: дом состоял из избы и горницы, разделенных сенями, которые имели четыре двери: две — в комнаты, по одной — на улицу и во двор. Кроме обычного связного дома, постепенно распространялись усложненные его виды: крестовая связь и связь с пристроенными дополнительно вдоль широкой стороны здания холодными сенями. Зажиточные семьи обзаводились крестовыми домами, в которых были кухня и три чистых комнаты. Ф.Н.Усов сообщал, что в Бухтарминской долине в таких крестовиках обычно использовались лишь кухня и одна комната, две другие предназначались для гостей: зимой они не отапливались.

Дома были по преимуществу деревянными, возводили их из сосны, лиственницы, березы. В некоторых селениях, например, в бухтарминских поселках Зайсанском и Кендерлык, из-за скудости лесов строили избы из сырцового кирпича. Крыши строений крыли соломой, дерном, берестой, тесом[9]. Г.Е.Катанаев привел сведения о "среднезажиточном" казачьем домохозяйстве в пос. Белокаменском Семипалатинской области. Все постройки были из "хорошего соснового леса". Они включали дом в четыре комнаты и флигель при доме в две комнаты, отдельно избу-кухню в одну комнату. Рядом располагались хозяйственные строения: завозня, амбар и амбарушка с ледником под одной крышей, пригон для скота из сосновых жердей, баня. Вся усадьба окружалась оградой из сосновых жердей. Кроме того, вдали от поселка, на пашне, семья имела пятистенную избу, амбар, двор для скота, баню, гумно и "снежник" из сосновых жердей.

Такие "среднезажиточные" семьи, по подсчетам Катанаева, в пос. Белокаменском составляли примерно 22% общего их количества. Были в поселке и более богатые семьи (11%). Около 50% белокаменских семейств жили скромнее, но все-таки "ладно", хлеба у них в урожай хватало на круг-

лый год. 17% семей считались бедняцкими — это были в большинстве "кабачные завсегдатаи и рыбаки"[10].

Горницы казаки стали оклеивать обоями ("шпалерами"). Бедняки оклеивали шпалерами только передний угол в горнице. С конца XIX в. под влиянием переселенцев из южных губерний Европейской России и с Украины стены домов стали обмазывать глиной и белить. В домах зажиточных казаков появилась штукатурка. Росписи жилища казаки Сибирского войска, как правило, не делали. С конца XIX в. бревенчатые потолки в домах начинают заменяться тесовыми. К началу следующего столетия в казачьих поселениях Солтонского и Алтайского районов, например, бревенчатые потолки составляли уже только 50%. Со стороны крыши потолок замазывали смесью глины с мякиной, затем на 1,5—2 см засыпали сухим листом и на 10 см землей[11].

Далеко не все казаки имели собственные дома, особенно в городах. Так, когда Г.Н.Потанин начал свою службу в Омске, в контрольном отделении войскового правления, ему пришлось снять комнату. Друзья, казачьи офицеры, с которыми Потанин вместе учился в кадетском корпусе, устроили его в казачьем форштадте, у казака Бердникова. "Его низенький одноэтажный домик состоял из двух половин, — вспоминал Потанин. — В одной помещалась кухня, по-местному "изба", с русской печью; тут жил сам Фирсыч со своей женой Филиппьевной и маленькой дочкой Оней; другая половина называлась "горницей". В ней городская обстановка была представлена двумя, тремя стульями, и только; остальная мебель была заменена хозяйскими сундуками, наполненными домашним скарбом и прикрытыми тюменскими "полозами" (коврами без ворсы). Кровать и стол дополняли обстановку"[12]. Очень остро стоял жилищный вопрос у казаков Якутского края. Большинство служилых здесь не имели собственных домов, снимая "обывательские квартиры" (до 1878 г. казакам выплачивалось ежегодное квартирное довольствие). В 1848 г., например, среди Якутской команды было всего 46 домовладельцев (21,4% личного состава). К 1871 г. число домовладельцев выросло до 55. Кроме того, 44 дома находились в собственности отставных казаков. В конце первого десятилетия XX в. у казаков Якутской команды насчитывалось уже около 140 домов. Кроме того, для жилья использовались якутские юрты (сооружения в виде усеченной пирамиды из вертикально поставленных плах). По данным 1907—1908 гг., у Якутской команды насчитывалось 44 юрты. Казаки других команд Якутского полка также жили как в домах русского типа, так и в юртах. У Вилюйской команды, например, было 35 юрт (они составляли 59,6% всех жилых построек), у Верхоянской — 11 (45,8%). В целом по полку в конце первого десятилетия XX в. обеспеченность домами составляла 47,3%, юртами — 28,9%. Рядом с жилыми помещениями располагались различные хозяйственные строения: амбары, хлева, бани и пр. Так, урядник Ф.Бубякин, проживавший в Среднеколымске (1850 г.), имел два дома (один — старый, с семью окнами, четыре из которых выходили во двор, а три — на улицу; другой — новый, из семи комнат, с девятью окнами), амбар, хлев для скота, баню, кузницу; на дворе стояли также палатка и ламутский чум[13].

Более развитой выглядела сеть хозяйственных построек у забайкальских казаков, активно занимавшихся скотоводством. Эти постройки размещались либо по замкнутому четырехугольнику двора, либо вытягивались в одну линию позади жилого дома. Чаще двор разделялся на две или три части.

Ближе к дому, в так называемом переднем дворе, находились амбары, погреб и погребица, завозня (где хранились сани, телеги, лодки, другие средства передвижения, а также сельскохозяйственный инвентарь). "Второй двор" (скотный) имел стойла для лошадей, хлева и телятники для рогатого скота, теплые помещения для овец, стайки для свиней. Здесь же, если не было "третьего двора", стояли сараи для сена, баня, иногда и кузница. Постройки для скота делали с плоскими крышами, крытыми драньем, соломой, дерном. Амбары всегда строили срубные, нередко двухэтажные: первый этаж занимали закрома, сусеки для зерна; второй предназначался для хранения вяленого мяса и других продуктов. В начале XX в. стали делать у амбаров углы "с затеской" — граненые. Дворы обносили заплотом — плотным, высоким забором из бревен, плах или досок. За двором размещалось гумно, а дальше шли огороды. Разнообразные хозяйственные постройки возводились также на заимках: пригоны и навесы для скота, утепленные ягнятники, срубные стайки, сенники, сараи для инвентаря, мельницы и пр.[14]

Заметные перемены наблюдались в жилищном строительстве забайкальских казаков. Во второй половине XIX в., наряду с широко бытовавшим домом с теплым коридором (связью) появляется пятистенный дом, который состоял из двух жилых помещений — избы и горницы, разделенных капитальной стеной. Вход в горницу был через избу или, реже, прямо из сеней. Сени и крыльцо чаще располагались сзади дома, иногда — сбоку. В начале XX в. срубные пятистенки стали преобладающим типом казачьих жилых построек в Забайкалье. Распространяется в это время и так называемый круглый дом — четырехстенная, нередко квадратная рубленая изба с прирубленными бревенчатыми сенями. Богатые казаки, занимавшиеся оптовой торговлей хлебом и скотом, заводят одноэтажные и двухэтажные дома с большим количеством жилых помещений и кладовых: "избы-связи с подклетом", восьмистенки, дома более сложной планировки ("дома по-городскому). Каждый хозяин старался поставить дом повыше от земли, чтобы зимой в нем было тепло. Более состоятельные сооружали свои дома на каменном или кирпичном фундаменте, а сверху — до пола клали еще четыре-пять венцов выдержанного дерева, обычно лиственницы. Под полом делали глубокое подполье, где хранились овощи, масло, молоко, сметана и пр., иногда свободная от пользования посуда.

Крыши стали предпочитать четырехскатные; крыли скаты обычно дранью из лиственницы, реже — пиленым тесом. В конце XIX в. в Забайкалье появляется железное покрытие скатов. В богатом казачьем с. Улятуй дом станичного правления был даже весь одет в железо в целях предохранения от пожара[15].

Если раньше у забайкальских казаков преобладали дома с небольшим числом окон, то с середины XIX в. ситуация меняется: даже в небольших избах делали два-три окна с одной стороны и одно-два с другой. Слюда выходит из употребления — она стала дороже стекла. В начале XX в. появляются двустворчатые рамы, позволявшие открывать окна.

Обычно избы у казаков состояли из одной большой комнаты с сенями. В заднем углу — русская печь, недалеко от нее железная печка для дополнительного обогрева. В переднем углу — божницы с иконами и лампадкой. Тут же свечи, бумажные цветы. Под иконами — чисто вымытый, выскобленный добела стол. Вдоль стен — широкие лавки, на которых можно было спать. Часть избы с печью называлась кутью. В кути напротив печи возле

окна — тоже стол, на нем приготавливалась еда. Над столом — шкафчик с посудой: тарелками, чашками, стаканами. Это — посуда для красоты и на праздники. Обычно же ели из глиняных мисок. Возле стола — вдоль стены — широкая лавка, на нее ставили выпеченный хлеб, чтобы остыл, квашню с тестом.

Справа от входной двери всегда вбивали в стену зуб от бороны, на котором висела шашка. Выше к потолку поперек угла пристраивали толстую березовую палку, на нее закидывали верхнюю одежду.

Стены белили известью, украшали фотографиями, чаще всего снимками казаков. Перед иконой, которая стояла на божнице, горела лампадка. Столы, лавки были не крашены, их часто скоблили, мыли добела. Полы тоже не красили. Богатые казаки нередко свои дома обшивали тесом. К Пасхе полагалось мыть стены и потолки внутри домов (если они не были побелены), а к Троице мыли и наружные стены. В богатые казачьи дома перед большими праздниками мыть стены, пол и потолок нанимали сразу по три-четыре мытницы — девушек из бедных семей. Чтобы пол дольше сохранялся чистым, его посыпали каленым песком, причем "для красоты" песок прокаливали до буровато-красного цвета[16].

В приграничных землях Приамурья и Приморья, местах размещения Амурского и Уссурийского казачьих войск, в бытовом укладе казачества имелись свои особенности. Значительную часть его составляли недавние переселенцы — из Забайкалья, с Дона, из Оренбуржья, которые принесли на Дальний Восток свои традиции материальной культуры. Вместе с тем формирование внешнего вида казачьих поселков и их жилища осуществлялось здесь под сильным влиянием военного ведомства. Оно определяло места размещения поселков, численность их населения, занималось сооружением отличавшихся однотипностью домов и хозяйственных строений (для чего использовались, в частности, солдаты регулярных войск). Казаки расселялись по пограничной линии станицами и хуторами на расстоянии 25-40 верст один поселок от другого. Иногда, правда, они отказывались селиться на отведенных администрацией местах, в приготовленные для них дома. Случалось, что целые станицы вскоре после обоснования на отведенных территориях самовольно меняли место проживания. Меняли по своему желанию местожительства и отдельные семьи. Начальство вынуждено было констатировать, что казаки "перекочевки с места на место... производят... без всякого на то разрешения", самостоятельно уже возводя на новом месте жилые строения. Кстати, далеко не всех переселенцев на Амуре и Уссури с самого начала ожидали готовые казенные дома — власти лишь обязывались помочь им с лесом. Поэтому при всем стремлении военного командования к унифицированности казачьей архитектуры, в ней сильны были и индивидуальные черты, в том числе отражающие генетическую связь казаков-переселенцев с их родиной. Как и повсюду, на характер жилища оказывала влияние социальная дифференциация казачьих семей: зажиточные нередко имели по два-три добротных дома, у бедноты избы были в одну комнату. Вообще в северных округах преобладали рубленые деревянные дома, в южных — мазанки, побеленные известью. Вблизи городов казачьи жилища испытывали более сильное влияние городской архитектуры[17].

Происходили изменения и в одежде казачества. С середины XIX в. повседневной, бытовой одеждой становится казачья униформа, которая, в свою очередь, менялась: казаки стали носить длинные куртки на крючках. В

Уральском войске куртки были темно-синие, в Оренбургском, Сибирском, Забайкальском, Амурском, Уссурийском и Семиреченском темно-зеленые. Прибор в Сибирском войске был красный, в Забайкальском, Амурском и Уссурийском — желтый, в Оренбургском — голубой, в Уральском и Семиреченском — малиновый. Зимой казаки носили шинели кавалерийского образца и папахи. У оренбуржцев и семиреченцев папахи были трапецевидные из каракуля или смушки; летом их заменяли фуражки с околышем приборного цвета. Уральцы, забайкальцы, амурцы и уссурийцы носили папахи прямоугольной формы из бараньего меха с длинным ворсом, причем не только в холодное время года, но и летом. В 1909 г. в казачьих войсках ввели общеармейское походное обмундирование: гимнастерки и кители защитного цвета и синие шаровары с лампасами по цвету войск. Первая мировая война внесла новые коррективы в казачью форменную одежду. Казакам было разрешено носить гимнастерки пехотного образца и шаровары без цветных лампасов[18].

По свидетельству Д.К.Зеленина, в начале XX в. у оренбургских казаков даже сыновья с раннего детства носили форменную казацкую фуражку с синим околышем, иногда и с кокардой. Рубашки все казаки большей частью имели синие, под цвет формы. Они подпоясывались, причем у молодых казаков пояса были широкие, вышитые или строченые. Многие заправляли рубашку в шаровары (Зеленин называл это "малорусской привычкой"). Носили пиджаки, поддевки (пальто городского типа), полушубки, тулупы. Кое-где в праздники казаки наряжались в бухарские халаты. Обувью служили сапоги, валенки-катанцы[19]. "В некоторых станицах 2-го отдела, например в Березинской, — свидетельствовал Ф.М.Стариков, — в рабочую пору казаки носили лапти, а в станицах Верхнеуральской, Магнитной и Карагайской — башкирские сарыки — кожаные ичиги с галошами, которые считаются удобными для полевых работ"[20].

Женская одежда по-прежнему включала как различные элементы традиционного русского костюма, так и детали городского. Широкое распространение и в начале XX в. имели верхние рубахи, со становиной, шившиеся большей частью без талии, всегда, как утверждал Зеленин, "перетянутые" фартуком, который составлял здесь "почти непременную принадлежность женского костюма"[21]. По праздникам казачки наряжались в платья городского покроя, "с обтянутыми кофточками, буффами и другими особенностями мещанской моды"[22]. Верхней женской одеждой в холодное время года были драповые, шерстяные или бумажные пальто на вате, овчинные шубы, крытые сукном, дубленки. Вообще, по замечанию А.И.Кривощекова (1915 г.), оренбургские казачки одевались "довольно чисто, прилично и модно"[23]. Вытеснение традиционных форм костюма новыми его видами у казаков шло быстрее, чем у соседей-крестьян. Более прочные позиции "старина" сохраняла в быту казаков Уральского войска. Уральцы, например, и не только старообрядцы, продолжали носить бороды. Л.Л.Масянов писал: "В войну 14-го года были большие неприятности с этими бородами, когда приходилось напяливать противогазовую маску"[24]. Немногие офицеры отваживались брить бороды и оставлять усы. Местный поэт из казаков А.Б.Карпов писал по этому поводу:

Утро, солнышко сияет,
Сотня в поле выезжает,
Хоть всю сотню обскачи,

Всюду в ней бородачи.
Лишь я один их осрамил,
Свою бороду обрил[25].

Все заметнее сказывались новые веяния. В будничной мужской одежде обычными стали детали униформы. На багренье в начале XX в., по свидетельству того же Л.Л.Масянова, казаки являлись в папахах с малиновым верхом, черных суконных куртках, заправленных в белые шаровары. Казачки, присутствовавшие при этом в качестве зрительниц, кутались в крытые бархатом шубы на лисьем меху, дорогие шали. На балы жены офицеров и барышни-казачки предпочитали теперь приходить не в сарафанах, а в красивых цветных платьях с кисейными рукавами, шитыми золотом; на голове был золотой галун с жемчужной сеткой[26]. Вместе с тем рядовая казачья масса сохраняла в немалой степени приверженность традиционному костюму.

У казаков юга Западной Сибири и Казахстана влияние "городской моды" оказывалось более заметным. Г.Е.Катанаев в конце XIX в. констатировал, что у казаков пос. Белокаменского Семипалатинской области "самотканины" совсем не было; даже старые люди не ходили в домотканых рубахах, а только в ситцевых, причем чаще не белых, а цветных. Употреблялись, правда, шерстяные и "кошомные" чулки и пимы собственного изготовления. В других местах в изготовлении повседневной одежды использовались, как правило, домотканые материалы. Среднезажиточная семья в Сибирском войске, по данным Катанаева, имела около 160 предметов одежды. Мужской костюм включал элементы, заимствованные у "киргиз и азиатцев вообще". Распространены были по-прежнему халаты. Халаты прежнего приобретения, по замечанию Катанаева, обычно оказывались бухарскими, а более новые — чаще из русских материалов, уже своего шитья[27]. В начале 1860-х гг. даже на службу казаки нередко являлись в халатах. Например, В.В.Радлов в дневнике путешествия по Алтаю за 1862 г. (ехал из Барнаула до Семипалатинска и далее к г. Верному) писал, что по прибытию в селение Кексу к нему явился "казацкий унтер-офицер при полной парадной форме". "Такой одежды, — заметил путешественник, — я не видал еще на всем почтовом пути, так как казаки и на службе носят чаще всего киргизские халаты[28]. Халат щеголевато подпоясывался "обыкновенным русским поясом", так что сзади обрисовывалось множество складок. В праздничную одежду казаков Сибирского войска входили камзолы (бешметы) особого "киргизского" покроя из бумажной материи. Использовались "киргизского шитья" армяки, ергаки (род дохи) "из цельной конины, шерстью вверх", овчинные шубы и полушубки, кожаные и плисовые чембары (широкие штаны, которые носили и женщины) и пр.

На службу к концу XIX — началу XX в. являлись обычно уже в форменной одежде, которую носили и дома, чаще, правда, только по праздникам. Причем в станице ходили, как правило, в милистиновой форме, а собираясь в полк, шили суконную. Повседневно носили форменную фуражку, что выделяло казаков среди окрестного населения. В летнее время на фуражку надевали белый холщовый чехол, чтобы предохранить ее от выгорания. Получают в казачьей среде распространение рубашки на кокетке, суконные штаны, шитые "по-брючному", городского покроя сапоги и другая одежда и обувь новых фасонов. У женщин все более широкое признание получали

"парочки", платья, пальто, саки и полусаки (теплые стеганые полупальто и жакеты в талию), ботинки с резинками и шнуровкой[29].

У забайкальских казаков в рассматриваемый период также господствовала одежда из покупных тканей. Традиционный народный костюм и будничные рубашки из холста, имевшие верх дабовый, а подол холщовый, дольше удерживались в казачьих селениях, расположенных в удобных долинах и сравнительно поздно приписанных к казачеству. Некоторые забайкальцы и в конце XIX — начале XX в. носили зипуны, причем "сукманицу" на их изготовление брали "у хрестьян". Распространены были в забайкальских селениях женские рубахи с прямыми поликами или с пелеринкой и сарафаны с талией — лифом. Сарафаны по-прежнему шили прямыми, никогда их не косили. Широко бытовало среди казачек и женское платье из фабричной ткани: юбка с длинным подолом, со сборками, и кофта в талию ("парочка"). У мужчин-забайкальцев не было косовороток. Носили туникообразную рубаху с разрезом посередине груди или с пелеринкой; рубаха выпускалась поверх широких штанов и подпоясывалась ремнем, кушаком или тканым поясом. Казачьи шаровары были уже крестьянских, но с широким шагом. Праздничные шаровары забайкальцы шили из плиса.

В обыденной одежде использовались и отдельные части форменной, особенно головные уборы: фуражки, папахи. Папаха под влиянием казаков распространилась и у забайкальских крестьян. Из верхней одежды носили шубы, полушубки, тулупы и т.п., которые подпоясывали кушаком или куском далембы в 5-6 метров длиною, обматываясь несколько раз и затыкая концы. Выделкой кожи, которая шла на обувь, верхнюю одежду, упряжь, переметные казачьи сумки, занимались почти в каждом казачьем хозяйстве. Некоторые выделывали шкуры и шили из них одежду на продажу. Например, П.И.Трухина из с.Ульхун, 76 лет, рассказывала в 1961 г. участникам академической этнографической экспедиции: "Муж служил казаком, а я с малыми детьми в хозяйстве, надо было их кормить. Приходилось конские кожи выделывать на юфть, тулупы и шубы для людей шить из бараньих шкур"[30].

У казаков-дальневосточников обычной одеждой в быту были ситцевые рубахи и хлопчатобумажные штаны, а у женщин — ситцевые кофты и хлопчатобумажные юбки. Широкое применение у казаков Восточной Сибири находили изделия из шкур пушных животных. В описях имущества якутских казаков, например, наряду с жилетами, шубами овчинными, суконными плащами и пр., упоминаются салопы на песцовом меху, шубы на лисьем подкладе, шубы заячьи, шапки из лисьих лап. Привычной теплой одеждой у казаков северных районов Сибири оставались заимствованные у аборигенных жителей малицы, парки, гуси, камлеи, кухлянки. От сурового климата защищали также меховые чулки из оленьих шкур, сапоги из оленьих "камосов", оленьи же кысы, разнообразные меховые шапки[31].

Сближению культур содействовали смешанные браки, по-прежнему нередкие на Севере. Объяснение последнему надо прежде всего искать в сохранявшейся в отдельных районах диспропорции в численности русских мужчин и женщин. Так, в 1888 г. в казачьей среде на территории Якутии соотношение мужчин и женщин в производительном возрасте было следующим: мужчины составляли 60,8%, женщины — 39,2% (на одного мужчину приходилось 0,64 женщины). В середине XIX в. семейные казаки в Якутии составляли 57,6%, в 1891 г. — 50,4%, в 1908 г. — 76,8%. Преобла-

дающей формой казачьей семьи здесь оказывалась малая семья из двух-трех поколений. По данным переписи 1885 г., 34,2% всех якутских казачьих семей состояли из 3—4 человек, 30,2% — из 5—6 человек; семьи из 7 и более членов составляли 19,7% от общего количества, а из двух членов — 15,7%[32].

По численности казачья семья в целом и в других районах уступала крестьянской. К такому выводу пришла, в частности, А.А.Лебедева, исследовавшая структуру казачьих и крестьянских семей Забайкалья. По данным 1897 г., в станице Мангут, например, 8,8% всех казачьих семей имели в своем составе 1—2 чел.; 65% — 3—7; 22,4% — 8—11; 3,1% — 12—23 чел. В другой забайкальской станице — Верхне-Ульхунской — семьи из 1—2 чел. составляли 8% от общего количества, из 3—7 — 72%, из 8—11 - 20%. Семей большей численности здесь не было. Схожая картина наблюдалась в станице Ульхун Партия: семьи из 1—2 чел. составляли здесь 14%, из 3—7 — 69%, из 8—11 — 15,8%. В одной казачьей семье насчитывалось 12 чел. Некоторые забайкальские казачьи семьи резко выделялись из общей массы. Так, семья казака Власова в ст. Верхне-Ульхунской в 1900 г. состояла из 33 чел.: вместе с родителями жили пять женатых сыновей со своими женами и детьми. Вообще же преобладали в Забайкалье нуклеарные семьи из одного-двух поколений. В трех названных станицах в 1897 г. из общего числа семей 46 были однопоколенными, 274 — двухпоколенными, 119 — трехпоколенными, и 5 семей включали представителей четырех поколений[33].

Преимущественно малыми семьями жили и казаки Сибирского войска, хотя сохранялись, особенно на Алтае, и большие патриархальные семьи. Процесс семейных разделов, по наблюдению А.В.Сафьяновой, особенно усилился в начале XX в. В предреволюционные годы даже на Алтае, как сообщали А.В.Сафьяновой старики-информаторы, "проживание молодых супружеских пар совместно с родителями длилось не более 8—10 лет"[34]. На Урале, где среди казаков сильны были традиции старообрядчества, большие неразделенные семьи встречались чаще, чем в других местах. Причем в роли глав таких семейств могли выступать и женщины. "Еще теперь, — писал в 1929 г. о казаках Оренбуржья Н.Евсеев, — можно встретить бабку, которая является патриархом своей семьи, распоряжаясь пятидесятилетними сыновьями, тридцатилетними внуками и десятилетними правнуками"[35]. Обычная семья здесь включала 5—10 чел.

Жен выбирали главным образом в своем кругу. "Казаки почти не вступали в родство с крестьянами и вообще представителями более низких сословий. При заключении браков казаки брали жен лишь в казачьих станицах и поселках. Выйти замуж за "мужика" или женить на "мужичке" было неслыханным событием", — к такому выводу пришла А.В.Сафьянова, изучавшая семейный уклад русского населения Алтая во второй половине XIX — начале XX вв. При этом у алтайских казаков выбор супруга осуществлялся по взаимной склонности. Мнение родителей играло большую роль, но "силком не женили". В алтайском казачьем поселке Верх-Алейском, как показали полевые наблюдения, проводившиеся в 1960-1979 гг. московскими этнографами, более 80% браков в конце XIX — начале XX вв. заключались внутри селения. Те же, кто не находил себе "суженой" в родном поселке, ездили за невестами в другие казачьи селения, в основном расположенные ближе других, Петровское и Плоское[36].

У казаков по Горькой линии — одной из трех линий Сибирского казачьего войска — даже в начале XX в. браки заключались в основном по желанию родителей. Задумав женить сына, они приглашали "на совет" ближайших родственников и крестных жениха для обсуждения возможных кандидатур. Старались выбрать "ровню" по достатку, из "хорошего" дома (руководствуясь правилом: "каковы отцы, таковы и дети"). Ценились умение девушки вести хозяйство, ее физическое здоровье, спокойный характер. В казачьих станицах, основанных в XVIII в., невеста по традиции должна была уметь ездить верхом. Со своей стороны, родители девушки могли отказать сватам, присланным от жениха, если он их не устраивал. По сведениям, полученным от стариков-информаторов этнографами Омского университета (экспедиции 1982-1984 гг.), к одной девушке не сватались более двух раз (если при первой попытке получали отказ). "Гордые были, и девок много", — делились воспоминаниями жители с. Пресновка. Невеста обычно подчинялась решению родителей. "Отдадите — пойду, не отдадите — посижу, я из вашей воли не выйду", — заявляла она отцу и матери при появлении в доме сватов. Случались, правда, у горьковских казаков и браки по любви[37].

Тенденция к ограничению круга брачных связей своей средой прослеживалась и у казачества Урала. Видимо, это надо связывать с наплывом после реформ 60—80-х гг. на казачьи земли пришлого населения и желанием казаков сохранить "старину", самобытность. Л.Л.Масянов вспоминал, что в период, предшествовавший мировой войне, в Уральском войске казаки "женились только на казачках, за исключением редчайших случаев"[38]. Большую роль играла взаимная симпатия молодежи. У оренбургских казаков, как рассказывала Д.К.Зеленину казачка Екатерина Степанова (начало XX в.), вообще невесту всегда выбирал сам жених. При несогласии отца сын упрямился: "Не буду жениться совсем", и отец уступал[39]. Хотя, по утверждению Ф.М.Старикова, еще во второй половине XIX в. "браки на сердечных мотивах" среди казаков Оренбуржья были редкими, женились обычно по воле и выбору родителей[40]. Старались выбрать хорошую работницу, поопытнее и постарше; предпочитали невест из других станиц.

В Забайкалье, на Дальнем Востоке воля родителей при формировании новой семьи у казаков сохраняла большое значение, однако чаще здесь браки заключались по любви. Внешняя привлекательность девушки ставилась на одно из первых мест. "Я не видывал сподобной красоты. Красна девица, скажи, откуля ты? Роза, роза, роза алая моя...", — пели в амурских станицах. Бывало, что молодой казак, получив отказ от полюбившейся ему девушки, позорил ее — мазал ворота ее усадьбы дегтем и пр. При этом допускались браки с людьми из нерусской среды, принявшими православие. Межэтнические браки были нередкими и у казаков Якутии[41].

Традиционная свадебная обрядность сохранялась во всех казачьих районах, хотя к началу XX в. наблюдалось отмирание некоторых ее звеньев, определенное упрощение ритуала. Не только в разных местностях, но и в различных селениях имели место локальные особенности свадьбы. На Урале, на Дальнем Востоке широко бытовали свадьбы "убегом", причем в большинстве случаев совершавшиеся с согласия родителей жениха и невесты — такая свадьба всегда строилась по упрощенному сценарию и поэтому требовала меньших расходов[42]. У оренбургских казаков жениху обязательно заводили тулуп — меховую шубу, обычно крытую сукном. Тулуп покупали на

ярмарке или шили у портного. Из наиболее опытных и речистых родственников выбирали сватовщика и сватовщицу, которые отправлялись в дом невесты обязательно на лошадях — даже если этот дом находился по соседству. При согласии родителей девушки тут же обсуждался вопрос о "кладке" (или "запросе") — подарках жениха невесте и ее родне. В Троицком уезде, например, в 80-х гг. XIX в. кладка обычно включала от 40 до 100 руб. серебром денег, суконную на меху шубу, шерстяное платье, шелковую кофту, шаль, башмаки, мыло (все это шло невесте), сапоги деду невесты, платок ее бабушке, материю на рубахи ее братьям и сестрам, особые дары ее отцу и матери. Кроме того, жених обязывался поставить 3—4 ведра сивухи, ведро красного вина, полпуда меду, по 10 фунтов кишмишу и орехов. В начале XX в. в список запрашиваемого нередко включались модные ботинки с галошами, цветы для невесты и вуаль[43].

На Горькой линии выбирали сватов также чаще из родственников жениха, мужчин и женщин. В число сватов могли входить и соседи. Реже сватать отправлялись сами родители. Обычно в дом невесты заявлялось 3—5 сватов, празднично одетых. В некоторых селениях они брали с собой хлеб, завернутый в полотенце. Войдя в дом и поздоровавшись, сваты садились под матицу и заводили разговор. Использовались различные иносказательные формулы: "Мы не сидеть пришли, мы не стоять пришли, пришли с добрым словом, со сватаньем", "У вас товар, у нас купец", "У вас телочка, у нас бычок", "У вас есть бела лебедушка, у нас бел лебедь", "У нас есть голубь, у вас голубка", "У вас есть курочка, у нас петушок, нельзя ли согнать их в один клетушок", "Телочка у нас потерялась, не у вас ли она". В одних казачьих селениях использовались все эти формулы или несколько из них, в других — лишь одна определенная. В с.Вознесенка, где сваты являлись с хлебом, они говорили: "Мы вам булицу, а вы нам девицу". В с.Бишкуль хорошей приметой было застать девушку умывающейся: "У полотенца стали, значит наша будет".

В начале XX в. в один день со сватовством у казаков Горькой линии проводились рукобитье и запой (прежде они были самостоятельными обрядами и проводились с разрывом в несколько дней). Сваты, при согласии родителей невесты, отправлялись за женихом и его отцом с матерью. Начинались переговоры о времени проведения свадьбы, числе гостей, подарках и "калыме" — деньгах с жениха родителям невесты. Когда достигалось согласие, соединяли руки жениха и невесты (с.Преснореду ть, Усердное, Архангельское) или их родителей; в некоторых селениях рукобитья (так называлось совместное угощение родственников в доме невесты) как такового не было. Невеста угощала гостей чаем, демонстрировала свою хозяйственность[44].

У казаков Усть-Каменогорского уезда рукобитье (или "заручение") тоже происходило в один день со сватовством, но процедура его имела свои отличия. Здесь сватать отправлялись родители жениха, его крестные, родственники и он сам. Отец и мать девушки обычно сразу не давали согласия, объясняя, что дело это серьезное, надо посоветоваться и т.п. Сваты отъезжали, в доме невесты устраивался "тайный совет", в котором участвовали ближайшие родственники. Если совет выносил положительное решение и невеста выражала свое с ним согласие, далее все развивалось по разработанному сценарию. Вновь являлись сваты, спрашивали: "Что было говорено, на чем покончили?". Родители девушки отвечали: "Невеста желает, родст-

венники присоветовали, пожалуйте вечером на зарученье". Тут же договаривались о "подъеме" для невесты (в конце XIX в. он составлял 10—30 руб. деньгами) и дарах для ее родственников. Обычно жених дарил отцу девушки халат и сапоги, матери — ткань на платье, ее брату — сапоги, а сестре — шаль. Жених обязывался также поставить "на отлив" некоторое количество водки.

Вечером того же дня родители невесты приглашали к себе родственников, а затем посылали нарочного за женихом и его отцом и матерью. Те являлись на зарученье с ведром водки ("сверх отлива"), а жених при этом дарил невесте на одно—два платья ситца. Угощались, родственницы невесты и ее подруги (их приглашали на все свадебные "мероприятия" в ее доме) пели песни: "Любезная наша подруженька, Акулина свет Ивановна! Заручил то тебя батюшка за удалого доброго молодца — свет Степана Михайловича" и т.п. Родители же завершали обсуждение деловой стороны свадебной церемонии: ее продолжительность, место проведения, количество "столов". По достижении согласия у родителей невесты бралась расписка, "чтобы те не могли отказаться"[45].

У забайкальских казаков чаще в дом родителей невесты "со сватаньем" отправлялся будущий дружка — главный распорядитель на свадьбе. Если родители девушки отвечали согласием, сразу же "рядились" о времени рукобитья, сроках свадьбы. Рукобитье и здесь проходило в доме невесты, с участием ее родственников. Девушка получала подарки: ситец или цветную дабу на юбку, на сарафан или рубашку, платок на голову и две наволочки для подушек. Считалось, что после вручения подарков невеста и ее родители уже не могли отказаться от своего слова. Присутствовавший на рукобитье сват "бил" рука об руку с отцом и матерью невесты, или же они пожимали руки через платок. Между рукобитьем и свадьбой в Забайкалье мог проходить месяц, полгода, даже целый год. В это время готовилось приданое. По сложившейся традиции невеста должна была явиться в дом мужа с запасом повседневной и праздничной одежды на несколько лет. Кроме того, в приданое входили разные вещи бытового и хозяйственного назначения: посуда, одеяла, перины, подушки и пр. "Собрать приданое стоило не дешевле, чем казака в службу готовить", — вспоминали старожилы (полевые материалы этнографических экспедиций 1959—1961 гг.). Невеста готовила подарки жениху и его родственникам.

За день до свадьбы у невесты устраивался девишник. В некоторых забайкальских селениях в нем принимал участие и жених, в других — в доме жениха в это время проводилось свое гулянье. Невеста-сирота рано утром отправлялась с подругами на кладбище, чтобы испросить благословения покойных родителей. Затем в доме невесты собирались родственники, знакомые, крестная мать невесты, подруги, и начиналось расплетение косы девушки. При этом ей дарили подарки: деньги, отрезы материи, платки, разные продукты, иногда также кур, ягнят и прочую "животину". Потом подруги вели невесту в баню. Вечером хозяева и гости веселились. Если на девишник приезжал жених, невеста преподносила ему обычно в подарок кушак или чулки.

Усть-каменогорские казаки устраивали девишник (или девичник) не накануне дня венчания, а несколько раньше, в назначенный при "сговоре" день. До этого, от самого зарученья, в доме невесты регулярно собирались парни и девушки, устраивали игры, плясали, пели. Невеста же плакала "с

причетами". Содержание причетов всегда было одинаковым: девушка оплакивала девичество, прощалась с родными, с "трубчатой косой—девьей красотой" и пр. В день девичника у невесты топили баню. Приезжал жених; девушки-подруги невесты "с песнями" выпрашивали у него мыло, гребень и вино. Затем невеста с подругами и приглашенной свахой шли в баню, а жених возвращался в свой дом (если был из той же станицы) или на квартиру, где остановился. Отец невесты тем временем созывал родственников. Когда все собирались, хозяин посылал к жениху нарочного. "Гости готовы, пожалуйте!" — произносил посланец. Жених являлся в сопровождении дружки и всего "поезда" (куда, помимо дружки, входили тысяцкий, двое бояр, полудружье и сваха с повозником), захватив оговоренные на зарученье дары.

Подойдя к двери дома невесты дружка трижды произносил "Иисусову молитву". Хозяин в это время с другой стороны держался за дверную скобу. После троекратного произнесения дружкой молитвы отец девушки "отдавал" — произносил: "Аминь" Гости входили в дом, и дружка обращался к родителям невесты со словами: "Батюшка родимый, матушка родимая! Благословите нашего молодого князя со всем храбрым поездом, со мной, легким дружекой, зайти за столы дубовы, за скатерти браны, за есвы сахарные". Родители отвечали: "Бог благословит!" "Батюшка родимый и матушка родимая! —продолжал дружка. — Просит вас молодой князь молодую княгиню за один стол хлеба-соли кушать!" Сваха брала невесту за руку и усаживала ее за стол рядом с женихом.

Тем временем дружка вел свою "партию": "Батюшка родимый, матушка родимая! Прошу покорно указать, кто родом выше, сердцу ближе — зелена вина подать, гостей угостить, чтоб веселей говорить!". Хозяин молча наливал в стакан пива или вина и обносил угощением всех родственников начиная с самых ближних. Его примеру следовал дружка, причем первому он подносил угощение отцу невесты. После отца невесты и дружки вино гостям подносил жених, а невеста подавала закуску и чай.

Гости сидели за столом до тех пор, пока не подавался пирог-курник. Перед уходом жених и поезжане вручали подарки невесте, ее родителям, братьям и сестрам. Отец и мать девушки приглашались к жениху "на переходины", причем жених старался опередить их, чтобы встретить будущих тестя и тещу у дверей своего дома. Гости выпивали по рюмке вина и возвращались обратно. Невеста все время оставалась у себя. Остаток вечера она проводила в обществе молодежи: веселились, пели, плясали.

Накануне венчания, за день, поезжане являлись к жениху, чтобы вместе с ним сходить в баню. Баню топила мать жениха. Перед тем, как идти в баню, дружка обращался за благословением к хозяевам: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Батюшка родимый, матушка родимая! Благословите своего сына милого в парну баню обмыться, почиститься!. Родители отвечали: "Бог благословит!" По возвращении дружка благодарил отца и мать жениха "за баню парную", "за воду ключевую", "за веники шелковые". Затем поезжан угощали; готовили к следующему дню лошадей, сбрую, "экипаж"[47].

У казаков Горькой линии "девишником" назывался весь период от сватовства до свадьбы. Иногда он растягивался на месяц. Невеста с помощью подруг и замужних родственниц приводила в порядок приданое. Каждое утро подруги выводили невесту "на зорю" — причитать, сироту водили на

кладбище. Невеста должна была "выть", даже если выходила замуж по любви. "Не поплачешь за столом, наплачешься за столбом", — говорили казачки. Жених ежедневно, по вечерам, являлся с друзьями к невесте, приносил орехи, конфеты, семечки. Плясали под гармонь, пели песни, играли в различные игры с поцелуями. Девушки оставались ночевать в доме невесты, а в некоторых селениях здесь же ночевали и парни. Во время девишника подруги невесты посещали дом жениха — "занавески мерить": измеряли размеры окон и стола (чтобы занавески и скатерти, которые готовила невеста, оказались "впору"), снимали мерку с жениха (невеста шила ему в подарок рубаху). Здесь девушек угощали. Являлись в дом жениха и родители невесты — "дворы" (или "печки-лавочки") смотреть. Иногда действительно осматривали хозяйство, но чаще визит ограничивался обычным застольем.

В последний день перед венчанием у невесты устраивалась "баня". Топили баню ее подруги. Затем они отправлялись к жениху за мылом и веником. При этом в с.Усердное, например, девушки накидывали на плечи полотенца и скатерти из приданого невесты. В некоторых селениях девушки рядились, причем среди персонажей обязательно были "старик", "старуха", "жених" и "невеста". Мать жениха вручала девушкам два веника — "женихов" и "невестин". Считалось, что, "если жизни свои соединяют, то и веники нужно соединить". Перед баней невесте расплетали косу — по очерди: отец, мать, братья, сестры, подруги. Она же обращалась к ним с причитанием: "Приступись, родимый батюшка (матушка, братец и т.д.) к моей трубчатой косе, девичьей красоте". Подруги же пели: "Отходила ты, подруженька, все по улочкам-переулочкам...".

Девушки под руки вели невесту в баню, а она голосила: "Благословите, подруженьки, во путь-дороженьку, ко чужой матушке, ко чужому батюшке...". Вместе с невестой в бане мылись только "большая" и "подбольшая" подруги. Остальные оставались снаружи, за дверью, и пели песни весьма откровенного содержания. В некоторых селениях в баню приходила сваха, угощала девушек вином и плескала им на каменку, сыпала табак. Невесту парили с мятой, которая у славян была известна в качестве оберега. После бани девушки катались по селению на лошадях, которых присылал жених.

Бывала в этот день "баня" и у жениха, но без обрядовых действий. С женихом мылись его друзья.

Завершался предсвадебный период вечеркой в доме невесты. В начале XX в. это было обычное застолье, все обряды оказались утраченными. Даже единого особого названия по Горькой линии за этой встречей не сохранилось[48].

У казаков Оренбургского войска собственно свадьба проводилась через 2—3 недели после рукобитья. На рукобитье происходило обязательное соединение рук родственников жениха и невесты, иногда и их самих. Гостей в доме невесты угощали вином, чаем. Девушки-подруги пели величальные песни. Невеста подносила жениху рюмку водки, варежки и шарф ручной вязки, затем одаривала его родителей. Время от рукобитья до венчания проходило примерно так же, как и в селениях по Горькой линии. Невеста и ее подруги шили приданое: белье, платья, полотенца, скатерти, шторы на окна и пр. Из постельных принадлежностей в приданое обязательно входили перина, две-четыре подушки, два стеганых ватных одеяла (вместо ваты могла использоваться верблюжья шерсть). По вечерам приходили к девушкам

парни с гармонистом и с ними — жених. После "веселья" жениха, если он жил в той же станице, девушки провожали до дома. Вообще в это время не жених ухаживал за невестой, а невеста за женихом: подавала ему тулуп, помогала одеть его, подавала шарф, шапку.

Накануне дня венчания невесту водили в баню. Перед этим совершался обряд расплетания косы — во многом сходный с тем, что проводился у казаков Горькой линии. В некоторых селениях сестры невесты брали из ее косы ленту "на память". Две подруги вели невесту в баню; она оплакивала свою "косу", девушки напевали печальную песню. Зато обратно возвращались с веселой песней. Переодевшись, под песни ехали кататься на лошадях. На каждом углу и перекрестке кричали "ура". Голову девушки часто украшали красными лентами, прикалывая их к шали. В некоторых станицах в катании участвовали ряженые: "Две девушки наряжались кавалерами в красных рубахах и плисовых штанах, третья — женихом, четвертая — невестой с распущенной косой". Причем "кавалеры" гарцевали верхом на лошадях впереди саней, в которых находились остальные участники катания. Вечером того же дня в доме невесты устраивался "последний вечер", как называли здесь девичник. Приглашали только близких родственников или же всех потенциальных участников свадьбы [49].

В основных чертах так же развивались события в период от сговора до венчания и в других казачьих районах. В Забайкалье, например, обряд расчесывания косы невесты ее матерью, крестной, ближайшими родственниками совершался утром в день венчания. Голову девушки украшали венком из покупных бумажных цветов. С конца XIX в. входит в моду вуаль (фата) с венком из восковых цветов (флердоранж). Невесту одевали к венцу. Отец, родная и крестная матери благословляли ее с иконой и хлебом-солью. Когда в дом в сопровождении всего свадебного "поезда" являлся жених, невеста сидела за столом, в переднем углу; ее "охраняли" подруги-провожатки и брат или сестра. Подруги требовали с жениха выкуп за косу невесты и за место около нее. Уступали лишь тогда, когда получали достаточную, на их взгляд, сумму.

После угощения родители невесты благословляли дочь и будущего зятя иконой. В церковь отправлялись в санях (зимой), повозках или на верховых лошадях. Проводив свадебный "поезд", родители невесты отправляли в дом жениха приданое.

Из церкви новобрачные ехали в дом молодого мужа. При въезде их во двор приглашенные на "пир" гости стреляли из ружей. Считалось, что ружейный "гром" отпугивал нечистую силу. Перед крыльцом молодоженов осыпали отборной пшеницей — "чтобы будущая жизнь их была в полном достатке".

В доме мужа сваха заплетала новобрачной две косы и покрывала ей голову платком "по-бабьи". "Пир" продолжался весь день. Вечером свахи и тысяцкий отводили молодых супругов спать, а утром они же поднимали их. До обеда шло опять гулянье в доме новобрачного, а затем все ехали к родителям новобрачной "на блины". Блины разрезали на части, "молодуха" раздавала их присутствующим, они же дарили ей деньги. Из дома родителей жены молодые ехали пировать к ее родственникам. На следующий день в доме новобрачного устраивался "похмельный стол" с выпивкой и закуской, после которого отправлялись в гости к его родственникам. "Гульба" продолжалась несколько дней. В последний день вечером в доме молодого супруга,

когда оставались только близкие родственники, свадьбу "тушили": устраивали во дворе костер, вокруг него плясали, пели песни, частушки, затем тушили огонь и шли в дом угощаться[50].

У усть-каменогорских казаков свадьба включала больше элементов "старины". Утром, в день венчания, "поезжане" и родственники собирались к жениху "на проводины". Перед отъездом дружка обращался к хозяевам: "Батюшка родимый, матушка родимая! Умели своего чада милого поить и кормить, обувать, одевать, на работу посылать, умейте благословить в путь-дороженьку во матушку Божью церковь, под златой венец стать, закон Божий принять!" "Бог благословит!" — произносили родители жениха и по очереди благословляли его иконой и хлебом-солью, причем делали это через стол. В момент благословения полагалось палить из ружей в доме и во дворе. Родственницы жениха пели песни: "Выбирай-ко, мое дитятко, из ягод-то ягодку, из калин-то калининку, из малин-то малининку, что из древок-то древочку, из девок-то девочку..." и т.п.

Затем дружка выводил жениха и участников свадебного "поезда" во двор, где находилась толпа приглашенных и любопытных, и обращался за благословением к этой толпе: "Старые старички—белые бородушки, старые старушки, молодые молодцы и молодые молодушки, красные девицы—узорные мастерицы, горшечные пагубницы, материны досадницы, маленькие робятки — об...аны пятки... благословите нас во путь-дороженьку во матушку во Божью церковь...". Толпа хором отвечала: "Бог благословит". Снова слышалась ружейная пальба. "Поезд" двигался в путь: впереди дружка с подружьем, за ними бояре, потом жених с тысяцким и, наконец, сваха с поездником. У всех "поезжан" были повязаны шали — крест-накрест на груди. У дружки за опояской находилась плеть.

На дворе у дома невесты "поезд" встречала невестина сваха, которая угощала всех вином. Хозяин дома тем временем держался за скобу двери. Дружка троекратно произносил "Иисусову молитву", отец невесты говорил: "Аминь", на что следовали слова дружки: "Аминь спасет и помилует". Гости входили в дом. Невеста сидела за столом, рядом с ней — сваха (обычно крестная мать девушки), повозник (как правило, брат невесты) и девушки-подруги. Начинался "выкуп косы". Дружка вытаскивал плеть и обращался к повознику: "Ты зачем сюда пришел? Пошел прочь, иначе задеру!". Однако увидя, что угрозами делу не поможешь, подносил повознику стакан вина. Тот "ломался", отказывался пить. Тогда дружка давал за косу рубль. Повозник брал деньги, выпивал вино и выходил из-за стола. Невеста голосила: "Родимый братец! Позарился на золоту казну, продал мою русу косаньку...". Дружка тем временем обращался к девушкам-подругам: "А вам чего надобно? Чего ждете?" "Нам нужно за работу", — слышал он в ответ и сначала пытался "откупиться" вином, но затем вручал подругам невесты деньги. Девушки пили вино (из одного стакана), вставали и покидали невесту.

"Очистив место", дружка усаживал приехавших с ним за стол, жениха — рядом с невестой. Затем начиналось угощение привезенным вином отца и матери невесты (им дарили также подарки) и всех, кого они пригласили на торжество. При этом девушки пели песни — "в минорных тонах". После того, как заканчивалось угощение, дружка вопрошал: "Все ли гости довольны?". Отвечали: "довольны!". Дружка "творил Иисусову молитву" и просил родителей невесты благословить ее и жениха. Жених и

невеста вставали на особый войлочек или коврик перед столом. Хозяева заходили за стол и оттуда благословляли дочь и ее жениха иконой и хлебом-солью.

Затем дружка выводил "поезд" во двор. Когда все усаживались в сани или повозки, дружка с подружьем трижды обходили лошадей, читая "воскресную молитву" — против нечистой силы. Прежде, чем сесть на свое место, дружка обращался за благословением ко всем остающимся, включая "маленьких ребяток". Те произносили: "Бог благословит!". "Все ли бояре по местам, как ясны соколы по гнездам?" — задавал дружка последний вопрос. "Все", — раздавалось в ответ. Не забыв снабдить отца невесты бутылкой водки, дружка давал команду трогаться в путь. Отъезжали под пение девушек-подруг, которые провожали "поезд" до околицы. Здесь "поезд" на некоторое время задерживался, поскольку дружка с подружьем (вместе с девушками) возвращались в дом отца невесты "для доклада": "Дети кланяться приказали, остались живы и здоровы". Хозяин угощал вестников одной-двумя рюмками водки, они благодарили его и отправлялись к "поезду". Через каждые три-пять верст, по предложению дружки, "поезд" останавливался, чтобы "погреться" — выпить по стаканчику водки.

Ехали таким порядком: впереди дружка с полудружьем, за ними бояре, затем тысяцкий с женихом, невеста со свахой и повозником. Из церкви молодые ехали вместе, а тысяцкий — со свахой. Останавливались у околицы. Дружка с полудружьем торопились к отцу и матери новобрачного: "Слава Богу, дети живы и здоровы!". Хозяин угощал их вином, дружка возвращался к "поезду", и все направлялись в дом молодого. У крыльца родители благословляли "новобрачного князя с молодой княгиней". Наконец, заходили в дом и усаживались за уже накрытый стол. Начиналось угощение. Затем дружка произносил: "Батюшка родимый, матушка родимая! Благословите косу надвое раздвоить". Те выражали свое согласие, и свахи "окручивали" молодую: заплетали ей две косы и прикрепляли наколку (прежде повязывали голову косынкой). При этом "молодуху" закрывали от присутствующих шалью. По завершении "окручивания" молодым вручали зеркало со словами: "Посмотрите, стоите ли один другого!". Новобрачные смотрелись в зеркало, потом целовались под возгласы "поезжан": "Стоют, стоют!".

Во время "окручивания" повозник ехал в дом молодой "княгини" за постелью. Когда он с ней возвращался, свахи готовили "ложе" для новобрачных. "Поезжане" присутствовали при раздевании молодоженов, чтобы убедиться в чистоте белья. Поднимать молодых с постели ходил дружка: он должен был засвидетельствовать целомудрие девушки. Если обнаруживалось, что она до брака оставалась девственницей, гости встречали молодоженов радостными возгласами. Новобрачные угощали родителей и "поезжан" вином. После этого отец и мать "молодого князя" в сопровождении "поезжан", захватив с собой завернутую в платок брачную сорочку "молодухи" и не менее двух штофов водки, отправлялись благодарить родителей новобрачной. На дуги повязывали красные платки, ехали с песнями.

Наконец, в дом молодого супруга приглашались родственники и знакомые "на главный стол". Присутствовали здесь и родители с обеих сторон. Во время "стола" молодые обносили присутствующих вином, а те дарили им подарки. На другой день устраивался "похмельный стол"; обязательным блюдом на нем были пельмени. Затем поочередно проводились "столы" у дружки, тысяцкого, бояр, родственников новобрачного. Тесть, в свою оче-

редь, приглашал "молодого князя" с женой и родителями, а также родственников с обеих сторон к себе "на блины". После этого следовали приглашения от родичей "молодухи". В завершение молодые созывали гостей к себе "на расхожий стол". Отец новобрачного благодарил всех, в особенности свата, за то, что помогли устроить свадьбу "по закону"[51].

В казачьих станицах по Горькой линии в числе "поезжан" оказывались не только сваха, тысяцкий, бояре, дружка с подружьем, но и загонщики, кучер. Последний во время всей свадебной "церемонии" следил, чтобы ничего не подбросили в кошеву для "порчи" жениха и невесты. "Поезжане" имели цветок в петлице и красный бант на груди; кое-где их перевязывали полотенцем, а парни-загонщики одевали сарафаны. У дружки была красная лента на рукаве и полотенце через плечо. В некоторых селениях на шапку ему нашивали разноцветные ленты. В руке дружка держал кнут. И здесь дружка был главным распорядителем на свадьбе и с помощью молитв, заклинаний, магических действ предохранял молодых и "поезжан" от "порчи". Готовясь к отъезду за невестой, лошадям вплетали в хвост и гриву разноцветные ленточки, на дугу привязывали колокольчики, цветы, ленты. Для запряжки лошадей использовалась специальная свадебная сбруя, тканные вожжи, украшенная попона, повозка или сани застилались ковром. Казаки Горькой линии венчаться предпочитали в казачьей форме.

Невесту одевали перед отъездом в церковь в подвенечный наряд — платье или парочку (юбку с кофтой). Предпочтение отдавалось светлым тонам: белому, голубому, розовому, салатному. Обязательным элементом свадебного наряда в начале XX в. была фата и венок из восковых цветов. Для предохранения "от порчи" невесту опоясывали сетью, втыкали в подол иголки, насыпали в обувь мак.

В некоторых селениях свадебному "поезду" заграждали въезд веревкой или чем-либо другим; приходилось "выкупать ворота". В доме непременной процедурой был "выкуп" косы девушки у ее брата и места за столом. Родители невесты благословляли ее и жениха иконой, хлебом-солью, и они с "поездом" направлялись в церковь. В селах Пресновка и Казанка впереди жениха и невесты пускали курицу, "чтобы с пером весь сглаз улетел". Нельзя было переходить дорогу свадебному "поезду" и останавливать его.

Здесь, как и в Забайкалье, приданое отправлялось в дом жениха сразу по отправлении "поезда" к венчанию.

Во многих селах на пути из церкви к дому новобрачного свадебному "поезду" вновь заграждали дорогу, и дружке приходилось "откупаться" В доме жениха "поезд" встречали песнями, шутками, стрельбой из ружей. Родители благословляли молодых иконой и хлебом-солью на вывернутой мехом вверх шубе (чтобы жили богато), реже — на коврике. Лишь в отдельных селениях сохранилась традиция осыпать молодоженов зернами пшеницы или маком. "Окручивание" молодой иногда проводилось после первой брачной ночи. Одаривали новобрачных примерно тем же порядком, что и в Усть-Каменогорском уезде, но "главный пир", где подавались подарки, у казаков Горькой линии предшествовал первой брачной ночи. Для свадебного гулянья здесь был свойствен мотив состязания: спорили, чей конь лучше, устраивали скачки и пр.

Постель для молодых готовили в холодном помещении, иногда — в амбаре. Здесь также демонстрировалась рубашка "молодухи". Если девушка оказывалась "честная", всем приглашенным на "похмельный стол" повязы-

вали на руки красные ленты, красными же лентами украшались бутылки, которые выставлялись на стол. В с.Пресногорьковском ездили по улицам с красным флагом. Когда же узнавали, что "молодая княгиня" еще до замужества утратила девственность, ее родителям наливали водку в дырявую посуду, давали блин с дыркой, надевали хомут на шею, а на голову горшок и в таком виде водили по селению. Но в конце XIX — начале XX вв. казаки Горькой линии, как, впрочем, и других местностей, не придавали целомудрию невесты такого значения, как прежде; нередко жених с помощью дружки скрывал "нечестность" новобрачной (они, например, мазали ее рубашку кровью петуха или голубя). В отдельных селах молодых утром водили в баню.

К "похмельному столу" был приурочен обряд "метания сора": гости разбрасывали по полу солому и мусор и бросали в них деньги; "молодуха" подметала мусор, молодой супруг собирал деньги, и все старались им помешать. "Мести сор" могли и в последний день свадьбы.

После "похмельного стола" начинали обходить дворы дружки, родственников жениха, родственников невесты. В день обходили по три-четыре двора; кроме того у жениха каждый день устраивали "прихожий" и "расхожий" "столы". Гуляли неделю и больше, однако со временем число свадебных дней сокращалось. Особенностью свадебных гуляний у казаков Горькой линии было участие в них ряженых. Рядились "цыганами", "киргизцами", "медведями", "петухами" и пр. Женщины одевались в мужскую одежду. Ряженые с песнями и шутками ходили по дворам, мазали сажей всех встречных.

В один из дней гости собирались в доме невесты "к теще на блины". Молодуха вместе с матерью пекла блины, которые затем продавались гостям. Завершалась свадьба угощением у "молодого князя". Называлось это "замыванием свадьбы" (молодых супругов в одежде затаскивали в баню и обливали водой, потом мылись все желающие), "тушением свадьбы", "тушением овина" (во дворе разводили костер из соломы, и молодожены прыгали через него, причем их старались толкнуть в огонь, чтобы опалились). В селах Бишкуль, Архангельское, Новокаменка "сжигали свадьбу" — сжигалось, в частности, чучело свадьбы, наподобие сжигания чучела масленицы. Здесь прослеживается влияние на свадьбу календарной праздничной обрядности[52].

На Урале приданое в дом жениха отправлялось с "постельными свахами" и двумя "постельничими" утром в день венчания. По приезде "постельные свахи" производили уборку в комнате, отведенной молодым: навешивали на окна шторы, застилали столы новыми скатертями, украшали стены расшитыми полотенцами; на кровать клали перину, сверху — несколько одеял и пикейное покрывало, подушки в белых расшитых чехлах.

Невесту перед одеванием к венцу подруги умывали "с серебра": в тарелку с водой она клала свой нательный крестик и, сидя на стуле в одной нательной рубашке, протирала освященной водой глаза; затем она разрывала рубашку сверху до подола и сбрасывала ее, как бы порывая тем самым с прежней жизнью. Пока ее одевали, невеста старалась задеть подруг ботинком или чулком, что, по существующим представлениям, обещало задетой подруге скорое замужество. Под рубашку невеста прятала небольшой кусочек мыла (считалось, что мыло таким образом приобретет целебные свойства). В правый чулок клали серебряную монету (чтобы жила богато; эту

монету, как и "подвенечное мыло", женщина потом хранила до конца жизни), в левый башмак сыпали мак.

Далее события развивались примерно по тому же сценарию, что описан выше. В отдельных станицах при отправлении свадебного "поезда" из дома невесты в церковь, "нареченная парочка" проходила через двор, "усеянный зернами хлеба". В церкви жених и невеста становились на "подножник" — платок, который расстилали свахи. Существовала примета: "кто прежде из брачущихся ступит на подножник, у того — право верховодства в семье". Обряд "окручения" молодой в начале XX в. у оренбургских казаков совершался не всегда.

По возвращении из церкви в доме жениха устраивался "брачный ужин", на котором присутствовали только женатые люди. В конце вечера молодожены обходили гостей, угощая их вином, а те дарили им "на сыр": кто бычка, кто телку, кто овцу, кто просто деньги. Гуляние в доме жениха продолжалось и на следующий день. Причем в станице Звериноголовской, например, собравшиеся гости били горшки, старые глиняные чашки с криками "ура". Женщины разрывали на ленты фартук и кофту, бывшие на свекрови (почему она всегда одевалась в старье), этими лентами украшали себя и в таком виде, прихватив брачную рубашку "молодухи", ехали к ее родителям.

На третий день были "блины" у тещи. После этого "гуляли" по очереди в домах всех свадебных гостей. В заключение собирались опять у молодого — "вымести сор из избы". В горнице разбрасывали мусор, солому, труху, гости бросали мелкие монеты, а "молодуха" подметала пол и собирала деньги. Затем все выходили за ворота, собирали в кучу солому и поджигали ее — "сжигали свадьбу"[53].

Общей особенностью казачьей свадьбы, по сравнению, например, с крестьянской, являлась более активная роль на всех ее этапах женской части населения. Женщина в казачьей среде сохраняла более высокий общественный и семейный статус. Она вместе с мужем стояла во главе семьи, вела домашнее хозяйство. У забайкальских казаков именно женщина ведала семейной казной[54]. Да и в других местностях казачке приходилось в основном самостоятельно вести семейный бюджет, поскольку служба то и дело отрывала мужчин от домов и нередко на длительные сроки. На ответственности женщины лежало и воспитание детей. Рождение ребенка в казачьей семье всегда было радостным событием. Особенно радовались появлению сына — у оренбургских казаков жителей станицы оповещали об этом событии ружейным выстрелом. Не позднее, чем на вторые-третьи сутки после рождения устраивали крестины. Поздравить родителей являлись все родственники, которые обычно произносили при встрече: "С новорожденным сынком! Дай Бог вскормить, вспоить, на коня посадить". Если рождалась девочка, отцу и матери желали ее "вспоить-вскормить" и удачно выдать замуж. Крестный отец покупал новорожденному крестик и платил священнику за крещение, кума (крестная мать) дарила "ризки" — полтора-два метра ситца младенцу на рубашки. Крестили ребенка обычно в церкви, только некоторые богатые казаки приглашали для совершения обряда священника к себе в дом.

Во время застолья обязательно подавали кашу — рисовую или просяную, в которую гости клали монеты для бабки-повитухи. Хозяин угощал собравшихся вином, сладким пирогом и собирал с них деньги "на зубок"

малышу. По окончании угощения в доме родителей новорожденного крестный отец приглашал всех к себе, а затем посещали поочередно всех участников крестин — шла "круговая" гулянка[55].

Девочки с ранних лет начинали помогать матери в ее домашних хлопотах. Они приучались пасти гусей, встречать коров из табуна, заниматься домашней уборкой и пр. Девочкам приходилось также "водиться" с младшими сестрами и братьями. Сыновья у казаков уже с 6-7 лет работали борноволоками, гребли сено в страду, гоняли на водопой скот, давали корм коровам и лошадям, ухаживали за овцами. Большое внимание уделялось воспитанию у мальчика качеств, необходимых казаку: выносливости, сноровки, смелости. С двух-трехлетнего возраста отец приучал сына к коню. К 10-ти годам казачата становились лихими наездниками: стоя на спине лошади с гиканьем проносились через всю станицу. Падение с коня считалось позором — мальчика могли назвать "бабой", пристыдить: "Какой казаченок, если с лошади упал"[56]. В сыновьях старались также воспитать верность присяге, высокое сознание служебного долга. Старый казак Никита Иванов (пос.Тулатинский Чарышской станицы Бийского уезда) писал, например, сыну Ефиму, мобилизованному в 1914 г. на войну: "Не забывай мой отцовский завет: помни Бога и данную пред Богом клятву. Что ты клялся служить верой и правдой, выполняй в точности присягу. Моли только Бога, чтобы Бог дал тебе здоровья, но не заботься о нас. А заботься о данной клятве"[57].

Дети должны были не "прекословить" родителям, уважать их. Однако к началу XX в. под влиянием процессов социальной подвижности, личностной эмансипации, приобщения к городской "моде" в поведении молодежи и подростков усиливаются негативные проявления. Так, Д.К.Зеленин писал об оренбургских казаках: "Редко где, вероятно, матери так часто и так сильно ругают своих детей, как в Благословенске. Ругают без угомону, на чем только свет стоит, часто бьют, но толку мало. На глазах матери ребенок, правда, боится шагу ступить, за глазами же или просто на разстоянии, куда руки матери не достают, нисколько не слушает ее. Подростки от 14 до 17 лет часто удивляют меня своей испорченностью... Самые нецензурные ругательства у таких лиц на каждом слове, без всякого повода. Курить табак и пить водку начинают с ранних лет, сначала скрываясь от родителей. Угощаются в складчину". Добропорядочными дети оказывались лишь в тех семьях, в которых еще сохранялись "мужицкие традиции", т.е. патриархальные нравы, куда городская "культура" не успела проникнуть.

Упадок нравственности в Благословенске Д.К.Зеленин напрямую связывал с утратой веры в Бога. "Народ здешний, — продолжал он делиться впечатлениями, — вообще нельзя назвать религиозным". Местная церковь прозябала в крайней бедности. Постов многие казаки и члены их семей не соблюдали. Девушки-казачки развлекались игрой "свечки ставить", представляющей из себя пародию на богослужение[58].

Об ослаблении религиозности в Оренбургском войске к началу XX в. писали и другие авторы[59]. Явление это было общим для всей России, для разных слоев населения. Однако основная масса казачества восточных регионов продолжала верить в Бога. "Православное население войска, — утверждал Ф.М.Стариков, имея в виду оренбургских казаков, — считает своей священной обязанностью по воскресеньям и праздничным дням посещать храм Божий, свято соблюдает посты, поминает родителей, подает милостыню бедным"[60]. К 1915 г., по данным официальной статистики, 87% казаков

Оренбургского войска были приверженцами православной церкви; на 1131 населенное место приходилось 276 церквей и 175 часовен[61]. Многие церкви строились по инициативе и на средства казаков. Из казаков "рекрутировался" (прихожане выбирали, а епархиальный архиерей утверждал указом) отчасти местный штат священно- и церковнослужителей[62].

В Уральском казачьем войске, по данным 1885 г., приверженцев официальной православной церкви было 1085 чел., а единоверцев — 39379[63]. К 1912 г. ситуация изменилась мало. Однако, если учитывать не только войсковое население, но и всех остальных, успевших обосноваться на землях Уральского войска, позиции православия выглядели существенно укрепившимися: 185860 чел. из 200061 зарегистрировались как православные[64]. В Сибирском, Забайкальском, Семиреченском, Амурском, Уссурийском войсках служили почти исключительно православные. В 1912 г. на землях Сибирского войска проживало 200859 православных, Забайкальского — 224919, Семиреченского — 50303, Амурского — 45301, Уссурийского — 31907[65].

Следует отметить, что характерной чертой казачества востока России был его многонациональный состав. Кроме русских, в казачьем сословии состояло немало калмыков, башкир, татар, бурят, якутов, эвенков. Часть из них принадлежали к нехристианским конфессиям, но многие принимали православие, крестились. У этих групп казаков встречалось весьма причудливое переплетение элементов различных культур и верований.

Весьма характерны в этом отношении обычаи и нравы нагайбакских казаков, потомков крещенных во время Ивана Грозного арских татар, которых переселили на территорию Южного Урала. В обычаях и верованиях нагайбаков вплоть до начала XX в. сочетались элементы православия, язычества и мусульманства.

Нагайбаки, например, как и русские крестьяне и казаки, верили в домового. Но у русских домовой является покровителем семьи того дома, в котором живет, преимущественно — покровителем скота: он подкладывает любимым лошадям сена, когда у них нет корма; запутывает им иногда гриву, так, что хозяину бывает трудно распутать ее.

У нагайбаков же, как и вообще у крещенных татар, домовой, или "ой эйясе", по преимуществу считался хозяином дома и его семьи, на что указывает и само название его"ой эйясе", означающее буквально — домохозяин. Покровителем же домашнего скота у нагайбаков служил сарайник, или "абзар эйясе" — хозяин сарая (хлева, конюшни). Сарайник жил в сарае и заботился о своих любимых лошадях, подобно русскому домовому. Состояние человека во время сна, когда его как будто кто-то давит (кошмар), русские также приписывали домовому, а нагайбаки объясняли его влиянием особого духа — "Албасты". Нагайбаки представляли его существом очень больших размеров и неопределенной формы. Как видим, различные действия русского домового, по мнению нагайбаков, распределялись между тремя существами: Ой эйясе, Абзар эйясе и Албасты. Нагайбаки считали, что первые два существа: домовой и сарайник — добрые духи: они поддерживают здоровье людей и скота, содействуют увеличению богатства домохозяйств, если домохозяин мало почитает их, они сердятся и могут его наказать. Во избежание гнева домового и сарайника нагайбаки клали в щели строения кусок стали, которой, по мнению нагайбаков, сарайник и домовой

боятся, как нечистые духи — креста. В честь тех же духов нагайбаки варили кашу, обычно зимой.

Даже во второй половине XIX — начале XX вв. у нагайбаков сохранились особые жертвоприношения — овец и коров. Жертвенное животное, по обычаю мусульман, клали головой на юг. Во время же молитвы, подобно русским, нагайбаки обращали лица на восток и говорили: "Господи! не лиши нас своих милостей; и нам, и нашему скоту, дай здоровья, а хлебу и плодам — урожай. Все святые! Будьте снисходительны к нам".

Во всех казачьих районах при активном участии населения шло строительство новых церквей. Приходя на новое место, казаки начинали со строительства церкви или часовни. Так, в Амурском казачьем войске за вторую половину XIX — первое десятилетие XX вв. было возведено 75 церквей и часовен (на один храм приходилось 1687 прихожан). Расходы на строительство храмов и содержание духовенства целиком брали на себя казаки. Типичным станичным храмовым зданием был одноэтажный деревянный дом на кирпичном фундаменте с деревянной колокольней; крыши церквей чаще покрывали оцинкованным железом.

Приходской священник играл важную роль в жизни станичного общества. Бывали случаи, когда мнение станичного священника оказывалось решающим при выборах или смещении атамана[66].

Немало оставалось среди казаков и приверженцев раскола. Причем в восточных войсках старообрядчество заметного распространения не получило. Так, на землях Амурского войска в 1912 г. проживало всего 34 старообрядца и сектанта, Уссурийского — 78, Забайкальского — 198. На территории, которой владело Сибирское войско, в 1912 г. было зарегистрировано 8934 старообрядца и сектанта, в казачьих районах Урала число их было гораздо большим (26979 на землях Оренбургского войска и 71245 — на землях Уральского)[67]. В 1856 г. среди оренбургских казаков было зарегистрировано 5941 раскольников обоего пола, а в конце XIX в. — уже 18286.

Церковь занималась миссионерской деятельностью в среде казаков-старообрядцев, и ей удавалось добиваться некоторых успехов. Например, в 1903 г. миссионеру Ксенофонту Крючкову довелось склонить к вступлению в единоверие казаков братьев Масловых из станицы Косогорской Троицкого уезда, принадлежавших к числу руководителей местного раскола и отличавшихся своей "начитанностью". Примеру Масловых последовали другие староверы, и в 1906 г. в станице Косогорской появился единоверческий храм[68]. После выхода указа от 17 апреля 1905 г. "О свободе вероисповедания" деятельность миссионеров приобрела менее заметные масштабы.

В Уральском казачьем войске старообрядчество чувствовало себя особенно уверенно. В 1885 г. в составе войскового населения было 4684 раскольника (2082 мужского пола и 2602 — женского). На их долю приходилось 53,3% верующих[69]. Можно констатировать заметный рост количества старообрядцев-уральцев к 1912 г. Уральские раскольники поддерживали постоянные контакты со старообрядческой Москвой, посылали своих представителей на конференции. Ведущие позиции в уральской старообрядческой среде занимала "поповщина", приемлющая священство. Поэтому у уральских раскольников имелись церкви, священники. Церковные и общественные вопросы решались сообща духовными пастырями и мирянами. Действовали выборные советы общин, церковные попечители, старосты. Большую роль в духовной жизни уральских раскольников по-прежнему

играли женщины, в особенности начетчицы и мастерицы (расколоучительницы). Видной фигурой в Уральском войске был в начале XX в. старообрядческий епископ Арсений, высоко ценимый даже официальными церковными властями. Епископ Арсений являл собой пример благочестия. Он много сделал для проповеди братства, любви, смирения, призывал людей к духовному самоусовершенствованию. Смерть Арсения негативно сказалась на обстановке в уральской старообрядческой среде: началось противоборство групп, разлад[70].

Религиозность казачества отражалась во многих мелочах повседневной жизни, в праздничной обрядности. В станицах отмечались престольные праздники. Среди казаков почитались дни Георгия-победоносца — воплощение героизма и покровителя храбрых, архистратига Михаила — невидимого руководителя казаков на войне, Николая-чудотворца, издавна почитавшегося на Руси покровителя странствующих и путешествующих, святого Алексея — человека Божьего[71].

Под Рождество Христово и накануне Нового года в духе христианской традиции девушки гадали на свою судьбу, когда и за кого они выйдут замуж. Способов гадания оказывалось великое множество. Дети ходили по домам, славили родившегося Христа и получали подарки. От Рождества и до Сочельника (5 января) в станицах царило веселье. Молодежь собиралась на вечерки (у забайкальских они назывались "игранчиками"), на которых танцевали, пели, устраивали игры. Некоторые "маскировались" — рядились цыганами, татарами, казаками (надевали полную форму), животными и птицами, и в таком виде являлись на вечерку, ходили по домам. На лица надевали маски или просто разрисовывали их углем или сажей[72].

Весело праздновали масленицу. Делали "катушки" — горки из снега на берегу реки или озера. Сюда приходили все жители селения: дети и молодежь — покататься с горки, люди старшего возраста — посмотреть на катающихся. "Неудержимый хохот, раскрасневшиеся веселые лица, шум и треск быстро несущихся санок, гик парней и взвизгивание катящихся девиц", — передавал свои впечатления оренбуржец А.И.Кривощеков[73]. В оренбургских станицах устраивались также "круглые катушки": на реке или озере вмораживали в лед кол, на который надевали колесо от телеги с укрепленной на нем жердью. К длинному концу жерди прикрепляли санки, за короткий крутили. Здесь проводили время дети и подростки.

На масленицу катались также на лошадях. Не было забыто в казачьих районах и такое развлечение, как взятие снежного городка. А.И.Кривощеков рассказал, как это происходило в начале XX в. у оренбургских казаков. На церковной площади или на окраине станицы строился из снега круглый, суживающийся кверху столб наподобие стога сена. Стены на две трети высоты делали совершенно ровными и отвесными. На вершине столба укреплялся флаг. Вокруг столба возводили из снега же стены в два метра высотой. Рядом строился такой же городок меньших размеров — для казачат.

Перед началом игры все ее участники занимали свои места. Защитники вооружались ружьями и старыми пушками из бывшей крепостной артиллерии. На вершине столба находился "турецкий паша" в бухарском халате и чалме.

Штурмующая колонна из 30-40 казаков выстраивалась в боевом порядке. Главная задача сводилась к тому, чтобы добраться до вершины столба и отнять знамя у "паши". Трубач подавал сигналы к атаке и отступлению.

После двух-трех атак стену удавалось разрушить, открывался подступ к столбу. Чтобы подняться по отвесной стене, использовались два тонких колышка, которые всаживались в стену. Тот, кто успевал первым подняться на столб, считался победителем. В награду он получал сапоги, шашку или деньги (3-5 руб.). Вслед за тем казачата устраивали взятие своего городка. Мальчика-победителя награждали конфетами и пряниками[74].

Были на масленицу и другие развлечения: бег в мешках, борьба, скачки на лошадях, состязания в умении владеть шашкой и пикой, джигитовка. В последний день праздничной недели во многих селениях "провожали масленицу". "Масленица" в окружении ряженых (костюмы — из рваного тряпья, лица вымазаны в саже) находилась в санях; присутствовал здесь обязательно гармонист. В сани впрягали быков. С шутками, песнями, под звуки гармони, сопровождаемая толпой народа, "масленица" ездила по селению.

В этот же день "прощались" — просили друг у друга прощения за возможные обиды. У оренбуржцев сыновья и дочери ездили просить прощения у родителей. В станице Звериноголовской это происходило так: хозяева подавали чай. После угощения все рассаживались по лавкам, и дети, при полной тишине, подходили к отцу по очереди, падали ему в ноги со словами: "Прости меня, тятенька". "Бог простит, меня прости Христа ради", — отвечал тот и кланялся в пояс. Затем целовались. Просили прощения и у матери[75].

Перед Пасхой наводили чистоту в домах, столы покрывали красивыми скатертями; пекли куличи, красили яйца, готовили пасху. Пасхальными забавами было катание крашеных яиц, качание на качелях. Парни и девушки, собравшись вместе, пели песни, плясали.

К числу любимых праздников относилась и Троица. На Амуре на Троицу наряжали в девичье платье березку, украшали ее лентами, водили вокруг нее хороводы и пели. На следующий день березку раздевали и с песнями купали или топили в реке. У оренбургских казаков в 70-80-е гг. XIX в. девушки в семик (предшествующий Троице четверг) завивали венки, а на Троицу бросали эти венки в реку или озеро. В начале XX в. парни и девушки после обедни на Троицу шли в березовую рощу, где веселились под гармошку. Девушки плели венки, затем все вместе шли к реке и бросали их в воду. В некоторых местностях девушек сопровождали парни с заряженными пистолетами старинного образца; во время бросания венков они стреляли несколько раз в воздух. Если утонет венок, примечали девушки, то надо ждать смерти в этом году, если он поплывет по течению — будет бросившая венок здорова, двинется против течения — быть скорой свадьбе. Обряды, связанные с украшением березки, завиванием венков, бросанием их в воду, были зафиксированы в описании троицких празднеств и в других казачьих районах[76].

Отмечались и другие календарные даты. 9 марта — в день Сорока великомучеников — пекли в казачьих станицах "жаворонки" — печенье в виде небольших птичек. Казачата, забравшись на самый высокий стог сена с этими "жаворонками", кричали: "Жаворонки, прилетите, красно лето принесите...". Так призывали настоящих жаворонков, которые должны были принести с собой весну. На Дальнем Востоке осенью, по окончании полевых работ, устраивался девичий праздник — "девичий саламат". В пос.Сосновка Челябинского уезда молодежь водила хороводы в Петров день. Впрочем

парни и девушки собирались на "веселье" не только по праздникам, но и в будние дни. Устраивали вечерки (вечеринки), посиделки, водили хороводы, ходили просто гурьбой по улицам и пели под гармошку песни, частушки, играли в разные игры. Наблюдатели отмечали перемены в молодежном досуге. К таким переменам относилось как раз широкое распространение гармошки, увлечение частушками, которые у оренбургских казаков назывались "матанями", внедрение в молодежную среду новых танцев. А.И.Кривощеков отмечал, что в Оренбуржье с появлением гармошки стали забываться хороводы, и к 1915 г. они стали редкостью. Частушки настолько заполонили "музыкальное пространство", что даже старинные лирические песни стали переделываться на их мотив. "Среди молодежи частушка пользуется почетом, и теперь "настоящую песню" очень редко удается услышать, — писал один из наблюдателей о казаках Дальнего Востока. — Частушки быстро подвергаются изменению и большей частью в сторону любви и порнографии"[77]. В меньшей степени "новые веяния" сказались на быте казаков-старообрядцев. В целом же бытовая культура казачества восточных регионов развивалась в русле общерусской культуры, продолжая составлять ее органическую часть.

2. Грамотность. Казаки-литераторы и краеведы

о второй половине XIX в. наблюдается резкий рост грамотности во всех казачьих войсках страны. Реформы Александра II дали сильнейший толчок к расширению и последовательному углублению школьного строительства. Большое значение имела также активность в этой сфере местной войсковой администрации. При этом основное внимание уделялось начальной школе.

В Уральском войске важные перемены в состоянии школьного дела происходят уже в годы атаманства генерал-майора А.Д.Столыпина. До 1857 г. в войске действовало единственное учебное заведение — Уральское войсковое училище, открытое в 1812 г. (в 1821 г. здание его сгорело, и училище не возобновляло своей деятельности до 1837 г.), в котором обучались дети войсковых чиновников и простых казаков. Окончившие полный курс получали право на чин урядника. А.Д.Столыпин стал наказным атаманом Уральского войска в 1857 г. В этом году в Уральске открываются юнкерский специальный класс и девичий пансион (первая попытка устроить женское училище в Уральске имела место в 1836 г., но училище уже на следующий год закрылось "за неимением желающих обучаться в нем"); одновременно начинают функционировать три отделения войскового училища — в Гурьеве, Илеке и Сакмарском городке. Столыпин исходатайствовал для уральских казаков 12 вакансий в столичных и казанских гимназиях, университете и строительном училище. Большую работу новый атаман развернул и по открытию в казачьих селениях народных школ. В 1858 г. возникло 18 таких школ, в 1859 г. — 69. По официальным данным, к 1860 г. в Уральском войске имелось 91 учебное заведение — вместе с училищем и его отделениями. С 1859 г. начало свою деятельность Уральское духовное училище — с целью облегчения доступа к образованию детям местного духовенства. До 1863 г. оно содержалось исключительно на средства войскового капитала и только в 1863 г. получило утверждение Синода. В 1861 г. в войске насчитывалось 100 учебных заведений[1].

Однако открытые при А.Д.Столыпине народные школы быстро стали приходить в упадок — не было ни учителей, ни учеников. Казаки-старообрядцы не хотели отдавать в них своих детей. Генерал-лейтенанту Н.А.Веревкину, назначенному наказным атаманом войска в 1865 г. (он был четвертым наказным атаманом после А.Д.Столыпина, до него атаманствовали В.Д.Дандевиль, М.Н.Толстой и Д.И.Романовский), пришлось начинать школьное строительство едва ли не на чистом месте. Достаточно сказать, что в конце 1860-х гг. в казачьих селениях действовали только 33 школы, из них многие открылись при Н.А.Веревкине. Новый атаман поставил целью завести школы во всех населенных пунктах на войсковой территории. При этом выдвигалась задача привлечь на свою сторону казачьи массы — ценой разных уступок, предоставления льгот ученикам. Все расходы по устройству школ войсковая администрация брала на себя. В 1866 г. в специальном приказе атамана Н.А.Веревкина были изложены принципы, которыми полагалось руководствоваться школьным учителям: уроки должны быть занимательными, изложение материала простым и ясным, занятия не слишком продолжительными, домашние задания небольшими, необременительными. Усвоение уроков должно было происходить главным образом во время уроков. Решительно запрещались телесные наказания, разного рода взыскания, оскорбительные высказывания в адрес учеников. Своим поведением учитель должен был показывать детям пример.

Обязательными предметами в школах были чтение, Закон Божий, арифметика, русский язык, чистописание. Кроме того, по данным за 1885/86 учебный год, в трех школах дополнительно преподавалось пение, в одной — география и история, в двух — рисование, в двух — гимнастика. Уральское девичье училище в 1869 г. преобразовывается в училище 1-го разряда и по программе приближается к женским гимназиям. Училище было шестиклассным с обязательными дисциплинами — Закон Божий, русская словесность, арифметика, история, география, физика, химия, чистописание и рукоделие; дополнительными — французский язык, рисование, музыка, пение и танцы. В училище принимали дочерей не только казаков, но и всех желающих. Первых обучали бесплатно, а с тех, чьи родители принадлежали к невойсковому населению, брали плату, размер которой ежегодно определялся попечительским советом училища.

Открылись также женские школы в Генварцевском и Красном форпостах и Илецком городке. Программа их мало отличалась от программы казачьих школ; дополнительно в них обучали рукоделию[2].

Н.А.Веревкину удалось добиться открытия в 1870 г. в Уральске классической гимназии. Учреждалась на пожертвования именная стипендия Н.А.Веревкина для беднейшего воспитанника. Войсковая гимназия получила свой Устав, в котором говорилось, что целью этого учебного заведения являлась подготовка юношей к поступлению в университет и другие высшие учебные заведения. "Ближайшее наблюдение" за работой гимназии, как и войскового женского училища в г.Уральске, Устав возлагал на наказного атамана[3].

Н.А.Веревкин к числу важнейших задач относил формирование корпуса достойных учительских кадров. По его ходатайству в 1874 г. в Самарской учительской семинарии было учреждено 12 вакансий для Уральского казачьего войска. В уральских учебных заведениях трудилось немало талантливых, преданных своему делу педагогов. Еще А.Д.Столыпин постарался

предпринять усилия по привлечению таких педагогов, в том числе из выпускников Неплюевского кадетского корпуса. Войсковая администрация практиковала поездки местных учителей в Петербург и Москву для прохождения своеобразной "стажировки" в столичных учебных заведениях. Г.Н.Потанин вспоминал, как однажды в его квартиру на Васильевском острове в Петербурге явились его уральские "знакомцы" и друзья, преподававшие в Уральском войсковом училище. "Педагогический совет войскового училища, — пишет Потанин, — находил необходимым дать местным преподавателям наук возможность съездить в столицы, чтоб познакомиться с методами преподавания, воочию увидеть учебную обстановку образцовых столичных школ и купить по выгодным ценам классные принадлежности". Наказной атаман поддержал это решение, но не мог своей властью выдать на поездку деньги из войсковой казны. В Уральске нашли выход: нескольких преподавателей включили в состав делегации, сопровождающей "презент" (рыбу и икру) ко двору императора; "таким образом офицеры, преподававшие в войсковом училище географию и естественную историю, явились в Петербург, — продолжал свой рассказ Потанин, — и проезд их до столицы не потребовал из войсковой казны особого расхода. В списке делегации офицеры значились рядовыми казаками, в официальные сферы они являлись в кафтанах казачьих урядников, а по улицам ходили в штатском платье, стараясь избегать столкновения с начальством".

В числе приехавших был А.Ф.Акутин, по утверждению Потанина, "самый образованный уральский казак", которому В.Д.Дандевиль, тогдашний наказной атаман Уральского войска, поручил пригласить из столицы в войсковое училище трех опытных преподавателей — математики, русского языка и естественной истории. Преподавать русский язык, в частности, поехал в Уральск (при содействии Потанина) С.Л.Гудима, который незадолго перед тем был учителем в школе Л.Н.Толстого в Ясной Поляне, печатавшийся в журнале Толстого[4].

Большую роль в становлении школьного образования в Уральском войске сыграл М.С.Хохлачев, заведовавший в течение нескольких лет войсковым училищем. Он явился создателем подвижной народной школы, звуковой системы обучения грамоте. Блестящим преподавателем всеобщей гражданской и русской истории в Уральском училище (с 1860 г.) был А.С.Корчагин; одновременно он исполнял должность штатного смотрителя училища и некоторое время состоял делопроизводителем в попечительском совете при девичьем училище 1-го разряда. Математику и физику в Уральской войсковой гимназии с 1880 г. преподавал выпускник Казанского университета В.Н.Голованов, происходивший из потомственных дворян Уральского казачьего войска, человек разносторонних интересов. Не случайно он, кроме преподавательских обязанностей, выполнял разные другие важные поручения: с 1906 г. являлся директором театра в г.Уральске, с 1907 г. — церковным старостой в церкви при Уральской войсковой женской гимназии (как стало называться девичье училище), с 1908 г. — наблюдающим за Уральским историческим музеем, с августа 1910 г. — редактором "Уральских войсковых ведомостей"[5].

При женской гимназии в Уральске был открыт педагогический класс. В 1904 г. Военный Совет учредил 12 стипендий для Уральского войска в одной из учительских семинарий — с целью подготовки учителей для войсковых народных школ. В 1896 г. в Уральской области действовало 120 церковно-

приходских и народных школ, в которых обучалось 4702 ученика (мальчиков и девочек). К этому времени существовали также реальное училище, школа войскового хора трубачей и певчих, мореходный класс в г. Гурьеве (открыт в 1873 г.), войсковая сельскохозяйственная школа. В 1904 г. в Гурьеве начала действовать школа рыбоводства и рыболовства, при которой имелись рыбный завод и мастерские. Создана была эта школа на базе упраздненного мореходного класса. Средства на новое учебное заведение выделялись Министерством земледелия и войсковой администрацией. Принимали сюда преимущественно детей из войскового сословия, окончивших двухклассное училище. Учились в гурьевской школе три года. Программа включала практику на рыбном заводе и в мастерских школы[6]. Таким образом, развивалась на землях Уральского войска и специальная школа, вооружавшая выпускников теоретическими знаниями и практическими навыками в разных областях хозяйственной деятельности. Командование уделяло также внимание подготовке профессиональных военных кадров для войска. Так, например, в 1886 г. в военно-учебных заведениях разных уровней уральских казаков обучалось: в академии — 1, в военных училищах — 5, в кадетских корпусах — 25, в юнкерских училищах — 22. Содействовала администрация и поступлению отдельных выпускников местной гимназии в университеты. В г.Уральске существовало даже Общество вспомоществования лицам, стремящимся к высшему образованию. В 1896 г., например, на войсковые и частные стипендии 8 человек обучались в Санкт-Петербургском, Московском и Казанском университетах (в Неплюевском кадетском корпусе в этом году училось 35 уральцев, в Оренбургском юнкерском училище — 25)[7].

Широкие масштабы продолжало сохранять в Уральском войске и частное обучение грамоте. По данным конца XIX в. большинство грамотных взрослых казаков и почти все грамотные женщины, по их словам, научились читать (а некоторые и писать) у частных "мастеров грамоты". В середине 80-х гг. XIX в., 22,1% уральцев были грамотными. Особенностью Уральского войска являлось то, что здесь процент грамотных женщин оказывался примерно равным проценту грамотных мужчин. Считалась плохой невеста, которая не знает псалтырь и часослов, не умеет читать "по-церковнославянски"[8]. В конце XIX — начале XX вв. наблюдалось дальнейшее распространение грамотности. К 1914 г. в г.Уральске существовало уже четыре средних учебных заведения: казачье реальное училище, казачья женская гимназия и "правительственные" (подведомственные Министерству народного просвещения) мужская и женская гимназии[9].

Более впечатляющие, однако, результаты имели место в Оренбургском казачьем войске. Здесь не наблюдалось массового закрытия станичных школ, основанных в первой половине XIX в. К 1848 г. в Оренбуржье их было 70 (21 имела собственные здания, остальные ютились в "наемных помещениях")[10]. Назначенный в 1865 г. наказным атаманом генерал-майор К.Н.Боборыкин энергично принялся за расширение сети станичных школ. Проводились и самим Боборыкиным, и атаманами военных отделов на сходах соответствующие беседы с казаками. Станичные общества обязались взять на себя расходы на строительство школьных зданий и их эксплуатацию. К 1871 г. на территории войска действовали уже 152 школы, в которых обучались 3473 мальчика и 942 девочки; средняя наполняемость школ составляла 29 учеников. К.Н.Боборыкину, однако, не казалось, что главная

цель достигнута. Циркулярным распоряжением от 19 августа 1871 г. он предписывает принять меры к введению обязательного обучения всех мальчиков, достигших 8-9-летнего возраста. Он связывает это с требованиями службы казака в новых условиях. "Современное требование и взгляд на обязанности казачьей службы, — говорилось в распоряжении наказного атамана, — требуют некоторого умственного и физического развития, твердого и отчетливого знания тех постановлений и правил, которые прямо относятся к строевому образованию казаков...". В школах, помимо приобретения необходимых знаний, дети казаков, согласно циркуляру, должны были проходить строевую подготовку, заниматься гимнастикой, освоить технику владения шашкой и пикой. Предусматривались распоряжением и меры по ликвидации неграмотности среди новоставочных казаков (18-20-летних парней, зачисленных в казаки с 1 января 1871 г.): атаманам отделов предлагалось в воскресные и праздничные дни собирать их и обучать чтению и письму — "настолько, чтобы каждый из них умел прочесть и написать если не бойко, то непременно понятно и со смыслом".

За время с 1870 по 1875 г. в Оренбургском войске было открыто 318 станичных и поселковых школ: 174 мужских, 102 женских и 42 смешанных. Всего в 1875 г. в станичных и поселковых школах обучалось 17919 чел., в том числе 13053 мальчика и 4865 девочек[11]. К начале XX в. число школ в станицах и поселках достигло 520, из них 479 имели собственные здания (9 каменных, 470 деревянных), остальные помещались в "наемных квартирах". На содержание школ станичные общества расходовали от 10 до 25% общественных сумм. Для обеспечения и развития материальной базы школ в каждой станице учреждались специальные школьные капиталы, формировавшиеся из доходов от продажи хлеба, хранящегося в общественных магазинах, добровольных пожертвований, отчислений из войскового капитала. Из общего числа школ к началу XX в. 359 были мужскими и смешанными, а 161 — женскими. В этих школах занималось 34591 учеников, работало 758 учителей. Для детей татар и нагайбаков открывались специальные инородческие школы — к середине 80-х гг. их было более двух десятков[12].

В станичные и поселковые школы набор учащихся проводился осенью, занятия продолжались примерно с 15 сентября по 15 мая (от времени завершения полевых работ до начала весеннего сева). Учебный курс был рассчитан на четыре года. Программа включала чтение, чистописание, арифметику, грамматику, Священную историю. С 1893/94 учебного года при школах начинают организовывать мастерские. К середине 90-х гг. во многих из них были курсы ручного труда. Дети занимались различными поделками (изготовляли мебель, сундуки, грабли, корзины, короба, сапоги, уздечки и пр.), вязали пуховые платки, кружева, шили белье, делали искусственные цветы[13].

Учителями в станичных и поселковых школах становились, как правило, люди без специального образования — выпускники этих же учебных заведений. Хотя с 1876 г. для Оренбургского войска отводилось 30 вакансий в Благовещенской учительской семинарии ("на войсковой счет"), реализовать это право в полной мере не удавалось — не находилось нужного количества добровольцев. Нежелание казачьих детей ехать в Благовещенск объяснялось, во-первых, тем, что после окончания семинарии войсковые стипендиаты не получали никаких преимуществ по сравнению с другими

учителями; во-вторых, требованием обязательной отработки в школе 4,5 лет (за каждый год учебы в учительской семинарии на "войсковом коште" полагалось отработать в должности учителя не менее 1,5 лет). На рубеже XIX — XX вв. из 758 учителей, трудившихся в станичных и поселковых школах Оренбургского войска 620 имели только начальное образование. Однако это в определенной мере компенсировалось добросовестным отношением к своим обязанностям, увлеченностью педагогической работой. Начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант Щербов-Нефедович, инспектировавший в начале XX в. оренбургские школы, остался в целом доволен и учителями, и учениками. При проверке школьники продемонстрировали вполне удовлетворительные знания по арифметике, грамматике и другим предметам. "Доказательством правильной постановки дела школьного образования в войске, — заключал инспектор, — может служить тот факт, что взрослое казачье население, побывавшее в школах, не забывает грамоты: я имел возможность убедиться в этом, вызывая нередко прямо из окружающей нас толпы несколько казаков или казачек, окончивших курс 5, 10 , 15 лет тому назад, для проверки степени их грамотности, причем в большинстве случаев обнаружилось, что они не забыли грамоты, а многие из них сохранили хорошо и другие сведения, вынесенные из школьного обучения. Вообще школа приобрела себе доверие среди казачьего населения, которое охотно посылает своих детей учиться, так как в нем все более и более укореняется сознание необходимости и пользы грамотности"[14].

К началу XX в. образование в Оренбургском войске имели 247718 чел. (64,7%), в том числе 145266 мужчин (77% мужского населения) и 102452 женщины (52,7% женского населения)[15]. К 1909 г. процент грамотности еще более вырос — почти 4/5 всех войсковых жителей старше 8 лет умели читать и писать[16].

Развитие сети учебных заведений Оренбургского войска не ограничивалось начальными школами. Продолжал свою деятельность Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. В 1866 г. его преобразовали в военную гимназию. 22 июля 1882 г. гимназию переименовали в кадетский корпус. Он был рассчитан на обучение 275 кадетов-интернов (3 роты) при 14 офицерах-воспитателях. 29 мая 1887 г. на основе Оренбургской военной прогимназии был основан 2-й Оренбургский кадетский корпус — преимущественно для обучения детей офицеров и военных чиновников как казачьих, так и армейских частей, проходивших службу в Туркестанской и Закаспийской областях. В корпусе обучались 300 кадетов-интернов. Первым директором корпуса стал возглавлявший упраздненную прогимназию Н.А.Богомолов. В 1891 г. во главе корпуса был поставлен генерал-майор Дерюгин, видный физик, историк, педагог. С 1911 по 1918 гг. корпус возглавлял А.К.Ахматов, в апреле 1918 г. расстрелянный красными. В корпусе работал преподавателем известный зоолог и путешественник Н.А.Зарудный. Первый выпуск из корпуса состоялся в 1894 г.

20 декабря 1867 г. в Оренбурге открылось казачье юнкерское училище — "для юнкеров и вольноопределяющихся регулярных войск и урядников из дворян и обер-офицерских детей иррегулярных войск Оренбургского, Туркестанского и Западно-Сибирского военных округов". Из стен юнкерских училищ выпускались кандидаты на офицерские должности, которым офицерское звание присваивалось уже в полках, после 6-7 месяцев службы. Со временем

юнкерские училища сблизились с военными училищами, и из них стали выпускать офицеров. Штат Оренбургского училища первоначально был определен в 200 чел., причем 120 вакансий предназначались урядникам из дворян и офицерских детей, а 80 — для юнкеров регулярных войск. Уже через год после открытия штат училища увеличили до 300 чел. (150 пехотных и 150 казачьих юнкеров). В 1878 г. пехотных юнкеров передали в Казанское военное училище, а число вакансий для казачьих юнкеров было доведено до 236. С 1898 г. приняли решение об обучении в Оренбургском училище 91 юнкера Кубанского казачьего войска и 50 юнкеров Терского казачьего войска. С 1901 г. училище, переведенное на трехлетний цикл, стало выпускать хорунжих во все казачьи войска, кроме Войска Донского.

О масштабах подготовки офицеров для самого Оренбургского войска можно судить хотя бы по данным 1886 г. В это время от войска обучалось в академиях 5 чел., в военных училищах — 10, в кадетских корпусах — 54, в военных гимназиях — 30, в юнкерском училище — 54[17].

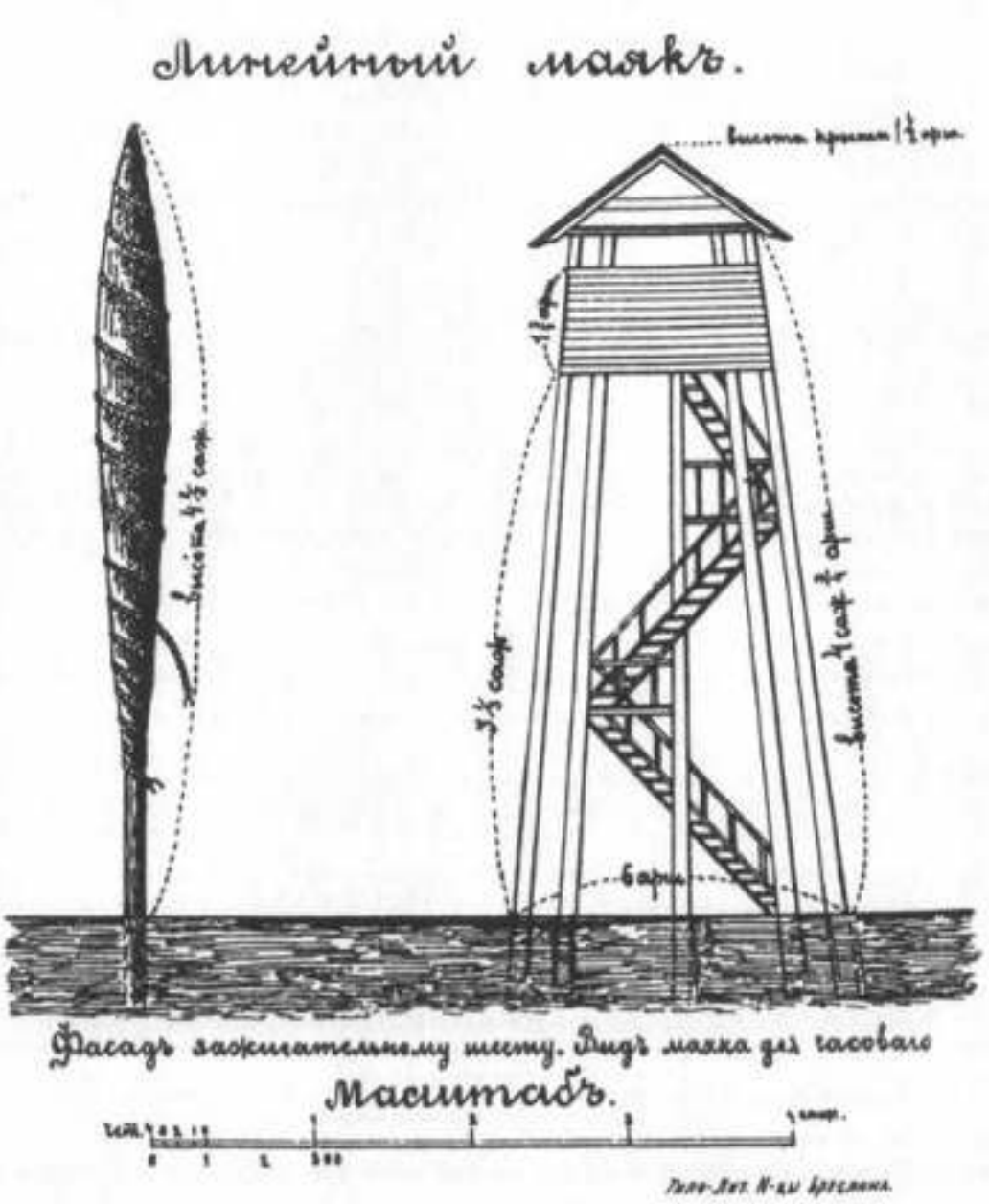
Надо отметить, что среднее и высшее звено образовательной системы в Оренбурге было представлено не только военными учебными заведениями. Так, в 1885 г. войсковое правление открыло "специально-педагогический класс" при Верхнеуральской казачьей школе с трехлетним курсом обучения. Программа класса включала Закон Божий, русский и церковнославянский языки, географию, естествоведение, физику, историю, математику (арифметику и геометрию), теорию словесности, пение и гимнастику; проводились также строевые и практические занятия. Учительская школа помещалась в двух зданиях, имела благоустроенный интернат на 40 чел., полный комплект методических руководств, "порядочную" библиотеку. С 1907 г. здесь подготовка учителей стала проводиться по программе высших начальных училищ (в программу дополнительно ввели дидактику, методику и педагогику). В 1916 г. в трех классах этого учебного заведения занималось 35 мальчиков и 11 девочек. По словам помощника наказного атамана Оренбургского войска, обучение в "классе" велось "живо, умело", "на все, задаваемые по учебным предметам вопросы" ученики давали "основательные и положительные ответы".

В Оренбургском войске с 1872 г. стали открываться городские училища, которые с января 1914 г. начали преобразовываться в высшие начальные училища. Они занимали как бы промежуточное положение между начальной школой и средними учебными заведениями. Многие выпускники высших начальных училищ работали учителями, служащими органов местного самоуправления, кооперативных предприятий и пр. За обучение в училище бралась плата в 5 руб. в год (дети бедняков учились бесплатно); часть расходов на содержание высших начальных училищ брали на себя станичные общества. В училищах ввели единообразную форму одежды: серая рубашка, черные брюки с лампасами, кожаный пояс — для мальчиков, коричневого цвета платье и черный фартук — для девочек. Помимо прочего, здесь обучали строевой подготовке, гимнастике, некоторым правилам воинского этикета, навыкам ремесла, рукоделия. В 1917—1918 гг. в Оренбургском войске открыли 25 высших начальных училищ[18].

К концу периода в Оренбурге существовали и такие учебные заведения, как духовная семинария, женские гимназия и прогимназия, Николаевский институт для воспитания девиц, епархиальное женское училище, учительский институт, учительская киргизская школа, городское мужское

Сибирский городовой казак. Середина XIX века.

Линейный маяк (ставился возле форпоста для наблюдения за степью и подачи сигнала в случае опасности).

Обмундирование пеших батальонов Оренбурiского войска

Казаки пеших батальонов Оренбургского войска.
Середина XIX в.

Гвардейцы Уральской сотни. Из альбома акварельных рисунков императора Александра II.

Хорунжий Оренбургского казачьего войска.
Около 1890 г.

Великий князь Николай Александрович (Николай II) — августейший атаман казачьих войск.

Генерал-майор Николай Петрович Мальцев, атаман Оренбургского казачьего войска в 1917 г.

Августейший атаман с забайкальскими казаками. Около 1890 г.

Августейший атаман со свитою среди сибирских казаков. 1891 г.

Амурские казачки Верхне-Благовещенского поселка. 1900 г.

Казачата на крыльце албазинской школы. 1910 г.

Семья оренбургских казаков. 1912 г.

Казак сибирской полусотни лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. 1913 г.

Семья сибирских казаков. Начало XX в.

Офицеры штаба Оренбургского казачьего войска. 1915 г.

Печать Оренбургского казачьего войска.

Атаманская насека. Такие насеки с конца XIX в. были у всех атаманов, от поселкового до войскового. Длина насеки 150—160 см. Шар пустотелый, серебряный. Герб с трех сторон.

училище, фельдшерская школа, ремесленное училище, частная мужская прогимназия; на учебном "фронте" было занято 439 работников. В городе действовало более 30 церковно-приходских школ. По данным переписи 1897 г., в Оренбурге проживало 322 выпускника университетов, 52 выпускника специальных высших заведений, 22 — военных вузов, 194 — средних специальных учебных заведений, 4266 — средних общеобразовательных[19]. Оренбургская губерния, в границах которой находились земли Оренбургского казачьего войска, по уровню грамотности населения лидировала в уральском регионе. Охват школой детей в Оренбургском войске был самый высокий по сравнению с другими казачьими войсками страны.

Правда, командование Сибирского казачьего войска также в 1861 г. поставило задачу обязательного обучения мальчиков в войсковых школах. Но понадобилось полвека, чтобы такие школы были открыты во всех отделах войска. К 1916 г. в Сибирском войске действовало 188 войсковых начальных школ с "комплектом" учащихся в 244 чел. 175 школ помещались в специально выстроенных зданиях, остальные — во временно отведенных или нанимаемых помещениях. По свидетельству Г.Е.Катанаева, войсковые школы работали "с перегрузкой", они всегда оказывались переполненными. Командование понимало необходимость расширения сети начальных учебных заведений, но недоставало войсковых капиталов. Местные станичные и поселковые общества не столь активно проявляли себя в школьном строительстве, как оренбургские. В документах констатировалось, что войсковые школы в Сибирском войске "за недостатком средств терпят крайнюю нужду в самом необходимом: несвоевременно и ненадлежаще ремонтируются, весьма скудно снабжаются учебниками, пособиями, учебными принадлежностями, плохо отапливаются". Поэтому и войсковая администрация, и Военное Министерство ставят вопрос о передаче начальных школ Сибирского войска в ведение Министерства народного просвещения. Эта мера должна была привести к притоку в школы денежных кредитов из средств, отпускаемых Министерству народного просвещения. Подготовленный законопроект получил одобрение Государственного Совета и 27 июня 1916 г. подписан царем (одновременно передавались в ведение Министерства народного просвещения начальные училища Амурского, Уссурийского, Оренбургского и Астраханского войск). С 1917 г. сибирские войсковые школы должны были получать кредиты "в тех размерах и на тех же условиях, что и для земских и городских органов самоуправления". Закон предусматривал также выдачу пособий и ссуд на строительство и ремонт школьных зданий из школьно-строительного фонда МНП. В течение 1916—1917 гг. предполагалось открыть дополнительно 32 школы на 290 учеников[20].

По программам обучения казачьи школы соответствовали одноклассным и двухклассным училищам Министерства народного просвещения. Изучались такие предметы, как русский язык, арифметика, чистописание, Закон Божий, церковнославянская грамота, церковное пение; предусматривалось овладение учащимися элементарными навыками в области чтения, письма и счета. Дополнительно в казачьих школах много времени отводилось обучению детей гимнастике, конному и пешему строю. Учителями в сибирских войсковых школах, как и в оренбургских, часто работали выпускники этих же школ, не имевшие специального педагогического образования. С целью хоть какого-то выхода из положения во втором десятилетии

XX в. в Сибирском войске, как и в Оренбургском, начинают открывать высшие начальные школы. К 1917 г. появились высшие начальные училища Атбасарское, Щучинское, Сандыктавское, Пресногорьковское, Николаевское, Атаманское. В 1917 г. предполагалось открыть дополнительно Атаманское женское, Арык-Балыкское, Пресновское, Новониколаевское, Алтайское, Баян-Аульское и Чарышское высшие начальные училища[21].

В местной казачьей столице — г. Омске и некоторых других населенных пунктах, где казаки составляли значительную часть населения, возникают различные гражданские учебные заведения. В 1860-х гг. открываются женские училища в Омске (1-го разряда, с шестилетним сроком обучения) и в Семипалатинске (2-го разряда, с трехлетним обучением). С 1870 г. ведет свое начало Омская мужская гимназия, а с 1872 г. — Омская учительская семинария. В 1903 г. появилась учительская семинария в Семипалатинске, а в 1912 г. в Омске начал действовать учительский институт. С 1882 г. существовало Омское механико-техническое училище. Целый ряд учебных заведений готовил специалистов для сельского хозяйства: Омское землемерное училище, Омское среднее сельскохозяйственное училище, Омская ветеринарно-фельдшерская школа и пр. Сибирское войско активно участвовало в развитии сети средних и специальных учебных заведений других ведомств. Оно направляло в них на обучение своих стипендиатов. Представление о распределении войсковых стипендий дают данные за 1917 г. Всего в этом году было выделено 107 стипендий, которые распределялись следующим образом: Петроградский лесной институт — 2, Петроградская военно-медицинская академия — 4, Московский сельскохозяйственный институт — 2, Александровский пансион при 1-й Омской женской гимназии — 6, Омская женская гимназия — 5, Омское землемерное училище — 4, Омское среднее сельскохозяйственное училище — 10, Омская фельдшерская школа — 20, Омская ветеринарно-фельдшерская школа — 10, Омская учительская семинария — 10, Семипалатинская учительская семинария — 10, Тобольская акушерско-фельдшерская школа — 8, Петропавловская низшая сельскохозяйственная школа — 5, Кокчетавская школа молочного хозяйства — 6, Боровская лесная школа — 6[22].

Подготовку офицерских кадров осуществлял Сибирский (Омский) кадетский корпус. С 1853 г. продолжительность обучения в корпусе составляла 7 лет. В 1866 г. Сибирский кадетский корпус реорганизовали в военную гимназию, но 22 июля 1882 г. Сибирская военная гимназия снова стала называться Сибирским (Омским) кадетским корпусом. Корпус был рассчитан на 300 кадетов-интернов, разделенных на три роты; в нем несли службу 15 офицеров-воспитателей. Программа учебного курса в корпусе после восстановления его статуса мало чем отличалась от прежней, когда в нем учились Г.Н.Потанин, Г.Е.Катанаев. Правда, теперь кадеты изучали два иностранных языка, и продолжительность классных занятий уменьшилась.

В другие военные учебные заведения Сибирское казачье войско направляло сравнительно небольшое количество своих людей. Так, в 1886 г. 61 чел. проходил подготовку в Омском кадетском корпусе, 7 — в военном училище, 25 — в Оренбургском юнкерском училище[23].

В том же 1886 г. из Забайкальского войска обучались в военных учебных заведениях разных городов 33 чел. (19 — в военной гимназии, 14 — в юнкерском училище), из Семиреченского — 11 чел. (2 — в военном училище, 3 — в кадетском корпусе, 6 — в юнкерском училище), из Амур-

ского — 7 чел. (1 — в военном училище, 1 — в кадетском корпусе, 1 — в военной гимназии, 4 — в юнкерском училище). В Восточной Сибири подготовку казачьих унтер-офицеров и офицеров вели Иркутское юнкерское пехотное училище (основано в 1874 г.) и Хабаровский кадетский корпус (открыт в 1900 г. Ему предшествовала появившаяся в 1888 г. двухгодичная подготовительная школа, в которой проходили подготовку дети офицеров, впоследствии поступавшие в Сибирский кадетский корпус. Хабаровский корпус был рассчитан на 300 кадетов-интернов). Для детей офицеров Семиреченского казачьего войска, а также офицеров и военных чиновников Туркестанского военного округа в 1904 г. открыли Ташкентский кадетский корпус. Сформирован он был на базе Ташкентской подготовительной школы 2-го Оренбургского кадетского корпуса, основанной 5 июня 1894 г.[24]

В Забайкалье на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. идет интенсивное формирование сети станичных и поселковых начальных казачьих школ, аналогичных во всем войсковым школам Сибирского войска. Дети бурят, служивших в войске, обучались в Селенгинской двухклассной школе, в 1888 г. преобразованной в Селенгинское двухклассное городское училище. Писари, урядники бурятских казачьих полков, переводчики в пограничных управлениях Забайкалья были в основном воспитанниками Селенгинской школы[25]. Положение об Амурском казачьем войске предусматривало открытие в каждом полковом округу четырех школ, а в батальонах по 6 школ. Подготовка малолеток на должности писарей и урядников должна была вестись в Благовещенске, где при бригадном управлении учреждалась бригадная школа. К 1872 г. в войске действовало 30 школ, в которых обучались 623 мальчика и 70 девочек. В бригадной школе училось 50-70 чел., курс обучения продолжался 5-6 лет. В 1877 г. взамен бригадной школы была открыта прогимназия.

Начали открываться на Дальнем Востоке и станичные школы. К 1870 г. их было 6. В 1872 г., с введением в станицах общественного самоуправления, все школы перешли под попечение станичных обществ. В Амурском казачьем войске к 1890 г. добавилось 8 школ, в период с 1890 по 1900 г. — 12, а за первое десятилетие XX в. — 14. К 1916 г. из 76 школ в казачьих селениях 21 была церковно-приходская. Начали они открываться с 1898 г. В Уссурийском войске к 1905 г. было 35 школ, к 1910 г. — 53. В 1914 г. насчитывалось уже 70 школ, из них 12 — церковно-приходских[26]. У амурцев в 1910 г. на одну казачью школу приходилось 680 чел., у уссурийцев в 1914 г. — 632. Если к началу XX в. удельный вес грамотных казаков в Амурском войске составлял 21,5%, то в 1915 г. — 35,5%. В Уссурийском войске грамотные в 1909 г. составили 33,2% от общего количества населения.

В 70-х гг. XIX в. и в Амурском войске обсуждается вопрос о введении обязательного обучения детей. Учительские съезды в 1899 и 1903 гг. принимают решения об обязательности обучения мальчиков в тех селениях, где имеются школы. Принимаются меры и по более полному охвату школой девочек. В 1901 г. в Амурском войске на 1000 душ населения приходилось 14,6 учащихся девочек, в 1912 г. — 48, в 1913 г. — 53. Подобная тенденция была характерна и для Уссурийского войска.

Войсковая администрация прилагает усилия к ускорению строительства школ. В Амурском войске до 1900 г. было построено только 16 зданий, а с 1900 по 1910 г. — еще 25. За два последующих года было возведено 5 новых школ. В Уссурийском войске в 1910 г. из казачьих школ только 9 не имели

собственных зданий, а располагались в приспособленных помещениях. Типичный архитектурный облик школы — это одноэтажное деревянное здание, в большинстве на деревянном же фундаменте, крытое железом или тесом. Классные комнаты были довольно просторными, потолки — высокими. Отапливались школы голландскими и русскими печами, освещались керосиновыми лампами. При каждой казачьей школе полагалось находиться гимнастическим городкам, где осуществлялась физическая подготовка к будущей службе.

На содержание школ из государственной казны ежегодно выдавалось Амурскому войску 2200 руб. и Уссурийскому — 500 рублей. Остальные деньги поступали из войсковых сумм и общественных станичных сумм.

Казачьи школы на Дальнем Востоке представляли собой одноклассные учебные заведения. Со временем, однако, они стали преобразовываться в двухклассные. В 1896 г. в Амурском войске имелась лишь одна — Поярковская — двухклассная станичная школа, а в 1912 г. число двухклассных школ возросло до 13. В Уссурийском войске в 1910 г. двухклассные школы появились в станицах Полтавской, Гродековской, Иманской, Бикинской[27].

Съезды учителей казачьих школ Приамурья 1899 и 1903 гг. установили четырехгодичный срок обучения в одноклассных школах и шестигодичный — в двухклассных. Была утверждена программа обучения в войсковых школах, учреждены школьные попечительские советы. Учебный год устанавливался с 1 октября до 15 марта. Занятия в школах продолжались с 9 утра до 14 ч. дня; урок, как правило, длился 40 мин. Учащиеся первого года обучения одноклассной школы изучали главные молитвы, знакомились по картинкам со Священной историей, запоминали азбуку, учились считать до 100 и решать задачи с числами до 20. На втором этапе учебы подробно знакомились с историей Ветхого и Нового Заветов, писали под диктовку, решали задачи на четыре действия. Старшеклассникам полагалось знать все главные молитвы, уметь устно и письменно решать задачи, иметь общие понятия о дробных числах, усвоить первоначальные сведения естественно-исторического содержания. Учились в казачьей школе также "фрунту", осваивали разные "мастерства". Временная программа для войсковых школ Уссурийского войска, утвержденная в 1913 г., предусматривала преподавание землемерия.

Казачьи малолетки занимались также в специальных школах-практикумах. Так, в Амурском войске в 1866 г. действовала коновальная школа, в которой обучались 22 ученика. Срок обучения составлял 3,5 года. Дети изучали здесь физиологию, зоопатологию, гигиену домашних животных, фармакологию. Выпускников использовали в войске как специалистов по уходу за лошадьми. В 1906 г. открылась Никольско-Уссурийская низшая сельскохозяйственная школа, в которой учились и казаки, и крестьяне. С 1909 г. сюда стали также направлять казаков из Амурского войска. С 1905 г. при правлении Уссурийского казачьего войска появился пансион писарских и типографских учеников, получавших в нем общеобразовательную подготовку на уровне начальной школы. Здесь также обучали типографскому и писарскому делу, строю и гимнастике. Во всех казачьих начальных школах ученики занимались гимнастикой, изучением основ военной службы, военно-строевой подготовкой. Руководили этими занятиями инструкторы из урядников или казаков. Существовали специальные методички. Учащихся знакомили также с историей казачества, географией Приамурья, Приморья

и соседних государств. Был издан даже специальный учебник "Краткая история Амурского казачьего войска" (Благовещенск, 1912), который использовался в школьном преподавании. При школах создавались учебные школьные библиотеки, а при крупных — народные библиотеки на средства станичных обществ. Жители станиц и учащиеся школы бесплатно пользовались книжным фондом, библиотеки организовывали публичные лекции, спектакли и концерты[28].

Учительские кадры для казачьих школ с 70-х гг. XIX в. готовила Иркутская семинария. Первыми в нее попали два выпускника Михайло-Семеновской станичной школы. Содержались будущие учителя за счет родительских средств, сборов со станичных обществ. В 1913 г. в Амурском войске были учреждены 6 стипендий для командированных на учебу в Иркутскую учительскую семинарию. Работали учителями в дальневосточных казачьих школах также выпускники духовной семинарии, гимназии, юнкерских и других училищ[29].

Удаленность Дальнего Востока от центра и другие причины (отсутствие средств, запреты начальства, неуверенность в своих силах и пр.) приводили к тому, что лишь единицы продолжали обучение в престижных вузах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Казани, Томска. Вместе с тем Амурское и Уссурийское войска содержали своих стипендиатов в различных средних и высших учебных заведениях страны (Иркутской учительской семинарии, Благовещенских мужской и женской гимназиях, Омской ветеринарно-фельдшерской школе и пр.)[30].

Еще в первой половине XIX в. появляются казачьи училища и в других районах Сибири, в частности Якутии, хотя здесь их материальная база оказывалась в гораздо худшем состоянии. В 1897 г. вилюйский окружной исправник констатировал, например, что в Вилюйской казачьей школе "в установленном количестве нет ни столов, ни стульев, ни книжного шкафа, нет даже кровати для учителя". Вскоре, правда, на пожертвованные жителями Вилюйска средства учитель П.Х.Староватов привел школу в надлежащий вид, создал при ней библиотеку, организовал даже материальную помощь детям бедных родителей[31]. Среди преподавателей якутских казачьих училищ, как и в других, оказалось немало преданных делу грамотных воспитателей, таких, как М.Шахурдин, Д. и С.Жирковы, С.Попов, К.Цыпандин, М.Киренский, А.Чартков, Г.Иванов. С конца XIX в. получает распространение практика направления наиболее отличившихся выпускников казачьих школ на учебу в другие учебные заведения. Якутский казачий полк обязывался снабжать этих учащихся учебниками и необходимыми принадлежностями. В 1881 г., например, дети местных казаков учились в таких гражданских учебных заведениях, как Якутская прогимназия — 9, Якутское городское училище — 4, Олекминское городское училище — 7, Вилюйское городское училище — 15, Верхоянское городское училище — 2. Посылали якутские казаки своих детей продолжать учебу в учебные заведения Казани, Иркутска, Санкт-Петербурга и других городов.

В начале XX в. грамотные среди якутских казаков производительного возраста составили 37,5%, малограмотные — 42,5%, неграмотные — 20%[32].

В целом по уровню грамотности казачество Урала и Сибири выделялось не только на местном, но и на общероссийском фоне. Многие казаки занимались литературным творчеством, изучали историю своего края, собирали краеведческий материал. Известно, например, творчество хорунжего

Якутского казачьего полка С.Л.Кондакова, сына вилюйского казака, который торговлей "нажил" большие средства и сумел дать трем своим сыновьям образование: одному среднее, а двум — высшее. Иван Лаврентьевич Кондаков стал впоследствии видным ученым. Он окончил прогимназию, гимназию, потом физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где обрел в качестве наставника известного русского химика А.М.Бутлерова. В Юрьевском университете профессор И.Л.Кондаков читал курсы фармации, фармакогнозии, судебно-химического анализа, фармацевтической химии, написал более 150 научных статей и книг. Степан же стал писателем. Ему принадлежат рассказы, фельетоны, зарисовки о жизни рядового казачества: "Брачная ночь Ларина", "Маленький фельетон" (1912 г.), "Силуэты" (1912 г.), "Жизнь якутского казака" (1912 г.). Из-под пера С.Л.Кондакова вышли также публицистические произведения, песни и стихи. Автор критически относился к действительности. В "Силуэтах" С.Л.Кондаков выступил против смертной казни, ссылки на поселение в Якутскую область. В произведениях "Жизнь якутского казака", "Рыбаки (из жизни казаков)", "О казачьем полку", "Забытый полк" автор показал полную трудов жизнь рядового казачества в начале XX в., воспел любовь казака к суровой местной природе. Сочувственно описывал он в очерке "Минувший голод в Якутском остроге" якутов в их борьбе за существование[33].

Одним из прекрасных образцов творчества амурских казаков стала песня "Амурская", раскрывающая героику русского утверждения на Амуре. Автором песни был казак Алексей Баранов. Любовью к родному Приамурью проникнуты песни и стихи местных казаков А.Карпова и Л.Волкова. Карпов посвящал свои стихи описанию житья-бытья казаков, обращая главное внимание на трудности и лишения, которые достались на их долю. За годы службы хорунжего Амурского казачьего полка Л.П.Волкова вышли в свет сборники его стихов "На Амуре", "На Дальнем Востоке". Волков писал об амурских первопроходцах, воспевал деятельность графа Муравьева-Амурского и его сподвижников. Поэт был искренним монархистом, и среди его произведений есть посвященные царствующей династии: "Приветствие государыне-императрице", "Усопшему государю". Трагическая смерть в 1900 г. в возрасте 30 лет оборвала творческую деятельность Л.П.Волкова[34].

Выходцем из оренбургских казаков был писатель С.И.Гусев-Оренбургский, первый рассказ которого "Слепой" вышел в газете "Оренбургский листок" в 1890 г. Еще в старших классах гимназии будущий писатель проникся идеями народничества. Он пошел работать сельским учителем, потом шесть лет служил священником, пока его не захватила целиком литература. Одной из главных тем творчества писателя была жизнь казачества. Наибольший успех имела повесть С.И.Гусева-Оренбургского "В стране отцов". Вообще книги его пользовались у читателей большим спросом. После революции он эмигрировал за границу, где и умер[35].

Поэтом, художником, краеведом был Н.Ф.Савичев (1820-1885), начинавший службу в чине урядника в родном Уральском казачьем войске. В 1870 г. Савичев вышел в отставку, занял должность архивариуса Войскового хозяйственного правления, оставаясь им до конца своих дней. В Новопетровском укреплении Савичев в 1852 г. встречался с Т.Г.Шевченко, и между ними некоторое время шла переписка. Н.Ф.Савичеву принадлежала большая часть публикаций, помещаемых в "неофициальном отделе" "Уральских войсковых ведомостей" (начиная с 1867 г. — их было более ста).

Печатался он и в других изданиях. Савичевым написаны повести, рассказы, поэмы, историко-этнографические очерки о родном крае, богатые фольклорным материалом, статьи по истории края и пр. Он подготовил также целый альбом картин-рисунков, воспроизводивших сцены жизни уральских казаков[36]. В "Уральских войсковых ведомостях" активно печатались и другие представители местного казачества: А.П.Хорошхин, А.Л.Гуляев, Н.А.Бородин, Н.Г.Мякушин, А.Б.Карпов, А.Ф.Акутин и др. Основную часть публикаций составляли краеведческие материалы, но были и очерки, рассказы, повести, стихи. У А.Б.Карпова в 1909 г. вышла книга "Памятник казачьей старины" — о прошлом и настоящем войска, а в следующем году — две книги стихов: "Казачьи стихотворения" и "Стихотворения". Последняя книга предназначалась в качестве учебной для школ Уральского казачьего войска. Карпов и раньше публиковал свои стихи в разных изданиях. Он воспевал родной Яик, его сынов "орлов-казаков", обращался к прошлому. Книгу стихов издал и другой казак-поэт — Н.Аржанов. Проза и стихи присутствовали в творчестве А.П.Хорошхина. В 1866 г. он издал за свой счет книгу "Уральские казаки. Книга для чтения в народных школах Уральского войска". В ней был помещен исторический очерк уральского казачества и стихи о казаках.

У казачьего офицера и историка А.Л.Гуляева вышли в г.Уральске книги "Поход уральцев в Текинский оазис", "Отрывки из прошлого Уральского войска". Отлично владел пером есаул П.П.Назаров, первый редактор "Уральских войсковых ведомостей". Н.Г.Мякушиным, выпускником Уральского войскового училища (затем он учился и в Оренбургском юнкерском училище, и в офицерской кавалерийской школе), был издан "Сборник уральских казачьих песен", собранных им же. Когорта уральских казаков —историков, фольклористов, этнографов, поэтов, беллетристов не ограничивается названными именами. У И.И.Железнова — самого крупного писателя Уральского войска — было много последователей. Душой кружка казачьей интеллигенции стал генерал-майор М.К.Курилин, служивший штатным смотрителем войскового училища, потом советником войскового хозяйственного правления и, наконец, войсковым лесничим. Он писал сам и стал организатором создания в г.Уральске краеведческого музея[37].

Центром казачьего краеведения и литературного творчества был Оренбург. А.И.Оборкин, проанализировав исторические труды оренбургских войсковых офицеров (С.Н.Севастьянова, М.Л.Юдина, Ф.М.Старикова, А.И.Мякутина, Н.Г.Лобова и др.), пришел к заключению об их оригинальности и определенном профессионализме[38].

Из сибирских казачьих историков выделялся своими трудами Г.Е.Катанаев. Краеведческая деятельность Г.Е.Катанаева (1848—1922 гг.) охватывала более сорока лет. Он был казачьим офицером, занимавшим крупные административные посты в Сибирском казачьем войске, дослужился до генеральского чина, и вместе с тем сумел собрать огромный фактический материал по истории Сибирского казачьего войска, написать работы "Еще о Ермаке и его сибирском походе", "Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии", "Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год" и др. Успешно трудился в Омске на ниве краеведения и войсковой старшина Ф.Усов. В начале XX в. оживает краеведческая мысль в Семипалатинске, что надо связывать с открытием здесь в 1902 г.

Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества[39]. Кстати, и в Якутске пытливые исследователи-краеведы из числа местных казаков выдвигают задачу создания местного отдела РГО. В 1907 г. отставной казак Н.Н.Березкин подал заявление о вступлении в члены Географического общества. Активное участие в достижении этой цели принимал пятидесятник Якутского казачьего полка С.И.Расторгуев. Якутский отдел РГО был организован в 1913 г.[40]

Факты, таким образом, говорят о том, что казачьи центры восточных регионов страны были одновременно и оплотом просвещения, литературной жизни, краеведческой работы.

3. Казачий фольклор*

Во второй половине XIX — начале XX вв., как и в предшествующий период, фольклор играл существенную роль в повседневной жизни казаков восточных регионов России. Различные жанры устного народного творчества являлись формой народной памяти об исторических событиях, закрепляли и передавали социальный опыт, накопленный казачеством, в форме словесных стереотипов. Былины, исторические песни, легенды, предания позволяют судить об исторических представлениях казачества. Н.И.Костомаров, анализируя различные произведения народной словесности — 1) сказания, сказки и легенды, 2) загадки, 3) поговорки и пословицы, 4) заговоры и заклинания, 5) предания, 6) песни, — охарактеризовал их следующим образом: "В первых преимущественно выражается фантазия народа, во вторых — его остроумие, в третьих — его ум, в четвертых — его верования, в пятых — память, в песнях, обнимающих, впрочем, круг и всего предыдущего, главным образом выражается его чувство"1. Песня — действительно многофункциональный жанр — относительно точно отражала историческую реальность. Эту ее особенность уже в 1850-е гг. отмечал один из самых значительных филологов прошлого века Ф.И.Буслаев: "Песня хранит национальное предание и передает его из поколения в поколение: чему немало способствует мерный стих и напев. Народ любит ее как свою собственность и вместе с тем уважает как завещание от отцов и дедов. Он ей верит и называет ее былью"2. Это наблюдение подтверждается свидетельством старого уральского казака Ивана Никитича Чакрыгина, зафиксированным в то же время известным собирателем казачьего фольклора и историком Уральского казачьего войска И.И.Железновым: "А песню-то куда денешь? Сказка складка, песнь быль"3.

Публикации и фольклорные собрания И.И.Железнова, Н.Г.Мякушина, А.И.Мякутина, А.А.Шренке, В.Плотникова позволяют охарактеризовать устное творчество казаков Урала, Сибири, Дальнего Востока изучаемого периода[4].

Во второй половине XIX — начале XX вв. в развитии казачьего фольклора обнаруживаются противоречивые тенденции. С одной стороны, тра-

---

* Исследование осуществлено при содействии Международного научного фонда (№ Z16000/564)

диционный фольклор сохранял высокую значимость в культуре казаков. В это время действовал фактор, который имел место и в предшествующий период. Дело в том, что казачьи сообщества относились к типу традиционных. Для них была характерна сильная ориентация на прошлое, на традиции. Изменения в таких сообществах происходили достаточно медленно. Большую роль играл социальный опыт, который формировался в образцы поведения и мышления и транслировался от поколения к поколению. Практические потребности повседневной жизни и обусловливали прежде всего интерес к прошлому, который выражался в фольклорных формах.

С другой стороны, в изучаемый период нарастает динамизм общественной жизни, начинают рушиться устои патриархального быта. Менее жестко выглядят сословные перегородки, все более значимым становится влияние города на народную культуру. Под воздействием указанных обстоятельств начинают забываться старые песни, репертуар традиционного творчества расширяется за счет литературных произведений. На это единодушно обращали внимание современники. В 1860-е гг. поручик генерального штаба А.Рябинин писал по поводу уральских казаков: "Но странно, что в этом народе, так дорожащем своею национальностью, сохранилось так мало исторических воспоминаний и преданий. Все слышанное или читанное мною относится, предпочтительно, ко временам прошлого века или начала настоящаго. Рассказы эти, по обыкновенной участи всех изустных преданий, никогда не повторяются в одной и той же форме, но всегда с вариантами, нередко сливая два события в одно"[5]. С.В.Максимов и Н.И.Пржевальский, побывавшие в то же время на Амуре, отмечали, что песня здесь редкое явление[6] (современная исследовательница культуры казачества Дальнего Востока А.И.Коваленко объясняет данное наблюдение трудными, изнурительными условиями жизни казаков на новом месте (Амурское войско было образовано, как известно, в 1858 г.); но, как она считает, по мере создания собственной истории укреплялась и песенная традиция, вызванная к жизни необходимостью воспеть мужество и героизм казаков при освоении края, защите рубежей). Собиратель фольклора уральского казачества Н.Г.Мякушин отмечал: "Но, откровенно говоря, нельзя не пожалеть о том, что не всегда молодое наше казачество достаточно сочувственно относится к своим казачьим песням, внося в свой репертуар все более и более, так сказать, "модные песни, совершенно не казачьего творчества и духа, отражающиеся в казачьем быту весьма дурно"; "в последнее время свои родные казачьи песни постепенно вытесняются очень часто плохими народными песнями и романсами, а иногда и песнями непристойного, циничесного содержания. Это явление весьма печально, тем более, что у нас песни не удовлетворяют какой-либо пустой прихоти казака, а составляют его существенную потребность и имеют на казака сильное оживляющее и вдохновляющее влияние, особенно в его трудной походной и боевой жизни"[7]. По данному поводу сетовал и исследователь Оренбургского казачества Ф.М.Стариков: "Из числа старинных песен о различных боевых подвигах или событиях, некоторые начинают забываться, тогда как другие, хотя и поются, но настолько искажены, что очень трудно уловить их первоначальный смысл"[8]. Подобное же мнение выразил М.Л.Юдин: "Теперь, к сожалению, не услышать их (песен — И.П.) в наших полках среди молодежи; разве где-нибудь в глухом поселке или станице изредка возгудают их не забывшие старины сивоусые и белоголовые старики, при воспоминании о

походах родных отцов и дедов". Он, кстати, пытался по-своему объяснить, почему история воинских подвигов казачества отразилась в народной памяти недостаточно полно: "Не сохранилось у нас ни записок, ни писем об этой поре (имеется в виду война 1812 г. — И.П.); да, надо полагать, их и не было: наши прадеды не любили вести записей о своих служебных делах, о виденном и слышанном; не имели повадки заносить на бумагу свои мысли, думы и впечатления. Несли они свою службу честно, тихо, без шума, не считая это каким-либо особым подвигом, а лишь выполнением священной обязанности пред царем и Родиной по долгу присяги"[9].

В целом фольклор казачества Урала был более богатым и разнообразным, что объясняется его древней и насыщенной событиями историей, в которой немалое место занимало участие во внешних войнах России, в присоединении Средней Азии. В устном творчестве казаков Сибири и Дальнего Востока меньше было произведений, сюжетной основой которых являлись бы конкретные события местной истории; собственно сибирские казачьи песни больше рассказывают о буднях и тяготах службы, которая также не была легкой. (Возможно, это объясняется меньшей сохранностью и изученностью фольклора сибирских казаков. Так, известно, что в начале XX в. любитель народной словесности Д.С.Васильев собрал среди сибирских, преимущественно забайкальских, казаков не менее 600—700 песен. Однако большая часть фольклорных записей Д.С.Васильева погибла в начале 1918 г.[10]) Однако во второй половине XIX — начале XX вв. вследствие частой совместной службы представителей различных войсковых организаций востока России в Европе, на Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии усиливается обмен между ними информацией, историческими знаниями, фольклорными произведениями, формируется некоторое стандартное ядро исторических знаний, входившее в историческую память всего казачьего сообщества. В этом плане фольклор играл роль консолидировавшего, спаивавшего элемента, способствовал росту казачьего сословного самосознания.

В фольклоре самого древнего из казачьих войск востока России — Уральского — представления о ранней истории казачества приобрели мифологический характер. В казаков превратились богатыри русского эпоса — Добрыня Никитич, Илья Муромец. Добрыня Никитич в былине, записанной на Урале, просит благословения у своей матери Афимьи Александровны "поехати в чисто поле": "Во чисто поле, разгуляюся, // С казаками мне, Добрыне, показаковать, // С молодцами мне, Добрыне, повидатися, // С богатырями, Добрыне, поборотися // Богатырску силу исповедати".

Богатыри-казаки стоят на страже российских рубежей, обороняют их от кочевников, "орды". Враги былинных казаков — Змей-Тугарин, Устиман-зверь, Индрик-зверь[11] — также приобретают сказочную свирепость и необыкновенные размеры. Вот как описывается в песне Устиман-зверь: "Наперед у них бежит стар Устиман-зверь, // На нем шерсточка, на Устимане, бумажная, // А щетинушки на Устимане все булатные, // Как на кажинной на щетинушке по жемчужинке, // Посередь спины у него, Устина, золото блюдо". Однако богатыри-казаки одерживают верх над гиперболически изображенными врагами: "Ну, как один яицкий казак // Из российских сынов, // Добрыня сын Никитьевич, // Он убил каленой стрелой // Во правой глаз Змия-Тугурина, // И отрубил ему голову...".

В уральском преданнии "Три Ивана", записанном в середине XIX в. И.И.Железновым, — три казака-"лыцаря" Иван Пыжало, Иван Шатала,

Иван Клад побеждают на Куликовом поле трех неверных царей — салтана турского, царя казанского, хана крымского и, таким образом, помогают "Расеи" выстоять против "басурман". В предании подчеркивалось, что именно благодаря казакам Россия смогла защитить свои рубежи и превратиться постепенно в могучее государство: "В стары времена Расея была земелька небольшая, слабосильная. Коли устояла она, коли и возвеличилась она над всеми царствами и языками, в том много ей помогли казаки-лыцари, все казаки: и донские, и терские, и запорожские, и волжские, и сибирские, и яицкие; они по границам расейским "крепи держали" и басурманов усмиряли"[12].

Широкое отражение в фольклоре восточнороссийского казачества нашли события отечественной истории XVI - начала XX вв. Ряд песен оренбургских казаков посвящен покорению Иваном IV Казанского ханства в 1552 г.: "Уж вы, люди, люди стародавние! //Молодые молодцы вы, казаченьки! // Еще я вам расскажу про царевый про поход, // Про грозна царя Ивана Васильевича: // Он походом подходил под Казань-город..." Войска Ивана IV приступают к осаде, ведут минные работы: "Под речушку под Казанку подкопы подводил, // Под другую сторону Сулая-речки сорок бочек закатил. // Со лютым зельем, со лютым зельем — со порохом. // Зажигали мы на бочках свечи восковые". Фольклорное свидетельство об устройстве подкопов под укрепления Казани соответствует исторической действительности — минные работы русских "розмыслов" (инженеров) сыграли немалую роль в успешном исходе осады Казани[13].

Царь ждет, когда взорвутся заложенные мины, а взрыва все не происходит. "Злые татарченки" начинают по стене похаживать и царя "подразнивать": "Ты не город пришел брать, пришел тыл казать!". Тут фольклор, оправдывая присвоенный царю эпитет "Грозный" (скорый на расправу), описывает гнев Ивана Васильевича. Последний приказывает созывать пушкарей, "зажигальщиков" для казни. Однако находится один молодой пушкарь, который просит царя повременить с казнью и объясняет ему: "Не изволь, государь, нас вешать-казнить; // Позволь, государь, нам речи говорить. // Наружи-то свечи оне скоро горят, // Под землей-то оне не скоро горят". Действительно, не успевает пушкарь сказать слово в оправдание себя и товарищей, как "стало бочки рвать, землю парозно метать": "Бочка с порохом разлеталася, // Что погибло татар сорок тысяч и три тысячи"[14].

Сюжет о покорении Казани Иваном Грозным не получил, однако, распространения среди уральских казаков. Для последних настоящим "воителем", "покорителем" Сибири, а также Казани и Астрахани всегда был казачий атаман Ермак Тимофеевич. Фольклорные предания уральцев делили жизнь атамана на два периода: 1) разбойничий, анархистский — когда Ермак был "предводителем, то-ись, по нашему, атаманом донских, гребенских и яицких казаков" и "разбой держал по синю-морю Каспицкому, да по матушке Волге-реке"; 2) государственнический — период служения атамана интересам Отечества, "приобретения" для государства обширных территорий на востоке — в первую очередь, Сибири.

В предании, записанном И.И.Железновым от казака "Афанасия Дмитрича" в середине XIX в., переход от первого ко второму этапу происходит довольно неожиданно и беспричинно: "Ну-с, спервоначала Ермак разбой

держал, а потом спокаялся, очувствовался и захотел загладить свои грехи и все винности свои как перед господом богом, так и перед царем державным".

В одной из песен, записанных в тот же период, причины "раскаяния" атамана освещаются более определенно. Оказывается, казакам становится довольно тесно и неуютно на Волге, поэтому атаман обращается к своим соратникам с вопросом, куда двигаться дальше: "Нам на Волге быть — все ворами слыть, // На Яик идти — переход велик, // Под Казань идти — Грозен царь стоит, // Грозен царь, Иван Васильевич... (рассказчик сообщает, что у последнего большая армия в 40 тыс. воинов); "Не идти ли, братцы, нам на Иртыш реку? // Мы возьмем, братцы, //Тобол город // И пойдем к царю с повинною..." В действительности, в 1577 г., незадолго до сибирского исхода Ермака, на Волгу была послана царская рать под предводительством стольника Ивана Мурашкина против разбойников с повелением, "где тех воров не застанет, тут пытать, казнить и вешать"

По одной фольклорной версии Ермак первоначально совершает свою сибирскую экспедицию ("не спросясь, не доложась, без указа, значит, государева, пошел и покорил Сибирь: выходит, самовольно покорил"), а затем уже едет с повинной к царю и получает прощение и царское повеление приобрести в дополнение к Сибири еще Казань и Астрахань. Согласно другой версии, Ермак отправляется к Ивану Васильевичу прямо с Волги с покаянием, а уже затем совершает свои великие подвиги расширения восточных пределов государства.

Иван IV в фольклоре уральского казачества мало похож на грозного царя, каким его изображают исторические песни оренбургских казаков. Он скорее нерешительный, хитроватый, в какой-то степени корыстный, испытывающий зависимость со стороны своих коррумпированных и "глупых" бояр, "сенаторушек". Ермак, явившись в царские палаты, честно рассказывает государю и боярской думе о своих прежних разбойных деяниях на Волге: "Я шатаился, я мотаился по чисту полю, // По чисту полю и по синю морю. // Разбивал я, Ермак, бусы-корабли: // И татарские, и армянские, и басурманские, // А и больше твои осударевы. // Осударевы кораблики без приметушек, // Да без царских они без ербычков (т.е. без гербов — И.П.)". Царь, выслушав подобное откровенное признание, не проявляет никаких признаков царской "грозы", но обращается за советом к "князьям-боярам", "думчим сенаторушкам": "Еще что нам с Ермаком будет делати: // Иль казнити его, или вешати? // Иль во всех винах его простити? // Иль велеть ему Казань, Астрахань взять? ..." Итак, царь готов на любое решение — собственного мнения у него нет. Предложение "старшего думчего сенаторушки" — безусловно казнить Ермака — не проходит. Последний приходит в сильное волнение ("Богатырская сила в нем разгоралася, // Богатырская кровь в нем подымалася") и своей "вострой саблей" прямо в "царских залушках" обрубает боярину "буйну голову". Бояре ужасаются и замолкают, а царь прощает Ермака во всех его винах. Однако царю жалко отпускать Ермака просто так, ему хочется получить еще что-то за собственное великодушие и прощение бывшего разбойника. Иван Васильевич начинает жаловаться казачьему атаману на своих "глупых" воевод, которые растеряли всю царскую рать, признается, что "не хватает у меня силы-моги Казань и Астрахань взять". Царь просит Ермака сослужить еще одну службу — взять Казань и Астрахань "на царское имя, да без рати"; "а там — хошь служи, хошь на покой иди".

Ермак легко соглашается выполнить царскую просьбу: "Еще бы! Не впервой такия дела обрабатывать. Оба града ... в три часа с половиною возьму; и рати с тебя не спрошу: свою найду. Затем ... прощенья просим, счастливо оставаться, ваше царское величество!"

Ермак действительно "без силы-рати" занимает Казань и Астрахань лишь "с двумя своими вестовыми, сам третей, значит". Чтобы изобразить эту акцию казачьего атамана более правдоподобно, рассказчик добавлял, что Ермак "с прибыльцой немного был", "то-ись, имел в послушании у себя малую толику шишигов (чертей). Где ратей не доставало, там он и выставлял их".

Царь же, согласно уральскому преданию, извлек урок из беседы с Ермаком — с тех пор стали орлить и клеймить царские корабли и всякие казенные вещи, дабы не соблазнять разбойников и предоставить им возможность различать государственное и приватное имущество[15].

В начале XVII в. яицкие казаки совершили два похода в Среднюю Азию против Хивинского ханства (под предводительством атаманов Нечая и Шамая). Оба похода закончились поражением. Воспоминания об этих неудачных воинских экспедициях отразились в песнях уральских казаков. Песня "Не ясные соколики слетелися" повествует о казачьем круге, который происходит где-то на берегах Аму-Дарьи. Казаки обсуждают свои стратегические планы: "Еще долго-ль нам, ребята, на Дарье стоять? // На Дарье стоять, ребята, караул держать? // Не пора ли нам, ребята, во поход идти? // Мы Дарью-реку пройдем рано с вечера, // А Кувань-реку пройдем во глуху полночь, // А в Хиву придем, ребята, на белой заре. // Мы хивинскому визирю не поклонимся, // Со его младыми женами познакомимся. // Зимовать в Хиве, ребята, не останемся, // А покоримся, поклонимся царю белому ..."

Данная песня пользуется популярностью в Приуралье и в наши дни, однако ни ее исполнители, ни слушатели не могут объяснить содержание песни и связать его с определенными историческими событиями.

Песня "Не сизой орел летал по поднебесью", записанная во второй половине XIX в., передает настроение смятения, охватившего войско после известия о неудачном походе Нечая на Хиву и о гибели атамана: "Не спокойно на Яике здесь; // Помутился наш Яикушка // От истоков до синя моря, // ... Нету у нас атаманушки, // Атаманушки, Нечаюшки: // Погубила добра молодца // Чужа, дальняя сторонушка, // Та сторонушка несчастная, // Не добра страна Хивинская!"[16].

Казачьи песни и предания о Степане Разине слабо отразили реалии мощного народного движения 1667-1671 гг. "Следует, однако, отметить, — пишет исследователь фольклора В.К.Соколова, — что стремление к фактичности и протокольности не характерно для разинского цикла песен. Подавляющее большинство песен о восстании Разина является взволнованным лирическим откликом народа на происходящие события. Они не задерживаются на детальном описании отдельных эпизодов, а рисуют общий ход восстания, его характер, раскрывают настроение восставших, создают образ народного вождя таким, каким его воспринимали массы"[17]. Посвящены произведения о Степане Разине в основном личности самого атамана, причем, как и в крестьянском фольклоре[18], отношение к нему противоречиво. На эту особенность казачьего фольклора разинского цикла еще в начале XX в. обратил внимание исследователь яицкого казачества А.Б.Карпов: "Разин умер, и пепел его развеялся по ветру, но в народных массах не умер его

богатырский облик: батюшка Степан Тимофеевич все еще живет в народе. Мрачные картины казацких зверств забыты народною памятью; народ запомнил только славу своего "батюшки", запомнил его удаль и богатство и обещанье дать вечную волю. Его богатырский размах, не знавший, казалось, предела, его вольная, разудалая жизнь — глубоко засели в народной памяти, и сказания о его подвигах, легенды о его славе и мощи переходят из уст в уста от одного поколения к другому. В них Разин является то бесстрашным казаком-богатырем, у которого даже сам Илья Муромец оказывается только в есаулах; то прикрашенный народной фантазией он олицетворяет собою народного борца за волю, для которого не было преграды ни в чем. Он колдун, он чародей, которого не берут ни пули, ни сабля, не держат ни стены, ни цепи. Лишь в смутных, едва уловимых намеках о кровавых жертвах и неистовствах Разина, дошедших до народа, он видит в нем великого грешника, которого ни земля, ни небо не приняли, который не умер, а живет где-то далеко за морем в вечных муках"[19].

В одной уральской песне, записанной И.И.Железновым, С.Разин — удалой казачий предводитель, который грабит на море только иноземные суда, а затем собирается ехать с повинной к "православному царю": "Ой, вы, гой еси, казаки-братцы, добры молодцы! // Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки, // Меня Степанушку, сына Тимофеича, // Сядемте мы, ребятушки, в свой легкий корабличек, // Побежимте мы, ребятушки, в сине море, // Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики: // Татарские, армянские, все басурманские. // Без того только без сиза орла, без осударева (как известно, исторический С.Разин отнюдь не отличался подобной щепетильностью в отношении к казенному имуществу. — И.П.). // Поедемте, ребятушки, к царю с повинною; // Повеземте с собой, братцы, топор и плаху. // Повеземте, братцы, царю дары драгоценные: // Сребро, злато и каменья самоцветные. // Тут нас станет царь благодарить-жаловать...". Песня приписывает С.Разину и его "согласничкам" желание построить город на р. Яик (но с царского согласия): "Ты пусти нас, батюшка, на Яик-реку; // Мы заведем на реке Яик славный Яик-город. // Заведем мы его между двух речушек: // При первой речке, при Яике быстрыим, // При другой речке при Чагане тихиим".

Собеседник И.И.Железнова, уралец И.Н.Чакрыгин, приписывал Разину сверхъестественные качества: Разин был "с прибылью", был "ворожцом", повелевал чертями, "всю вселенную мог знать, как свои пять пальцев"

Песня, по преданию сложенная самим Разиным (записана у оренбургских казаков), повествует о завещании атамана: "Схороните меня, братцы, между трех дорог; // Между московской, астраханской, славной киевской. // В ногах мне положите саблю вострую, // В головах поставьте животворный крест. // Кто пойдет или поедет — остановится, // Моему ли животворному кресту помолится, // Моей сабли моей вострой испужается..."

Чрезвычайно популярная в России песня о сынке С.Разина циркулировала и на Урале. Ее оренбургский вариант описывает, как в Астрахань на "легкой лодочке" приплывает "удал добрый молодец": "Уж он шел-прошел по улице, не качивался, // Он с богатыми людьми не кланялся, // А с простыми мужиками черну шляпу не ломал". Астраханский воевода, увидев в "окошечко" независимого молодого человека, подзывает его и спрашивает: "Ты скажи-ка чей, детина? Чьего роду-племени?" В ответ раздается:

"Стеньки Разина сынок". Воевода велит немедленно схватить и посадить в тюрьму сынка С.Разина. Последний, однако, не боится астраханского воеводы и его тюрьмы: "По камешку я ее разберу, я заутра ж ее разберу, // А тебя, воевода, к себе в полон возьму"[20]. По мнению В.К.Соколовой, "сынок Разина" — самая значительная по своему идейному содержанию песня разинского цикла; "конфликт в песне — столкновение доброго молодца, представляющего крестьянскую Русь и гордо называющего себя сынком Разина, с губернатором, олицетворяющим царскую администрацию"; "как и в легендах, в песне выражается вера в неизбежность победы народа над своими угнетателями"; "песня сложилась, вероятно, не как отражение действительных фактов разинского восстания, а как воспоминание о нем, как выражение народных стремлений и чаяний"[21].

В ряде казачьих песен выражено явное или неявное осуждение "воровского" атамана. Ему, в частности, вменяется в вину то, что он общался с "голытьбой" и не советовался с казаками: "Во казачий круг Степанушка не хаживал, // Он с нами, казаками, не говаривал, // Ходил, гулял Степанушка во царев кабак, // Он думал крепкую думушку с голытьбою". В известной сибирской казачьей песне представлен, вероятно, взгляд на восстание с официальной стороны — повествуется о подготовке казаков (правительственных) к встрече с войсками С.Разина: "Нам не годичек годовати, одну ноченьку ночевати. // Мы тую всею не спали — пуль, пороху припасали, // Пушки, ружья заряжали, Стеньку Разина встречали".

Интересное предание о С.Разине как "великом грешнике" удалось записать И.И.Железнову. Согласно данному преданию, "солдатики" одного из "безвестных" кораблей находят на необитаемом острове посреди неизвестного им моря (впоследствии оказывается, во владениях "турского султана") щеголевато одетого, но крайне худого и бледного, похожего на мертвеца, человека. Последний оказывается Степаном Разиным. Он рассказывает солдатам страшную историю о том, как его наказал бог: "От начала мира и до сегодня не было ни в человеках — человека, ни в зверях — зверя, ни в змиях — змия, ни в гадах — гада, подобного мне, не было ни единой на свете твари, коя-бы равнялась со мной по злобе и лютости: я всех превышил!... Много-множество пролил я крови христианской, многое-множество загубил душ неповинных. Мало того: я царю благоверному изменил, над верой православной надругался, от бога истинного отрекся, сатане треклятому предался — вот за что я мучусь и страдаю теперь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анафеме, и потом, как поймали, казнили, тело мое на огне сожгли, а прах развеяли по ветру. Но этим дело не завершилось. Аки богоотступника, душегубца, еретика, душу свою и тело отдавша сатане, меня ни в рай не впустили, ни в ад не приняли; от меня и земля, и вода, и огонь, и воздух с ветрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прах мой собрала и оживила, и вот в сии места уединенные поселила. Здесь я буду жить до второго пришествия, до суда страшного, тогда судьба моя окончательно решится, тогда и муку мне положут настоящую, по делом моим, какую заслужил. Теперь же пока тиранят меня два змия ужасные. По божьему веленью в месяц раз они приползают ко мне и сосут кровь у меня, почти всю до капли высасывают. Один запустит жало под мышку, а другой под другую, и таким образом точут кровь мою. Третьего дня они у меня были, — вот и раны, посмотрите, не зажили еще, а через двадцать семь — восемь день, как я поправлюсь, кровью то соберусь, они опять приползут. И вот

таким то родом мучусь я целых полтораста лет, не умираю и не умру, до Христова пришествия не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимает ... вот что! А всего горше для меня бывает в те дни, когда в церквах анафему мне провозглашают.

Питаюсь я глиной: есть неподалеку отсюда, в одной горе, такая глина, что похожа на муку ... Варю ее, эту глину, в воде и из того выходит какой-то кисель, что сейчас и вы ели. Сначала пища эта мне не нравилась, как грузило ложилось в животе, а потом мало-помалу стал привыкать к ней, и вот уж полтораста лет питаюсь — и ничего!"

Данное предание типично для одного из направлений в развитии легенды на тему "Разин жив", а именно — Разин мучается за совершенные им злодейства. В нем отчетливо выражен отрицательный, осуждающий взгляд на вожака народного движения. Однако справедливости ради следует сказать, что даже это предание вызывает скорее не ненависть, а сострадание к С.Разину, осужденному на муки до Страшного суда. Судя по преданию, сам Разин давно уже раскаялся. Он сам признается "солдатикам": "Вы не бойтесь. — Хоша я и настоящий Разин, но уж не тот, что в мое время разбойничал на православной Руси и творил всякое беззаконие в угоду врагу рода человеческого, сатане треклятому: теперь я совсем иной человек". Да и "солдатикам" он помогает — объясняет, как можно добраться до поселения православных греков[22].

В песнях об осаде и взятии Азова в 1696—1697 гг. (как известно, яицкие казаки приняли непосредственное участие в этих событиях) повествуется о буднях войны: "Они начали подкопы все копать разглубокие, // Туда лесенки спускали сосновенькия // И как бочки закатили раздубовенькия; // Начинивши эти бочки все свинцом и порохом, // Они свечи зажигали воску яраго. // Стали свечи догорать — бочки разорвало, // И кидало все, метало во все стороны".

В одном из вариантов песни описывается геройский подвиг "молодого казака", который успевает предупредить "православного царя" о грозящей опасности, о том, что турки подвели минные подкопы прямо под место царской ставки, — и в результате спасает от неминуемой гибели и царя и значительную часть российской армии[23].

События Северной войны также получили отражение в казачьем фольклоре. В предании "Рыжечка" (рассказ уральского казака И.Н.Чакрыгина, записанный И.И.Железновым) причины войны определяются следующим, несколько упрощенным образом: "Петр Первый несколько лет сряду вел брань-войну со шведом. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Петр Первый задумал отнять у него несколько губерний чухонских. Вот из-за этого-то самаго дела они и дрались несколько лет сряду не на живот, а на смерть". Предание справедливо выносит высокую оценку воинским качествам казачества, отмечает его большую роль в войнах, которые вела Россия: "Испокон века ни одна война не проходила и теперича не проходит без того, чтобы наших казаков не требовали в армию: без казаков, словно без соли, нельзя обойтись. Так было и в ту пору. Много наших полков перебывало (более 2 тыс. яицких казаков. — И.П.) в расейской армии: и пятисотенные, и семисотенные, и тысячные, всем было место и дело. Нигде никогда от наших казаков прослуги не было, окромя лишь отклики. Прикажут ли, бывало, им неприятеля скрасть — как с полки сдунут; пошлют ли, бывало, соколиков, куда, хоша бы и за море, примерно, языка добыть, — и

языка добудут. Такие уж были ловчаги, что днем с огнем поискать, и то вряд ли найдешь".

В предании описывается участие уральцев во взятии шведского города "Карантина", в сражении под Полтавой ("Платавой"). Победа Петра I под Полтавой оценивается как важнейший, решающий момент Северной войны: "Шведа, значит, совсем пошабашили, и память его погибе с шумом. Петр Первый возвысился, по всей Европии прославился, анператором нарекся, а этого титла, значит, нет на свете больше"; "... А король шведский, сам-друг с изменником Мазепой, еле-еле удрал в Турскую землю. Там, говорят, оба они с Мазепой в кабалу пошли к турку; там, говорят, и пропали...". В предании упоминается походный атаман яицких казаков Прохор Дмитриевич Дурманов ("Прохор Митрич"), а также казак Егор Максимович Замаренов ("Рыжечка"), видимо, отличившийся во время войны (согласно преданию, он побеждает шведского поединщика-богатыря под Полтавой)[24].

В петровскую эпоху, в 1717 г., до 1,5 тыс. яицких казаков приняло участие в неудачном походе гвардии капитана А.Бековича-Черкасского на Хиву. Русский отряд был окружен хивинским ханом и практически полностью истреблен — спаслось лишь несколько десятков человек. Об этом походе сохранилось несколько песен, распространенных среди уральских и оренбургских казаков, впрочем, слабо отражавших исторические реалии. И.И.Железнов отмечал по этому поводу: "Поход или правильнее гибель князя Бековича-Черкасского слабо сохранилась в памяти народа... Причина понятная: во-первых, это было почти полтораста лет тому назад; а во-вторых, событие это не захватывало коренной или, иначе сказать, жизненной стороны народного быта и потому пронеслось над народом бесследно, как обыкновенная невзгода, вроде, например, пожара, морового поветрия и т.п.; одним словом, это событие — не более, не менее, как случайность войны. Подобных случайностей в жизни яицких казаков, конечно, было немало и прежде, и после несчастного похода Бековича; разница только та, что в одно время погибло казаков больше, в другое меньше. И оттого народ помнит только одно: "пошли-де наши праотцы с Бекичем в Хиву и погибли"[25]. В одной из песен ("Как на устье то было, братцы, Яикушки") описывается сбор царского войска в городе Гурьеве (экспедиция действительно двигалась из Астрахани через Гурьев), упоминается участие в походе яицких и гребенских казаков ("А с войском, братцы, казаки были // Гребенские, братцы, и прияцкие, старожилые"). Действительно, согласно петровскому указу, в поход, наряду с яицкими казаками, отправилось 500 гребенских казаков. Начальник экспедиции князь Бекович-Черкасский объявляет в песне цель похода его участникам: "Вот наш батюшко православный царь // Посылает нас на Аму-Дарью реку, // На Аму-реку, на Ургенч-город. // Завоюем мы ханство хивинское, // Покорим его, братцы, царю белому, // Царю белому, ребята, Петру Первому, // И хивинцев всех расколотим там, // Самого хана мы в полон возьмем ..." Одновременно он предупреждает братцов-казаков, что поход будет "труднехонек": "На пути своем не встретим речушек — // Одна гола степь без дороженек".

Другая, жалобная и заунывная песня, посвящена лично князю Бековичу, трагически погибшему в походе, — "Не белый-то лебедь, лебедчик воскликнул, — // Добрый молодец, князь Бекичев, слезно восплакал..." (согласно преданию, с него "с живу шкуру содрали"). Память о неудачной экспедиции отразилась и в поговорке уральцев: "Пропал, как Бекович".

Уже в середине XIX в. предания о походе 1717 г. были редкостью на Урале. И.И.Железнову, по его словам, удалось записать лишь один рассказ от старика-казака Афанасия Дмитриевича Барсукова. Согласно этому рассказу, князь Бекович-Черкасский пошел в поход на Хиву "не с горсточкой ... с целой армией"; у него, кроме яицких, были донские, гребенские казаки, солдаты, драгуны, "антирелия и всякаго пушечнаго снаряда была бездна". По словам рассказчика, Бекович взял Хиву без боя, однако попался на хитрость хивинцев. Хан и мурзы-визири якобы добровольно отдали Бековичу ключи от города под тем предлогом, что сопротивляться бесполезно, что, согласно их книгам, они должны покориться белому царю. Бдительность российского офицера, таким образом, была усыплена. После этого хивинцы уговорили Бековича разместить свой отряд по разным селениям. Когда их желание было удовлетворено, хивинцы напали на разрозненные части отряда Бековича и одних истребили, других же взяли в плен. Как бы там ни было, реальный исход экспедиции соответствует фольклорному[26].

В фольклоре отразилось неоднозначное отношение казачества к самому Петру I. С одной стороны, казаки отмечают множество положительных качеств императора. Он — могущественный государь великой державы, строгий, но справедливый, умеющий держать в узде сильных мира, в частности, собственных "бояр и сенаторов": "... а Петр Первый шутить не любил: чуть не так — за ушко, да на солнышко. Пред Петром Первым не точию свои, а и чужестранные енаралы дрожали, как лист перед травой. Что енаралы? — Цари-то все, короли-то все неверные ему дань платили..." (уральское предание о походе князя Бековича-Черкаского на Хиву). Казаки хвалят "белого царя" за суровую расправу (1721 г.) над известным казнокрадом и взяточником сибирским губернатором князем М.П.Гагариным (песня записана, в частности, в 1903 г. в Оренбургском войске).

К простым людям, казакам царь относится заботливо, по-отечески, он способен понять их нужды. В уральском предании "Рыжечка" Петр I отпускает домой яицких казаков, отличившихся на полях Северной войны: "... пускай отдохнут на родной сторонке, поживут в домах, в семействе, поисправят свое хозяйство и все такое; чай, с войной-то и они, бедняжки, поиздержались, поистратились, а я, говорит, не хочу, чтобы казаки мои голодали и без нужды нужду терпели...".

"Вот какой он был, Петр-то Первый. Все знал, до всего сам доходил, об всем сам заботился, не гнушался допускать до своих пресветлых очей", — восклицал в связи с этим рассказчик (Также: "Вот он какой был, Петр-то Первый! Все знал, все ведал, со всеми баил...").

Уважение, почитание Петра I выразилось в том, в частности, что нередко в исторических песнях, вне зависимости от того, каким историческим эпохам они посвящались, российскую армию возглавляет Петр: "Выходила, выезжала сила-армия, // Сила-армия — казаки царя белого, // Царя белого, казаки Петра Первого" (песня записана А.Шренке в Сибирском войске в начале XX в.).

Горько оплакивает кончину монарха — "горючими-то слезами умывается" — "казаченька"-часовой: "Ты восстань-ка, восстань, православный царь, // Ото сна от крепкого! // Ты зачем-то, на что распрогневался?".

Однако некоторые действия "первого императора" вызывали неодобрение казачества. Так, уральцы с осуждением рассказывали о царской затее с брадобритием: "Побывал царь Петр Первый в иных землях, полюбились

ему тамошния все манеры, извычаи и всякия заведения. Вот он вернулся домой, да и задумал переконовалить Расею на немецкий шкиль (стиль). ... Первым долгом начал с отечества, сиречь с бородушки". Казаки с пониманием относились к сопротивлению, которое их предки оказали петровской кампании по лишению людей "отечества": "Уперлись одни казаки: ни страх их не устрашил, ни мзда их не ослепила. Что хошь делай: Хошь ножем режь, хошь на огне жги, уперлись и с отечеством не разстаются! Петр Первый повернул-было крутенько, ан вышло не так".

Большой популярностью среди казаков пользовались песни о восстании на Дону под руководством К.А.Булавина в 1707—1709 гг. и об исходе 2 тыс. донских казаков с атаманом И.И.Некрасовым вначале за Кубань, а затем в "Туретчину". Как отмечал И.И.Железнов, песня про И.И.Некрасова, "хотя она относится к донцам, но и уральцы ее любят, и во всякой задушевной компании поют ее с чувством, с толком, с разстановкой". Подобное же мнение спустя несколько десятилетий повторил и Н.Г.Мякушин. В данной песне укор Петру I за неумение справедливо управлять казачьим войском произносит атаман "Игнатьюшка сын Иванович Некрасов": "Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил, // Ты поил-кормил нас, батюшка, берег-жаловал. // Ты в одном на нас, батюшка, прогневался. // Ты прислал же к нам на тихий Дон разыщика, // Ты разыщика прислал к нам Долгорукого. // Без указа осударева он разорять нас стал, // Без московского курьера командировать нас стал. // Стариков наших старожилых велит казнить-вешать, // Молодых казаков берет он во солдаты, Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богачество, // Мы пошли-то к турецкому хану в подданьице". Узнав об уходе Некрасова, Петр I пытается вернуть казаков, уговаривает "Игнатьюшку сына Ивановича": "Воротись-ка ты, Игнатьюшка, назад домой!. "Игнатьюшка", однако, довольно дерзко отвечает "царю белому": "Прощай, прощай нас, батюшка православный царь! // Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил..." В некоторых вариантах песни о И.Некрасове упрек переадресуется "государыне Катеринушке" или "наследничку": "... Не спасибо тебе, наша матушка Катеринушка: // Не умела ты, наша матушка, владеть крылом правым, // Крылом правым, наша матушка, войском донским, // Войском донским, государыня, все некрасовским"[27].

Популярностью в казачьей среде пользовался донской атаман, бригадир Иван Матвеевич Краснощеков, отец известного казачьего военачальника, генерал-майора Донского войска Федора Ивановича Краснощекова. И.М.Краснощеков принимал участие в Северной войне, русско-шведской войне 1741—1743 гг. (в сражении под Гельсингфорсом в 1742 г. И.М.Краснощеков попал в плен)[28] и стал персонажем народной песни, в которой разработаны в основном три сюжета: Краснощеков в неволе, Краснощеков на допросе и смерть Краснощекова. В песне, записанной в начале XX в. в Оренбургском казачьем войске, представлен сюжет: Краснощеков на допросе. Казачьего атамана, "добра молодца", "шведы во полон взяли" и везут "во землю шведскую", к "князюшке, князю к Евангуртову" (в более ранних версиях — к генералу Левенгаупту — И.П.). На вопросы шведского "князя" пленник с гордостью отвечает: "Не тебе бы меня, доброго молодца, из ума выведывать; // Кабы была при мне моя шашка вострая, // Срубил бы я тебе буйну голову, // За то меня православный царь еще много жаловал бы"[29].

События Семилетней войны (1756—1763 гг.) нашли отражение в песнях уральских, оренбургских, сибирских казаков. Чувствительность этих

песен к историческим фактам различна. В одних "историческая" информация ограничивается сообщением о том, что прусский король ведет свою "армеюшку", "силу-армию". Историческая основа песни сибирских казаков "Не две тученьки не две грозные вместе сплывалися", в которой немец-перебежчик сообщает царю о подкопе, не поддается идентификации. Определенные исторические соответствия обнаруживаются в песнях о смерти генерала В.А.Лопухина (был ранен в сражении при Гросс-Егерсдорфе и умер от ран по окончании битвы) — варианты записаны в Оренбургском войске, а также от нижнеколымского казака В.Даурова (в 1890—1898). В песне дается краткое описание сражения. Как известно, сражение разворачивалось в крайне сложных для российской армии условиях. Она была неожиданно атакована прусскими войсками при выходе из леса. Об этом поется в песне, записанной в Оренбуржье: "Во Пруции стояли, // Много горя принимали, // Много горя принимали, // Много крови проливали // Как по пруцким по степям, // По темным по лесам. // Из лесов вон выходили, // В строй армию становили. // "Заходи, моя дивизия, // Со правого крыла, // Со левого фланга... Пруссак начал палить — // Только дым столбом валит. // Чуть виднеется, // Чуть краснеется..." В предсмертной речи Лопухина содержатся намеки на беспорядки в армии, на плохое руководство ею со стороны высшего начальства, на предательство командующего генерал-фельдмаршала Апраксина: "... Изменил нам вор-собака // Авпраксентий-князь сударь. // Пропивает он свою армию // Он пруцкому королю, // За единую за чару // За зеленое вино"; "... Продал русский, продал воин, // Продал силушку в тоску // За три бочки за песку". Известно, что Апраксин действительно своими крайне нерешительными действиями создавал поводы для подозрений о его предательстве[30].

Своеобразное отражение в фольклоре уральского казачества получили петербургские события 1762 г.: переворот 28 июня, приведший к власти Екатерину II, и убийство в Ропше 6 июля (как считает петербургский историк А.С.Мыльников, это событие имело место 3 июля[31]) свергнутого императора Петра III Федоровича. Уральские казаки до конца XIX в., как известно, не верили в гибель Петра III в 1762 г. Конфликт между Екатериной и Петром, по распространенному среди них мнению, носил семейно-бытовой характер. Ряд преданий на данную тему летом и осенью 1858 г. записал на Урале И.И.Железнов. Монахиня, почти 100-летняя старушка Августа (Анисья Васильевна Невзорова) называла несколько причин свержения и ухода Петра III: "от налога, значит, бежал, и царство не взлюбилось"; "Невмоготу стала жизнь ему в Питере...", "супротивниками" Петра III были к тому же сановники Чернышевы, Орловы, Пановы (Панины) и другие "енаралы" — Петр Федорович, по словам монахини-казачки, понял, что ему одному "не совладать" с ними и тайно скрылся из дворца. Однако главной причиной переворота 1762 г. Августа все же считала семейные неурядицы в царской фамилии. По ее мнению, между Петром III и его "супружницей Катериной Алексеевной" произошло "несугласье". Император был ревнивым, а Екатерина, оказывается, "супротив него была непокорлива такая". Однажды, — рассказывала Августа, — к Петру Федоровичу приехала в гости какая-то иностранная "прынцесса". Он пошел к ней на корабль и загулял (гулять — "куда охотник был"). Трое суток Петр III "не выходил из ея банкета: все пуншы, да танцы, да музыка". Екатерина Алексеевна восприняла поведение супруга "за великую досаду" себе. На четвертый день она трижды шлет

послов за Петром, чтобы он вернулся "в свою царскую семью". Однако тот не внемлет призывам отчаявшейся супруги. В конце концов обиженная и раздосадованная "Катерина Лексевна" сама отправляется на корабельную пристань и через стеклянные двери подсматривает за Петром Федоровичем, "как он там проклаждается".

Когда царь возвратился ночью во дворец, — продолжала Августа, — его ждали запертые ворота. На требование Петра III открыть их, часовой отвечает: "Нет у нас царя! У нас царица!". В итоге государю приходится сесть на "корабличек" и отправиться странствовать в иные земли.

Другой информатор Железнова казак Иван Михайлович Бакиров в общем подтверждал предшествующую версию (сам он слышал о событиях от своего отца Михаила Михайловича) — и по его мнению, конфликт между Петром III и Екатериной Алексеевной носил сугубо семейный характер. Однако Бакиров считал, что виновницей размолвки стала не заморская "прынцесса", а российская дворянка девица Воронцова, "дочь какого-то енарала, графа ли, князя ли" (реальный прототип — фаворитка Петра III Е.Р.Воронцова). Согласно рассказу Бакирова, Петр Федорович также гуляет на корабельной пристани, но с Е.Воронцовой. "Матушка-царица", оповещенная об этом своими "шапионами", уговаривает супруга вернуться домой. Последний высокомерно и грубо отвечает Екатерине: "Давно ли яйца стали курицу учить?" Пошла домой, покуда цела!" Оскорбленная супруга убегает, собирает преданных ей Орловых, Чернышевых, и, отслужив молебен и приведя к присяге на верность гвардейские полки, свергает супруга ("надела на себя царскую корону и сделалась анператрицей").

По версии Бакирова, Петр III пытается отвоевать незаконно отнятый у него престол. Однако превосходство в силах на стороне Екатерины — у нее "вся гвардия и антилерия", а у него "ни одной пушченки". Бывший император, словно "турок", оказывается в плену, его содержат под караулом в загородном дворце (Ропша). Екатерина II устанавливает супругу "по царскому окладу жалованье, но отнимает у него всю волю (Петра никуда не выпускают, к нему никого не допускают, кроме 3-х прислужников и караульного офицера). С бывшего государя берется запись "в такой силе, чтобы ему в царство не вмещаться, а быть бы век-повеки отставным царем".

Итак, Петр Федорович оказывается пленником. Однако И.М.Бакиров не допускает даже мысли, что Петра III могли убить (что действительно и произошло): "ведь какой ни-на-есть, а, все-таки, он муж, а, все-таки, он царь, помазанник Божий — дело великое! Да и царевич, Павел Петрович, был уже на возрасте". Согласно рассказу старого казака, Петр III просидел 7 "годочков", и хотя он не имел ни в чем недостатка, но жилось ему в неволе несладко, так как, во-первых, лишился царства, а во-вторых, потерял свободу. На восьмом году фольклорный Петр III вырывается из заточения; помогли ему доброжелатели: опоили или подкупили сторожей.

После этого начинаются странствия "Петра III" по различным государствам в поисках поддержки для возвращения незаконно отнятого престола. "Пруцкий" король Фридрих отказывает в помощи "Петру III", ссылаясь на запись, которую дал Петр Федорович своей самодержавной супруге. Бакиров добавлял, что отказ этот имел и другую, менее формальную причину — Фридрих, оказывается, побаивался российскую государыню ("Ведь она, хоша и женскаго пола, а всех королей побивала: умна больно была"). Турецкий султан также не оказывает прямой поддержки "Петру Федоровичу"

Наконец, последний оказывается на Яике, и общероссийское событие ("Пугачевщина") становится одновременно событием местной истории казачьего войска[32].

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. (1768—1774, 1787—1791 гг.) также стали объектом внимания казаков. Одна из песен оренбургских казаков построена на противопоставлении похвальбы "пьяных" турок ("Мы Россию всю насквозь пройдем, // Графа Румянцева во полон возьмем!") и патриотических призывов российского военачальника, графа П.А.Румянцева: "Вы не бойтеся, ребятушки, // Белаго царя казаченьки! ... Уж стойте, братцы, не робейте, // Свинцу-пороху не жалейте!" В песне, получившей распространение среди сибирских казаков, дано достаточно достоверное описание одной из операций русско-турецкой войны по захвату Крыма (весной 1771 г. 2-я российская армия под начальством генерал-аншефа В.М.Долгорукова овладела Перекопом, Кафой и заняла практически весь полуостров): "На весну нам поход сказан, // К туркам тракт нам всем показан — // Пойдем к туркам воевать, // Им удары воздавать. // Лишь пришли мы под Сиваш — // Турок видит весь фрунт наш. // Они бросилися смело // И хотели иметь дело, // Тут им не было удач, // Побежали от нас вскачь. // До Кафы все побежали, // Мы их больше не видали, // Уж один десятый полк // Секет турок, как и волк. // Артиллерия гремела, // В ров зашли, на стену — смело. // Предводитель Долгоруков, // Не страшась воинских звуков, // Стал он войско учреждать // И велел в пушки стрелять, //Они начали стрелять, // В казну, в порох попадать. // Турки, видя те беды, // Стали рвать без череды, // Помутились, помешались // И все ужасом объялись, // Закричали в един глас: // — Пощадите бедных нас, // Вы нас пленными сочтите // И всю Кафу в плен возьмите!" В песнях рассказывается о штурме турецкой крепости Измаил (1791 г.), причем исполнители обратили внимание на психологический контекст события, чувства и переживания участников штурма, отнюдь не супергероев, а обыкновенных смертных людей: "Трудна служба нам, казакам, — // Под Исмаил-город поход, // Да еще того раструднее // Под пушечки подбежать"

Ранение А.В.Суворова, активного участника русско-турецких войн, послужило основой сюжета для одной из песен сибирских казаков ("На горах-то, горах, на желтых песках")[33].

В 1794 г. русские войска под началом А.В.Суворова, подавляя восстание Т.Костюшко в Польше, взяли штурмом предместье Варшавы Прагу, а затем вступили в польскую столицу. Посвященная этим событиям песня описывает тревожные чувства поляков, которые узнают о наступлении войск Суворова: "Вся Варшава тяжело вздохнула, // Призаплакали ея войска: "Лучше б земля с небом расступились, // Граф Суворов к нам бы не ходил". Взятие столицы описывается лаконично: "Город ядрами покрылся, // И не видно было с полчаса; // Взявши, взявши городок Варшаву, // Веселились ровно три часа"[34].

Во время франко-прусско-русской войны 1806—1807 гг. два полка оренбургских казаков были командированы в Пруссию в армию генерала от кавалерии Л.Л.Беннигсена. Казаки привезли из далекого похода песню, в которой война воспринимается как вызволение из бедственного положения союзников-немцев: "Ну-ка, братцы, казаченьки, // Станем немцев выручать". Впрочем, союзники котируются крайне невысоко: "А то немцы трусоваты, // Нам за них, знать, отвечать". Далее в песне озвучивается мысль,

что русские войска могут обойтись и вовсе без союзников: "Нам не надобна их помощь, // Нам не нужны пруссаки!" Песня прославляет российских военачальников: донского атамана М.И.Платова, генерала князя П.И.Багратиона ("Он Суворова-Рымникска // Ученик достойный был; // Подойдика к нему близко, // Он покажет тебе пыл! // Хоть будь впятеро сильнее, // Он не станет отступать. // Там гораздо он смелее, // Где труднее побеждать").

В целом песня проникнута ура-патриотическим настроением: "Не боимся этих галлов, — // Шашки вострыя у нас ... Расщелкаем эту сволочь, // Разобьем мы все полки... Бонапарт хоть и храбрится, // Но напляшется и он...".

Широкое отражение в казачьем фольклоре получила Отечественная война 1812 г. (необходимо напомнить, что уральские и оренбургские казаки принимали в ней непосредственное участие). Во второй половине XIX в. еще оставались в живых немногие ветераны великой войны. М.Л.Юдин упомянул одного из них, урядника Оренбургской станицы 100-летнего старика Кременцова, участника заграничных походов и взятия Парижа, который ежегодно в конце 80 — начале 90-х гг. появлялся на войсковом празднике оренбургского казачества (23 апреля). "К сожалению, он не мог порассказать что-либо особенно занимательное или цельное о своих походах. Память старика уже сильно ослабела, да и былая тревожная летучая служба с места на место не предоставляла достаточного простора для посторонней сосредоточенной наблюдательности; некогда было внимательно присматриваться к виденному и слышанному, к пролетавшим над головой событиям; да многого он и не видел и не понимал; беспрерывная, частая смена самых разнообразных впечатлений не оставила цельных образов, а одни обрывки, которые перепутались в его голове, в его понятиях и памяти с последующими событиями, смешались в одну общую кучу, слились в одно неясное неопределенное туманное представление", — с некоторым сожалением писал М.Л.Юдин.

Однако казачьи песни сохранили память о войне 1812 г. и участии в ней казачества. Г.Н.Потанину удалось записать в ст. Бухтарминской на Иртыше песню "На гороньке было, на горе", в которой излагается народная версия сдачи Москвы Наполеону. Согласно ей, российскую столицу, "матушку Москву", "запродает" неприятелю "размосковский злой генерал" "за три бочечки злата-серебра, за четвертую — зелена вина" (коррумпированный генерал — вероятный намек на московского военного губернатора Ф.В.Растопчина, которому народ поставил в вину сдачу Москвы французам). Сюжет песни вымышленный, однако он отвечает народным представлениям о продажности, предательстве высших сановников, "бояр". Народная точка зрения на разгром армии Наполеона в России отразилась в песне "Уж ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонушка". Песня повествует о том, как французский император получает через курьера "нерадостную вестиньку" о разгроме "армеюшки" "злыми, храбрыми казачеськами", о пленении "главных думчих сенаторов" и гибели "родимого племянничка" "Наполеонушки". Последний своеобразно переживает известие: "Не жаль мне, не жаль // Своего родного племянничка, // Жаль мне сенаторов!" — и сразу же сажает писаря, чтобы сочинить грамоту царю.

В одной из песен уральских казаков охарактеризованы их военные действия (в составе авангарда и летучих отрядов) в период заграничных похо-

дов: "Провиант и фураж с собой не взят был // И в запасе казны тоже не было. // Наперед-то летели ясны-соколы, — // Казаки, братцы, все уральские. // На фуражировочку уральцы часто ездили, // Ром с шампанским вином пили в волюшку; // На закуску к вину брали, гнали они // От французов скот в свои лагери, // А в продуктах совсем не нуждалися". Во время заграничных походов русской армии был смертельно ранен командир полка оренбургских казаков — майор Беляков. Это событие также было воспето в весьма трогательных песнях, в которых Беляков завещает похоронить его "промеж трех дорог: между петербургской, московской и славно-киевской".

Исключительной популярностью среди казаков пользовалась песня "Платов в гостях у француза (Наполеона)" Она зафиксирована как у уральских и оренбургских, так и у сибирских казаков и даже у казаков на Колыме[35].

Скоропостижная смерть Александра I в Таганроге, неопределенность вопроса с престолонаследием поразили народное воображение и также породили ряд песен. В одной из песен уральских казаков умирающий в "царских полатушках" "царь наш батюшка, православный царь Александр Павлович" оставляет самой государыне Елизавете Алексеевне такое завещание: "Спокидаю де я свое белое царство, // Во-первых, на царя Константина Павловича, // А во-вторых, на царя Николая Павловича". В песнях оренбургских и сибирских часовой-казак оплакивает кончину Александра I. Песня сибиряков, записанная В.Плотниковым, содержит при этом жалобу на новые порядки, установившиеся после смерти государя, на "плутовство полковничков": "Ты взгляни-ка, посмотри на свою силу-армию, // На полковничков: у нас в полку не по-прежнему, // Все полковнички сплутовалися, // Все казаченьки взволновалися, // На бела царя поднималися" (очевидно, намек на восстание 14 декабря 1825 г. как антицарское выступление, организованное офицерами-дворянами)[36].

Русско-турецкая война 1828—1829 гг., в которой участвовали оренбургские и уральские казаки, вызвала смутные отклики в устном народном творчестве. В песнях оренбуржцев называется командующий русской армией граф И.Ф.Паскевич, упоминаются сражения под Браиловым, Варной. Одна из песен посвящена полку оренбуржцев, который под командой есаула И.В.Падурова принимал участие в военных действиях в 1829 г. В одном из вариантов этой песни сообщается о "несчастьице", постигшем полк: "Убили то, убили бравого урядничка, // По имени его Максима Матвеева, // По прозванию света Колотилина, // А по родине станицы Нижнеозерной".

Варианты общерусской песни о походе на Варшаву ("Ночи темны, тучи грозны") во время подавления Польского восстания 1830—1831 гг. получили распространение и среди казачества; песня называет командующего И.Ф.Паскевича, однако исторические реалии в ней отражены слабо[37].

В первой половине XIX в. казаки нередко принимали участие в походах в "киргизскую" степь, что также нашло отражение в фольклоре.

Уральская песня описывает лихой поход 800 казаков войскового старшины С.Д.Мизинова под общим начальством полковника С.Т.Циолковского в "киргизскую" степь (весна—лето 1823 г.). Другая песня отражает события 1829 г., когда уральские казаки под руководством войскового атамана генерал-майора Д.М.Бородина выступили в степь Букеевской орды. Целью похода было прекратить возмущение казахов против хана Джангира, возглавленное султаном Каип-Галием Имамовым (по прозвищу Кайбала):

"Кайбала, салтан-разбойник, // Уж такой-то беспокойник! // В саму зимнюю пору // Объявил салтан войну. // Объявлял батырь войну // Хану Джангиру своему. // Казаки из гор в поход ходили, // По дикой степи гуляли, // Старшину Кайбалу искали". Бородину в результате переговоров удалось склонить "Кайбалу" распустить своих людей по кочевьям.

Трагически завершается командировка в степь с целью преследования кочевников-грабителей для командира партии оренбургских казаков И.Ф.Рогожникова (1830-е гг.) — "под кустом лежит тело белое, // Тело белое молодецкое. // Как по имени Иван Федорович // По прозванию сын Рогожников. // Он не убит-то лежит, тяжко раненый, // Вострой шашечкой он порублены".

Песни и предания уральских и оренбургских казаков отразили события хивинской экспедиции В.А.Перовского (1839—1840 гг.). Ее неудачный исход укрепил представления уральцев о Хиве, "как о стране заклятой, вроде заклятого клада", которую "до поры до времени взять нельзя" ("У нас от предков идет, что Хива возьмется в последнее время, в одно время с Ерусалимом и Цареградом", — утверждали уральские казаки).

Песня сибирских казаков "Азиатский-то султан спохваляется" отражает события 1820-х гг. (упоминается "Джаргаина нова крепость"; Джаргаинское укрепление было основано в 1820-е гг.). Султан (вероятно, Кенесары Касымов, руководитель националистического движения в 1824—1847 гг.) "спохваляется" "выжечь, вырубить" русское укрепление, "все сибирские деревни он насквозь хочет пройти". Однако сибирские казаки всегда начеку. "Со вечера" они получают приказ, "чтобы были казаченьки в исправности своей, // Чтобы ружьицы были чистые, в замках кремни остры, // Чисты сабельки подпущены, штыки примкнуты к ружьям". Утром же "казаченькам" "на сраженье выступать // К азиатскому султану мясо кушати, // Без ножа-то белу лебедь рушати" (уподобление "битвы" "пиру" — давняя фольклорная традиция[38]).

Другая песня сибиряков повествует о походе более позднего времени 1830—1840-х гг. В песне упоминается начальник экспедиции генерал С.Б.Броневский (после 1834 г. назначен генерал-губернатором Восточной Сибири), которому казаки дают похвальную оценку — "генерал Броневский с нами, // Нам и служба с ним легка, // Он отец нашим казакам, // Нам и смерть с ним не страшна". Указан маршрут экспедиции: "С Акмолинска (основан в 1830 г. — И.П.) вышли — солнце село, // В Улутовск к свету пришли (укрепление Улутавский основано в 1846 г. — И.П.)".

Песня "Казаки идут за Коксу-реку" (записана Г.Н.Потаниным около Семипалатинска) воспроизводит один из эпизодов военного быта сибирских казаков в Средней Азии. Казаки "целое летичко" ходили по Киргизской степи, перешли р.Лепсу (Лепсы), "скорым маршем шли за Коксу-реку". Привязка песни к конкретным историческим событиям затруднительна — вероятно, в ней описывается жизнь казачьего пикета в степи, которая повторялась из года в год[39].

В казачьих песнях о Крымской войне 1853—1856 гг. отразилась готовность выполнить свой воинский долг, встать на защиту Родины: "... Под начальством Горчакова (М.Д.Горчаков — главнокомандующий Крымской армией, сменивший на этом посту кн. А.С.Меншикова — И.П.) // Лестно будет умереть. // Он нам слова два-три скажет, — // Шашки вон, пойдем

на смерть! // Мы французов не боимся, // Полетим туда стрелой, // С басурманом мы сразимся // На смерть, не на живот".

Польское национально-освободительное движение 1863 г. в песнях казаков оценивается как безумное, нелепое выступление против законного государя. С изумлением песенники-казаки вопрошают: "Размятежная Варшава! // На тебя пришла расправа: // На что было бунтовать, // С русским царем воевать?" В фольклоре выражена мысль, что восстание поляков не имеет серьезных оснований: "Им наскучило без дела, — // Поступили дерзко, смело, // Стали строить чудеса, // Пошли прятаться в леса"[40].

В песне, посвященной русско-турецкой войне 1877-1878 гг., подробно перечисляются ратные дела, в которых принимали участие уральцы-казаки: переправа через Дунай ("Турки грозные хотели // Путь к Балканам преградить: // Крепко бились, не давали // Дунай быстрый переплыть. // Но в расчетах прогадали // Мусульмане-дураки: // Они этого не знали, // Что плывут к ним казаки. // Наш челнок простой работы, // Не крылатая ладья: // Проплываем без заботы // Мы в нем реки и моря. // Нас к подножию Балкана, // Чрез широкий путь реки, // Пред глазами басурмана // Переплыли казаки"). Описаны бои при Казанлыке, на Шипке. Песня запечатлела эпизод казанлыкского дела, когда вахмистр Раннев вывез из вражеского окружения оказавшегося без лошади войскового старшину Е.Я.Кириллова. Упоминается казачий командир Любавин, отличившийся под Шипкой. Песня славила казаков: "В битвах крепко закаленны // И лихие моряки, // Своим жребием довольны, // Мы, уральцы-казаки". В том же тексте подчеркивалось, что война — это не легкая забава, что она сопряжена с потерями, гибелью товарищей: "Но не всех там нас спасала // Пуля грозная врагов, // И, злодейка, поражала, — // Не жалея, казаков".

Отклик казаков вызвали события 1 марта 1881 г., казнь народовольцами императора Александра II. Песня содержит в высшей степени положительную оценку монарха, который изображается радетелем за народ: "Милостивый государь — // Александр II царь, // Он любовию горел // И свободу дать хотел. // Исправлял он все законы, // Бедных людей слышал стоны, // Всем на помощь поспешал // И злодеев укрощал". Революционеры "злодеи", проклятые богом; причины их ненависти к монарху не объясняются. Можно предположить, что "злодеи стали ... судить, как царя бы истребить" именно вследствие его заботы о народе, стремления Александра II улучшить положение масс. Песня отражает реальный факт многократных покушений на жизнь монарха: "Везде мины подводили — // Государя не убили: // Караул везде стоял, // Государя сохранял". Наконец, правдиво описывается покушение 1 марта 1881 г. Как известно, Александр II был убит второй бомбой, брошенной Игнатием Гриневицким: "Но как первый удар // Его жизнь миновал, // Злобный дух в них вселился, // И другой удар явился; // Меж народной толпой // Не видать было отколь // Появился большой взрыв, // Государя поразив". Завершается песня сообщением о народных "рыданиях" и "воплях" в связи с насильственной гибелью царя[41].

Крупным событием второй половины XIX в., в котором приняли активное участие уральские, оренбургские, сибирские, семиреченские казаки, стала эпопея присоединения Средней Азии. Казаки сложили множество песен, посвященных конкретным экспедициям, сражениям; причем эти произведения настолько изобилуют реалиями, что на их основе можно писать летопись походов.

В июле 1853 г. экспедиционный корпус под начальством оренбургского генерал-губернатора В.А.Перовского штурмом овладел кокандской крепостью Ак-мечеть. В боевых действиях участвовали как оренбургские, так и уральские казаки. Одна из песен (оренбургских казаков) посвящена штурму Ак-мечети; в ней описана гибель "храброго воина прапорщика Гурьева": "На ура-то пошли с главной батареюшки. // Вдруг несчастьице у нас случилося: // Убивали-то у нас храброго воина // Прапорщика Гурьева". 24 августа 3 уральские сотни под руководством войскового старшины К.Ф.Бородина отбили натиск многочисленного кокандского войска в песчаной местности возле урочища Коп-суат (близ Ак-мечети). "Кровавый бой" "меж барханов Коп-Суата" также послужил основой для песни. Последняя передает ожесточенность, динамизм боя: "Раз двенадцать полной лавой // Напирал он на наш строй, // И двенадцать раз, на славу, // Рукопашный кипел бой!" Подчеркивается самоотверженность казаков, решивших "лечь костями", нежели "нажить себе позор".

В декабре того же года небольшой гарнизон Ак-мечети (переименованной в форт Перовский) отбил наступление 12-тысячного кокандского войска Сужебека и Касыма. Казачья песня достоверно воспроизводит последовательность и детали боя. Первоначально кокандцы окружили русскую крепость и начали ее осаду (14 — 18 декабря): "Торопилися злодеи, Они лагерь укреплять: // Возводили батареи, // По нас начали стрелять! // Пушки медные завыли, // Берег Сыра задрожал, // Ядра с ревом землю рыли, // Свинец в воздухе визжал! // ... Трое суток пировали // Басурманы за рекой // И нас дерзко вызывали // В рукопашный с ними бой!" Наконец комендант Огарев велит войскам переправиться через Сыр-Дарью и вступить в бой с кокандцами. Песня упоминает имя Шкупа, майора 4-го Оренбургского линейного батальона, который руководил вылазкой, поручика артиллерии Соколова, который "все ракеты им (кокандцам — И.П.) навстречу бросил метко", сотника оренбургской казачьей артиллерии Харитонова ("картечью осадил напор врагов")[42].

В первой половине 1860-х гг. наступление русских войск на Кокандское ханство активизировалось: были взяты крепости Ян-Курган, Джин-Курган, Джулек, Туркестан, Аулие-Ата. События эти также отразились в песенном творчестве казаков: "Как у нас было в Джулеке; // Утром рано, на заре, // Встало войско; // В строю стояли // Во приятной тишине. // Генерал Дебу (генерал-лейтенант, начальник Сыр-Дарьинской линии — И.П.) выходит; // Он с походом поздравляет // Во чисто поле хивинское // И под город Яны-Курган; // Подходили к Дарье-реке, // Становились ночевать ..."[43]

Большой резонанс в казачьей среде произвело сравнительно небольшое по свои масштабам дело под Иканом (4 — 6 декабря 1864 г.), в котором, однако, проявились лучшие воинские качества казачества: храбрость, беззаветная преданность Родине, стойкость, воинская выучка. В начале декабря 1864 г. комендант крепости Туркестан полковник Жемчужников, узнав о приближении неприятеля, направил на разведку к селению Икан отдельную уральскую сотню есаула Серова с одним горным единорогом. Несколько дней отбивали уральцы атаки превосходившего противника — 12-тысячного кокандского войска под командованием регента Кокандского ханства Алимкула, пока не подошло подкрепление из Туркестана. Варианты песни, получившей распространение не только среди уральских, но и среди оренбургских казаков, с различной степенью подробности описывают ход

событий. Согласно одной из версий, встреча казаков и кокандцев под Иканом изображается следующим образом. "Лихие" казаки есаула Серова с одной "пушченкой" на рысях двинулись к селению. Наступил вечер; "смеркалось, и ночь темная спускалась". Уже будучи близ Икана, казаки увидели вдали мелькнувшие огни. Вперед был выслан разведчик, который, однако, вскоре наткнулся на кокандский разъезд и был вынужден вернуться назад. Сотню окружили кокандцы, которым "просту счету нет".

Казаки спешились, сбатовали лошадей и приняли круговую оборону. Начался ожесточенный бой. Первоначально кокандцы попытались сбить казаков с их позиций с хода — несколько стремительных атак было отбито картечью и ружейными залпами. В песне поется о кокандцах: "Закричали, заревели, // Опять было налетели, // Да скусили гриб. // Видят, — жутко, салмоеды (салма — среднеазиатское кушанье вроде лапши — И.П.), // Им хотелося победы, // Но не удалось".

Тогда кокандцы приступили к более правильной осаде, начали обстреливать казачий лагерь из трех орудий. Казаки, устроив завалы из мешков, отстреливались. Песня сообщает некоторые интересные подробности боя: "Жаль, колеса единорога // Поразсыпались немного, // Это не беда. // Из-под ящика с зарядом // Живо сняли двое разом, // Начали вязать. // Хоть колеса не вращались, // Зато наши натерпелись // На спинах таскать".

Утром 5 декабря уральцы прекратили стрелять — берегли заряды. Стрельба продолжалась только с вражеской стороны: "Лишь кокандцы не зевали: // Все стреляли, да стреляли // В поле дураки". К вечеру открылась стрельба вдалеке. "Встрепенулись казаченьки" в надежде, что скоро подойдет подкрепление. Однако вскоре пальба прекратилась. К казакам прибывает парламентер Алимкула с запиской: "Пишет нашим Алимкул, // Что я ваших всех отдул // И прогнал назад. // Лучше сдайтеся, ребята, // Будет честно, будет свято, // Не обижу вас; // Веру вы мою примите // И скорей ко мне идите, // А то горе вам!"

Согласно другой версии (записана в 1903 г. в ст. Рассыпной от казаков К.Рябухина и Ф.Шарова), предложение Алимкула казакам о сдаче и переходе в мусульманство последовало 6 декабря: "Вы подайтеся, ребята, — // Будет честно, будет свято, // Не обижу вас; // Веру вы мою примите, // Поскорей ко мне бегите, // А то горе вам!" "Храбрый" есаул Серов произносит в ответ слово — "хоть не споро, да здорово": "Уж мы в веру не пойдем, // Путь дороженьку пробьем, // Кровию зальем!"

Однако казаки в ответ лишь усилили огонь и подбили якобы лошадь регента кокандского ханства. Кокандцы принялись плести туры, чтобы под их прикрытием подобраться к казакам "подкатом".

6 декабря казаки сами вступили в переговоры с врагом, чтобы затянуть время — "дай-ка время поубавим // И балясов поприбавим, // Может проведем". Кокандцы вскоре догадались о намерении казаков и под прикрытием мантелетов (передвижные укрепления из хвороста и других материалов — И.П.) подошли к отряду. Песня упоминает казака Толкачева, который метким выстрелом из единорога попал в одно из вражеских заграждений — "в пух разбил один"; "и картечью дивно много повалил сарбаз (кокандских солдат — И.П.). Однако положение отряда становилось все более отчаянным - "и со всех сторон отряда // Близко падали гранаты, // И

пошла писать! // Страшно пули тут свистали, // все в отряде поражали, // Держаться нельзя".

Наконец казаки решают начать отступление: "В пушку ершика впустили, // Думать попусту не стали, // Кинулись в пролом. // Тридцать шесть легло на месте, // Остальные дружно, вместе // Стали отступать". Изображается картина казачьего "анабасиса": "Кои ранены падали, // Их товарищи держали, // Под руки вели. // Тут убиты оставались, // От них ружья отбирались // Ломались в куски. // А кокандцы налетали, // И кричали, и стреляли, // Думали собьют. // Много хватов и джигитов // На скаку кидали пики, // Свои кистени. // Казаки все подбирали // И назад опять бросали, // Или — пулю в лоб". Казаки "путь-дороженьку пробили", но и "землю кровию облили". В конце песни воздается дань памяти погибшим героям, слава и честь храбрым "уралам"[44].

В 1866 г. военные действия против России начали войска бухарского эмира. Постоянно происходили мелкие столкновения. Наконец 8 мая 1866 г. произошел решительный бой вблизи урочища Ирджар. Оренбургцы — участники боя — сложили песню об Ирджарском деле[45].

Важным событием войны в Бухарии явилось взятие русскими войсками 1 мая 1868 г. Самаркандских высот, в котором участвовали казаки — уральцы и оренбуржцы. Песня об этом также изобилует деталями. Участникам штурма пришлось под смертельным огнем бухарской артиллерии преодолевать р.Зеравшан: "Лишь добрались до Зеравшана, // Едва пришлось воды испить, // Как с неприятельского стана // В нас начали уже палить. // Чрез полчаса наше начальство // Нам приказало наступать, // Бухарцев наказать нахальство, // Итти вперед, не отступать. // Перекрестясь, пошли колонны; // Пред нами — речка Зеравшан, // Катит она с пеною волны, // Кипит, ревет река буян. // Одежду к шее привязали, // Казаки в воду посошли, // Коней в поводья своих взяли, // По грудь в воде мы все пошли. // С высот в то время батареи // Пускали ядра на наш брод; // Мы перешли все поскорее, // Чтобы другим очистить путь. // За этим бродом еще пять // Нам сделать, видно, приходилось, // И тут по-прежнему опять // В нас куча ядер повалилась".

После переправы последовал короткий кровопролитный бой: "Подъехали мы ближе к ним... // Они "ур-ур" был заорали // И много с видом удалым // С горы к подножью поскакали. // Ура лишь только раздалось, // Лихое русское ура, // Как с высоты все убралось, // Совсем очистилась гора. // Не мало их тут положили, // Гнались за ними по горам, // Из пушек долго в них палили, // Чтоб не ворочались уж к нам".

Ночь победители простояли на взятых штурмом высотах. А на следующее утро вошли в город. В песне содержится примечательное утверждение, что горожане сами позвали их, "чтобы скорее мы пришли".

2 июня 1868 г. на барханах Зербулак (Зирабулак) возле г. Катты-Кургана войска эмира потерпели окончательное поражение, несмотря на превосходство в живой силе ("там бухарцы, словно мак, // В красных курточках засели, // И на нас они глядели"; "нам пришлося удивиться: // Очень много было их, // Все в колоннах боевых"). Бухарцы не выдержали меткого огня русской артиллерии и стремительной атаки пехоты и казаков.

В 1870 г. оренбургские казаки приняли участие в шахрисябской экспедиции (на г. Шахрисябз), осаде и штурме г. Китаба: "Вспомним, братцы и друзья, // Как в Китабе мы стояли, // В Китабе мы стояли, // Сартов всех

мы разбивали". Песня сообщает о малочисленности российских сил: "Войска было нас немного // (Зато храбры удальцы): // Три стрелковых, братцы, роты // И оренбургцы молодцы". Дается описание самого штурма: "Быстро лестницы тащили // И на стену взобрались, // Но сартишки то ж не спали, // В нас со всех сторон стреляли". В песне называются имена храбрецов, которые первыми забрались на крепостную стену: "Два фельдфебеля стрелков, // Храбрый вахмистр Беляков, // Урядник Евдоким Фролов". Штурм, как обычно, завершается победой российского оружия: "С криком бросились на стену, // Быстро стали их колоть, // Стали силушкой гордиться // За Россию и царя. // Время-времечко идет, // Из убитых кровь течет... // Сарты русских устрашились, // Ну из города бежать". Завершается песня традиционно: "Приезжал к нам генерал, // Нам спасибо он сказал"[46].

В фольклоре уральцев отразились трагические события 1870 г. (песня "Уральцы в походе у адаевцев"). Весной этого года в степь отправился для введения среди казахов нового положения о налогообложении ("той бумаги содержанье: // На киргиз взложить налог") мангышлакский пристав подполковник Рукин в сопровождении конвоя из уральских казаков (40 человек во главе с хорунжим Ливкиным). Песня — чисто казачьего происхождения — в точности воспроизводит события, предшествовавшие экспедиции (сбор 5 марта в форте Александровском казахских биев), цель и маршрут похода, численность казаков. Выступив 15 марта, Рукин с отрядом 23 марта был внезапно окружен казахами-адаевцами в горах Саратыши ("Сарташи" — урочище близ Каспийского моря). Казах адаевского рода успевает предупредить казаков: "Собралась орда в горах!" Начинается бой, который продлится три дня: "Их, поганцев, было много, // Ровно черного грача. // Они с криком налетали. // Выстрел сделали в отряд". Описывается гибель одного из казаков, урядника Багайдина: "Наш Багайдин, славный воин, // Выбегал к ним наперед. // Он надеялся на храбрость, // Победить хотел врага. // Вдруг несчастье с ним случилось: // Не ударило ружье! // А киргиз было так много, // Дальше идти было нельзя; // Тут отряд был остановлен, // Как убили молодца. // Его тело схоронили // В той же дикой стороне".

25 марта отряд, уже потерявший несколько человек, был вынужден сдаться в плен адаевцам; Рукин застрелился из револьвера на поле брани: "Память вечная уральцам, // Где тела их лежат: // Тела тлеются героев // В той далекой стороне"[47].

Участие в военных действиях против Кокандского и Бухарского ханства внесло много нового в казачий быт, заставило казаков адаптироваться к природным условиям Туркестана (песни про "туркестанские походы"): "На другой здесь все манер, // Хоть одежда, например. // Всяк в рубахе во все лето // В гимнастической одет (знаменитая гимнастерка — И.П.), // Штаны словно мак в степи, // А земля — горшки лепи. // Наше дело хоть в поход // Или множество работ. // Коль поход вышел степной, // То бери воды с собой; // И поехал по горам, // По ущельям, по долам; // Днем те солнышко печет, // Ночью ветер проберет. // Туркестанец во поход. // Он с собой всего берет: // Коли все с собой не взять, // Так у сартов (оседлое население Средней Азии — И.П.) не достать, // Потому эта орда // Разбежится завсегда; // И на всякий случай — // И кишмиш с тобой и чай. // Лишь на место где пришел, // Кипятить чаек пошел... // Мы строители лихие, — // Дома

строили земляные. // Дров у нас совсем не мало, // Топим просто чем попало: // То колючкой, камышем, // А то просто кизяком..."

Боевая, походная жизнь полна опасностей и лишений. Одна из песен описывает тяготы, которые пришлось испытать казакам, отрезанным от своих "презлым коканцом" ("Хотел шутку с нами пошутить: // Призаставил все пути-дороженьки, // Хотел голодом нас заморить"): // Мы рогатую, братцы, скотину // Начисто всю перевели; // Уж мы ели, братцы, лошадину, // Ее варили, жарили, пекли. // Вместо соли мы, братцы, солили // Из патронов мелким порошком; // Сено в трубочках курили, — // Распростились с табачком. // Обносились мы, братцы, оборвались, // Все валилось с плеч долой; // Мы рогожки, братцы, надевали // Вместо серых своих шинелей, // Обвивали свои резвы ноженьки // Тонкой кожей своих лошадей. // По колено, братцы, снежочек // Упал нам казаченькам; // Зимой, братцы, по снегу // Дрова мы собирали. (Песня, однако, завершается на мажорной ноте — "Мы Бухарию насквозь пройдем, // Город Самарканд в полон возьмем").

Постепенно меняются взаимоотношения (первоначально однозначно враждебные) казаков с коренным населением Средней Азии, и это отмечается фольклором: "Мы уж с сартами сдружились // И с киргизами сошлись; // Как придешь к нему ты в дом, // Угощает кумызом, // И теперь уж мирный сарт // Называет тебя брат. В праздник честным пирком // Из винограда водку пьем"[48].

Существенное значение в истории присоединения Средней Азии имела хивинская экспедиция 1873 г. под руководством туркестанского губернатора генерала К.П.Кауфмана, в результате которой Хивинское ханство признало вассальную зависимость от России. В походе участвовали 5 сотен Уральского и 12 сотен Оренбургского казачьих войск. Хивинские войска оказали генералу Кауфману слабое сопротивление на окраинах Хивы 27—28 мая, а 29 мая капитулировали. Казаки привезли из хивинской экспедиции песни, в которых отразились события похода. Уральцы переделали старую солдатскую песню суворовских времен в песню "На взятие Хивы", дополнив ее необходимыми деталями: "Ночи темны, тучи грозны, // По поднебесью идут. // Идут, идут казаченьки... // И меж собою говорят: "Хотя трудно нам, ребята, // Под хивинцами стоять, — // Трудней того нам, казакам, // Под пушечки подбегать". // Мы под пушки подбежали, // Закричали в раз: "Ура!" // Ура! Ура! Город взяли, // Затряслися стены-вал. // Вы злые, лютые хивинцы! // Покоритеся вы нам".

Некоторые подробности хивинской экспедиции отразились в песне оренбургских казаков "Встанем грудью на неверных": "Уж мы бросимтесь, ребята, // На хивинского хана. // Мы решим хивинско племя, // Как огнем в поле траву! // Во хивинском чистом поле // Отыскали бугорок; // Сажен во сто, как не больше // Отхватили уголок. // Командир был с нами важный, // Приказал канавы рыть. // Уж мы вырыли канавы // И повыше сделали вал // Мигом выросло укрепленье, // Настоящий город стал. // Залихватский наш начальник, // Герой был наш командир // Впереди всегда стоял, // Всем он смелость придавал".

В 1875—1876 гг. уральцы и оренбуржцы приняли участие в кокандском походе с целью подавления кокандского восстания. Событиям похода посвящена песня оренбургских казаков: "Наши храбрые казаки // Под Кокан-город идут. // Идут они спешным маршем, // Меж собою говорят: // "Нам не

трудно взять Кокан // И кипчаков покорить: // Генерал Скобелев с нами, // Нам и смерть с ним не страшна". Генерал М.Д.Скобелев действительно участвовал в кокандском походе и уже тогда пользовался любовью и уважением солдат и казаков.

Песня описывает уверенные действия Скобелева: "Под Коканом рано стал, // Он разставил силу-войско // Вокруг города того, // Силу-войско подкреплял, // Пулат-хану письмо писал" (Пулат-хан или Пулат-бек был провозглашен правителем Кокандского ханства в конце 1875 г. вместо Назр-Эддина, уступившего русским Наманганский отдел — И.П.).

Пулат-хан непримирим, он готов сражаться с российскими войсками: "Хан письмо то прочитал, // Русским грозно отвечал: // "Приходите ко мне штурмом, // С вами буду воевать; // У кого штыки острее, // Тому городом владать". После этого следует неизбежный штурм, который завершается полной победой российских войск: "Засверкали, заблестели // Наши русские штыки, // И кокандцы испугались, // Разбежались дураки; // Все пожитки разбросали, // Вон из города ушли, // Во пески они зашли. // Во песках им места нет: // Казаки — за ними вслед; // Казак рубит, стрелок бьет, // Пуля ходу не дает".

Упорное сопротивление русским войскам оказали жители оазиса Ахал (Ахал-Теке) текинцы (у подножия Копетдага, в Туркмении). Неудачей завершилась 1-я ахалтекинская экспедиция под командованием генерал-майора Н.П.Ломакина. 2-ю ахалтекинскую экспедицию, в которой участвовали уральцы и оренбуржцы, возглавил генерал-лейтенант М.Д.Скобелев. Экспедиция завершилась взятием опорного пункта текинцев, крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе). Память об осаде и штурме крепости сохранили песни уральских и оренбургских казаков. Около трех недель длилась осада Геок-Тепе. В песне оренбургских казаков эти события описываются ярко и правдиво: "Страшно вспомнить, как бросались // Злы текинцы по ночам, // В рукопашный бой кидались, // С нами бились по часам. // Да и лихо ж отбивали, // Точно ладаном чертей, // Затупили штыки, шашки // О текинских дикарей. // Три недели под стенами // Осаждалась крепостца, // А мириться они с нами // Не желали до конца. // Наш геройский предводитель // Приказал траншеи рыть; // Из траншей наши саперы // Стали мины подводить".

В одной из песен уральцев называются имена двух храбрецов — сотника Кунаковскова и рядового казака Тетикова, которые вызвались измерить глубину рва, окружавшего крепость.

12 января 1881 г. состоялся штурм крепости: "Двенадцатого января, // После утренней зари, // Богу дружно помолились, // По обычаю простились ..."

Песня дает описание самого штурма: "Залпы начали из пушек, // Из мортир и митральез. // Они думали игрушек // Богатырь наш им привез! // Канонада продолжалась // Беспрерывно шесть часов, // Поле дымом застилалось // От пылающих костров ... Живо бросились все штурмом // С криком, с гиком на ура; // Моментально очутились // На высоких на валах".

Песня отдает должное мужеству защитников крепости: "Долго били-выбивали // Их из крепости родной, // Они храбро защищали // Теке-крепость, город свой". Однако победа достается войскам генерала Скобелева: "Заблестели, засверкали // Ружья, копья и клинки. // И из города бежали // Все текинцы во пески Победили злых текинцев, // Обрушилась их

стена (достоверный факт — перед штурмом были взорваны мины, подведенные русскими под стены Геок-Тепе.— И.П.); // Развевались на кургане // Наши русски знамена. // Много пало богу жертвой // Наших русских храбрецов; // Пали тысячи текинцев // За убитых удальцов" (при штурме русские потеряли 59 чел. убитыми и 339 ранеными, текинцы 6—8 тыс. чел. — И.П.).

В 1897 г. оренбуржцы участвовали в занятии урочища Термез на границе с Афганистаном: "При Термезской долине // Разливалася Дарья; // Мы стояли гарнизоном // Недалеко от врага; // Оренбургцев была сотня // И пехоты баталион. // Разъезжали днем и ночью // Мы по линии Дарьи"[49].

В 1900 г. казаки участвовали в походе в Маньчжурию для подавления восстания ихэтуаней. Отзвуки похода нашли отражение в песне, распространенной среди амурских казаков (переделана на известный мотив "Гром победы раздавайся": "Воды Сунгари, Амура // Уж теперь у нас в руках // Шаг за шагом наступая // Росс внушал китайцу страх. // Славься, мощная Россия! // Славься, доблестная рать! // Зри, о воин, утешайся // На побед твоих венец // Зри, о воин, восхищайся // На любовь к тебе сердец".

Казачество восточных регионов России приняло активное участие в русско-японской войне 1904—1905 гг. В песнях казаков Урала, ехавших на театр военных действий, отразилась готовность в очередной раз встать на защиту Родины: "Мы в вагонах покатили // Дни и ночи, и утра; // "Слава богу", говорили, // и кричали все ура!".

Тот же мотив присутствует в песне забайкальских казаков. Записана она была уже в советское время, однако, по словам песенника, потомка забайкальского казака, песня пользовалась широкой популярностью в казачьих станицах и исполнялась как строевая: "Не жилось японцу тихо, // Вздумал с нами воевать, // Погоди-ка, будет лихо, // Будем мы тебя трепать. // Он затеял с нами ссору // Да и, верно, не один, // Подавай-ка нам простору, // Наш восточный господин. // Люди, все же люди знают: // Будешь русскими побит, // Если с русскими связался, // То пословицу ты знай: // "Если груздем ты назвался, // То и в кузов полезай". //Пусть японцы наступают, // Зададим трезвону им".

След в казачьем фольклоре оставила первая мировая война. В одной из песен уральских казаков описывается сражение с немцами ("германцами"): "Как у рощицы было сражение, // На Фелице плот. // Ново место — двор господский, // Там лилась потоком кровь. // Двор занятый был только германцем, // Наши стали наступать, // Из тяжелой батареи // Его стали вышибать. // На штыки пошла пехота, // Казаки с ними в рядах. // Кто колол германца пикой, // Кто рубил шашкой в размах. // Как от этого от страху // Отступил он со двора. // Побросал на поле брани // Неубратые тела ..."

Во время войны появилась песня, прославлявшая мужество и отвагу казаков Сибири и Дальнего Востока (впервые опубликована в 1915 г. в газете "Уссурийский край"): "Из тайги, тайги дремучей, // От Амура от реки // Молчаливой темной тучей // Шли на бой сибиряки. // С ними шла былая слава, // Беззаветна и грозна; // Через Вислу переправа // Забайкальцам не страшна. // Ни усталости, ни страха — // Бьются ночь и бьются день, // Порыжелая папаха // Лихо сбита набекрень. // Эх, Сибирь, страна родная, // За тебя мы постоим, // Волнам Рейна и Дуная // Твой поклон передадим"[50].

Местная история также занимала немалое место в комплексе исторических представлений казачества. В фольклоре казаков нашли отражение сведения о появлении первых поселенцев на колонизуемых землях, о природно-климатических условиях осваиваемой местности, о трудностях, с которыми сталкивались первопроходцы. Как отмечал Л.Е.Элиасов, в 30 — 80-х годах XIX в. в Сибири еще бытовали песни о казаках-землепроходцах XVII столетия, в частности о В. Колесникове, П.Бекетове, Я.Похабове и многих безымянных сотниках и атаманах[51]. В XVIII в. была записана песня "Во сибирской украине, во Даурской стороне" (сборник Кирши Данилова), посвященная обороне казаками Комарского острога от маньчжуро-монгольского войска в 1655 г. Песня эта пережила и XIX в. В 1936 г. был записан вариант песни, близкий к тексту сборника Кирши Данилова, от известного сказителя Забайкалья П.Е.Кибирева. Как сообщал последний, песню передал по наследству его прадед Игнат Кибирев, правнук казака из отряда Петра Бекетова. Таким образом, песня "Во сибирской украине, во Даурской стороне" бытовала в Забайкалье у восьмого поколения первых казаков, поселившихся в Сибири[52].

В фольклоре казачества Дальнего Востока нашли отражение тягостные условия колонизации края. Центральное место в устно-поэтическом наследии амурских казаков занимает длинная песня о сплаве по р. Амур в 1855 г., походе к заливу Де Кастри и о бое с англичанами (в ходе Крымской войны). Эта песня считалась самой популярной, часто пелась казаками за работой или просто "по пьяному делу" на пирушке за столом. Песня сложена по образцу "Дубинушки" и состоит из ряда разделенных припевом двустиший. Несмотря на всю свою простоту, песня волновала слушателей и исполнителей, брала за душу своим историко-бытовым содержанием. По своей обстоятельности, по обилию фактов и подробностей она являлась своеобразной казачьей эпопеей. По этой песне можно проследить весь путь, пройденный казаками от родных мест до суровых берегов Камчатки. Она фиксирует множество фактов "переселки", начиная с объявления приказа о переселении и кончая прибытием в последний пункт: "В педесят пятым году // В Забайкальском во краю. // (Припев: Эх, и калина, // Да эх, и малина!) По бригадам шел приказ — // Назначали в Амур нас. // Мы услышали походу, // Много шли в Амур охотой. // В батальены формивали, // В Молоду нас отправляли. // В Молоду мы приходили, // Одную ночку пробыли. // С Молодой нас отправляли...".

Плаванье по верхнему Амуру, преодоление мелководья, трудности сплава — все это нашло отражение в песне: "Мы Амуром проплывали, // Много горя попримали, // Мы и плыли ночь и день, // Часто садились на мель, // Свою участь проклинали, // В Айгунь-город подплывали. // В Айгунь-город подплывали, // Много страху принимали. // Айгунь-город мы проплыли, // Все и горюшко забыли".

С прибытием в Мариинский пост вновь начались невзгоды казаков. Песня рассказывает о переброске казаков с места на место, о прибытии на суровые берега залива Де Кастри, о тяжелых работах по вырубке просек, о постройке казарм, недостатке провизии и доставке ее на американском судне: "Муравьев отдал приказ — // Повели в Декастру нас. // Мы в Декастру приходили, // На изморье выходили, // Белы руки опустили: "Это что за издивленье, // Только лес, одне коренья". // Нам и нечего смекать, // Мы просеки просекать. // А морозы подошли, // Мы в казармы перешли".

Заканчивается песня описанием декастринского боя. При этом события излагаются легко, без лишнего драматизма, с легким солдатским юмором, характерным вообще для народной песни: "Мы трелогу услыхали, // Все работы побросали, // Во казармы прибежали, // Патранташи, ружья хватали, // По заводам нас становили, // Рошшитали нас зводами, // Пошли к морю просеками. // Прошли к морю просеками, // Замечали за кустами; // Мы за кустиком лежим, // Промеж собой говорим: // "Ну, ребятушки, потише, // Подождем его поближе; // Ну, ребята, не бояться, // Англичанам не податься". // Ружья, пушки загремели, // Англичане заревели. // Мы в охотку попали, // Назат в казармы отвалили. // Назат в казармы воротились, // На нарах то мы садились, // На нары то мы все сели, // С горя песенку запели"[53].

К событиям местной истории относились конфликты в среде казачества. Одна из песен рассказывает о попытке введения среди яицких казаков легионной службы ("лиционной") и о посылке казаками челобитчиков к Екатерине II с просьбой об отмене этой службы. Множество местных преданий о событиях восстания Е.И.Пугачева на территории Яицкого и Оренбургского войска дошло до XX в. Для данных преданий характерны различные оценки Е.Пугачева и пугачевцев, что отражает реальный расклад позиций казачества в 1773—1774 гг. Известно, что яицкие казаки в основном поддержали самозванца; оренбургские — сохранили верность престолу. При этом среди оренбургских казаков были сторонники Пугачева, а среди яицких — оставшиеся на стороне правительства. Согласно единодушным признаниям А.С.Пушкина, И.И.Железнова, А.Рябинина, В.Г.Короленко, среди казаков-уральцев господствовало положительное отношение к Е.И.Пугачеву и представление о том, что самозванец был истинным Петром III.

В песне "Об Алтынском знамени" яицкие казаки-пугачевцы защищают именно царское знамя ("алтынское" — голштинское; в войске Пугачева действительно имелось голштинское знамя; при поражении повстанцев у Сальникова завода И.Михельсон, командовавший правительственными войсками, отбил у мятежников голштинское знамя Дельвичева драгунского полка.— И.П.). Песня повествует о "несчастьице", случившемся в полку, — тяжелом ранении хорунжего "Иванушки Семиоыча Бархаискова". Последний успевает "вскричать, взгаркнуть громким голосом": "Уж ты, гой еси, мой племянничек, // Что Степанушка, сын Михайлович! // Подбеги ко мне ты скорехонько! // Поддержи, подними знамя царское, // Знамя царское, все Алтынское. // Не допусти ты знамя до сырой земли! // Сбереги, соблюди знамя царское, // Знамя царское, все Алтынское"[54].

Порой личности Петра III и Пугачева разводились. "Между казаками, из которых лет 10 т.н. оставались еще современники Пугачева, — писал А.Рябинин, — твердо укоренилось убеждение, что Петр III был сам по себе, а Пугач сам по себе, хотя они действовали и заодно. Пугач был колдун, заговоренный от пули, от ножа, от яду и других опасностей, оттого он ни разу даже и ранен не был"[55].

Но отрицательная оценка Пугачева-Петра III отразилась и в фольклоре уральских казаков. В одной из песен пелось: "Яицкие казаки — бунтовщики, // Дураки же большая была их часть, ... Пошли искать себе царя. // Они полгода страдали — // Все царя себе искали. // Нашли себе царя — // Донского казака // Емельяна Пугача". Критически оцениваются илекские

казаки, перешедшие на сторону самозванца: "Илекские казаки — // Изменщики-дураки — // Без боя они и без драки передались..."[56].

Множество преданий, дававших негативную оценку Е.И.Пугачеву и его армии, сохранилось среди потомков оренбургских казаков-современников событий 1773—1774 гг.

В предании "Пугачев в Чебаркуле", записанном известным уральским краеведом и фольклористом В.П.Бирюковым в 1940 г. от бывшего казака С.А.Ильиных, сообщалось, что Пугачев устроил в местной церкви конюшню, а когда уходил, то зажег церковь. "Старики молились, — рассказывал краеведу С.А.Ильиных. — Если крест на юг или юго-восток упадет, то еще жизнь будет впереди, а если на запад, то жизни больше не будет". К счастью, после подгорания церкви крест повалился на юго-восток. Пребывание пугачевцев в Чебаркуле ознаменовалось казнями среди местного населения, не желавшего вступать в армию самозванца. "Принуждение народу было идти в армию. Если кто из молодых людей не желали в армию, безо всяких разговоров вели на висильницу (виселицу. — И.П.) и вешали"[57].

В предании "Пугачев в Коелге" рассказывается, как Пугачев повесил прапрадеда рассказчика. Прапрадед был атаманом казачьего поселка. "Очевидно, атаман не захотел признавать власти Пугачева, — объяснял рассказчик Е.Г.Шлыков, — и за это поплатился жизнью" (предание также записано В.П.Бирюковым в 1950 г. в Челябинске)[58].

Предосудительным было поведение "Пугачева" в Нижней Увельке (предание "Пугачев в Нижней Увелке"): "Он пришел в Увелку. Да на Масленной неделе дело было. Зачал с катушки кататься. Кататся, а сам ноги-то не подгибат. Како-т пьяной каталса, да задел ево за ноги... Дак ево даже не казнили, а на куски изрубили всево, голову поддели на долгу жердь, воткнули, и она три года стояла. Витер подымается, — только вижжело... Вижжит и вижжит...".

В крепости Степной, согласно преданию "Пугачев в Степной", "кака-то девка из баниова окна медной пуговкой стрилила, попала в руку. После того он долго ходил с подвязанной рукой, носил ее этак"[59].

Значительный след в фольклоре уральских казаков оставили волнения 1804—1808 гг., подавленные кн. Г.С.Волконским. Сохранились песни и о волнениях 1837 г., связанных с подачей жалобы казаками цесаревичу-наследнику в Уральске[60].

Посещение в 1824 г. императором Александром I Оренбурга, устроенный по этому случаю парад войска произвели большое впечатление на казаков, которые сочинили по данному поводу песню: "Вот приехал белый царь, // Православный государь, // С праваго фланга заезжал, // Речь хорошую сказал: // "Здорово, мои дети, // Оренбургцы молодцы!" // Соправа и солева // Закричали враз "ура!" // Царь полковнику сказал, // Чтоб приемы показал. // Наш полк не сробел, // Показал царю пример. // Все приемы промелькали, // Похвальбу мы получали". Этим, однако, царский смотр не заканчивается: "Не успели мы раздеться, // Становились в пеший строй; // По-взводно проходили, // Благодарность получили"[61].

В 1874 г. была начата реформа военной службы и организации самоуправления в Уральском войске. Казаки встретили данное мероприятие враждебно, отказались давать подписку о принятии нового Положения. Оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский и казачий генерал Бизянов расправились с участниками волнений: несколько тысяч казаков

(т.н. "уходцы") было отправлено в Туркестанский край на поселение. Память об этих событиях хранилась в преданиях и песнях уральских казаков. Одна из песен "Отказ казаков от подписки" повествует, как генерал Бизянов ездил по станицам с указом, велевшим "в год учить детей три раза". Но старики-казаки отказались подчиниться царской воле: "Не желаем принять ученья, лучше пойдем на мученье!" Далее в песне рассказывалось, как стариков принуждали отказаться от противности, держали в тюрьме. Но они стойко выдержали испытания и продолжали твердить: "Не желаем мы подписаться, все готовы заковаться". Заканчивается песня прощанием казаков с Уральском и Уралом, "быстрой рекой", и отправкой по этапу в Среднюю Азию[62].

Набеги степняков — киргиз-кайсаков, хивинцев, бухарцев — на казачьи линии были частым явлением в жизни казачества. Сохранились песни и предания о поражении яицких казаков на р. Утве от киргиз-кайсаков и каракалпаков (в действительности эти события имели место в 1723—1724 гг.). Неспокойной была ситуация в степном пограничье в 1830—1840-е гг., во время восстания под руководством султана Кенесары Касымова. Оренбургская казачья песня отразила событие данного времени, набег кочевников на Екатерининский форпост в 1844 г.: "Из-за лесу-то было, лесу темного, // Из-за зеленой дубравушки // Возмывала же туча черная, // Туча черная, не дождевая, // Не дождевая, // Не дождевая — злы киргизушки, // Злы киргизушки кенисаринские. // Они сделали удар на Екатерининский отряд: // Они выжгли его, они вырубили, // Во полон-то брали двух стрельцов-бойцов // И еще-то взяли в полон красну девушку, // Красну девушку, Пелагеюшку"

В целом казачий фольклор хранил огромный пласт исторических знаний. Глубина народной памяти измерялась столетиями. При этом исторические представления казаков, как и крестьян, характеризовались большой степенью избирательности. В казачьем фольклоре существенное место, большее чем в крестьянском, занимали песни и предания о войнах, которые вела Россия. Это и понятно — казаки пели и рассказывали о событиях, в которых нередко принимали непосредственное участие их предки. Освоение новых территорий, их защита от неприятеля — ведущие темы казачьего фольклора. Противостояние попыткам государства урезать казачье самоуправление, унифицировать организацию отправления воинской службы, ликвидировать местные традиции и обычаи — также нашло отражение в фольклоре казачества Азиатской России.

ГЛАВА 6

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. Начало войны. Казаки в кампании 1914 г.

Германский посол граф Пурталес 18 июля 1914 г. вручил российскому министру иностранных дел Сазонову ноту, в которой говорилось, что начиная с полуночи 18 июля Германия находится в состоянии войны с Россией. Первая мировая война стала фактом. Война не была неожиданной. Ее предвидели, к ней в главнейших европейских державах практически открыто готовились на протяжении ряда лет.

Война 1914—1918 гг. была следствием резкого обострения противоречий между ведущими государствами Европы, прежде всего Германией и Австро-Венгрией с одной стороны, Англией, Францией, Россией — с другой. Эти страны играли ведущую роль в противостоянии блоков — Тройственного союза и Антанты. К главным воевавшим группировкам примыкали с обеих сторон другие государства. В результате война действительно превратилась в мировую. Бои шли на многих фронтах, а театр военных действий был достаточно широк. При этом, однако, первостепенную роль играл Восточный фронт, где русские войска сражались против армий стран-участниц Тройственного союза.

Против России Германия выставила в Восточной Пруссии в августе 1914 г. одну армию, а Австро-Венгрия в Галиции развернула четыре армии. Всего против России в августе 1914 г. было направлено до 850 тыс. чел. и 1848 орудий.

Россия свои силы — свыше 1 млн чел. и 3200 орудий — вначале развернула на двух фронтах: против Германии — Северо-Западный фронт (1-я, 2-я и 6-я армии) и против Австро-Венгрии — Юго-Западный фронт (3-я, 4-я, 5-я и 8-я армии), 7-я армия прикрывала черноморское побережье и румынскую границу. Кроме того, русские войска сражались в Закавказье против турецкой армии.

Россия имела в приграничной полосе 37 кавалерийских дивизий, в том числе 13 казачьих, предназначенных для действий в составе общевойсковых армий. С началом войны стали формироваться второочередные казачьи полки и дивизии, основная часть которых пошла на создание войсковой конницы. Эти части входили в состав пехотных корпусов и дивизий для несения разведывательной, конвойной, комендантской служб. В первые полтора

года войны значительная часть казачьих частей всех одиннадцати казачьих войск входила в состав армейских корпусов, и лишь в начале 1916 г. отдельные казачьи полки и бригады начали сводиться в казачьи дивизии. Большинство их использовалось в интересах той или иной армии. Необходимо иметь в виду, что во всех 24 кавалерийских дивизиях регулярной конницы четвертыми полками были казачьи (см. табл. 4).

Таблица 4.

Количество казачьих частей в мировой войне 1914—1918 гг.[1]

Казачьи войска	Конные полки	Пешие батальоны	Артиллерийские батареи	Отдельные и особые сотни	Конвойные полусотни
Донское	61	6	26	77	58
Кубанское	37.5	22	6	31	7
Терское	12	2	3	5	6
Оренбургское	18.5	—	8	39	4
Уральское	9	—	2	6	2
Астраханское	3	—	1	1	—
Сибирское	9	—	3	3	—
Семиреченское	3	—	—	3	—
Забайкальское	9	—	4	—	—
Амурское	2	—	1	5	—
Уссурийское	1.5	—	—	5	—
Лейб-гвардии Сводный казачий полк	1				
Всего	166.5	30	54	175	77

* Уральская и Оренбургская сотни, Сибирская и Забайкальская полусотни, Амурский, Уссурийский, Астраханский и Семиреченский взводы

Таким образом, казачьи войска Урала и Сибири выставили 56 полков, 18 казачьих батарей, 61 отдельных и особых сотен, не считая запасных частей. До 1916 г. из 56 полков только 34 входили в состав соединений того или иного казачьего войска (Оренбургская, Уральская, Сибирская казачьи дивизии, Уссурийская, Сибирская, 1-я, 2-я и 3-я Отдельные Забайкальские казачьи бригады). Лейб-гвардии Сводный казачий полк входил в 1914 г. в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, затем в Гвардейскую казачью бригаду Гвардейского кавалерийского корпуса и с июля 1916 г. до конца войны — в состав 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. Шесть казачьих полков Востока России входили в состав регулярных дивизий, остальные полки и сотни находились в подчинении армий, армейских корпусов и во внутренних округах.

Чтобы включить в военные действия такое количество казачьих частей и соединений, потребовалось провести фактически поголовную мобилизацию. Она легла тяжким бременем на казачество: далеко не всем было под силу иметь за свой счет строевую лошадь, обмундирование, снаряжение и холодное оружие. В то же время в начале XX в. было сокращено число льгот на безвозмездное получение снаряжения и коня за счет станичных средств. Дело в том, что после войны с Японией в казачьих войсках почти не

увеличивались войсковые капиталы. Кроме того, в военное время в казачьи войска подлежали мобилизации 12,5% мужского населения, в то время как в регулярные — 4,2%[2].

Эти трудности учитывало правительство. Уже 13 сентября 1914 г. было принято постановление "О переложении с войсковых капиталов казачьих войск на казну расходов, имеющих общегосударственное значение". Согласно постановлению казачьи войска прекращали перечисление средств на содержание Казачьего отдела Главного штаба, военно-санитарного и ветеринарного управлений, на инспектирование юнкерских училищ и др. Более того, в постановлении говорилось: "Принять на средства государственного казначейства нижеследующие расходы, производимые из войсковых капиталов казачьих войск по действующим штатам и положениям:

— на содержание войсковых наказных атаманов, войсковых штабов, оружейных мастерских, местных команд, учебных сборов льготных частей, выступающих на действительную службу, пособий офицерам и казакам при выходе на службу, приобретение лошадей, взамен утраченных не по вине владельцев и др."[3].

Благодаря этому постановлению трудности, связанные с проведением мобилизации, удалось в какой-то мере ослабить.

Между тем на Западе развернулись громадные по своим масштабам сражения. Не закончившие полностью своего сосредоточения армии Северо-Западного фронта по настойчивому требованию французского правительства 4-го августа 1914 г. начали наступление в пределы Восточной Пруссии, обходя 8-ю немецкую армию севернее Мазурских озер 1-й армией генерала П.К.Ренненкампфа и с юга 2-й армией генерала А.В.Самсонова. 7 августа на фронте Гумбинен-Гольдап завязалось сражение между 1-й русской и 8-й немецкой армиями. Части немецкой армии потерпели поражение. Тем временем 2-я армия генерала Самсонова вышла во фланг и тыл 8-й немецкой армии западнее Мазурских озер. Продвигаясь вглубь Восточной Пруссии, русские войска наступали на широком фронте, фланги были плохо обеспечены, управление армиями фронтом и Ставкой не было согласованным. Немецкое командование бросило против 2-й армии почти все силы и, окружив два русских корпуса, разгромило их, а затем вытеснило из Восточной Пруссии и 1-ю русскую армию. Таким образом, Восточно-Прусская операция закончилась поражением российских войск.

В числе первых соединений казачьих войск прибыла на фронт Оренбургская казачья дивизия генерал-майора М.Г.Михеева в составе 9-го, 10-го, 11-го и 12-го Оренбургских казачьих полков и 2-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона. 14 августа Оренбургская казачья дивизия вошла в состав 6-й армии Северо-Западного фронта и получила приказ — оборонять побережье Финского залива в районе Петрограда. В октябре 1914 г. дивизия Оренбургских казаков была направлена на Юго-Западный фронт, где вела боевые действия в составе 8-й и 9-й армий. В боях на Северо-Западном фронте участвовал в Восточно-Прусской операции лейб-гвардии Сводный казачий полк генерала Граббе.

Уже в первых неудачных в целом для русских войск боях казаки Урала и Сибири показали немалое мужество, хорошую подготовку и воинское мастерство. В ходе Восточно-Прусской операции 2-й Оренбургский казачий полк попал в окружение. Храбро сражались казаки. Они показали себя умелыми воинами, но слишком неравны были силы. Полк в бою потерял

половину своего состава, командира и, что особенно переживали казаки, полковое знамя. И здесь отличилась группа казаков во главе со старшим урядником Андреем Прочанкиным. Казаки Петр Русанов, Андрей Ковешников, Феоктист Подтихов, Егор Щербинин, Михаил Толкачев, Ефим Репьев, Иван Черяев и Александр Игнатенков сумели отыскать знамя и 20 августа, прорвавшись через линию фронта, вернули святыню полка. Подвиг оренбургских казаков был отмечен Георгиевскими крестами IV-й степени. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Н.А.Сухомлинов вручил семьям героев специальные небольшие иконы с благодарственной надписью.

Отличился и 1-й Оренбургский казачий полк под командованием Л.Тимашова. Полк входил в состав 10-й кавалерийской дивизии генерала Маркова и участвовал в бою у села Ярославица. За проявленную храбрость офицеры Печенкин, Крылов, Полозов, Половников получили Георгиевское оружие, а командир полка — орден Святого Георгия IV степени[4].

На Юго-Западном фронте с 5 августа по 8 сентября 1914 г. развернулась Галицийская битва. На львовском направлении действовали 3-я и 8-я армии генералов Н.В.Рузского и А.А.Брусилова, на перемышльском направлении 4-я и 5-я армии генералов А.Е.Эверта и Г.А.Плеве. 4-я и 5-я армии, потерпев поражение под Красником и Томашувом, отошли на Люблин, Холм, Владимир-Волынский. В то же время 3-я и 8-я армии нанесли поражение противнику, и его правый фланг начал отход на городскую позицию (30 км от Львова). 21 августа русские войска заняли Львов, 22 августа — Галич. Переход в наступление 4-й и 5-й армий и вновь сформированной 9-й армии обеспечил успех сражения. Немецкие войска отошли на 100—130 км за реку Дунаец и только окруженная русскими войсками крепость Перемышль продолжала обороняться. К 13 сентября русские войска вышли на линию реки Вислока в 80 км от Кракова. Так закончилась продолжавшаяся 33 дня грандиозная Галицийская битва, в которой русские войска продвинулись на 280—300 км. Австро-венгерская армия была разгромлена и в ходе последующих кампаний уже не была способна к ведению решительных действий. Все это создало реальную возможность вторжения русских войск в юго-восточную часть Галиции.

В составе конницы 4-й армии успешно действовала Уральская казачья дивизия в составе 4-го, 5-го, 6-го и 7-го Уральских казачьих полков. Командовал дивизией генерал Кауфман. В составе 25-го корпуса в Галицийской операции участвовали 8-й и 9-й Уральские казачьи полки; в составе Гренадерского корпуса — 13-й и 14-й Оренбургские казачьи полки. 15-й и 16-й Оренбургские казачьи полки действовали в составе конницы 9-й армии, 18-й Оренбургский казачий полк — в составе 8-й армии[5].

В результате наступления русских в Галиции между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами образовался 200-километровый разрыв, прикрывавшийся лишь рекой Висла и крепостью Ивангород. Русское командование решило перебросить туда 4-ю, 5-ю, 9-ю армии с реки Сан, а 2-ю армию и два корпуса 1-й армии — с р.Нарев. Однако немцы опередили русские войска и 15 сентября начали наступление в районе Ивангорода. Развернулась Варшавско-Ивангородская операция, длившаяся весь октябрь. В ней участвовало с обеих сторон свыше 800 тыс. человек. Упорное сопротивление 4-й и 9-й армий и крепости Ивангород вынудило немецкие войска перейти к обороне. Стойко сражались казаки 14-го Оренбургского казачьего полка в

составе гарнизона Ивангорода. 5—10 октября русские армии перешли в наступление. К 26 октября они вышли на рубеж Унев, Ласк, западный Тарнув, где были остановлены противником.

В октябрьском наступлении в составе 4-й армии успешно действовали Уральская казачья дивизия генерала Стебнока и 1-я Забайкальская казачья бригада генерала Томашевского в составе 1-го Верхнеудинского, 1-го Читинского, 1-го Аргунского казачьих полков и Забайкальского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. В послании командующего 4-й армии генерала А.Е.Эверта Войсковому Наказному Атаману Забайкальского казачьего войска говорилось: "Переправившись 9 октября на левый берег Вислы, имея задачей обеспечение правого фланга армии, разведку противника на широком фронте и поддержку связи с соседней армией, 1-я Забайкальская казачья кавбригада в течение 2-х дней задерживала боем в конном и пешем строю наступление сначала передовых частей, а затем и целой пехотной бригады противника, не давая возможности ей обойти правый фланг корпуса, действовавшего на левом фланге армии. Затем во время боя этого корпуса, бригада энергично содействовала ему атаками во фланг противника и способствовала успеху корпуса, опрокинувшего немцев в составе 1,5 корпусов и принудившего их к поспешному отступлению.

Преследуя вместе с корпусом отступавшие колонны противника на протяжении 150 верст, Забайкальская бригада отбила обозы и захватила много пленных. Но особенно показали себя забайкальцы, когда армия, остановившись перед заранее укрепленными позициями противника, вела упорные бои в течение почти месяца, когда охрана и ответственность за совершенно открытый правый ее фланг была возложена около 10 дней исключительно на ответственность Забайкальской бригады"[6].

После успешного завершения русскими войсками Варшавско-Ивангородской операции Ставка планировала начать новое наступление 1 ноября. Но немецкие войска 29 октября 1914 г. нанесли удар в стык 1-й и 2-й русских армий. В течение недели немецкие армии пытались окружить русские войска в районе Лодзи. Энергичные действия русских войск, особенно 2-й армии генерала С.Н.Шейдемана, не позволили противнику сомкнуть кольцо окружения. 1-го ноября перешли в наступление 1-я, 4-я и 5-я армии. Немецкая группировка была окружена. Из 48 тыс. человек, насчитывавшихся в ней к началу наступления, из окружения вышло только 6 тыс.

В составе 1-й армии 5 ноября 1914 г. приняла боевое крещение Уссурийская конная бригада в составе Приморского драгунского, 1-го Нерчинского казачьего полков и конно-горного артдивизиона. Бригада уссурийских и забайкальских казаков генерала Киселева решала задачу выхода на фланг и в тыл противника на левом крыле 1-го Туркестанского армейского корпуса. Успешно действовала в составе 1-й армии 1-я Туркестанская Отдельная казачья бригада генерала Логинова в составе 2-го Уральского и 5-го Оренбургского казачьих полков.

11—13 ноября части 1-го Туркестанского армейского корпуса вели ожесточенные бои в районе городов Цеханов и Прасныш. 12 ноября, когда противник начал обход левого фланга корпуса, Уссурийская бригада вышла во фланг и тыл противнику и задержала его продвижение. В приказе войскам 1-го Туркестанского армейского корпуса № 95 от 15 ноября 1914 г. говорилось: "Таким образом, движение наших частей на оба фланга противника с бесстрашным упорством центра вынудило противника к отходу. К утру 13

ноября наши части заняли г.Цеханов, а 14 ноября — Прасныш. Несмотря на туманную погоду, наша конница — 4-я Донская казачья дивизия с правого фланга, а Уссурийская конная бригада с левого фланга рядом лихих кавалерийских атак все время теснила противника к северу"[7]. Командир корпуса объявил благодарность в приказе командиру 11-й Сибирской пехотной дивизии, а также начальникам 4-й Донской казачьей дивизии и Уссурийской конной бригады.

Успешно действовали казачьи соединения в ноябре-декабре 1914 г. сначала в составе кавалерийского корпуса генерала Туманова, затем — гвардейского корпуса генерала Гилленшмидта. За героизм и воинское мастерство личный состав Уральской казачьей дивизии и 1-й Отдельной Забайкальской казачьей бригады получил благодарность командующего 4-й армией, а 30 ноября генерал Гилленшмидт зачитал перед казаками телеграмму Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, в котором он благодарил казаков за верную службу и пожаловал по пять Георгиевских крестов на сотню[8].

В начале декабря казачьи соединения прикрывали отход 4-й армии за реку Пилица и до мая 1915 г. занимали здесь оборону на фронте от г.Томашув до м.Сулеев. Оценка боевым действиям казаков за бои в конце 1914 г. дана в приказе Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 11 декабря 1914 г.: "С 20 ноября до 8 декабря уральцам и забайкальцам, — говорилось в приказе, — пришлось выдержать энергичный напор австро-германских войск в районе Белхатов—Грохолице и остановить их наступление на фронте Грабиц—Богданов, где до 2 декабря превосходящие силы трех кавалерийских и полутора пехотных дивизий противника не смогли сломить доблесть и упорство казаков, работавших совместно с полками Гвардейской кавалерии.

Трудности работы боевых действий увеличивались еще тем, что для удержания наступления противника к Петрокову нашей коннице пришлось в течение 12 дней сражаться в окопах. Вследствие необходимости перегруппировки армии Конный корпус устроил завесу на фронте 80 верст, прикрыв отход армии. Эту трудную и ответственную задачу казаки с Гвардейской кавалерией выполнили образцово, дав возможность нашей армии спокойно принять новое положение для дальнейших действий.

С 5 декабря уральцы и забайкальцы прикрыли фланг наступления армии до реки Пилица и своими энергичными действиями отбросили обходившие нас войска противника...

За столь усиленную боевую работу от лица службы сердечно благодарю врио командира Уральской кавдивизии генерал-майора Томашевского, командиров полков, командиров Донского и Забайкальского дивизионов, батарей, всех господ офицеров. Молодцам-казакам мое искреннее и горячее спасибо!"[9]

С самого начала войны обе коалиции развернули интенсивную дипломатическую борьбу за привлечение на свою сторону новых союзников. Особенно важным было привлечение на свою сторону Турции, которая занимала важное географическое и стратегическое положение. 16 октября 1914 г. турецкие корабли под командованием немецких офицеров обстреляли ряд русских портов. На Кавказском театре военных действий турки развернули свою 3-ю армию (190 тыс. чел., 300 орудий) с целью вторжения в Закавказье.

Русское командование сформировало Отдельную Кавказскую армию. В ее состав входили 200 пехотных батальонов, 117 казачьих сотен, 15 инженерных рот. Армия насчитывала 190 тыс. чел. и 350 орудий. Ее небольшие силы должны были прикрыть границы протяженностью около 1000 км. Важнейшим было Эрзерумское направление, на котором сосредоточилось около 1/3 личного состава и 120 орудий. В конце октября здесь развернулись сильные бои у Кеприкея, закончившиеся отступлением русских. В течение ноября обе стороны провели ряд частных операций. Русские войска значительно продвинулись на эрзерумском, алашкертском и ванском направлениях, а турецкие — на батумском.

9 декабря 1914 г. турецкие войска начали наступление на г.Саракамыш, чтобы отрезать главные силы русских от Карса и сбросить их в ущелье реки Аракс. Туркам удалось обойти Саракамыш с севера, захватить г.Аргадан и прервать железнодорожную и телеграфную связь с Тифлисом. В критический период сражения в районе Саракамыша Ставка ВГК признала необходимым усилить Кавказскую армию за счет перевозимых в это время на Западный фронт 2-й и 3-й Отдельных Забайкальских казачьих бригад, ряда казачьих полков из Донской области, а также частей Туркестанского и Казанского военных округов.

11 декабря Саракамышский отряд генерала Г.Э.Берхмана отошел к границе и занял прочную оборону. Это позволило руководству Кавказской армии снять часть сил с флангов и совместно с армейским резервом направить их к Саракамышу, который оборонял отряд полковника Букретова.

Сибирская казачья бригада генерала Калитина в составе 1-го и 2-го Сибирских казачьих полков и 2-й Оренбургской казачьей батареи, находившаяся в резерве в районе Боржома, за 3 дня проделала марш в 133 км и остановила у Ардагана отступающие русские части отряда генерала Геника. 16 декабря русские войска перешли в наступление. 21 декабря Сибирская казачья бригада комбинированным ударом совместно с Кубанской пластунской бригадой овладела г.Ардаган. В бою за Ардаган особенно отличился 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича казачий полк полковника Раддаца. Полк, обойдя Ардаган с запада, в конном строю уничтожил более 500 турецких солдат и офицеров, около 200 чел. взял в плен. Потери полка составили 16 чел. убитыми и 35 ранеными. Командир полка был награжден орденом Святого Георгия IV степени. В бою отличился казак 4-й сотни С.Н.Колков. Увидя, как пал тяжело раненый казак А.Трошин, пытавшийся захватить знамя 8-го Константинопольского турецкого полка, С.Колков бросился в гущу турок, зарубил знаменщика и вестового и на трофейном белом коне доставил вражеское знамя командиру полка. Отважный казак был награжден Георгиевским крестом IV-й степени.

Русские войска успешно вели контрнаступление. К 22 декабря был окружен и почти полностью взят в плен во главе со своим командиром и штабом 9-й турецкий корпус. 1-я Кавказская казачья дивизия создала в это время угрозу флангу и тылу 10-го турецкого корпуса, который также стал отходить. 31 декабря Сибирская казачья бригада получила задачу — выйти в тыл частям 10-го турецкого корпуса. В сложных погодных условиях сибиряки выполнили эту задачу. Сибирские казаки до 15 января 1915 г. преследовали турок на ольтинском направлении до оз.Ида, где полки, заняв оборону, сдерживали натиск турецких частей, пытавшихся выйти во фланг и тыл Кавказской армии[10].

Нанеся тяжелое поражение турецкой армии, русские войска в последующем ликвидировали угрозу Батуму. Таким образом, на Кавказском фронте сражения окончились крупными успехами русской армии, а Саракамышская операция вошла в историю как редкий пример искусного противодействия окружению с почти полным разгромом окружающих войск.

Кампания 1914 г. показала несостоятельность расчетов правительств и генеральных штабов обеих воевавших сторон на скоротечную войну. Несмотря на максимальную мобилизацию всех имевшихся ресурсов стран Антанты и Тройственного союза ни те, ни другие не смогли добиться стратегических успехов. Война явно затягивалась. Это таило в себе угрозу социального взрыва. Особенно опасным было положение Германии и ее союзников, строивших все свои планы в надежде на молниеносную войну. Антанта выстояла. А поскольку материальных и особенно людских ресурсов у Англии, Франции, России было значительно больше, чем у Германии, Австро-Венгрии и Турции, стратегические позиции Антанты были более сильны.

2. Великое отступление

Готовясь к кампании 1915 г., германское командование стремилось учесть опыт начального периода войны, соответствующим образом корректировало свои планы. Главная цель, которую ставила на 1915 г. Германия, была ликвидация того крайне опасного для нее положения, когда приходилось воевать на два фронта: на западе и на востоке. Поскольку в 1914 г. Францию разгромить одним ударом не удалось, было решено во время кампании 1915 г. сосредоточить основные усилия на востоке, против России. Считалось, что русские не смогут выдержать германского удара и будут сломлены. Разгромив же Россию, Германия могла бы всю свою мощь направить на запад против Франции.

1915 год вошел в историю первой мировой войны, как год тягчайших испытаний для Российской империи. Исследователи позднее назовут его годом Великого отступления русской армии. 25 января—13 февраля немцы проводят наступательную операцию в Восточной Пруссии. 8-я и 10-я немецкие армии пытались окружить 10-ю русскую армию генерала Ф.В.Сиверса, развернутую на 170-километровом фронте в районе Сувалки. Немецким войскам удалось окружить лишь 20-й армейский корпус, который 10 дней дрался в окружении и почти весь погиб, но позволил основным силам армии отойти на линию Липс—Ковно—Осовец.

Прикрывая отступление 53-й и 29-й пехотных дивизий, погибли 2-я и 4-я сотни 4-го Сибирского казачьего полка, а полусотня 1-й сотни этого полка со знаменем, командиром и штабом полка погибла вместе со штабом 20-го армейского корпуса. Георгиевское знамя полка было зарыто казаками и найдено в полной исправности 14 апреля 1915 г.[1]

7 февраля 1915 г. после ожесточенных боев русские войска оставили город Прасныш. 12—14 февраля выдвинутые из резервов 1-й и 12-й армий 1-й и 2-й Сибирские армейские корпуса сильными контрударами во фланг германских войск выбили их из Прасныша. Противник только пленными потерял около 100 тыс. человек. 17 февраля русские армии перешли в общее наступление севернее Сувалки и к 17 марта отбросили противника на

территорию Восточной Пруссии. 9 марта немецкий гарнизон крепости Перемышль капитулировал. В составе 11-й русской армии, блокировавшей Перемышль семь месяцев, храбро сражались казаки 1-го Уральского казачьего полка. Командир полка полковник М.Н.Бородин был назначен первым комендантом крепости Перемышль[2].

На Юго-Западном фронте германские и австрийские войска перешли в наступление 19 апреля с целью окружить и уничтожить 3-ю русскую армию, а затем наступать на Перемышль и Львов. На участке прорыва в 35 км войска противника превосходили русские войска в живой силе — в 2 раза, в артиллерии — в 4,5 раза, в том числе в тяжелой артиллерии почти в 40 раз, в пулеметах — в 2,5 раза. Кроме того, русские армии имели ограниченное количество боеприпасов — по 30—40 выстрелов на орудие, в то время как противник — 1200.

Неподготовленность русской армии к операциям 1915 г., слабая работа военной промышленности сказались на боеспособности армии. Русские войска с 15 мая с большими потерями отошли на линию Сандомир—Перемышль. 3 мая германо-австрийские войска вновь заняли Перемышль, 22 июня — Львов и вынудили русские войска, потерявшие свыше 500 тыс. чел., оставить Галицию.

С февраля по июль 1915 г. войска Северо-Западного фронта вели наступательные и оборонительные бои на Праснышском направлении. В начале мая в Уссурийскую конную бригаду прибыл Уссурийский казачий полк, с начала войны воевавший в составе 4-го Сибирского армейского корпуса. Казачья бригада в составе 1-го Нерчинского, Уссурийского казачьих и Приморского драгунского полков летом 1915 г. вела ожесточенные бои в составе 19-го армейского корпуса. Успешно действовала бригада в районе местечка Попеляны, за что большая группа казаков и офицеров бригады была награждена орденами и медалями, а ее командир генерал Крымов получил орден Святого Георгия IV-й степени.

На Северо-Западном фронте, как и на Юго-Западном, русские войска летом 1915 г. также потерпели поражение и вынуждены были оставить территорию Польши.

В период отхода русских войск из Польши и южной Прибалтики 4 августа 1915 г. решением Ставки ВГК Северо-Западный фронт был разделен на два — Северный и Западный. Оба они продолжали отступление.

В августе—сентябре 1915 г. войска Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои в районе Вильно. Удержав район Вильно, русские войска нанесли противнику большой урон. Немецкое командование, усилив этот участок фронта тремя корпусами, 27 августа начало наступление на Свенцяны в стык 5-й и 10-й русских армий. В прорыв немцы двинули шесть кавалерийских дивизий. К 3 сентября немецкая кавалерия заняла Сморгонь, Вилейку и повела наступление на Молодечно. Русское командование срочно сформировало 2-ю русскую армию, усилив ее девятью кавалерийскими дивизиями, в том числе Уральской казачьей дивизией генерала Стебнока, Сибирской казачьей бригадой генерала Потапова и Уссурийской конной бригадой генерала Крымова.

В начале сентября положение в районе Молодечно стабилизировалось, и русские войска перешли в наступление. На общем фоне неудачных и слабых действий многочисленной конницы 2-й армии выделялась Уссурийская конная бригада. 13 сентября она смелым рейдом в тыл противника западнее

оз.Дрисвяты заставила немецкое командование снять из-под Двинска значительные силы и бросить их против уссурийских и забайкальских казаков. Хотя наличие сильной конницы давало возможность продолжать наступление, изнуренная длительными и упорными боями русская пехота была слишком утомлена. В октябре 1915 г. русские армии закрепились на рубеже Рига, река Западная Двина, Двинск, Сморгонь, Барановичи, Дубно, река Стрыпа. Здесь фронт, наконец, стабилизировался.

В период Великого отступления русской армии казачьи войска постоянно находились в гуще событий. Им поручалось обычно прикрытие отхода пехотных частей и соединений, артиллерии и т.п. Во время арьергардных боев 7, 13, 14, 15, 16, 17 и 18-й оренбургские казачьи полки выполняли функции корпусной конницы. Они вели разведку, обеспечивали связь, охрану штабов, участвовали в сражениях. Боевые действия оренбуржцев высоко оценил генерал А.А.Брусилов, отмечавший (в приказе от 7 сентября 1915 г.), что три сотни казаков под командованием подъесаула Глебова нанесли поражение превосходящим силам австрийских войск, обратили их в бегство.

С лучшей стороны зарекомендовали себя и казаки Уральского войска. Многие из них показывали примеры храбрости и находчивости в схватках с противником. За отличие в боях против неприятеля орденом Святой Анны IV-й степени "За храбрость" были награждены прапорщики 4-го полка Павел Свешников и Филипп Чинарев, прапорщик 5-го полка Борис Кирпичников; орденом Святой Анны III-й степени с мечами и бантом — подъесаул 4-го полка Давид Балалаев и хорунжий Владимир Карташов, прапорщик 5-го полка Павел Ергучев, хорунжии 7-го полка Владимир Акутин, Иван Каймашников, Алексей Портнов; орденом Станислава III-й степени с мечами и бантом — прапорщик 4-го полка Алексей Соколов, хорунжий 5-го полка Павел Сидоровнин, прапорщики Аким Мартынов и Евгений Коновалов; орденом Святого Станислава II-й степени с мечами — подъесаул Степан Сидоровнин и хорунжий Дмитрий Бородин из 7-го казачьего полка Уральского войска[3].

В годы первой мировой войны использовался опыт партизанской борьбы 1812 г. в тылу врага. Осенью 1915 г. на Юго-Западном фронте было сформировано 11 партизанских отрядов общей численностью 1700 чел., которые действовали в районе Полесья. В их задачу входило, проникнув в тыл противника, разрушать пути сообщения и связь, уничтожать обозы, склады и штабы вражеских войск. Один из отрядов был сформирован из шести офицеров и 157 казаков Оренбургской казачьей дивизии.

10 октября 1915 г. три казачьих партизанских отряда (в том числе один оренбургский) совершили успешный налет на неприятельский гарнизон, состоявший из трех взводов егерей, двух эскадронов драгун, рабочей артиллерийской роты и саперов. Девять наиболее отличившихся оренбургских казаков были награждены Георгиевскими крестами. 15 ноября пять отрядов оренбургских казаков совершили дерзкую ночную операцию в селе Невель (на Припяти), завершившуюся разгромом крупного гарнизона и штаба 82-й немецкой резервной дивизии. Командир дивизии Фабариус был взят в плен. Потери партизан составили шесть человек убитыми и пятьдесят — ранеными. Подъесаула 11-го Оренбургского казачьего полка Николая Мензелинцева за проявленную в рейде храбрость наградили Георгиевским оружием.

Одной из главных целей действий партизан было создание у противника неуверенности в безопасности своего тыла, принуждение его к отвлечению сил с фронта для охраны тыловых учреждений. Этой цели служили диверсионные акты партизан. За взрыв железнодорожного моста под огнем противника оренбуржец, старший урядник Илья Рябчиков был награжден солдатским Георгием III-й степени. Казаки 13-го Оренбургского полка Максютов, Трушин, Лебедкин и Сероватов получили Георгиевские кресты IV-й степени. Они взорвали в тылу врага железнодорожное полотно на протяжении целой версты, разрушили телеграфную линию. Отличился в тылу врага больше месяца командовавший партизанами начальник штаба 2-й Туркестанской казачьей дивизии подполковник Б.М.Шапошников — будущий маршал Советского Союза[4].

Неудачно для русской армии складывалась обстановка на Кавказском театре военных действий. 9 июля 1915 г. против 4-го Кавказского армейского корпуса, насчитывавшего 31 батальон, 70 эскадронов и сотен, в районе оз.Ван перешла в наступление ударная группировка 3-й турецкой армии (89 батальонов, 48 эскадронов). Части русского корпуса, в который входили 2-я и 3-я Отдельные Забайкальские казачьи бригады генералов Трухина и Стояновского, стойко оборонялись. В середине июля турецкие части оттеснили главные силы русского корпуса к Алашкерту. Создалась угроза прорыва русских позиций. 22 июля срочно созданный в районе Даяра ударный отряд генерала Баратова совместно с частью главных сил 4-го Кавказского корпуса нанес контрудар по левому флангу и тылу турецких войск. Затем перешли в наступление основные силы корпуса. Несколько позже начали наступать русские войска на ванском направлении.

Осенью 1915 г. в результате деятельности германо-турецких агентов в Иране возникла серьезная опасность его включения в войну против России. В этих условиях командование Кавказской армии послало в Иран через Баку по Каспийскому морю экспедиционный корпус генерала Н.Н.Баратова — всего 8 тыс. чел. (в том числе забайкальские казаки) и 20 орудий. 3 декабря части корпуса заняли города Хамадан, Кум и вышли к Тегерану, сорвав попытки противника закрепить свое влияние в Иране и создав условия для оказания помощи английским войскам в Месопотамии.

В итоге кампании 1915 г. германская армия овладела значительной территорией на Востоке, русской армии был нанесен серьезный удар, но главная цель — изменение хода войны в благоприятном для Германии направлении — достигнута не была. Роль русского фронта в 1915 г. резко возросла. Если в начале войны там было 49 дивизий австро-германского блока, то в 1915 г. — 107, т.е. свыше половины всех сил германского блока, действовавших на фронтах.

Неудачи, постигшие русскую армию в кампании 1915 г., заставили осуществить ряд мер по реорганизации ее командования. В сентябре 1915 г. в период Виленской операции и Свенцянского прорыва немецких войск Верховное главнокомандование русской армией принял на себя император Николай II (великий князь Николай Николаевич, бывший до того Верховным главнокомандующим, был назначен на пост главнокомандующего русскими войсками на Кавказе). Считалось, что эта мера укрепит руководство действующей армией. Как выяснилось позднее, это была серьезная ошибка. Отныне ответственность за все неизбежные неудачи непосредственно ложилась на императора.

Еще раньше — в марте 1915 г. Высочайшим приказом была утверждена должность Походного Атамана всех казачьих войск. Атаманом был назначен великий князь Борис Владимирович. В его функции входило общее наблюдение за своевременным удовлетворением потребностей казачьих частей и соединений на театрах военных действий, представление к наградам казачьих частей, офицеров и казаков, приведение в исполнение всех распоряжений, касающихся казачьих войск на фронтах. В сентябре 1915 г., одновременно со вступлением в должность Верховного Главнокомандующего Николая II, права Походного Атамана при ВГК были расширены. Он назначал руководителей на высшие должности в казачьих частях, вплоть до командиров отдельных бригад, организовывал казачьи отряды для партизанских действий в тылу противника, вносил свои предложения по реорганизации казачьих частей и соединений и др. В это же время был создан Штаб Походного Атамана всех казачьих войск при ВГК. Возглавил Штаб Походного Атамана 30 октября 1915 г. бывший командир лейб-гвардии Сводного казачьего полка генерал-майор А.П.Богаевский[5].

В течение 1915 г. казачьи войска значительно пополнили русскую армию и прежде всего кавалерию. Если регулярная конница получила в 1915 г. пополнение в 34333 чел., то казачьи войска направили в конницу 64458 чел.[6] По данным штаба Походного Атамана всех казачьих войск при ВГК, на 1 января 1916 г. в казачьих частях действующей армии насчитывалось 292 тыс., из них в казачьих частях, прибывших из казачьих войск Востока России — свыше 75 тыс.[7]

В середине ноября 1915 г. 4-й, 5-й, 7-й, 8-й Сибирские казачьи полки и Сибирский казачий конно-артиллерийский дивизион были сведены в Сибирскую казачью дивизию, командование которой принял генерал Мышецкий. В декабре 1915 г. 1-я Отдельная Забайкальская казачья бригада разворачивается в Забайкальскую казачью дивизию под командованием генерала Орлова. В это же время Уссурийская конная бригада с вхождением в нее 2-го Амурского казачьего полка, Уссурийского конного дивизиона трехсотенного состава и 8-го Донского казачьего конно-артиллерийского дивизиона преобразовывается в Уссурийскую казачью дивизию. Командиром дивизии был назначен бывший командир Уссурийской конной бригады генерал Крымов. В марте 1916 г. Туркестанская казачья бригада, в которую входили 2-й Уральский и 5-й Оренбургский атамана Могутова казачьи полки с включением в нее 1-го Астраханского и 52-го Донского казачьих полков разворачивается во 2-ю Туркестанскую казачью дивизию. Командиром дивизии был назначен генерал Абрамов. В марте 1916 г. вместо 2-го Амурского полка в Уссурийскую казачью дивизию включен 1-й Амурский генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского казачий полк[8].

К концу осени 1915 г. активность обеих сторон на русско-германском фронте постепенно угасала. Этот год, как и предыдущий, не принес существенных результатов. Потерпев тяжелые поражения, русская армия уступила противнику громадные территории. Но Великое отступление закончилось. Армия сохранила в основном боеспособность, пополнила свои ряды благодаря новым мобилизациям. Россия выстояла. Это означало, что Германии и ее союзникам следовало готовиться и в будущем году к борьбе вновь на два фронта. Все германские успехи так и не принесли окончательной победы.

3. Казачьи войска в 1916—начале 1917 гг.

Зимой 1915—1916 гг. русские армии, как и их союзники готовились к решительным наступательным действиям. В феврале 1916 г. немецкие войска нанесли удар французам под Верденом. В период тяжелых боев за Верден с целью оказать помощь союзникам русское командование в марте предприняло операцию у оз.Нарочь, у Якобштадта и Сморгони. В соответствии с решением стран Антанты на конференции в Шантиньи (март 1916 г.) об общем наступлении союзных армий летом 1916 г. Ставка ВГК утвердила план наступления, согласно которому главная роль отводилась войскам Западного фронта на Виленском направлении, а вспомогательные функции — Северному фронту (продвижение из Двинска на Ново-Александровск) и Юго-Западному — на Луцком направлении. Таковы были планы. Они, однако, претерпели весьма серьезные изменения. Фактически главным событием 1916 г. на Восточном театре военных действий стало наступление войск Юго-Западного фронта — знаменитый брусиловский прорыв.

Весной 1916 г. в связи с просьбой союзников ускорить переход русских армий в наступление, чтобы облегчить положение союзных войск в Италии, Ставка приняла решение начать наступление Юго-Западного фронта раньше намеченного срока. Командующий фронтом генерал А.А.Брусилов решил применить новую тактику прорыва обороны противника — одновременно всеми армиями на четырех направлениях, что делало невозможным для противника маневр резервами. Русские армии Юго-Западного фронта (8-я, 11-я, 7-я и 9-я) имели небольшое превосходство над австро-германскими войсками. Командование фронтом заблаговременно подготовило армии к наступлению, создало штурмовые группы, организовало обучение войск по преодолению сильно укрепленных позиций.

22 мая все армии перешли в наступление, и почти на всех участках оно было удачным. Наибольший успех выпал на долю 8-й армии, овладевшей Луцком, и 9-й, продвигавшейся в Буковину.

В составе 8-й армии участвовали в боях Оренбургская казачья дивизия генерала Михеева и Уссурийская казачья дивизия генерала Крымова. В составе 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса успешно действовал 1-й Уральский казачий полк полковника М.Н.Бородина. 2 июня командир полка возглавил конную атаку уральцев у села Гниловцы. Полк захватил 4 линии вражеских окопов, 3 орудия, 2 пулемета, 1396 пленных, в том числе 24 офицера, за что полковник М.Н.Бородин был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Впоследствии ему было доверено командовать лейб-гвардии Сводным казачьим полком[1]. Отличилась в этих боях и 2-я бригада Оренбургской казачьей дивизии, находившаяся в начале июня в подчинении командира 39-го армейского корпуса. Армейский корпус вел боевые действия на ковельском направлении. В этих боях противник, стремясь прикрыть Ковель, постоянно подводил туда свежие части и неоднократно переходил в решительные атаки, отбиваемые дивизиями 30-го корпуса. 11-й и 12-й Оренбургские казачьи полки полковника Серова и войскового старшины Доможирова, расположенные за 102-й и 125-й пехотными дивизиями, вечером 4 июня, в то время, когда бой достиг высшего напряжения и наша пехота с трудом сдерживала атакующего противника, контратаковали вражеские части в конном строю. Атаку 2-й Оренбургской

бригады поддержали три сотни 3-го Оренбургского казачьего полка, а также части 39-го армейского корпуса. Немцы встретили контратакующих казаков и пехотинцев сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Но остановить оренбуржцев и контратакующую русскую пехоту было невозможно. Немецкие части не выдержали напора и обратились в бегство. Казачьи части, преследуя противника, нанесли ему серьезный удар. Но и оренбуржцы также понесли большие потери. Только убитыми они потеряли 57 чел. Геройски погибли, ведя казаков в контратаку, есаул Ротмистров, сотник Помещиков, хорунжий Старков, прапорщик Пашнин и др.[2]

11 июня Юго-Западному фронту была передана 3-я армия из Западного фронта. В ее состав входили 1-я Забайкальская и Уральская казачьи дивизии. Забайкальская дивизия имела задачу продвигаться в направлении д.Маневичи, Городок и, преследуя противника, захватить переправы через р.Стоход в районе Стобыхва севернее д.Б.Обзир. В боях отличились 1-й Верхнеудинский казачий полк полковника Семенова, захвативший в районе Маневич около 1000 пленных, и 1-й Аргунский казачий полк полковника Шильникова, который первым в дивизии подошел к реке Стоход у д. Б.Обзир. Преследуя противника, забайкальцы в период с 23 по 26 июня захватили в плен 29 офицеров, в том числе одного командира полка, 1370 солдат и унтер-офицеров противника, 2 орудия, 9 пулеметов и много военного имущества. Дивизия потеряла 126 чел. убитыми и ранеными. 26 июня дивизия была сменена на реке Стоход частями сводного кавалерийского корпуса[2].

Силами 8-й и 3-й армий Брусилов пытался форсировать р.Стоход и овладеть Ковелем, но потерпел неудачу, т.к. немцы создали здесь мощный оборонительный узел и подтянули крупные силы.

Успешный прорыв Юго-Западного фронта не был поддержан другими фронтами. Дважды начинавшееся наступление Западного и Северного фронтов закончилось полной неудачей. Тогда Ставка ВГК приняла решение перенести направление главного удара на Юго-Западный фронт и направило туда стратегический резерв в составе трех армейских корпусов, из которых была сформирована Особая армия генерала В.М.Безобразова. Предпринятые в июле—августе два наступления на Ковель вылились в ряд кровопролитных боев на реке Стоход, окончившихся для русских войск безрезультатно, с большими потерями.

В июле—августе 1916 г. Уссурийская казачья дивизия вела тяжелые оборонительные бои в составе 8-й армии в районе р.Сарата. Не раз своими лихими конными атаками казаки останавливали наступление немецких частей. На смотре дивизии 15 августа 1916 г. Походный Атаман всех казачьих войск при ВГК великий князь Борис Владимирович сообщил казакам, что император "соизволил передать всем частям дивизии его благодарность и повелел щедро представить к наградам гг. офицеров, драгун и казаков дивизии за их блестящую боевую работу в составе Юго-Западного фронта", а 6 октября уссурийцы получили от Николая II телеграмму следующего содержания: "Командиру 1-го Нерчинского казачьего полка. В день тезоименитства Наследника Цесаревича назначаю его шефом молодецкого Нерчинского полка". Отныне полк стал именоваться "1-й Нерчинский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича казачий полк"[4]. Эту высокую награду забайкальские казаки заслужили своими боевыми делами. 28 ноября 1916 г. Уссурийская казачья дивизия генерала Крымова прибыла

на Румынский фронт и вошла в состав 5-го кавалерийского корпуса генерала Вельяшева.

С июля по октябрь 1916 г. лейб-гвардии Сводный казачий полк полковника М.Н.Бородина вел боевые действия на позициях у р.Стоход в составе 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. Впервые за два с лишним года войны гвардейский полк из представителей казачьих войск Востока России нес службу в пешем строю столь длительное время. Все сотни полка, занимая участки протяженностью 1,5 км, несли службу на островах, почти ежедневно высылали партии разведчиков на сторону противника, а также для изучения проходимости реки Стоход. За это время было проведено 10 вылазок казаков-гвардейцев, пять из них под руководством офицеров и пять — под руководством урядников, причем более половины вылазок — исключительно по инициативе сотенных командиров и на добровольном принципе участия в них нижних чинов.

Наступательная операция Юго-Западного фронта явилась крупным достижением в развитии военного искусства, доказала возможность прорыва позиционного фронта, хотя его тактические успехи не привели к решающим результатам. Важным политическим итогом русского наступления было выступление Румынии на стороне Антанты.

Румыния вступила в войну 14 августа 1916 г. Но армия ее была слабо подготовлена, и войска германской коалиции вскоре вторглись в Валахию и заняли Бухарест. Только с помощью русских войск в конце декабря 1916 г. фронт стабилизировался. Русское командование вынуждено было перебросить на румынский участок фронта 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, в том числе Оренбургскую казачью дивизию, 1-й, 3-й, 18-й Оренбургские казачьи полки, а несколько ранее — Уссурийскую казачью дивизию.

На Кавказском фронте в январе 1916 г. командование русской армии блестяще осуществило Эрзерумскую операцию с целью разгрома 3-й турецкой армии и овладения базой ее снабжения и важным узлом коммуникаций — крепостью Эрзерум.

Главный удар в направлении на Маслахат, Кепрюкей наносила ударная группа генерала Волошина-Периченко в составе 24 батальонов, 14 казачьих сотен, 68 орудий. На эрзерумском направлении действовал 1-й Кавказский армейский корпус. Вспомогательные удары наносили 2-й Туркестанский армейский корпус на ольтинском и 4-й Кавказский армейский корпус на битлисском направлениях. В составе 1-го Кавказского армейского корпуса в эрзерумской операции принимала участие Сибирская казачья бригада генерала Калитина в составе 1-го и 2-го Сибирских казачьих полков и 2-й Оренбургской казачьей батареи.

28 декабря 1915 г. перешел в наступление 2-й Туркестанский армейский корпус, через 2 дня — ударная группа Волошина-Петриченко и 1-й Кавказский армейский корпус. Успешно действовала Сибирская казачья бригада в Кеприкейском сражении, которое проходило с 28 декабря 1915 г. по 7 января 1916 г. Несмотря на то, что наступление проходило при 30-градусном морозе и снежных заносах, в условиях гористой местности, часть сил ударной группы 1-го Кавказского корпуса, прорвав турецкую оборону, вышла в тыл противника северо-восточнее Кеприкея. 6 января Сибирская казачья бригада совместно с 3-м Черноморским казачьим полком ворвалась в город Хасан-Кала и продолжала наступление до фортов Девебойну (в 12 км

от Эрзерума), захватив свыше 1500 пленных из восьми разных турецких дивизий.

Левый фланг главных сил и тыл обеспечивали 4-й Кавказский армейский корпус и Ван-Азербайджанский отряд генерала Чернозубова (48 казачьих сотен, 8 дружин ополчения, 24 орудия). Половину казачьих сотен и артиллерии отряда генерала Чернозубова составляли забайкальские казаки в составе 2-й Отдельной казачьей Забайкальской бригады генерала Назарова и 3-й Отдельной Забайкальской казачьей бригады генерала Левандовского.

3 января 1916 г. ударами с севера, востока и юга Кавказская армия штурмом овладела крепостью Эрзерум, захватив 13 тыс. пленных, 307 орудий. В двухдневном преследовании казачьи соединения отбросили турецкие войска от Эрзерума на 70-100 км.

В начале января 1916 г. отряд генерала Чернозубова занимал фронт около 400 км в районе города Ван и оз.Урмия. С 18 января кавалерийский отряд генерала Чернозубова повел наступление на Ахлат и Тадван, прочно удерживая Урмийский район. К 22 января отряд забайкальских и кубанских казаков, примкнув к левому флангу 4-го Кавказского корпуса, перерезал пути подхода вражеских резервов к Эрзеруму из Месопотамии.

2 апреля 1916 г. приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего Ван-Азербайджанский отряд генерала Чернозубова был переформирован во 2-й Кавказский кавалерийский корпус, в состав которого кроме 2-й и 3-й Отдельных Забайкальских казачьих бригад вошла 4-я Кавказская казачья дивизия в составе двух кубанских и двух терских казачьих полков[5].

Как уже отмечалось выше, русская кавалерия пополнялась в значительной степени за счет казачьих войск. За 1916 г. в регулярные кавалерийские части прибыло 24278 чел. пополнения, в казачьи части и четвертые полки регулярных кавалерийских дивизий — 72732 казака[6]. На 1 января 1917 г. казачья кавалерия составляла почти 70% всей русской конницы.

Учитывая возрастающую роль на фронтах казачьей конницы и все большее ее использование в составе соединений, подчиняющихся непосредственно командующим армиями и фронтами, по представлению Казачьего Штаба Походного Атамана при ВГК Правительство России принимает ряд постановлений, облегчающих положение казачьих войск, распространяя на них различные льготы, ранее полагавшиеся только личному составу регулярных войск. Облегчить казачьему населению его существование в период затянувшейся войны просили в своих докладных и отчетах наказные атаманы казачьих войск. Повсюду росли долги казачьих семей, снаряжавших на воинскую службу своих сыновей. Так, казачье население Сибирского войска в конце 1915 г. было должно в казну войска 810,9 тыс. руб.[7]

Приказом Военного Совета от 18 февраля 1916 г. за утраченную не по вине владельца на фронте лошадь при невозможности ее предоставления из конского запаса соответствующего войска офицерам и казакам полагалось вознаграждение — для Уссурийского войска — 200 руб., Амурского — 175, Оренбургского — 165, Сибирского — 150, Забайкальского — 125, Уральского — 115. Разница в размерах вознаграждения объяснялась реальной стоимостью строевых лошадей в 1916 г. в разных казачьих войсках. С 1 апреля 1916 г. Советом Министров были установлены пособия казакам всех войск, подлежавшим призыву на действительную службу. Льготным казакам 2-й очереди полагалось — конным по 200 руб., пешим — по 50. Молодым каза-

кам младших возрастов строевого разряда и льготным казакам 3-й очереди — конным по 300 руб., пешим — по 75. Казакам запасного разряда и войскового ополчения — конным по 300 руб., пешим по 100[8]. Решением Военного Совета от 24 марта 1916 г. устанавливалась выдача пособий в казачьих частях Востока страны "для призрения и обучения не имеющих средств детей казаков, погибших на войне"[9]. До 1916 г. такие пособия распространялись только на Донское казачье войско.

В течение первых двух лет войны часть казачьих полков, находясь в действующей армии, выполняла задачи комендантской службы, службы связи при армиях и пехотных корпусах и не принимала непосредственного участия в боевых действиях. Целый ряд казачьих полков нес службу во внутренних округах страны, часть из них — по охране южных и дальневосточных границ. Личный состав этих полков выражал недовольство такой службой и на смотрах подавал жалобы и заявления с просьбой отправить их полки для участия в боях. Особенно часто такие настроения проявлялись в казачьих полках Востока страны.

Наказные Атаманы ряда казачьих войск (Сибирского, Семиреченского, Уральского, Оренбургского и др.) в конце 1916 — начале 1917 гг. ходатайствовали перед Походным Атаманом всех казачьих войск при ВГК о замене казачьих частей, находящихся в тылу, и отправке их в действующую армию. Так, 12 ноября 1916 г. Войсковой Наказной Атаман Оренбургского казачьего войска докладывал Походному Атаману при ВГК, что из всех действующих полков войска только четыре вошли в состав Оренбургской казачьей дивизии и четыре находятся в составе дивизий регулярной конницы. Остальные 10 казачьих полков за редким исключением разбиты на сотни и несут службу при пехотных частях.

"Таким образом, — отмечалось в рапорте Наказного Войскового Атамана Оренбургского казачьего войска, — Оренбургское войско является единственным из всех казачьих войск, в котором не все, а лишь небольшое количество строевых частей, действующих в настоящей, Великой войне, являются действительными созидателями и продолжателями славы, приобретенной Оренбургским войском за время его 3-х векового существования, а остальная, большая часть непосредственного участия в боевых действиях почти не принимает"[10]. Войсковой Атаман отмечал, что его осаждают командиры и казаки "обиженных" частей просьбами об отправке их на фронт и ходатайствовал о формировании 2-й Оренбургской казачьей дивизии из находившихся в Туркестане 4-го, 6-го и 7-го Оренбургских казачьих полков, а также о включении во 2-ю Оренбургскую дивизию 8-го Оренбургского казачьего полка, находящегося в Финляндии. По сформировании 2-й Оренбургской казачьей дивизии предлагалось отправить ее в действующую армию.

Походный Атаман при ВГК поддержал это и другие подобные предложения, в частности, предложение командующего Туркестанским военным округом генерала А.Н.Куропаткина. Последний отмечал, что Семиреченское войско, самое молодое из всех казачьих войск, не принимает участия в боевых действиях, полки его не имеют опыта, необходимого и на случай осложнений на границе с Ираном, и для воспитания казаков на боевых традициях. Он просил отправить три Семиреченских казачьих полка, сведенных в Семиреченскую казачью бригаду, в состав действующей Кавказской армии, а в Туркестанский военный округ прислать на замену два казачьих

полка, имевших хороший боевой опыт в условиях горного театра военных действий.

В январе 1917 г. в целях усиления Кавказского фронта конницей было принято решение — из казачьих полков корпусной конницы и нескольких казачьих отдельных сотен Северного, Западного и Юго-Западного фронтов сформировать четыре казачьих дивизии, в том числе 2-ю Оренбургскую в составе 14-го, 15-го, 16-го и 17-го Оренбургских казачьих полков. В марте 1917 г. были отправлены на Кавказский фронт из Туркестана 4-й и 6-й Оренбургские, 1-й и 2-й Семиреченские казачьи полки, которые образовали 1-ю Туркестанскую казачью дивизию[11].

Просьбы тыловых казачьих частей об отправке на фронт, кроме патриотических побуждений, были связаны также с тем, что и правительство, и в еще большей степени администрация на местах, стремились использовать казаков (как наиболее дисциплинированных и преданных престолу людей) для выполнения полицейских функций при подавлении антиправительственных выступлений, нараставших по мере того, как усиливались тяготы военного времени.

Летом 1916 г. вспыхнуло восстание в Казахстане. Непосредственным поводом для него послужил императорский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации казахов на тыловые работы. Во главе восстания встал весьма популярный среди местного населения Амангельды Иманов. Повстанцы, насчитывавшие по самым минимальным подсчетам до 50 тыс. чел., развернули партизанскую войну в районе между Иргизом, Тургаем и Карабутаком. Отряды сарбазов Амангельды громили почтовые и телеграфные станции, осадили город Тургай, нападали на дислоцированные в Казахстане воинские подразделения, в том числе и казачьи. Не щадили они и мирное население, в основном — русское.

Практически одновременно вспыхнули мятежи в Акмолинском, Атбасарском, Зайсанском, Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах, а также в Семиречье. События приняли весьма опасный оборот. Понадобились экстренные меры для того, чтобы подавить восстание. В местностях, охваченных мятежами, ввели военное положение. Объявили мобилизацию казаков старших возрастов в Уральском, Оренбургском, Семиреченском и Сибирском войсках, что позволило пополнить имевшиеся и сформировать новые части и подразделения. Лишь в Тургайской области на борьбу с повстанцами были направлены 18 казачьих сотен, 11 кавалерийских эскадронов, 17 рот пехоты, объединенные в корпус под командованием генерал-лейтенанта Лаврентьева. В корпусе имелись 18 орудий и 17 пулеметов. Для борьбы с повстанцами в Семиречье, кроме поголовной мобилизации местного русского населения, пришлось также перебросить с фронта 7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки с конной артиллерией и пулеметными командами. Бои с повстанцами носили крайне упорный и жесткий характер. Но, конечно же, плохо вооруженные и слабо организованные отряды восставших не могли противостоять регулярным войскам, которыми командовали зачастую уже имевшие немалый боевой опыт офицеры и генералы. Повстанцы терпели одно поражение за другим. Поддерживавшие их аулы усмирялись артиллерийским и пулеметным огнем. Некоторые из них в буквальном смысле слова были стерты с лица земли. Вождей восстания, взятых в плен, после короткого дознания и суда публично вешали. Восстание пошло на убыль. К началу 1917 г. казахов уда-

лось усмирить[12]. Но такие "победы" не радовали. Многие казаки предпочитали им фронт.

1916—начало 1917 гг. было временем высшего напряжения сил страны, и российского казачества в частности, в интересах ведения войны. Именно в этот период наибольшая часть казаков Урала и Сибири была мобилизована в армию, многие из них непосредственно участвовали в военных действиях. Как показано в табл. 5, в сражениях первой мировой войны отличились многие казаки и офицеры. Потери убитыми, ранеными и контуженными тоже были довольно велики.

Таблица 5.

Участие казачьих войск Урала и Сибири в первой мировой войне (на 2 декабря 1916 г.)[13]

Казачьи войска	Всего офицеров /казаков	Награждено		Потери		
		офицеров орденом Георгия /Георгиевским оружием	казаков Георгиевским крестом /Георгиевской медалью	Убитых	Раненых, контуженных	Без вести пропавших, пленных
Уральское	320/13175	10/25	3089/2244	335	1793	92
Оренбургское	697/31623	35/39	6607/5680	753	3053	156
Сибирское	303/13833	4/10	1273/1310	257	877	1035
Забайкальское	406/14544	15/20	1819/1447	429	1625	131
Амурское	58/2516	0/1	141/175	57	228	—
Уссурийское	577/1972	3/5	483/179	165	541	24
Лейб-гвардии Сводный казачий полк	46/1296	1/0	422/158	13	178	—
Итого	1887/80959	68/100	13838/11193	2009	8295	1438

Казаки войск Азиатской России, как следует из боевого расписания на декабрь 1916 г., воевали на всех театрах военных действий: Северном, Западном и Юго-Западном фронтах, в Румынии и на Кавказе, в Персии и в Казахстане против повстанцев[14].

Война крайне тяжело отразилась на положении казачьих семей. Не говоря уже о невосполнимых потерях, она надолго отвлекала из станиц наиболее работоспособную часть населения. Многие казачьи хозяйства приходили в упадок. В Сибирском войске, например, к 1917 г. 18% казачьих семей были вообще безземельны, 17% — без посева, 17,2% — без скота[15].

Война тяжелым бременем легла на плечи народа, в том числе и на казаков Урала и Сибири. Неудачи на фронтах, нарастающие экономические трудности, обострение внутриполитического положения содействовали росту недовольства в казачьей среде. В результате даже в действующей армии в казачьих частях происходили события, совершенно немыслимые прежде. В октябре 1916 г. на Гомельском распределительном пункте на почве недовольства войной вспыхнуло восстание, в котором участвовали до четырех тысяч солдат и казаков. Восстание подавили, но оно было одним из симпто-

мов приближавшихся социальных потрясений. Характерно и то, что казачьи части, считавшиеся раньше абсолютно верными престолу, все чаще отказывались выполнять полицейские функции. Казаки 2-й Туркестанской дивизии, например, в конце 1916 г. несмотря ни на какие увещевания и нажим отказались усмирять одну из пехотных дивизий, оказавших неповиновение начальству[16].

К началу 1917 г. страшно уставшая от войны армия была уже ненадежна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XIX — начало XX вв. были чрезвычайно важным периодом в истории казачьих войск Азиатской России. Начатые после поражения в Крымской войне реформы коснулись всех сторон жизни российского общества: экономики, социальной сферы, политического устройства, культуры. Казачество не было в стороне от этих преобразований. В пореформенный период сделан важный шаг в преодолении замкнутости казачьего военно-служилого сословия. В том, что касалось принципов землепользования и организации хозяйства на казачьей земле, службы в армии, выполнения различных государственных повинностей, казачество сблизилось с другими сословиями и социальными группами. В результате осуществленных реформ офицерско- чиновничье землепользование на войсковой земле фактически мало чем стало отличаться от помещичьего, в то время как принципы землепользования, внедрявшиеся в войсках, в отношении основной массы рядовых казаков, сближались с теми, которые были характерны для крестьянской общины, "мира". Выполнение различного рода повинностей (довольно многочисленных у казаков Урала и Сибири) также организовывалось на основе круговой поруки, как это было характерно и для крестьянских общин. Даже в отбывании военной службы у казаков и представителей других сословий общего стало больше благодаря сокращению сроков действительной службы и введению (по крайней мере теоретически) всеобщей воинской повинности.

Однако осуществленные во второй половине XIX — начале XX вв. реформы не привели к полному упразднению казачьего сословия (как, впрочем, и других сословий). Да такая задача и не ставилась правительством уже хотя бы потому, что она противоречила важнейшим государственным интересам, как понимали их реформаторы. В конечном счете главным критерием, которым руководствовались при проведении военных реформ вообще, было повышение обороноспособности государства. Иррегулярные же казачьи войска были сравнительно дешевы для государственной казны и достаточно надежны в военном отношении. Во всех войнах, которые вела Российская империя в пореформенный период, казачьи войска, в том числе войска Урала и Сибири, показали высокие боевые качества, дисциплину и, что было особенно важным, — верность престолу. Здесь, несомненно, сказывались вековые традиции служения "Вере, Царю и Отечеству", которые

глубоко укоренились в казачьей среде. Дело было, однако, не только в традициях.

Прийдя к выводу о необходимости сохранения казачества в качестве военно-служилого сословия, правительство России в ходе реформ осуществило ряд мер для сохранения и даже закрепления его важнейших сословных преимуществ и привилегий, которые даровались за ратную службу государству. Казачество по-прежнему было практически полностью освобождено от налогов, кроме собственно войсковых сборов, которые шли на нужды самого же казачества. Казаки имели значительно большие, чем крестьяне, земельные наделы. Это обеспечивало не только благоприятные возможности для ведения собственно казачьих хозяйств, но и создавало достаточный фонд земли для сдачи ее в аренду иногородним с целью получения прибыли. Казачьим войскам принадлежали недра земли, благодаря чему они имели значительные доходы от добычи полезных ископаемых, в частности ценных металлов и нефти. За ними было закреплено право пользования лесными угодьями, особенно богатыми на Урале и в Сибири, исключительное право ловли рыбы в реках и озерах, находившихся на территории войск. Эти права и привилегии создавали в целом серьезную основу для материального благосостояния казачества.

По сравнению с подавляющим большинством населения империи, особенно же по сравнению с крестьянством, казаки Урала и Сибири жили более зажиточно. Такое положение дел отвечало интересам правительства. Оно стремилось даже целым рядом мер замедлить, ослабить процессы имущественной дифференциации, довольно активно протекавшие в казачьих войсках во второй половине XIX — начале XX вв. Этому служили, например, различного рода денежные льготы и пожалования, предоставлявшиеся особенно "недостаточным" казачьим семьям в связи с призывом казаков на действительную военную службу. Этому служила и политика поощрения заведения войсковых предприятий, доходы от которых шли в войсковую казну. На это же были направлены меры, призванные переложить многие станичные и войсковые расходы на пришлое неказачье население или же на людей, желавших избавиться от военной казачьей службы. Наконец, правительство не только поощряло, но даже принуждало казаков к созданию общественных запасов и продовольствия, ведению общественной запашки земли и тому подобным мерам. Разумеется, осуществляя эти меры, правительство заботилось в первую очередь о том, чтобы казачество как военно-служилое сословие обладало материальным достатком, необходимым для нормального выполнения обязанностей, связанных с воинской службой. Но такая политика способствовала также упрочению в казачьей среде представлений об общности сословных казачьих интересов. Несмотря на увеличивавшуюся дифференциацию, такие представления были достаточно сильны среди казаков даже в XX в.

Заботясь об эффективном выполнении казачеством его основной обязанности — военной службы государству, правительство наряду с экономическими весьма широко использовало организационные и чисто административные меры. Во второй половине XIX в. на востоке страны целой серией правительственных указов завершается формирование казачьих войск. Последними по времени организации были Забайкальское, Амурское, Уссурийское и Семиреченское войска. Важно отметить, что при их создании правительство особыми указами даровало преимущества казачьего

сословия довольно большому количеству людей из податных сословий, в том числе "инородцам". Благодаря этому численность казачества Азиатской России резко возросла.

Правительство стремилось, исходя, кажется, из самых лучших побуждений, регулировать многие стороны казачьей жизни, в том числе и хозяйственную деятельность. Разумеется, попытки такого рода нередко граничили с бюрократическим вмешательством военных органов в хозяйственную жизнь. В конце XIX — начале XX вв. не было в Российской империи такого сословия, сословной или социальной группы, жизнь и деятельность которых столь детально была бы регламентирована, как жизнь казачества. Вред от этого и для казачества, и для самого правительства был немалый. Не случайно поэтому, настроения недовольства деятельностью правительственного аппарата были довольно сильны в казачьей среде. Это сказывалось на результатах выборов в Государственные думы, а также на содержании казачьих наказов, которые давались казачьим депутатам. Сплошь и рядом такие наказы требовали осуществления мероприятий, явно противоречивших одно другому: например, одновременная демократизация казачьего самоуправления и усиление власти атаманов. Надо сказать, однако, что в целом вплоть до 1917 г. оппозиционные настроения среди казаков были развиты значительно меньше, чем например, среди рабочих, крестьян, интеллигенции. Не случайно на казачьи войска правительство делало ставку, когда требовалось подавить аграрные беспорядки крестьян или антиправительственные выступления рабочих. Казачество с этой точки зрения было несомненно весьма надежным.

И все-таки кризисные явления, характерные для Российского государства в конце XIX — начале XX вв., особенно же нарастание национальных и социальных противоречий в империи, не могли не затронуть казаков Азиатской России. Проигранная русско-японская война и трудности первой мировой легли тяжелым бременем на казачество, как и на большинство населения российского государства. В условиях мировой войны, когда процент призванных непосредственно в действующую армию среди казаков почти в три раза превысил соответствующий показатель у остального населения Российской империи, в казачьей среде нарастают настроения недовольства. В конечном счете усталость от войны привела к тому, что основная масса казаков как на фронте, так и в тылу либо нейтрально, либо даже благожелательно отнеслась к начавшимся в феврале 1917 г. революционным событиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. История казачества Азиатской России. Т.1. XVI — первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995.
2. Казачий календарь /Сост. Ф.К.Граилин. Новочеркасск, 1884; *Казин В.Х.* По 1-е апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Репринтное издание, 1902; Казачьи войска России 1914 г. Вып. 1 /Сост. О.Б.Малков. М., 1914.
3. Свод военных постановлений. Ч. 1—6. СПб., 1869—1911.
4. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1—51. 1865—1895 гг. СПб., 1870—1918.
5. Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 1—4. СПб., 1878.
6. Постановление Особой казачьей комиссии, занимавшейся разработкою казачьих вопросов при главном Комитете по устройству и образованию войск в 1880 году. СПб., 1886.
7. Свод проектов положения об общественном управлении станиц казачьих войск, представленных начальством сих войск. СПб., 1888.
8. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск: С законодательными мотивами и разъяснениями. СПб., 1891.
9. Приказы по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам. Хабаровск, 1916; Положение о пеших батальонах Забайкальского казачьего войска. СПб., 1851; Приказы по Забайкальскому казачьему войску. Иркутск, 1903—1917; Положение о Сибирском казачьем войске. 1861. СПб., 1899; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска. Омск, 1894—

1916; Сборник протоколов съезда выборных от станичных обществ Уральского казачьего войска за 25 лет (1874—1898). Уральск, 1890.
10. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания /Сост. полк. Ген. штаба Хорошхин. СПб., 1881.
11. Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи: Дела военных поселений, 1856.
12. Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб., 1903.
13. Казаки-уральцы и их героические подвиги в великую мировую войну 1914 г. М., 1914; *Михеев С.П.* Сборник военно-исторических примеров из русско-японской войны. СПб., 1910; Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генштаба. СПб., 1906.
14. Песни Великой всемирной Отечественной войны, 1914 г. М., 1914; Песни сибирских казаков. Пг., 1916; *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858; Заметки о народном быте и одежде уральских казаков. Б.м., 1866; *Серов Д.Е.* Оренбургский казак, его экономическое положение и служба. Очерк современного быта. Оренбург, 1900; *Логиновский К.Д.* Свадебные песни и обычаи казаков восточного Забайкалья. Хабаровск, 1899.
15. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1913—1916. (15 т.).
16. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1, 3—5. Оренбург, 1903—1904.
17. *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником войскового хозяйственного правления полковником А.И.Авдеевым. Оренбург, 1904.
18. *Алексеева Н.И.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1900.
19. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890; *Он же.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891; *Он же.* Откуда взялись казаки. Исторический очерк. Оренбург, 1881; *Он же.* Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891.
20. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско: Статистическое описание в 2-х томах с 10 картами. Т. 1—2. Уральск, 1891—1892.
21. *Он же.* Уральские казаки и их рыболовство. СПб., 1901.
22. *Железнов И.И.* Полное собрание сочинений И.И.Железнова. Т. 1—3. СПб., 1888.

23. *Карпов А.Б.* Памятник казачьей старины. Краткие очерки по истории Уральского войска. Уральск, 1909.
24. *Рябинин А.Н.* Уральское казачье войско. СПб., 1886.
25. *Мартынов Н.П.* Исторический очерк столетия Лейб-гвардии Уральской казачьей сотни. СПб., 1898.
26. *Катанаев Г.Е.* Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. СПб., 1908; *Он же.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке //Записки Зап.-Сиб. отдела РГО. Омск, 1893. Кн. XV. Вып. 2; *Он же.* Краткий исторический очерк служб Сибирского казачьего войска с 1582—1908 гг. СПб., 1908.
27. *Усов Ф.Н.* Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884; *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска. СПб., 1897; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891.
28. *Симонов Н.А.* История Сибирского казачьего №1-го Ермака Тимофеева полка. Омск, 1893; *Тарыкин А.П.* История 3-го Сибирского казачьего полка. Омск, 1912.
29. *Васильев А.П.* Забайкальские казаки: Исторический очерк. Т.1—3. Чита, 1916—1918; *Буссе Ф.Ф.* Забайкальское инородческое войско. Исторический очерк. М., 1897; *Эпов Н.И.* Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889.
30. *Стахеев Д.И.* За Байкалом и на Амуре. СПб., 1869.
31. Справка о населении и хозяйстве в Уссурийском и Амурском казачьих войсках. СПб., 1893.
32. *Леденев Н.В.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909.
33. Столетие Военного министерства 1802—1902. СПб., 1902. Т. 11. Ч. 1—4.
34. *Воскобойников Г.Л., Приленский Д.К.* Борьба партии за трудовое казачество. Грозный, 1980; *Ермолин А.П.* Революция и казачество. М., 1992; *Футорянский Л.И.* Казачество в период Октябрьской революции и гражданской войны. Черкасск: 1984; *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917—1920). Красноярск, 1991.
35. *Машин М.Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976; *Он же.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984.
36. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1—5. Париж, 1921—1926; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937; *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Шанхай, 1932.

37. Казачий словарь-справочник. Т. 1—3. Кливленд—Сен-Ансельмо, 1966—1970.
38. *Гордеев А.П.* История казаков. Ч. 1—4. М., 1991—1993.
39. Казаки России: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992; Казаки России. М., 1993; Казаки России (Проблемы истории казачества). М., 1993; Казачество на государевой службе. Екатеринбург, 1993; Казачество Оренбургского края XVI—XX веков. Оренбург, 1992; Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993.
40. История казачества Урала. Оренбург—Челябинск, 1992.
41. *Абдиров М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы, 1994.

ГЛАВА I. Реформы 60—70-х гг. XIX в. и казачество востока России

1. Казачьи войска накануне реформ

1. *Мамонов В.Ф., Кобзов В.С.* Пограничная линия: Казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск, 1992. С. 73.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 18. № 16811; Т. 26. № 25015; Т.28. № 27124.
3. *Галушко Ю.* Казачьи войска России. М., 1993. С. 12—13.
4. ПСЗ. Т. 17. № 15677
5. Столетие Военного министерства, 1802—1902, Т. 11. Ч. 1. СПб., 1902. С.389.
6. Там же.
7. Там же.
8. Материалы обследования Забайкальской области. Вып. 6. Приложения.
9. Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 11. Ч. 1. С. 370.
10. Казачьи войска. Опыт военно-статистического воспитания. СПб., 1881. С.47—50.
11. РГВИА. Ф. 330. Оп. 4. Д. 9. Л. 290.
12. РГВИА. Ф. 290. Оп. 1. Л. 6, 11, 39.
13. ПСЗ. Т. 28. № 25039.
14. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 291. Л. 15—38.
15. Там же.
16. *Петров В.И.* К вопросу об уровне хозяйственного развития казаков Сибирской линии в дореволюционный период //Общевоенные науки. Алма-Ата, 1963. С. 264.

2. Подготовка проектов преобразований

1. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 44. Л. 29.
2. Для всех казачьих войск Восточной Сибири (Забайкальского и Амурского) был создан один комитет (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 55.

3. ПСЗ-II. Т. 36. № 36730.
4. Там же.
5. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 20. Л.1; Д. 411. Л. 41.
6. Там же. Л. 4.
7. РГВИА. Ф. 380. Оп. 1. Д. 111. Л. 38.
8. РГВИА. Ф. ВХА. Д. 1309. Л. 100.
9. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 111. Л. 40.
10. Там же. Л. 41.
11. Там же. Д. 97. Л. 600.
12. Там же. Д. 15. Л. 114; ГАОмО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—168.
13. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 114.
14. Там же. Д. 111. Л. 45.
15. ГАОмО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—168.
16. Там же. Л. 20.
17. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 118.
18. ПСЗ. Т. 44. № 46996.
19. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 8. Л. 112; Д. 107. Л. 122.
20. *Машин М.Д.* Из истории родного края. Челябинк, 1976. С. 117—127.
21. Цит. по: *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Чита, 1918. С. 168.
22. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 107. Л. 127.
23. Там же. Д. 33. Л. 16.
24. *Васильев А.П.* Указ. соч. С.16.
25. ГАОмО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 7. Л. 80.
26. *Васильев А.П.* Указ. соч. С. 163.
27. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 97. Л. 167.
28. Там же. Л. 154.
29. Там же. Л. 166.
30. Там же. Л. 168.

3. Реформы в казачьих войсках

1. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 180. Л. 34. В процессе реформирования на территории Сибири были созданы два казачьих войска: Сибирское и Семиреченское (последнее в 1867 г.). В 1889 г. происходит обособление управления Уссурийского казачьего войска. Семиреченское казачье войско создается на основе 9-го и 10-го полков Сибирского, а Уссурийское — за счет переселения казаков из Забайкальского и Амурского войск.
2. ПСЗ-II. Т. 43. № 45785.
3. ПСЗ-II. Т. 44. № 46996.
4. ПСЗ-II. Т. 26. № 25039.
5. Там же.

6. ПСЗ-II. Т. 44. № 46996.
7. ПСЗ-II. Т. 52. № 57657.
8. Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1911. Т. 11. С. 340.
9. ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.
10. ПСЗ-III. Т. 17. № 14152.
11. Столетие Военного министерства. Т. 11. С. 343.
12. ЦГИА СССР. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 6—10.
13. Столетие Военного министерства. Т. 4. С. 314.
14. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.
15. *Воробьев Б.* Земельный вопрос у казаков. СПб., 1908.
16. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 199.
17. Столетие Военного министерства. Т. 11. С. 339, 341.
18. Переселение, землеустройство и межевание в Сибири. Красноярск, 1914. С. 171.
19. ГАОмО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1046. Л. 113; Д. 959. Л. 686; Д. 1083. Л. 19.
20. Там же. Д. 959. Л. 19, 686.
21. ПСЗ-II. Т. 52. № 57557.
22. ГАОмО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 6074. Л. 19.
23. Там же. Ф. 67. Оп. 2. Д. 7071. Л. 156.
24. Там же. Д. 1170. Л. 116.
25. Там же. Л. 112.
26. Там же.
27. *Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909.
28. Для Забайкальского казачьего войска закон о воинской повинности был утвержден 6 мая 1372 г.
29. ПСЗ-II. Т. 46. № 48995; РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 221. Л. 9.
30. ПСЗ-II. Т. 46. № 48995.
31. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 97. Л. 157.
32. *Усов Ф.Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 65.
33. Казачьи войска... С. 191.
34. *Усов Ф.Н.* Указ. соч. С. 181.
35. Столетие Военного министерства. Т. 11. С. 336.
36. РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 150. Л. 293. Отчет Главного управления иррегулярных войск за 1875 г.
37. РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 150. Л. 20.
38. Выводы сделаны по данным: Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 200.
39. Сибирская газета, 1883. 29 мая.
40. *Воробьев Б.* Указ. соч. С. 7.

41. *Катанаев Г.Е.* Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904; *Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908; *Усов Ф.Н.* Мероприятия по улучшению народного быта. Памятная книжка Западной Сибири, 1882; *Он же.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Омск, 1879; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Чита, 1918.
42. Сибирская газета, 1883. 29 мая.
43. ГАОмО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 7890. Л. 33.
44. По данным архивных источников РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 8. Л. 12. Цена за амуницию начиная с 1861 г. выросла с 87 до 300 руб.
45. *Усов Ф.Н.* Указ. соч. С. 93.
46. *Васильев А.П.* Указ. соч. С. 183.
47. Там же.
48. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2103. Л. 9.
49. Там же. Л. 22.
50. *Васильев А.П.* Указ. соч. С. 234.
51. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 315—316.
52. *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска //Труды Императорского военного экономического общества. Т. 2. СПб., 1897. С. 65.
53. *Долгих А.И.* Классовое расслоение и революционные волнения в Сибирском казачьем войске накануне Февральской революции 1917 г. //Вопросы истории Сибири. Вып. 6. Томск, 1972. С. 43; *Она же.* Состояние хозяйства и классовое расслоение сибирского казачества (конец XIX — начало XX вв.) //Научные труды ОВШМ. Вып. 6. Омск, 1970. С. 236.
54. РГВИА. Ф. 400. Оп. 306. Д. 2086. Л. 42.
55. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 31. Л. 52.
56. Там же. Ф. 1573. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
57. Там же. 14.
58. РГВИА. Ф. 330. Оп. 51. Д. 2054. Л. 32.

ГЛАВА II. Военная служба казаков в пореформенный период

1. Участие казаков в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

1. *Мякутин А.И.* Песни Оренбургских казаков. Т. 1. Оренбург, 1904. С. 289.
2. История казачества Урала. С. 150.

3. Николай Николаевич (старший) (27. 07.1831 — 13.04.1891). Великий князь. Третий сын императора Николая I. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. занимал посты генерал-инспектора кавалерии и генерал-инспектора по инженерной части. Командовал армией. Генерал-фельдмаршал.
4. *Мякушин Н.Г.* Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890. С. 137.
5. *Галушко Ю.А.* Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 г. М., 1993. С. 132; *Мякушин Н.Г.* Указ. соч. С. 286.
6. *Мякушин Н.Г.* Указ. соч. С. 137.
7. Сотня Кирилова была включена в Уральский казачий № 1 полк, переименованный в мае 1894 г. в 1-й Уральский казачий полк. Однако при всех этих реорганизациях наградные значки на головных уборах за участие в русско-турецкой войне оставались у казаков. Их вплоть до 1917 г. носили офицеры и казаки 1-й сотни 1-го Уральского казачьего полка.
8. Михаил Николаевич (13.10.1832 — 5.12.1909), великий князь, четвертый сын императора Николая I. В 1863—1881 гг. — наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией. С 1878 г. — генерал-фельдмаршал.
9. Позднее эти полки назывались 7-м и 8-м льготными полками Оренбургского казачьего войска.
10. *Галушко Ю.А.* Указ. соч. С. 129.
11. История казачества Урала. С. 151—152.

2. Присоединение Средней Азии и образование Семиреченского казачьего войска

1. РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 53. Л. 1—3.
2. *Войнов В.* Правда об Оренбургском казачестве //Отечество. Краеведческий альманах. Т. 1. М., 1990. С. 209.
3. *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 110.
4. Новое поколение, 1991. 27 апреля.
5. *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 165.
6. История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. М., 1968. Т. 5. С. 279.
7. *Гнеденко А.М., Гнеденко В.М.* За други своя или все о казачестве. М., 1993. С. 153.
8. Там же. С. 158.

9. *Леденев Н.В.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. С. 88.
10. *Абдиров М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы, 1994. С. 124—125.
11. *Галушко А.М.* Казачьи войска России. М., 1993. С. 132, 139, 144.
12. *Стариков Ф.М.* Откуда взялись казаки. Оренбург, 1884. С. 282—283.
13. ГАОрО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 204. Л. 14, 15, 176.

ГЛАВА III. Казачество в русско-японской войне и революции 1905—1907 гг.

1. Казачество востока России в русско-японской войне

1. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 261. Л. 7—8.
2. Русско-японская война 1904—1905 гг. Сб. документов. М., 1941. С. 22.
3. Всеподданнейший отчет о деятельности Главных управлений Военного министерства, вызванных войной с Японией в 1904—1905 гг. СПб., 1912. С. 262.
4. Там же. С. 267.
5. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 40. СПб., 1905. С. 555—557.
6. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 272. Л. 37; Д. 274. Л. 6.
7. Там же. Д. 831. Д. 4.
8. Там же. Д. 41. Л. 3—7.
9. Там же. Д. 584. Л. 1—6.
10. Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1910. С. 55; Оренбургский листок, 1904. 6 июня. № 23.
11. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 584. Л. 1—6.
12. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 40. С. 627—629, 635—636.
13. Там же. С. 348.
14. *Михеев С.П.* Сборник военно-исторических примеров из русско-японской войны. СПб., 1910. С. 141—142.
15. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 757. Л. 2 об., 4.
16. Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генштаба. Ч. 1. СПб., 1906. С. 9.
17. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1912. С. 64.
18. История казачества Урала... С. 164.
19. *Тонконогов И.А.* Наши казаки на Дальнем Востоке. СПб., 1907. С. 67.
20. Русско-японская война 1904—1905 гг. Сб. документов. С.378.

21. Представления о награждении военных частей за боевые подвиги, оказанные ими в войну с Японией в 1904—1905 гг. СПб., 1907. С. 45.
22. РГВИА. Ф. 1582. Оп. 2. Д. 6. Л. 149.
23. Русско-японская война 1904—1905 гг. Сб.документов. С.483.
24. История казачества Урала... С. 167.

2. Казаки в революции 1905—1907 гг.

1. *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис в 1906 г. в России. М.: Наука. 1991. С. 203.
2. *Сидоренко С.А.* Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март—апрель 1917 г.). Челябинск, 1970. С. 24.
3. *Галушко Ю.* Казачьи войска России. М., 1993. С. 129, 136, 147, 154, 169.
4. История казачества Урала... С.169.
5. История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 299.
6. Казачьи войска России... С. 127, 131, 138, 140, 142, 150, 154, 165, 168.
7. *Баяндин В.И.* Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период русско-японской войны //Город и деревня в Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 155.
8. РГВИА. Ф. 400 (с). Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 3, 15, 17, 34, 40, 61, 63; *Брюханов Н.И.* Военная работа большевиков Восточной Сибири в период подготовки Всеобщей Октябрьской политической стачки в 1905 г. //Из истории рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1964. С. 230.
9. Рабочее движение в Сибири. Историография, источники, хроника, статистика. Т. 2. Томск, 1990. С. 16, 18.
10. История казачества Урала... С. 169.
11. История Урала. Т. 1. Пермь, 1963. С. 388—390.
12. Революция 1905—1907 гг. в Прикамье. Пермь, 1955. С. 180.
13. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск, 1985. С. 110.
14. История Урала в период капитализма... С. 299.
15. Там же. С. 280, 294, 295.
16. ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 50.
17. История Урала в период капитализма... С. 292, 303, 305.
18. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск. С. 110.
19. Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг. Сб. документов. Барнаул, 1967. С. 18, 20, 30, 38, 45, 49—50, 55.
20. Там же. С. 67—69, 74, 98, 102.
21. Там же. С. 87—90.
22. Там же. С. 146, 166—175.

23. Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1971. С. 18—19.
24. *Ветошкин М.В.* Большевики Дальнего Востока в первой русской революции. М., 1956. С. 170.
25. История казачества Урала... С. 169.
26. История Урала в период капитализма... С. 305.
27. Солдатская жизнь, 1906. № 2—3, 6. Февраль.
28. История казачества Урала... С. 170.
29. Второй период революции. Ч. II. Кн. 2. С. 478—479.
30. Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905—1907 гг. Сб. документов. Омск, 1956. С. 133.
31. *Воронина А.Я.* К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска //Социально-экономическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976. С. 52.
32. История Урала в период капитализма... С. 305.
33. Пермские губернские ведомости, 1906. 8, 17 февраля.
34. Там же. 1905. 27 октября.
35. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Д. 4. Ч. 6. (1905). Л. 156.
36. Революционное движение в Томской губернии. Сб. документов. Томск, 1955. С. 71—73.
37. ГАНИОПДПО. Ф. 90. Оп. 2. Д. В-3. Л. 2—3.
38. *Лисовский Н.К.* Долой самодержавие. 1905 год на Южном Урале. Челябинск, 1975. С. 172—173.
39. Революционное движение в Забайкалье в 1905—1907 гг. Сб. документов. 1955. С. 120.
40. *Воронина А.А.* Революционная деятельность читинских большевиков среди казачьего населения (1904 — лето 1905 гг.) //Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск, 1980.
41. Очерки по истории Читинской областной организации КПСС. Чита—Иркутск, 1975. С. 47—57.
42. Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Иркутск, 1966. С. 81.
43. *Ветошкин М.К.* Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 1955. С. 44.
44. Очерки по истории Читинской областной организации... С. 57, 58—60.
45. *Баранский Н.Н.* В рядах сибирского социал-демократического союза. Томск, 1955. С. 81.
46. Крестьянское движение в Сибири. 1861—1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 74, 75.
47. Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. Новосибирск, 1957. С. 456, 475—478.

48. История казачества Урала... С. 172—173.
49. Степь, 1906. 23 июня.

ГЛАВА IV. Социально-экономическое положение казачества на рубеже XIX—XX вв.

1. Казачье сословие: социальная структура и место в российском государстве

1. *Мамонов В.Ф.* Гибель русской Вандеи: Казачество востока России в революции и гражданской войне. Челябинск—Екатеринбург, 1994. С. 22, 164.
2. Там же. С. 23.
3. *Ермолин А.П.* Революция и казачество (1917—1920 гг.). М., 1982. С.19.
4. *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины 1917—1919. М., 1964. С. 5.
5. Материалы комиссии Куломзина. Вып. 8. СПб., 1898. С. 5.
6. *Футорянский Л.И.* Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России //Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 149.
7. *Машин М.Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 145—146.
8. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск, 1994. С. 82.
9. *Сосенков В.И.* Дорогие мои земляки. Из истории Еткульского района. Челябинск, 1994. С. 70.
10. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная. С. 106.
11. История казачества Урала /Под редакцией Мамонова В.Ф. Оренбург—Челябинск, 1992. С. 131.
12. *Рабинович Г.Х., Солоний Л.А.* Крупная буржуазия Забайкалья (1894—1914) //Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1970. С. 200—201.
13. *Асалханов И.А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С. 233.
14. *Ермолин А.П.* Революция и казачество... С. 19.
15. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 155.
16. *Балябина В.Г.* Аргунск: Забайкальская старина. Иркутск, 1988. С. 29—30.
17. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 151.
18. *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917—1920). Красноярск, 1991. С. 19.

19. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 152.
20. *Селивановская Л.А.* Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX вв. //Уч. зап. Оренбургского государственного педагогического института. Серия историко-философских наук. Вып. 13. Оренбург, 1958. С. 56.
21. *Селивановская Л.А.* Указ. соч. С. 67—68.
22. Верхнеуральский листок, 1910. № 852.
23. *Асалханов И.А.* Указ. соч. С. 131.
24. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 153.
25. Там же.
26. Там же. С. 153—154.
27. *Асалханов И.А.* Указ. соч. С. 231.
28. Там же. С. 232.
29. Степь, 1906. № 103.
30. Сибирь, 1885. № 1 (1 января).
31. *Мамонов В.Ф.* Указ. соч. С. 26—27.
32. Подробнее об этом см. § 3 главы I настоящего тома.
33. Подробнее об этом см. § 3 главы I настоящего тома.
34. Подробнее об этом применительно к Донскому казачьему войску см.: "Положение печальное" Письмо в ЦК партии кадетов из станицы Урюпинской, 1906 г. //Исторический архив, 1994. № 5. С. 218—221.
35. *Сосенков В.И.* Дорогие мои земляки. С. 71—72.

2. Экономическое положение казачьих войск в начале XX в.

1. Свод законов Российской империи. Т. 1, 4, 2. Учреждения министерств. Раздел 10. Учреждение Военного министерства. Ст. 855.
2. Свод законов Российской империи. Т. 2. Учреждение гражданского управления казаков. Раздел 3. Учреждение гражданского управления Оренбургского казачьего войска. Ст. 217, 218.
3. Свод законов Российской империи. Т. 2. Учреждение гражданского управления казаков. Раздел 4. Учреждение гражданского управления Уральского казачьего войска. Ст. 315.
4. Свод законов Российской империи. Т. 2. Учреждение гражданского управления казаков. Книга 3. О поземельном устройстве в казачьих войсках и об обеспечении офицерских и классных чинов сих войск. Раздел 1. О поземельном устройстве в казачьих войсках. Ст. 713.
5. *Асалханов И.А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в... С. 124—125.

6. *Асалханов И.А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в... С. 127—128.
7. Свод законов Российской империи. Т. 2. Учреждение гражданского управления казаков. Книга 3. О поземельном устройстве в казачьих войсках и об обеспечении офицерских и классных чинов сих войск. Раздел 1. О поземельном устройстве в казачьих войсках. Ст. 727.
8. *Футорянский Л.И.* К вопросу о земельной аренде в казачьих областях в конце XIX — начале XX вв. //Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Доклады и сообщения научной конференции на тему "В.И.Ленин и социалистическое преобразование сельского хозяйства Урала и Западной Сибири" (23—24 декабря 1968 года). Курган, 1971. С. 445.
9. *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны... С. 17.
10. *Воробьев Б.* Земельный вопрос у казаков. СПб., 1908. С. 42.
11. *Селивановская Л.А.* Указ. соч. С. 59—60.
12. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1910 г. Ч. II. С. 35.
13. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 143.
14. Там же. С. 145.
15. Отчет о действиях Военного министерства за 1890 г. СПб., 1892. С. 56—57.
16. *Селивановская Л.А.* Указ. соч. С. 57.
17. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 89.
18. *Селивановская Л.А.* Указ. соч. С. 55.
19. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 144.
20. *Хвостов Н.А.* Указ. соч. С. 17.
21. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. С. 144.
22. Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1915 г. Оренбург, 1916. С. 7.
23. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 144.
24. Сам пять, сам семь — соотношение количества высеянного зерна с собранным.
25. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 88.
26. ГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 150.
27. *Соченков В.И.* Дорогие мои земляки... С. 37.
28. *Катанаев Г.Е.* Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С, 147—148, 154—155.

29. *Витевский В.Н.* Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии //Волжско-Камское слово (Самара). 1882. № 138.
30. *Асалханов И.А.* Указ. соч. С. 232.
31. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 154—155.
32. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 91.
33. *Витевский В.Н.* Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово (Самара). 1882. № 138.
34. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 91—92.
35. Уральское рыбное хозяйство //Казачий словарь-справочник. Т. 3. С. 209—212; *Изюмов А.И.* Рыбопромышленность Оренбургской губернии в XIX столетии //Оренбургскому краю — 250 лет. Материалы юбилейной научной конференции. Оренбург, 1994. С. 46—48.
36. Казачий словарь-справочник. Т. 3. С. 211—212.
37. Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 17. С. 200-201.
38. *Шибанов Н.С.* Станица золотой долины (К 250-летию основания Уйской станицы). Челябинск, 1994. С. 20.
39. История казачества Урала /Под ред. проф. Мамонова В.Ф... С. 147.
40. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 111.
41. *Шибанов Н.С.* Указ. соч. С. 19—20.
42. Там же. С. 20.
43. Там же. С. 21.
44. Там же. С. 21—22.
45. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 11.
46. *Хвостов Н.А.* Указ. соч. С. 17.
47. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 90.
48. *Кобзов В.С.* Уральская Варна: К 150-летию основания казачьей станицы. Челябинск, 1992. С. 24—25.
49. *Кобзов В.С., Махрова Т.К.* Казачье хозяйство в экономике Оренбургской губернии //Оренбургскому краю — 250 лет. Материалы юбилейной научной конференции. С. 46—47.
50. Там же.
51. *Хвостов Н.А.* Указ. соч. С. 17.
52. История казачества Урала... С. 146.
53. ГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 301.
54. *Селивановская Л.А.* Указ. соч. С. 53—54.
55. Оренбургский листок, 1902. № 34. С. 2.
56. *Селивановская Л.А.* Указ. соч. С. 62.
57. ГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 150.
58. *Кобзов В.С.* Уральская Варна... С. 14—15.

3. Хозяйство и быт казаков

1. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 57.
2. *Машин М.Д.* Из истории родного края.Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 151.
3. *Хвостов Н.А.* Указ. соч. С. 15.
4. Там же.
5. ГАЧО. Ф. 113. Оп. 2.
6. Там же. Д. 504.
7. Там же. Д. 755.
8. *Кобзов В.С.* Уральская Варна... С. 22.
9. *Пожидаева Г.В.* Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (По материалам Южного Урала) //Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 458—459.
10. *Кобзов В.С.* Уральская Варна... С. 22.
11. Там же. С. 23.
12. *Мамонов В.Ф.* Гибель русской Вандеи... С. 22.
13. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 104.
14. *Кобзов В.С.* Уральская Варна... С. 23.
15. *Хвостов Н.А.* Указ. соч. С. 18.
16. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 141—142.
17. *Шибанов Н.С.* Станица золотой долины... С. 26.
18. Там же. С. 27.
19. *Балябина В.Г.* Аргунск: Забайкальская старина. Иркутск, 1988. С. 32—35.
20. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992. С. 125.
21. ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.
22. *Бектеева Е.А.* Нагайбаки (Крещеные татары Оренбургской губернии) //Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского Географического общества, 1902. Вып. 2. С. 174—175.
23. Волжско-Камское слово (Самара). 1882. № 138.

ГЛАВА V. Культура казаков

1. Материальная культура и обычаи

1. ГАОрО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 68. Л. 1—6.
2. Там же. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1324. Л. 1—1 об.
3. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 133.

4. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. С. 133.
5. Там же. С. 24.
6. *Штукенберг И.Ф.* Статистическое описание Оренбургской губернии с Уральско-Оренбургской линией. СПб., 1857. С. 43.
7. *Круковский В.А.* Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. С. 274—275.
8. Уральские войсковые ведомости, 1875. № 19.
9. *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 264; *Путинцев М.* От Семипалатинска до Копала (Из путевых заметок) //Военный сборник, 1865. № 12. С. 365—386.
10. *Катанаев Г.Е.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке //Записки Зап.-Сиб. отдела РГО, 1893. Кн. 15. Вып. 2. С. 1—6.
11. *Липинская В.А., Сафьянова А.В.* Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (конец XIX — начало XX в.) //Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979. С. 196, 210.
12. *Потанин Г.Н.* Воспоминания //Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 75.
13. ЦГА Якутии. Ф. 401. Оп. 1. Д. 83. Л. 17—18; Д. 135. Л. 5—12; Ф. 493. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—9; Д. 26. Л. 14; Оп. 2. Д. 1. Л. 6—7.
14. *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) //Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 145—147.
15. Там же. С. 172—178.
16. Там же. С. 183—184, 187; АГО. Разряд 58. Д. 1. Л. 33—37.
17. *Сергеев О.И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М., 1983. С. 64—73, 114—116; *Коваленко А.И.* К вопросу о строительстве жилья в казачьих станицах на Амуре во второй половине XIX — начале XX вв. //Амурский краевед. Благовещенск, 1993. № 3(8). С. 21—27; *Она же.* Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 15.
18. *Земцов В.Н., Ляпин В.А.* Униформа казачьих войск в XVIII — начале XX вв. //Казачество на государевой службе. Екатеринбург, 1993. С. 82—83.
19. *Зеленин Д.* У оренбургских казаков //Этнографическое обозрение, 1906. Вып. 67. С. 13—14; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 137.
20. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 139—140.
21. Там же. С. 139—141; *Зеленин Д.* У оренбургских казаков... С. 14.

22. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков //Вестник Оренбургского учебного округа, 1915. № 1—7. С. 59.
23. Там же.
24. *Масянов Л.* Гибель Уральского казачьего войска //Казачий круг. Вып. 1. М., 1991. С. 8.
25. Там же.
26. Там же. С. 10, 13.
27. *Катанаев Г.Е.* Прииртышские казаки... С. 3—6.
28. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 83.
29. *Липинская В.А.* Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края //Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. С. 62—64; *Она же.* Русское население Алтайского края. М., 1987. С. 146—153.
30. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX вв. М., 1981. С. 176; *Маслова Г.С.* Русская народная одежда Забайкалья (XIX—XX вв.) //Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 64; *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения... С. 153—155.
31. *Коваленко А.И.* Культура дальневосточного казачества... С. 16; *Лебедева А.А.* Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX — начало XX вв.) //Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 206—207; ЦГА Якутии. Ф. 401. Оп. 1. Д. 135. Л. 5—12; Д. 348. Л. 13; Оп. 2. Д.58. Л. 8—11.
32. ЦГА Якутии. Ф. 401. Оп. 1. Д. 60. Л. 4; Д. 77. Л. 60, 70, 99, 170; Д. 98. Л. 511, 543; Ф. 558. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
33. *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения... С. 159—161; РГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 336, 338, 344, 349, 353.
34. *Сафьянова А.В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX вв. //Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 98.
35. *Евсеев Н.* О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929. С. 38.
36. *Сафьянова А.В.* Внутренний строй... С. 91; *Липинская В.А.* Семейно-брачные связи у русских крестьян Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. //Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII — начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 65, 67, 68.
37. *Реммлер В.В.* Свадебная обрядность сибирских казаков (по материалам Горькой линии) //Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990. С. 150—152.
38. *Масянов Л.* Гибель Уральского казачьего войска... С. 9.
39. *Зеленин Д.К.* У оренбургских казаков... С. 17.

40. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 167.
41. *Иванов Р.* История Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 103; *Азадовский К.Д.* Отчет о поездке на Амур //Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1914 год. СПб., 1914. С. 41—64; *Логиновский К.Д.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья //Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1—46; *Лебедева А.А.* Семья и семейный быт русских Забайкалья //Быт и искусство... С. 91—92; ЦГА Якутии. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
42. *Зобнин Ф.* Свадебные обряды и обычаи казачьего населения Усть-Каменогорского уезда //Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900. Вып. 4. С. 1; *Муромов Т.Г.* По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. М., 1909. Т. 2. С. 450.
43. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 11—13, 15; *Сементовский Н.* Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда Оренбургской губернии //Оренбургские епархиальные ведомости, 1881. № 5. С. 197.
44. *Реммлер В.В.* Свадебная обрядность... С. 151—152.
45. *Зобнин Ф.* Свадебные обряды... С. 2—4.
46. *Лебедева А.А.* Семья и семейный быт... С. 92—94.
47. *Зобнин Ф.* Свадебные обряды... С. 4—10.
48. *Реммлер В.В.* Свадебная обрядность... С. 153—155.
49. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 16, 59, 61—62, 64; *Сементовский Н.* Свадебные обычаи... С. 200.
50. *Лебедева А.А.* Семья и семейный быт... С. 94—95.
51. *Зобнин Ф.* Свадебные обряды... С. 10—23.
52. *Реммлер В.В.* Свадебная обрядность... С. 155-160.
53. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 67, 70—73, 82, 86; *Сементовский Н.* Свадебные обычаи... С. 237; *Плотников В.* Очерк свадебных обрядов у оренбургских новолинейных казаков //Записки Оренбургского отдела РГО. ОРенбург, 1871. Вып. 2. С. 190.
54. *Лебедева А.А.* Семья и семейный быт... С. 88.
55. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 166; *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 89—90, 95.
56. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 95.
57. *Зверев В.А.* Дети — отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1993. С. 155—156.
58. *Зеленин Д.* У оренбургских казаков... С. 14, 18—19.
59. *Евсеев Н.* О прошлом и настоящем... С. 36.
60. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 146.

61. *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная. Магнитогорск, 1994. С. 114.
62. Оренбургские епархиальные ведомости, 1910. № 17—18. С. 141; *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Оренбург, 1900. С. 97; ГАОмО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1290. Л. 2.
63. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 133.
64. Казаки России (прошлое, настоящее, будущее). М., 1992. С. 23, 33.
65. Там же. С. 33.
66. РГВИА. Ф. 330. Оп. 63. Д. 175. Л. 1; ГААО. Ф. 29 м. Оп. 1. Д. 283. Л. 5; Оп. 2. Д. 82. Л.56. 92; Д. 88. Л. 1, 10; Д. 89. Л. 1, 20, 25, 37; *Иванов О.* Краткая история Амурского казачьего войска. С. 106—107, 116.
67. Казаки России... С. 33.
68. Оренбургские епархиальные ведомости, 1891. № 14. С. 454; *Галигузов И.Ф., Баканов В.П.* Станица Магнитная... С. 128; Оренбургские епархиальные ведомости, 1906. № 1. С. 19.
69. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско... Т. 1. С. 133.
70. Уральские войсковые ведомости, 1870. № 12; Уральский листок, 1915. № 143, 148.
71. *Эпов Н.И.* Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1899. С. 53; Амурская газета, 1990. № 12, 46.
72. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 108.
73. Там же. С. 203.
74. Там же. С. 204; *Соколова В.Н.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 50; *Липинская В.А.* Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края //Русские: семейный и общественный быт... С. 124.
75. *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 209—210.
76. Там же. С. 193; ГААО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 78 а. Л. 8.
77. ГААО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 165. Л. 1; *Кривощеков А.И.* Обряды и обычаи... С. 186; *Логиновский К.Д.* О быте казаков Восточного Забайкалья //Живая старина, 1902. Т. 12. Вып. 2. С. 189—190.

2. Грамотность. Казаки — литераторы и краеведы

1. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 189; Уральские войсковые ведомости, 1870. № 29.
2. Уральские войсковые ведомости, 1870. № 3; *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Т. 1. С. 217.
3. Уральские войсковые ведомости, 1869. № 28; 1870. № 14, 39; 1872. № 5.
4. *Потанин Г.Н.* Воспоминания //Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 147—148, 317.

5. Уральские войсковые ведомости, 1890. № 15; 1911. № 34.
6. Вестник казачьих войск, 1903. № 10; История казачества Урала. Оренбург—Челябинск, 1992. С. 177.
7. История казачества Урала... С. 177; *Галушко Ю.* Казачьи войска России. М., 1993. С. 182; Областное обозрение и Вестник казачьих войск, 1904. № 49.
8. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско... Т. 1. С. 223.
9. *Масянов Л.* Гибель Уральского казачьего войска. // Казачий круг. М., 1991. № 1. С. 9.
10. *Севастьянов С.Н.* Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819—1895 гг. (Краткий исторический очерк). Оренбург, 1896. С. 32—33.
11. *Севастьянов С.Н.* Школьное образование... С. 32—33; *Абрамовский А.П.* Становление и развитие народного образования в Оренбургском казачьем войске (1819—1900 гг.) //Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 47—50.
12. *Абрамовский А.П.* Становление и развитие... С. 50—51, 58—59.
13. Там же. С. 40, 52, 53.
14. Там же. С. 53—55, 58; Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 25.
15. *Абрамовский А.П.* Становление и развитие... С. 59.
16. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Оренбург, 1909. С. 63.
17. *Галушко Ю.* Казачьи войска... С. 175—176, 180—182; *Семенов В.* Второй Оренбургский кадетский корпус //Оренбургский казачий вестник, 1993. № 23; *Семенов В.Г., Косянов В.И.* Оренбургское казачье училище //Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Челябинск, 1993. С. 135—137.
18. *Гехт И.А.* Высшие начальные училища Оренбургского казачьего войска в 1900-1920 гг. //Иван Иванович Неплюев... С. 99—101; *Абрамовский А.П.* Верхнеуральская школа казачьих учителей //Там же. С. 101—103.
19. История казачества Урала... С. 176—177; История Урала в период капитализма. М., 1900. С. 379; *Андреева Т.А.* Культурный облик Екатеринбурга начала XX века //Иван Иванович Неплюев... С. 97—98.
20. *Вутын О.П., Топчий А.Т.* Войсковые учебные заведения сибирского казачества (по материалам Г.Е.Катанаева) //Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 104—107; ГАОмО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 291 г. Л. 2, 9.

21. *Вутын О.П., Топчий А.Т.* Войсковые учебные заведения... С. 105, 108; *Зверев В.А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 66, 69.
22. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 368—372; *Вутын О.П., Топчий А.Т.* Войсковые учебные заведения... С. 108—109; *Галушко Ю.* Казачьи войска... С. 178, 182; ГАОмО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 291 г. Л. 1; Д. 358. Л. 1—83.
23. *Галушко Ю.* Казачьи войска... С. 175—176.
24. Там же. С. 176, 178—179, 182.
25. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1. С. 218.
26. ПСЗ. СПб.,1862. Т. 35. Отд. 1. С. 689; ЦГА РФ ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 117. Л. 2.; Ф. 149. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об., 15; Д. 36. Л. 14; Д. 75. Л. 14 об.
27. РГВИА. Ф. 400. Оп. 25/1. Д. 617. Л. 2, 17; ЦГА РФ ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 17. Л. 3 об., 4, 7; Ф. 149. Оп. 1. Д. 36. Л. 14; Д. 75. Л. 14 об.—15; Очерки начального образования в Амурской области. Благовещенск, 1910. С. 11, 18.
28. Очерки начального образования... С. 16; *Маргаритов В.П.* Общий очерк состояния учебной части в Приамурском крае //Приамурские ведомости, 1895. № 73; *Иванов Р.* Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 133; РГВИА. Ф. 400. Оп. 7. Д. 117. Л. 9; Оп. 25/1. Д. 9923. Л. 7—9; Д. 9940. Л. 7 об.; Оп. 26/6. Д. 1830. Л. 2, 9; Ф. 1573. Оп. 2. Д. 465. Л. 7; ЦГА РФ ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 117. Л. 4.
29. *Маргаритов В.П.* Общий очерк...; РГВИА. Ф. 1573. Оп. 2. Д. 459. Л. 1.
30. РГВИА. Ф. 1573. Оп. 2. Д. 711. Л. 10; Д. 717. Л. 70; ЦГА РФ ДВ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.
31. *Афанасьев В.Ф.* Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. С. 119.
32. ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 87. Л. 2—4; ЦГА Якутии. Ф. 401. Оп. 1. Д. 295. Л. 50.
33. *Кондаков С.* Пятнадцать лет назад (из жизни якутских казаков) //Якутская окраина, 1913. 29 января — 7 марта; *Он же.* О казачьем полку //Якутская окраина, 1913. 7 марта; ЦГА Якутии. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1. Л. 49, 51, 56, 87.
34. *Иванов Р.* Краткая история... С. 70, 176; Приамурские ведомости, 1900. № 344. 30 июля; *Волков Л.П.* На Амуре. Благовещенск, 1895.
35. Урал литературный. Челябинск, 1988. С. 86; Казачий словарь-справочник. Кливленд—Охайо, 1966. С. 158.
36. *Щербанов Н.М.* Фольклорно-этнографическая тематика в "Уральских войсковых ведомостях" //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX. С. 48—60.
37. *Чесноков Н.* Уральску 350 лет. Алма-Ата, 1963. С. 46—47.

38. *Оборкин А.И.* История оренбургского казачества в трудах войсковых офицеров (60-е гг. XIX — начало XX вв.) //Казаки Урала и Сибири в XVII — XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 123-128..
39. *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.) Красноярск, 1973. С. 293—296; *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879; *Лебедева А.А.* Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX — начало XX вв.) //Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX вв. М., 1979. С. 232—236.
40. ЦГА Якутии. Ф. 343. Оп. 1. Д. 604. Л. 1; Ф. 490. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

3. Казачий фольклор

1. *Костомаров Н.И.* Собр. соч. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 8. Т. 21. С. 429.
2. Цит. по: *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 215.
3. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Т. 3. С. 36.
4. *Железнов И.И.* Указ. соч.; *Мякутин А.И.* Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т. 1: Песни исторические: Сборник уральских казачьих песен. Собр. Н.Г.Мякушин. СПб., 1890; Исторические песни XVIII века. Л., 1971; Исторические песни XIX века. Л., 1973; Фольклор казаков Сибири. Улан-Удэ, 1969.
5. *Рябинин А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1. С. 383.
6. *Максимов С.В.* На Востоке. Поездка на Амур в 1860—1861 гг. СПб., 1864. С. 176; *Пржевальский Н.* Уссурийский край. Новая территория России //Вестник Европы. СПб., 1870. Т. 3. № 5. С. 246.
7. Сборник уральских казачьих... С. IV, VII.
8. *Стариков Ф.М.* Очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков. Оренбург, 1890. С. 149.
9. *Юдин М.Л.* Оренбуржцы в войнах 1812—1814 годов. Ташкент, 1912. С. 41, 42.
10. *Элиасов Л.Е.* Фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973. Ч. 3: Локальные песни. С. 15—17.
11. "Индрик-зверь" — в русских легендах "всем зверям отец". Индрик — искаженное название единорога (варианты "инорог", "инрок"). См.: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 213.
12. *Железнов И.И.* Указ. соч. С. 1—6; Сборник уральских казачьих... С. 1—10.

13. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1983. С. 45; *Разин Е.А.* История военного искусства. Омега-Полигон, 1994. Т. 2. С. 362—365.
14. *Мякутин А.И.* Песни оренбургских казаков... С. 1—3.
15. *Железнов И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 267—273; Сборник уральских казачьих... С. 21—38.
16. Сборник уральских казачьих... С. 53—57; *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. Т. 1. Яицкое войско (1550—1724). С. 90—93, 128, 134—135; *Коротин Е.* Фольклор яицких казаков. Песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата, 1981. С. 16—17, 46, 233—234.
17. *Соколова В.К.* Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева //Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. М., 1953. С. 23.
18. *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 224—225.
19. *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 296.
20. *Железнов И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 36—37; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 15—17, 18—19.
21. *Соколова В.К.* Указ. соч. С. 37—40.
22. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 13—14; Сборник уральских казачьих... С. 40; *Железнов И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 58—61; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 297—299.
23. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 23—25.
24. *Железнов И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 7—34.
25. Там же. С. 122.
26. Там же. С. 76—84; Сборник уральских казачьих... С. 60—61; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 32, 42—43; Исторические песни XVIII века... С. 105.
27. *Железнов И.И.* Указ. соч. С. 12—19, 77; Сборник уральских казачьих... С. 63—65; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 30—31, 35—36, 37—39; Исторические песни XVIII века... С. 85—89, 96, 120, 150—151; Фольклор казаков Сибири... С. 26.
28. *Казин В.Х.* Казачьи войска. Хроника. М., 1992. С. 407—408.
29. Исторические песни XVIII века... С. 73.
30. Там же. С. 170, 212—213, 215—216, 220—221, 224—225, 228; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 50—53, 54; Сборник уральских казачьих... С. 49—50, 69—70; Фольклор казаков Сибири... С. 27—28.
31. *Мыльников А.С.* Петр III: ропшинская трагедия в свете новых данных //Уральский исторический вестник, 1995. № 3. С. 52—57.
32. *Железнов И.И.* Указ. соч. С. 133—166.

33. Исторические песни XVIII века... С. 243—244, 252—253, 257, 267; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 54—55; Фольклор казаков Сибири... С. 25—26, 31, 35—36.
34. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 66.
35. Там же. С. 75—76; Исторические песни XIX века... С. 45—46, 48, 51, 81—82, 86, 87—88, 91, 103, 107; Фольклор казаков Сибири... С. 29—31, 31—32; *Юдин М.Л.* Указ. соч. С. 39—40.
36. Исторические песни XIX века... С. 123, 128; Фольклор казаков Сибири... С. 23.
37. Исторические песни XIX века... С. 175, 180, 184—185; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 129; *Стариков Ф.М.* Указ. соч. С. 151—152, 160.
38. *Адрианова-Перетц В.П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 82—83; *Буслаев Ф.* О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 96—97.
39. Фольклор казаков Сибири... С. 33—35; Исторические песни XIX века... С. 197—198, 200—201; *Стариков Ф.М.* Указ. соч. С. 156; Сборник уральских казачьих... С. 81—89; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 133; *Железнов И.И.* Указ. соч. С. 82—123.
40. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 148—151, 158—159; Сборник уральских казачьих... С. 89—90; Исторические песни XIX века... С. 202—204.
41. Сборник уральских казачьих... С. 136—138; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 240—242.
42. Сборник уральских казачьих... С. 120—124; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 143—144.
43. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 154.
44. Там же. С. 177—185.
45. Песня об Иджарском бое сообщает о событии, которое послужило прелюдией к сражению. 15 апреля русский авангард под началом Д.И.Романовского, военного губернатора Туркестанской области разбил отряд бухарской конницы и отбил 14 тыс. баранов. Эмир решил отомстить за это досадное поражение: "Всех побить, как тараканов, // Из нас плову наварить". Навстречу бухарцам выступил отряд в 3 тыс. бойцов под командованием того же Романовского. В песне ему дается в высшей степени хвалебная характеристика — "он из лучших удальцов"; "командир наш Романовский (хоть 40 тыс. бухары)". Передвижение осуществлялось на баркасе "Перовский" по Сыр-Дарье. Песня подробно описывает ход сражения: "На правом фланге шел у нас // Подполковник Пистолькорс. // Окружил нас злобно // Басурман пес; // Залпом начали стрелять // (Зря снаряды истреблять) // В поле дураки. // Как ракетна(я) батарея // (И она с нами была), // Нетерпеньем пламенея, // Она жару задала; // Без замка она стреляет, // много страха

нагоняет, // Шумит что есть сил. // На нас очень налетали // И кололи во всех стран, // На всем скаку они стреляли, // Был пустой весь ураган. // Зато наши казаки // Им посмазали башки: // Метят прямо в лоб!"

46. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 187—189, 191—196, 200; *Стариков Ф.М.* Указ. соч. С. 155—156.
47. Сборник уральских казачьих... С. 97—99.
48. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 161—163.
49. Там же. С. 204—205, 207—209, 235—237, 245; *Стариков Ф.М.* Указ. соч. С. 162—163; Сборник уральских казачьих... С. 101—102, 138—142.
50. *Хагондоков К.Н.* Уральцы на охране Китайско-Восточной железной дороги //Казачий круг, Альманах. М., 1991. Ч. 1. С. 16; *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 254, 264—266; Фольклор казаков Сибири... С. 41—43, 295; *Элиасов Л.Е.* Указ. соч. С. 409; Приамурские ведомости, № 363. 10.12.1900; *Коротин Е.* Указ. соч. С. 59—60.

В 1898 г. было решено построить Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) и сформировать ее Охранную стражу в составе 15 казачьих сотен, в том числе одной уральской и четырех оренбургских. Сотни по суше добирались с места формирования до Одессы, а затем на пароходах отправлялись во Владивосток и до Харбина. Плывшие на новые места службы казаки сочинили новые песни. Уральцы пели (на мотив «Взвейтесь, соколы, орлами»): «На французском пароходе // Держим мы далекий путь, // Чтоб в Манчжурье, на свободе, // Свою удаль развернуть. // Порт-Артур не прозевали, // Нам там быть давно пора, // Чтоб оттуда услыхали // Наше русское «Ура!» // Мало нас, зато мы сила // И отвагою полны, // Не страшит нас и могила, — // Мы казачества сыны!». В песне оренбуржцев нашла отражение мысль о высоком государственном значении миссии охранной стражи: «Когда к морю мы проложим // Из России сердца путь, // Русь тогда уж смело может // От волненья отдохнуть».

51. *Элиасов Л.Е.* Указ. соч. С. 118
52. Там же. С. 114.
53. *Азадовский М.К.* Песнь о переселении на Амур // Сибирский архив. Минусинск, 1916. №3—4. С. 162—170.
54. Сборник уральских казачьих... С. 72—73.
55. *Рябинин А.* Ук. соч. С. 383.
56. Исторические песни XVIII века... С. 271.
57. ГАСО. Ф. р-2266. Оп. 1. Д. 126. Л. 33.
58. Там же. Л. 58.
59. Там же. Л. 65.
60. Исторические песни XIX века... С. 38—43; *Железнов И.И.* Ук. соч. С. 88—89.

61. *Мякутин А.И.* Указ. соч. С. 105—106.
62. Исторические песни XIX века... С. 43—44.

ГЛАВА VI. Участие казаков в первой мировой войне

1. Начало войны. Казаки в кампании 1914 г.

1. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 90.
2. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
3. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1914 год. Петроград, 1915. С. 29—30.
4. История казачества Урала... С. 185.
5. *Белой А.* Галицийская битва. М., 1929. С. 364.
6. РГВИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 46. Л. 1—2.
7. РГВИА. Ф. 3532. Оп. 1. Д. 25. Л. 127—128.
8. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.
9. РГВИА. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 2. Л. 192—193.
10. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63. Л. 26—32.

2. Великое отступление

1. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63. Л. 98.
2. Там же. Л. 13.
3. ГАОрО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 246. Л. 2 об.
4. История казачества Урала... С. 188.
5. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
6. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 20.
7. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 99; Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. С. 820.
8. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

3. Казачьи войска в 1916 — начале 1917 гг.

1. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 65. Л. 33.
2. РГВИА. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 24. Л. 35.
3. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 87. Л. 64—67.
4. РГВИА. Ф. 3532. Оп. 1. Д. 199. Л. 169—256.
5. *Корсун Н.Г.* Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны (1915—1916 гг.) М., 1938. С. 170—174.
6. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. С. 20.
7. *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917—1920 гг.) Красноярск, 1991. С. 19.
8. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; *Кирченко Ю.К.* Революция и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1988. С. 14.

9. Приказы по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам. Хабаровск, 1916. С. 41.
10. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 86. Л. 121.
11. Там же. Д. 18. Л. 40; Д. 8. Л. 131—133.
12. *Абдиров М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы, 1994. С. 61, 86—87, 112—113, 130—131; *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1917 гг.). Алма-Ата, 1966. С. 256.
13. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 39—48.
14. Там же. Л. 82—90 ф.
15. *Хвостов Н.А.* Указ. соч. С. 18.
16. *Ермолина П.* Революция и казачество. М., 1982. С. 26—27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГААО	Государственный архив Амурской области
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАНИОПДПО	Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области
ГАОО	Государственный архив Омской области
ГАОрО	Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ ДПОО	Государственный архив Российской Федерации. Департамент полиции. Охранное отделение
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАЧО	Государственный архив Челябинской области
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи (1-е собрание — с 1649 до 1825 г.; 2-е — с 1825 до 1881 г.; 3-е — с 1881 г. до конца империи)
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
ЦГАООРБ	Центральный государственный архив общественных объединений республики Башкортостан
ЦГА РФ ДВ	Центральный государственный архив Российской Федерации Дальнего Востока
ЦГА Якутии	Центральный государственный архив Якутии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Реформы 60—70-х гг. XIX в. и казачество 14

1. Казачьи войска накануне реформ 14

2. Подготовка проектов преобразований 24

3. Реформы в казачьих войсках 36

Глава II. Военная служба казаков в пореформенный период 52

1. Участие казаков в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. 52

2. Присоединение Средней Азии и образование Семиреченского казачьего войска 56

Глава III. Казачество в русско-японской войне и революции 1905—1907 гг. 70

1. Казачество востока России в русско-японской войне 70

2. Казаки и революция 1905—1907 гг. 85

Глава IV. Социально-экономическое положение казачества на рубеже XIX—XX вв. 100

1. Казачье сословие: социальная структура и место в Российском государстве 100

2. Экономическое положение казачьих войск в начале XX в. 108

3. Хозяйство и быт казаков 121

Глава V. Культура казаков 129
1. Материальная культура и обычаи 129
2. Грамотность. Казаки-литераторы и краеведы 154
3. Казачий фольклор 168
Глава VI. Участие казаков в первой мировой войне 198
1. Начало войны. Казаки в кампании 1914 г. 198
2. Великое отступление 205
3. Казачьи войска в 1916 — начале 1917 г. 210
Заключение 218
Примечания 221
Список сокращений 249

CONTENTS

Introduction 5

Chapter I. Reforms of the 60—70s and the Cossacks 14

1. Cossack troops on the eve of reforms 14

2. Reformation projects and their design 24

3. Reforms and Cossack troops. 36

Chapter II. Cossack army service in pre-reformation period 52

1. The Cossacks and the Russian-Turkish war of 1877—1878 52

2. Middle Asia annexation and the rise of Semirechensk Cossack army 56

Chapter III. The Cossacks, the Russian-Japanese war and revolution of 1905—1907 70

1. The East Russian Cossacks in the Russian-Japanese war 70

2. The Cossacks and revolution of 1905—1907 85

Chapter IV. Social and economic position of the Cossacks on the turn of the 19—20th centuries 100

1. Cossack estate: social structure and position within the Russian state 100

2. Economic condition of Cossack troops at the beginning of the 20th century 108

3. Cossack economy and everyday life 121

Chapter V. Cossack culture 129
1. Material culture and traditions 129
2. Education. The Cossacks, men of letters and regional ethnographers 154
3. Cossack folk-lore 168
Chapter VI. The Cossacks and World War I 198
1. The start of war 198
2. Great retreat 205
3. Cossack army in 1916—the early 1917 210
Conclusion 218
Footnotes 221
Abbreviations 249

Научное издание

История казачества Азиатской России

Т.2. Вторая половина XIX — начало XX века

History of the Cossacks of the Asian Russia

Vol.2. The second half of 19th century — the beginning of 20th century

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии
и НИСО УрО РАН

ЛР № 020764 от 29.03.1993 г.

Редактор *В.С.Аллаярова*

Художник *А.Б.Берестецкий*

Технический редактор *Н.Р.Рабинович*

Компьютерный набор и верстка *М.Ю.Нечаева, М.Л.Пелевина, В.Г.Железкин*

Корректоры *Е.М.Бородулина, Г.Н.Старкова*

НИСО УрО РАН № 104(95). Подписано в печать 21.12.95.
Формат 70x90/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 23,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 151.

НИСО УрО РАН. 620219. Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано с оригинал-макетов на ИПП «Уральский рабочий».
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.